

Олег Николаевич Верещагин
Песня горна

Горны Империи – 2

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег

Верещагин

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Попытка ООН расчлениить Россию завершилась глобальным ядерным конфликтом. Гибель большей части человечества, изменение климата и геологические катастрофы – вот цена безумной вражды и бездумного падения морали и культуры. Инстинкт самосохранения заставил уцелевшие страны объединиться в две основные и на этот раз большие не враждующие империи: Российскую и Англо-Саксонскую. Немалая ответственность в борьбе с уцелевшими бандами и бывшими «хозяевами жизни» легла на плечи входящего в жизнь поколения. Мальчишки и девчонки возрождают Пионерия и во имя счастливого будущего готовы на любой подвиг...

Олег Верещагин Песня горна

Посвящаю эту книгу маме, которую и в институте продолжали уважительно называть Пионеркой.

Автор

Глава 1 Два гвоздя и кирпич

Денис оглядел класс и тоскливо вздохнул. Лица одноклассников выражали сочувствие, смешанное с опасением (сейчас его посадят, а меня вызовут) и даже радостью (не я у доски). Подсказывать никто не пытался по двум причинам: первая – Франц Ильич при своём возрасте сохранил слух крота; вторая – буквально позавчера вечером предсовета отряда Д. Третьяков с пеной на губах громил подсказки и кричал, что с ними никаких знаний ни у кого не будет. Кто же виноват, что **вчера** вечером допоздна засиделись, монтируя коммутатор для внутренней связи, и перед сном Денис легкомысленно решил: тема из повторения за прошлый год, он её помнит. И помнил. Просто кто ж знал, что в русском языке таятся ещё и сложносочинённые предложения? Про сложноподчинённые Денис – да – помнил. А про эти...

Денис снова вздохнул. Подумал, что для двадцати семи человек класс всё-таки тесен и что учить девчонок вместе с мальчишками всё же неправильно, этим надо будет заняться... Ещё подумал, что в классе кроме него только четверо в пионерской форме, а ещё у восьмерых из-под новеньких, по имперским образцам (хотя и не из древопластика, а просто из дерева) сделанных парт торчат босые ноги. Ещё подумал, что на улице душно, но всё равно надо открыть окно.

Короче, много о чём подумал, только не о сложнопод... **сложносочинённых** предложениях. Вздохнул в третий раз и начал снова:

– Сложносочинённое предложение – это такое предложение... – после чего заглох. Олег показал сбоку от парты листок с надписями. Денис сердито отвернулся.

– Какое? – с интересом спросил Франц Ильич. – Я жду с нетерпением.

Денис покосился на него ещё более сердито, чем на Олега. Франц Ильич знал и преподавал русский язык и литературу великолепно. Но если на уроках литературы оставалось только сидеть с открытым ртом, а излагаемая смесь фактов, дат, приключений, поисков, великолепных строк, открытий, схваток, странствий и озарений как бы сама впитывалась в память – то на русском царили свирепый диктат и зубрёжка. Такого Денис не помнил даже по петроградской школе. Класс не выбирался из троек, получивший четвёрку

сиял, как начищенная медная табличка над школьным парадным. На пятёрку, по мнению Франца Ильича, язык знал только он сам.

Но сейчас Денису грозила не тройка, а полновесный – как тут говорили – «гусь». Ссылки на общественную деятельность – на это иногда поддавались другие учителя – Франц Ильич не принимал, парируя их, в общем-то, здравыми соображениями, что люди безграмотные любой общественной деятельности нанесут только вред. В самом начале года (не так уж давно) Петька Минаев, получив третьего «гуся», ударился в амбицию и стал доказывать, что все эти правила никому не нужны. За день до этого Петька прочёл книгу из библиотеки, которая поразила его своей простотой и логичностью – там излагалась теория, что неграмотное написание слов вовсе не препятствует усвоению и чтению, а значит, в принципе, всё равно, писать «телескоп» или «тилископ». Франц Ильич покивал и на следующий день... поставил всему классу прогул. За дело. Перед этим вечером он зашёл к Минаевым и передал для Петьки записку, в которой просил его с утра проводить класс на «выходной» урок к «Оптике». Естественно, Петька, зная не знавший о существовании в посёлке маленького магазинчика «Оптика», прочитал записку «лётком», как он сам признался, по вычитанной методике, после чего отвёл одноклассников туда, куда показалось логичным – к центральной АПТЕКЕ. Там они и ждали учителя ровно час... На возмущённые вопли Франц Ильич с чисто немецким хладнокровием пояснил, что в записке ясно, чётко, коротко и чёрным по белому написано, куда надо было идти. Остальное вина не его, а новаторов... Крыть было нечем.

Практически разгромив юного оппонента, учитель вырвал из программы ещё один урок и прочёл ребятам лекцию о том, что усложнение языка – процесс **неизбежный** в русле общего человеческого развития. Упрощение же свидетельствует о том, что в обществе – моральный регресс. И что русским языком нужно гордиться хотя бы уже потому, что он действительно сложен и именно поэтому красив. Привёл он и пример того, как «Лига Инклингов» в Англо-Саксонской Империи старательно и настойчиво обогащает достаточно бедный английский язык – новыми словами и даже новыми звуками, причём при полной поддержке лично Императора... Денис вообще-то был согласен с учителем, из истории он хорошо знал, что одной из бед прежней цивилизации было оскудение устной речи и связанное с этим элементарное отупение масс, дураками или проплаченными подонками выдававшееся за «неизбежный процесс в ходе усиливающейся специализации».

Но что такое «сложносочинённое предложение» – всё-таки не вспоминалось.

– Сложносочинённое предложение, – как будто отвечая на мысли томящегося возле доски ученика, начал Франц Ильич, – это такое предложение, в котором простые предложения могут быть равноправными по смыслу и связываются сочинительными союзами. Например: «Третьяков не приготовил домашнее задание, и учитель вынужден был отвечать сам», – любезно привёл пример Шёнк. – Садитесь, Третьяков... Поскольку формулировку дал всё-таки я, попрошу присутствующих в тетрадах – не открывая учебников – придумать и записать по три сложносочинённых предложения. – Он подошёл к окну и открыл его. – После чего мы продолжим работу.

Денис угрюмо выставил в дневнике двойку и передал его Шёнку, который расписался и вернул дневник владельцу. Денис его тут же закрыл и заставил себя открыть тетрадь. Из окна полился тёплый, влажный, но всё-таки ветерок, послышался шум. Кое-кто клюнул в сторону окна и свободы носом, но Олег кашлянул, и отвлекаться перестали все...

...Новая школа оказалась заполненной до предела, как банка консервов – балтийской килькой. Неизвестно, что так повлияло на отношение к учёбе у взрослых – верней всего, до большинства дошло, что в мире, который собираются строить имперцы, грамотным быть не просто престижно, это необходимо. В новую школу перебрались даже несколько учеников из городской школы. Правда, очень немного, городская школа оставалась оплотом «Энергии» и как бы бастионом учебной оппозиции. Но казавшееся здоровенным здание бывшего клуба как бы съёжилось, и стало ясно, что летом придётся делать пристройки. Полянцев уже получил на это деньги из столицы, и вообще финансирование пошло довольно щедрое – да

вдобавок ещё сработали временные боны, запущенные в обиход Валерией Вадимовной. Люди, дабы не прогореть на них, старались как можно больше успеть купить и построить до конца года; многие на эти боны открывали свои мелкие дела, как Чакин, и из-за этого неожиданно резко подешевели продукты, а качество их выросло. Франц Ильич тут же – конечно, за «официальные» деньги – на заказывал кучу всякого разного даже из Империи, да и пионерскому отряду перепали определённые суммы. Удалось найти и учителей, а математик Русанов, тёзка Дениса, Денис Михайлович, приехал из Империи. Он был не «витязь», а просто провинциальный секретарь по министерству образования, который после выбора профессии и стажировки в Минске сам попросился сюда. Зато настоящим «витязем» оказался новый государственный контролёр, заменивший на этом посту убитого Есипова, – Виктор Данилович Макарычев. Кстати, именно он привёз известие о том, что чета Безгиных благополучно повешена в Верном... Он же как-то, за столом у Третьяковых, показал пачку листов. Это оказались странные заявления: по инициативе представителя «ЗаготМясо» Лобанова, «шефа» Олега, люди стали вступать в созданный Тимофеем Ильичом кооператив «Дружба», в котором господствовало то, что отец Дениса задумчиво назвал «экономика дарения». Вошедшие в него люди оказывали друг другу услуги, как бы обмениваясь ими. Присутствовавший при том разговоре Балаганов, последнее время подчёркнуто державшийся проимперски и даже своего семилетнего сына отдавший в новую школу (смотреть на всё это было смешно и немного противно, но газета его начала так или иначе делать полезное дело), заметил, что если два нищих сложатся, то богаче они не станут. Но вскоре выяснилось, что затея Лобанова стала приносить реальную пользу – «экономика дарения» позволяла как-то незаметно сделать много дел, на которые человек в одиночку просто не был способен. Нищие заставляли отступать нищету, и Балаганов разразился передовицей «Дарите людям души!». Денис тогда поинтересовался, не собирается ли отец наконец арестовать этого угря. Отец заметил, что это вообще не его функция, а Макарычев, которому Денис задал тот же вопрос при новой встрече, ответил: незачем, да и не за что, пусть работает. Денис не согласился, но промолчал.

Что беспокоило Дениса – так это нулевой рост пионерского отряда. Много народу приходило на сборы, почти все – записались в разные кружки и секции, которые тоже довольно щедро финансировались, и уже смешно было вспоминать карманные деньги Третьякова-младшего. Немало народу охотно работало в мастерских – сапожной, швейной, токарной, небольшом консервном цехе. Но записываться в пионеры никто не спешил. Хотя внимание – неослабное и пристальное – Денис ощущал каждую секунду. Казалось, ребят и девчонок что-то удерживает. Что – Денис понять откровенно не мог и временами злился, а то и приходил в отчаянье: ну что ж такое?! Местные ребята-пионеры тоже ничего не могли объяснить, и Денис вынужден был довольствоваться тем, что уже вступившие в отряд стали совершенно неиссякаемыми источниками энтузиазма. Честное слово, они были похожи на разбуженных после долгого неестественного сна!.. А уж вернувшийся с лечения Генка вообще изменился неузнаваемо – в лучшую сторону, конечно. Он был похож на имперского мальчишку, и Денис временами гадал, что уж такое ему там устроил Санька, что показал? Или ничего такого особенного, просто кусочек другой жизни?.. Кто знает – а сам Генка не спешил распространяться. Да и, похоже, просто не мог выразить ощущения словами.

Временами, надо сказать, Денис форменным образом пугался этой общей жадности до нового и думал, что наступит – и уже не так уж чтобы нескоро – момент, когда он больше ничего не сможет им дать. В такие минуты он остро ощущал, что сам очень и очень мало знает и умеет. Да, легко быть пионером, когда вокруг много взрослых, которые готовы помочь. А если большинство взрослых просто-напросто не понимают, какая помощь тебе нужна?!

...Прозвеневший звонок заставил Дениса отвлечься от совершенно посторонних мыслей. Остатки объяснений Франца Ильича он прохлопал начисто и на себя разозлился до такой степени, что ускользнул от неизбежного разговора с одноклассниками по чёрной лестнице и пробрался в учительскую.

Тут было пусто. Почти. Большинство учителей предпочитали проводить перемены в классах, так как со звонком практически каждого облепляла плотная куча ребят и девчонок, сыпавших вопросы, как зерно из широко развязанного мешка – неостановимым потоком. Денис в таких случаях всегда вспоминал, что однажды сказал кто-то из учителей в Петрограде (Денис подслушал случайно): «Самая большая радость в нашей профессии – это когда тебе на перемене задают вопросы!»

Но сейчас он не был настроен на воспоминания.

– А всё-таки это непедагогично, – сказал Денис сердито, усаживаясь на стул верхом. Франц Ильич, восседавший на законном директорском месте, с интересом оторвался от заполнения журнала.

– Что именно? – поинтересовался он с искренним любопытством. Денис хмуро посмотрел на директора:

– Могли бы поиметь ко мне снисхождение как к коллеге. Я им всё-таки историю преподаю, – солидно произнёс он это слово, – и астрономию. А вы мне бац – и пару.

– Пару? – пошевелил бровями Франц Ильич. – Помнится, я поставил вам, Третьяков, всего одну оценку. Хотя, если учесть, что до конца урока вы меня так и не начали слушать, возможно, вы действительно заслуживаете пару.

– «Гуся»! – поправился Денис в соответствии с местными порядками. – И какой у меня после этого будет учительский авторитет?!

– Интересная позиция, – серьёзно ответил Франц Ильич – Но, в свою очередь, хочу поинтересоваться у вас, коллега, – какой может быть учительский авторитет, если учитель не разбирается в сложносочинённых предложениях?

– Я разбираюсь... – начал Денис, но Франц Ильич довольно-таки беспощадно прервал его:

– На двойку. Что и получили, коллега. А вообще – если уж приехали из Империи, – неожиданно жёстко продолжил он, – то извольте быть примером во всём. Да-да, во всём, сколько бы сил это ни отнимало и какое бы время ни пришлось на это потратить. Да, именно так! – словно черту, подвёл он, причём уже без малейшей иронии.

На этот раз Денис промолчал, потупившись. Щёки у него полыхали. Глупый щенок, припёрся с претензиями, смысл которых: **я особый, мне масла в зад на сто рублёв и смотрите – сливочного !** Уф, как стыдно, мало щёки полыхают, сейчас бы в наказание голым задом в крапиву...

– Разрешите идти? – еле слышно прошелестел мальчишка, вставая.

– Да нет уж, постойте, коллега, – Франц Ильич придвинул к себе какие-то бумаги. – За вами ещё рабочий план по предмету. Я, как помните, был на вашем уроке, – он называл Дениса на «вы» уже без насмешки, – и должен сказать, что материал вы излагаете с огоньком и на хорошем профессиональном уровне. Но вот планов ваших я пока не видел.

– Франц Ильич, – сердито произнёс Денис, тут же забыв своё смущение, – объясните мне, пожалуйста, зачем вам вообще написанные на бумаге планы? У меня есть заметки, которые помогают мне вести уроки. Это я понимаю. Но учителя ведь кучу времени... простите, много времени тратят на то, чтобы подробно расписать: скажу то-то, спрошу то-то, тема такая-то. Да ещё и записать «согласно стандартам». По-моему, лучше всего оформленные планы – у самых малопригодных педагогов, вот! – закончил Денис почти яростно.

Франц Ильич поджал губы. Но потом неожиданно рассмеялся:

– А знаете, примерно то же самое говорил мне позавчера на педсовете коллега Русанов. Если вас я ещё мог бы заподозрить в элементарном желании увильнуть от рутинной работы, – Денис оскорблённо выпрямился, – то его – нет. Хм. Хм, хм. Интересно. Неужели в Империи учителя не пишут подробных планов?

– Я не знаю, – честно признался Денис. – Но думаю, что нет. Мне трудно представить себе своих учителей из петроградской школы, которые тратят время, чернила и бумагу на такую ерунду.

Прозвенел звонок, и Денис, извинившись, подхватил папку, журнал – и вышел из учительской.

Франц Ильич остался сидеть за столом, тщательно вытирая кусочком промокашки перо – снова и снова...

...Новой темой на истории была «Роль инородческих сообществ в геноциде русского народа перед Третей мировой войной». Денис, как всегда, увлёкся, увлёт класс и только к звонку опомнился и довольно подумал, что, кажется выкрутился... но не успел он подхватиться и выскочить из класса, как его обступили Олег, Пашка Бойцов, Танька Васюнина и Мишка Гуляев.

– Чего? – малодушно спросил Денис, делая робкую попытку прорваться к двери. Ему молча загородили дорогу. – Ну ребята! – взмолился он. – Вчера же коммутатор монтировали!

– Ты один? – спросила Танька, ехидно щурясь и водя по щеке кончиком рыжей косы. Денис испытал сильнейшее желание эту косу ей оборвать. Но вместо этого проямил:

– Чего один?

– Монтировал ты один? – уточнила Танька.

– Ну не один...

– И «гуся» тоже получил не ты один?

– Васюня! – взвыл Денис. – Ну, я не виноват, что меня спросили!!!

– Петька с тобой монтировал, – сказал Пашка со смешком, сложив руки на груди и прислонившись спиной к стене. На нём вместо пионерских шортов были бриджи для верховой езды – правда, «уставного» цвета, и вольность ему прощали, учитывая, что он каждый день мотался верхами на перевал и обратно. – А потом сидел до утра и зубрил, между прочим. Так что, если бы его спросили, он бы ответил.

– Попробуй ему только связиста зарезать, – добавил Мишка. Денис огрызнулся:

– Если всё правильно на аксель ответит, чего я буду резать?!¹ Ну всё! Больше не повторится! – И, поскольку его по-прежнему не выпускали, добавил: – Извините, а?

– Вот! – Олег, до сих пор молчавший, просиял и стукнул Дениса кулаком в плечо. Денис закрылся и ответил кулаком в грудь. Танька вклинилась между ними:

– Ничья... Ну что, урок последний, в отряд?

– Я сперва забегу по делам кое-куда, – опомнился Денис. – Недолго, час максимум. И буду.

– У нас День Солнца на носу, – напомнил Олег. Денис повторил:

– Я недолго...

...За школьной оградой – там, где когда-то щиты для объявлений украшали ироничные надписи и грязные разводы, а теперь справа на фоне пионерской эмблемы было написано «ПИОНЕРОТЯД им. Радия Погодина», а слева всех извещали, что тут располагается «Народная школа №1 рабочего посёлка Седьмой Горный», – маячили несколько пацанов со скучными и злыми физиономиями. Мимо них гордо прошествовали несколько младшеклассников – даже не посмотрев в их сторону. Один из «маячивших» дёрнулся было вслед, но увидел Дениса, сбегавшего с крыльца, и сделал вид, что смотрит на часы. Последний из уходивших младших – босиком, лохматый, но с новеньким ранцем под военный рюкзак имперца и с чисто вымытой физиономией – как раз обернулся и ехидно, громко, оглушительно звонко пропел:

– Зырит весь двор,
Как наш Егор
Школьный забор
Жопой подпёр!

¹ Имеется в виду, что Петька собирается сдавать испытания на присвоение квалификации пионера-связиста с получением аксельбанта.

Дырку на жопе о доски протёр –
Вот и стоит Егор!

– Ах ты!.. – снова рванулся мальчишка, побурев как варёная свёкла, Но Денис, как раз оказавшись рядом, поинтересовался:

– Как там Пинаев-младший себя чувствует? Давно не виделись...

– Нормально... – пробормотал Егор. Остальные стушевались окончательно, и Денис вдруг поймал в нескольких взглядах не ненависть, не опаску, а интерес. – Слуш, имперец, ты скажи своей малышне, чтобы не лаялись, вообще уже...

– А вы сюда как, по делу – или что? – улыбнулся Денис. – Или нравится, когда на вас лаютя?

– Ты это... – начал было Егор снова, но Денис, посерьёзнев, его прервал:

– Вы эту малышню ещё год назад пинками из парка гнали и с пляжа с ближнего, и вообще долбали походя, где ни увидите. Было? – Он обвёл мальчишек внимательным холодным взглядом и подытожил беспощадно: – Было! И издевались, и копейки вытрясали, ничтожества крохобористые! И «чу шками» назвали, было?! – и снова отрезал: – Было! Ну так вот, хотите – стойте и слушайте, и попробуйте только хоть одного... – Денис показал кончик мизинца. – Хоть вот так... Костей не соберёте. А лучше, – он резко махнул рукой, – просто валите отсюда, и правда, забор не обтирайте, не вы красили!

– Силу... почуяли?.. – с трудом выдавил Егор, бледнея. – Силу, да? Ваше время, да? Ну ничего. Ничего... – Он повернулся и почти побежал прочь. Следом за ним – кто медленней, кто быстрее, кто бросив на Дениса злой взгляд, а кто наоборот – не глядя – потянулись остальные. Денис очень хотел плюнуть им вслед. Но сдержался. Поискал взглядом того мальчишку, но малышовая стайка уже умотала в неизвестность, и след простыл. Вспомнился Володька – надо будет...

– Денис, ты куда?! – из распахнутого окна штаба по пояс вывесился улыбающийся Генка. Отчаянно заломленный берет еле держался на затылке.

– Приду скоро! – отозвался Денис, махнул рукой и зашагал по улице.

До чего здорово было идти в форме! Мальчишка шагал широко, развернув плечи – так, как привык ходить всегда, – и больше не было нужды прятать галстук. Денис всерьёз опасался, как бы тот не обиделся на него за первые дни в посёлке, когда галстуку пришлось висеть на стуле, а Денису – носить обычную одежду. Теперь такой галстук в посёлке не один. А будет... Денис чуть подбил шаг... да, будет ещё больше!

Тут ему вдобавок вспомнилось, куда именно и зачем именно он шагает, – настроение совсем подскочило, Денис ускорил шаг и стал сквозь зубы насвистывать о том, что «мы построим лестницу до звёзд, мы пройдем сквозь чёрные циклоны – от смоленских солнечных берёз до туманных топей Оберона!» Правда, поэт прошлых времён ошибся – на Обероне нет топей². Зато есть потрясающе красивые ледяные пещеры с озёрами и реками, в которых что ни год – открывают новый вид рыбы или моллюска. Есть построенный из пайкрита³ в самой большой пещере город англосаксов, которые первыми высадились на эту планету, – город Айс Холл...

«Когда-нибудь я увижу Оберон, – подумал Денис. – Обязательно. И остальные спутники Урана. И не только Урана! И тот ехидный мальчишка, который бережёт обувь на более холодное время – увидит всё это тоже...»

...Начальник полиции был хмур, причём весьма. В коридоре, идя к его кабинету, Денис столкнулся с Семской – врач-контролёр приветливо улыбнулась, кивнула – и Денис понял:

² Имеется в виду: ОБЕРОН, спутник Урана. Расстояние от Урана 580,8 тыс. км, период обращения 13 сут 12 ч, диаметр ок. 1600 км (т. е. размером почти с Луну).

³ Сверхпрочный искусственный лёд с особыми физическими свойствами.

что-то произошло.

Он не ошибся.

– Благими намерениями, – приветствовал его Кенесары Ержанович. Денис слегка растерялся:

– Извините... не понял?

– Благими намерениями вымощена дорога в ад, – расшифровал Кенесбаев. – Помнишь, твоя мама после наводнения заняла под жильё для пострадавших резервный фонд «Энергии»? – Денис кивнул. – Ну так там вспышка холеры. Квартал на карантине.

– Чего?! – ошалел Денис. Кенесбаев прошёлся по кабинету, смешно переваливаясь на своих кривоватых ногах.

– Того, – сердито проронил он. – Я ведь предупреждал. Я ж говорил Валерии Вадимовне: эти люди хлопот не стоят, их сначала надо научить подтираться не паль... кхм, прости.

– Н... ничего, – Денис продолжал хлопать глазами. – Откуда холера, я не пойму?!

– Оттуда! – гаркнул Кенесбаев и уже не прошёлся – пробежался по кабинету. – Оттуда, что срут, где пьют, и спят, где срут! Оттуда, что канализационные стоки всякой хер... ерундой позабивало, кет на кутак!.. Чего пришёл?!

– Ну как бы... – Денис опять растерялся. Кенесбаев хлопнул себя по лбу:

– А чёрт! С этим со всем... Пошли, пошли.

Звения ключами, он вышел из кабинета первым, выпустил Дениса, запер дверь. Вдвоём они двинулись по коридору. Денис неожиданно сказал:

– Холера... Не сезон вроде бы. Да и вообще – при чём тут канализационные стоки? Холеру вызывает вибрион, который от живого носителя передаётся.

– Это ты сейчас о чём? – насторожился Кенесбаев. Денис пояснил:

– Кто-то просто распространил заразу. Семская что тут делала?

– Предлагала услуги в борьбе с эпидемией, – ответил Кенесбаев. – Я ей ответил, что надо не услуги предлагать, а идти на место и делать дело. Тем более что болеют их рабочие, но эпидемии как раз пока нет. Она ответила очень мило, что не компания переселила их из естественно-привычных условий в бытовые излишества. И пошла делать дело...

– Одной рукой травим, другой лечим! – зло фыркнул Денис. Начальник полиции вздохнул:

– Ты всерьёз?

Денис зло не ответил. Но потом буркнул:

– Вообще, они и впрямь там свинарник развели, дурачье. А на замечания только бормочут разное... Но холеры от этого не бывает, Кенесары Ержанович, это вы меня хоть режьте.

– Знаешь что? – спросил Кенесбаев. Денис удержал реплику «Знаю, а что?» и изобразил внимание. – Я иногда думаю: ну как же было тихо и спокойно, пока вас тут не было.

– Да ну?! – оскорбился Денис. Но начальник полиции, не обращая внимания на его возмущение, продолжал:

– Тихо. Спокойно... – Он отдал честь дежурному сержанту и зазвенел ключами оружейки. – Как на кладбище. Вот, давай, заходи.

Оружейка содержалась в полном порядке, поэтому два ящика, стоявшие в её центре, как некое надгробие, сразу приковывали взгляд.

– Они? – понизил голос Денис, подходя к ящикам и закладывая руки за спину. Посмотрел на Кенесбаева. Тот кивнул, отщёлкнул замки и поднял крышку верхнего ящика.

В ящиках были ружья. «Сайги» 20-го калибра – со складными прикладами, пистолетными рукоятками и накладками из серо-зелёного зернистого пластика, с матово-чёрными металлическими деталями и десятизарядными барабанами магазинов. Восемь штук, по четыре в ящике.

Денис опустил на колено перед ящиками. Будь он щенком – он бы вывесил язык от удовольствия. Если честно – до последнего он не верил, что Кенесбаев пойдёт на

выполнение этой просьбы. И даже не стал объяснять, зачем при штабе пионеротряда оборудовали комнату без окон, с металлической двойной – цельной и решётчатой – дверью... Сказал: «На всякий случай!» – и это покатило, все были уверены, что так и надо, кому, как не Денису, знать, что должно иметься в отряде? В Петрограде оружие в пионеротрядах, правда, хранилось – чаще всего, те же самые «Сайги». Но это в Петрограде...

– Привезли... – прошептал мальчишка, сам не веря своему счастью.

– Да, как видишь... Но смотри... – Кенесары Ержанович помотал перед лицом Дениса коротким пальцем. – Это игрушки плохие. Если что... – Он не договорил, удивлённо осёкся. Денис на него смотрел не обиженно, а просто как-то... снисходительно, что ли? Как на человека, говорящего глупость. **Как взрослый – на ребёнка**. Кенесбаев кашлянул и пояснил: – Ну я не про тебя, я про наших, местных.

– А я что – не местный? – Денис поднялся, подхватывая «Сайгу». Щёлкнул прикладом, примкнул пустой магазин, сбросил предохранитель, небрежно-ловко дёрнул затвор, спустил курок, поставил оружие на предохранитель... Нагнулся. Коробки с патронами – тут же, в специальных отсеках – были маркированы пулями «блондо» и шестимиллиметровой картечью. – Я, Кенесары Ержанович, очень даже местный... – Он положил ружьё на ящик и поинтересовался: – Когда забрать можно?

– Мои привезут сами, – тут же ответил Кенесбаев и вздохнул тяжело: – М-да. Самое интересное у нас, я думаю, ещё впереди.

И не стал ничего объяснять в ответ на вопросительный взгляд Дениса.

* * *

Тренировка по СБС, проводившаяся три раза в неделю, была единственным занятием, на которое являлись все пионеры, без различия прочих интересов. Не-пионеров на неё не то что не брали, но и просто не пускали в зал, из-за чего по всему посёлку ходили будоражающие слухи: де Третьяков-младший там учит пионеров бегать по отвесной стене, проламывать головой по два кирпича сразу и одним словом обездвигивать противника. В доказательство последнего приводили победоносно тот случай, когда мать Дениса несколькими словами остановила разъярённую толпу – помните?!

Денис этих слухов не опровергал – зачем? Их любители очень удивились бы, увидев такую тренировку – пятнадцать минут общей разминки, сорок минут разучивания приёмов, двадцать минут спаррингов, пятнадцать минут заминки. Полтора часа выпаривания на майке соли – с пыхтением и безостановочного. Иных способов чего-то достичь Денис не знал и вообще не верил, что они есть в природе. Тренировать ему было трудно – младшим девять лет, старшим пятнадцать, вместе занимаются мальчишки и девчонки – но он не отчаивался и, критично оценивая свои действия, убеждался радостно: результаты есть! Мальчишка читал кое-какие статьи, в которых высказывалось опасение, что в условиях, которые сложились в местах, подобных посёлку, у человека возникают необратимые регрессивные процессы – замедленная реакция и так далее. Но Денис с удовольствием убедился, что эти процессы – а они и правда были – обратимы, достаточно улучшить питание и условия жизни человека. Ведь и негранёный алмаз – не бриллиант, а просто мутный тусклый камешек, и всё. А уж человек-то!..

От этих мыслей отвлёк Дениса победный крик – Витька Шацких поймал Аркашку Раймонда, увлёкшегося ударами, на приём и швырнул на маты, а теперь выражал свою радость самым древним и доступным способом. Аркашка вставать не спешил, лежал и задумчиво смотрел на победителя.

– Сколько раз можно говорить. – Денис сделал «разножку». – Победив в спарринге, не орите и не визжите. Вы не дикари, а русские рукопашники; надо быть выдержанными в любом случае. Противник не должен по вашей реакции понять, что его удар достиг цели. И вы не должны показывать чувства, в случае победы – это не по-мужски. Только сдержанность.

– Будешь тут сдержанным. – Витька провёл рукой под носом, хмыкнул недоверчиво. – Лихо. Тебя в морду, а ты сдержанный будешь.

– Будешь, – усмехнулся Денис. – Это важная штука – сдержанность в бою. Противник теряется в любом случае – мол, чего это он, будто каменный?.. Да, кстати! Радуйтесь все, со следующего занятия вами... то есть нами, мне тоже не вредно... займётся Денис Михайлович.

– Матерщинник?! – изумился Санька Бряндин и даже глаза выпучил. – Наш Денис Михайлович? Да ну! А он разве может?!

– У него, между прочим, КМС по СБС, – значительно произнёс Денис. Ответом было уважительное молчание, потом Милка Раух задумчиво-торжественно проронила:

– Казмэс по эсбээс, – и все дружно грохнули хохотом. Аркашка под шумок встал и отвесил Витьке пинка, после чего они сцепились в шуточной свалке уже без всяких приёмов...

...Домой Денис и Олег шли вместе. Уже темнело, они сильно задержались на бурном обсуждении мероприятий по поводу предстоящего Дня Солнца, очень устали и проголодались. Олег зевал и строил планы насчёт того, что готовит дома мама. Денис еле волокся и мечтал поспать подольше, хоть и на голодный желудок. Поэтому сам от себя не ожидал вопроса, даже почудилось в первый миг, что это ещё кто-то произносит:

– Олег, а ты на нас больше не злишься?

Он задал этот вопрос – и проснулся, испугался, что друг обидится, вопрос был тупой. Но Олег словно бы и не удивился даже...

– Не злюсь, – ответил он. – Мне бы ещё с кем-нибудь из ваших дворян, ну, из пацанов, познакомиться.

– Зачем? – удивился Денис. Олег вздохнул:

– Ты их так расписываешь, что оторопь берёт. Совершенство прямо. А куда дальше-то? – Олег сказал это и смутился, а Денис удивлённо вякнул:

– Это в каком смысле?.. – и почти завопил: – Кто совершенство-то, от которого это, дальше некуда?! Ты про меня, что ли?! Да я по ночам храплю!

Он заявил это – и осекся, тем более что и Олег смотрел изумлённо, явно готовый спросить: «А это тут при чём?!» Но вместо вопроса Олег неожиданно фыркнул... и расхохотался. А через секунду Денис, огрев друга по спине школьным рюкзаком, присоединился к этому смеху...

...Презик ждал у калитки. За короткое время он солидно вымахал, стал меньше спать и есть (относительно прежнего) и посерьёзней. Его никто не дрессировал, но у пса появилась интересная манера провожать каждого гостя от калитки и до дверей – не бежать рядом, радостно тявкая, не пытаться укунить, а именно идти рядом, глядя перед собой. Это производило немного жутковатое впечатление, особенно если Презик считал гостя неприятным (почти никогда не ошибаясь) и по временам поднимал морду, смотрел на него.

– Привет, привет... – Олег потрепал пса за уши. – А что-то Никитка к нам давно не заползал? – Он посмотрел в сторону забора.

– У отца его неприятности большие, он в «энергичных» делах по уши замазан, – нехотя ответил Денис и вздохнул. Олег присвистнул:

– Мать не пускает, что ли?

– Мать... – Денис покривился. – Она за квартал добрые пожелания кричит, такая сладенькая – на хлеб вместо варенья мажь... Нет, Олег. Он сам не приходит. Маленький он, конечно, а не дурак... – Денис остановился и пнул крыльцо досадливо. Олег, уже было поднявшийся на ступеньку, остановился, толкнул друга плечом:

– Ты чего?

– Да того, – Денис угрюмо посмотрел на него. – У врагов есть дети. Никитка ведь хороший. Добрый. Умный. А отец его – нам вредитель, а ему? Ему-то он отец... Понятно, когда и сынок такой же, как папаша – вон, Пинаевы, тут всё ясно. А здесь, как?

– Не знаю, – откровенно сказал Олег. И немного удивлённо добавил: – Чёрт, мне это и

в голову как-то не приходило.

– А должно приходить, – сердито отрезал Денис, разуваясь. – Должны мы про это думать, должны знать, что с этим делать... пока не поздно!..

...У отца были гости. Шульце и какой-то невысокий мужик с угрюмыми глазами. Они сидели на кухне, мирно пили чай и беседовали – Дениса даже передёрнуло, когда он заглянул туда поздороваться: как отец вообще может сидеть за одним столом с этим кровососом? Однако – сидел, и беседовали они вполне мирно. А вот угрюмоглазый явно кипятился и на Шульце смотрел волком.

– Мальчишки, – Борис Игоревич махнул рукой вошедшим в коридор сыну и Олегу, – садитесь есть, Ольга Ивановна вам оставила.

– Добрый вечер, – корректно кивнул Денис. Шульце одарил его улыбкой, невысокий мужик буркнул: «Вечер добрый...» – Мы сейчас, в порядок себя приведём... – и, толкнув Олега, спросил: – Ты чего?

– Не пойду я туда есть. Видишь, и мама поставила всё и ушла, а обычно она всегда глядит, как Борис Игоревич ест... – процедил тот. – Моррррррда подлючая... Не, я всё понимаю, надо. Но есть туда...

– Пойдёшь. – Денис наполовину поднялся по лестнице. – Пойдёшь, сядешь, будешь есть и **вести себя как хозяин в этом доме. И в этом мире**. Понял, пионер?

Олег задумался. Потом улыбнулся – недобро и весело:

– Понял.

– Готов? – уточнил Денис.

– Всегда готов! – отсалютовал Олег...

...Мальчишки устроились с краю стола – оба босиком, в домашних шортах, лёгких майках – и с галстуками на шеях. Ольга Ивановна приготовила на ужин тушённую с картошкой, луком и морковкой рыбу, как всегда, отлично. Денис просто ел, поглядывал и слушал. А вот во взгляде Олега – в каждом взгляде, брошенном на Шульце, – была ненависть. Ничего он с нею не мог поделать, как видно.

Впрочем, Шульце был совершенно спокоен. Поздоровавшись, он уже просто не обращал на мальчишек внимания. И сейчас говорил с Третьяковым-старшим:

– Таким образом, на двух шахтах идёт переоборудование, они, конечно же, не работают. Три шахты по-прежнему затоплены, осушение движется, но тоже не очень-то быстро... Остальные дают выработку на четверть меньше, чем в прошлом сентябре. Это следствие новых правил безопасности и найма на работу, и способов поднять выработку я не вижу. Возможно, когда будет начата и закончена реконструкция и на них... – В его голосе прозвучала совершенно отчётливая ирония.

Но Шульце перебил его сосед:

– Арнольд Оттович, – проронил он хрипло, – вы вот тут уже битый час говорите, говорите, говорите... Вон и чай простыл, так вас заслушались. Правильные вещи говорите, что и возразить. Такое впечатление, что я в бане лежу, а меня ласково – да по спине – да с прибаутками – да веничком – из колючей проволоки.

– Ну, я эти венички не заготавливал. – Шульце был непробиваем. – Как я понимаю, Борис Игоревич, – лёгкий поклон Третьякову-старшему, – и господин Макарычев были сюда назначены затем, чтобы наладить работу на шахтах для пользы государства. И пока я вижу, что эта польза в общих цифрах упала за последние двенадцать месяцев на тридцать два процента.

– Господин Шульце, вы всё-таки неверно поняли наши цели, – с неожиданным сожалением заявил Борис Игоревич. – Вы, по-моему, искренне считаете, что я – не стану говорить за Виктора – прибыл сюда исключительно затем, чтобы прервать ваше воровство, освящённое вами же принятыми разбойничьими правилами – не законами... – Кряжистый мужик довольно хрюкнул и повозился на стуле. – Должен сказать, что я это сделал. Сделал, Арнольд Оттович?

– Сделали, – кивнул Шульце. – Вы обрезали прибыли «Энергии» под корень. Но

прибыли вашего любимого государства от этого не поднялись. Они тоже упали, хотя и не на тридцать два процента. Но значительно.

– А вот и ваша ошибка. – Третьяков-старший долил себе кипятку из чайника. – Не посёлок для шахт. Шахты для посёлка. Мне не так интересны деньги, которые я не дал вам своровать – или которые недополучила Республика, – как интересны люди, чья жизнь стала веселей, чище, разнообразней... да просто побогаче. Парадокс: прибыли «Энергии» упали, государство тоже получает меньше... а люди стали жить лучше. По-моему, это неплохой результат.

Денис перестал есть. Он видел, что Шульце – наверное, впервые за всё время знакомства с Третьяковыми! – растерян. Очевидно и зримо. Он старался понять сказанное. Честно – и тщетно. Борис Игоревич с интересом наблюдал за гостем – как за змеей, прижатой рогатинкой змеелова.

– Не понимаю, – наконец признался Шульце. – Я готов услышать эти слова от уважаемой Валерии Вадимовны, она – врач. Но вы?! Вы – офицер организации, которая ставит целью возвращение денег государству!

– Во вторую очередь, – с удовольствием ответил штабс-капитан Третьяков. – В первую любой из нас – людей Империи – ставит своей целью возвращение людей Жизни. Именно Жизни. С большой буквы. Всё остальное – средства для этой цели.

– Вот так, – подытожил жадно слушавший второй гость. И, отвернувшись от Шульце, нагнулся к Третьякову-старшему. – А про выработку, Борис Игоревич, вы вот что послушайте. Ребятки тут меня к вам послали зачем? А вот зачем. Есть такая сметка – как выработку поднять, не против новых правил – а поднять. Сметка давно есть, просто раньше мы её и не подавали – кому, «Энергии», что ли?! – Он хмыкнул гневно. – Ну и, само собой, работать будем, как сможем. Я чего пришёл – вот этот разговор послушать. Послушал – понял, надо!

– Приходите завтра на приём к Макарычеву, – улыбнулся Борис Игоревич, – изложите ему вашу сметку и вообще все планы.

– Дело! – Собеседник гулко, сильно пристукнул кулаком по столу и смутился: – Извините...

Борис Игоревич засмеялся. Шульце между тем встал, хотел, видимо, откланяться, но Борис Игоревич повернулся к нему:

– Всего хорошего, Арнольд Оттович. И кстати, передайте господину Пахомову, что на днях я буду на Совете Латифундистов – настал и их черёд быть ограбленными.

– Непременно передам. – Шульце вновь был спокоен и корректен. – Завтра же. А пока – всего хорошего, разрешите откланяться.

Общий поклон. Улыбка. **Взгляд.**

– Борис Игоревич, давили б вы его, – негромко произнёс крижистый, когда за окнами процокало – Шульце приезжал в экипаже. – Гнида. Сколько крови из всей округи выпил – вам и не представить.

– Почему, как раз представляю... – Третьяков-старший посмотрел на мальчишек. – Так, поели? Мыть посуду и бегом марш отсюда.

Олег, смотревший на Бориса Игоревича с восторгом, бросился собирать тарелки, едва ли не отпихнув засмеявшегося Дениса...

...Мама работала. Перед нею лежал большой список, весь в пометках, и на сына она обратила внимание, только когда он добрался до неё, обнял сзади и, грустно вздохнув, ткнулся носом в шею.

– Ну? – сердито спросила Валерия Вадимовна, но Денис только шумно выдохнул, и она рассмеялась: – Лис, не щекотись, не смей! – и сама фыркнула ойкнувшему Денису в ухо: – Добрый вечер.

– Добрая ночь. – Денис выпрямился. – А что ты пишешь?

– Список на курсы фельдшеров и медсестёр, – сообщила женщина, и мальчишка оживился:

– О! А ты помнишь, что ты в школу фельдшера обещала?

– Сразу после Нового года, слово твоей мамы, – торжественно пообещала Валерия Вадимовна. – Теперь ещё помещение у этой жирной твари Семской отжать... ну да куда она денется, отдаст.

– Ма, – вспомнил Денис, – что там с холерой?

Валерия Вадимовна нахмурилась:

– Искусственное заражение, – коротко ответила она. Денис резко выдохнул. Помолчал и зло сказал:

– Я ж говорил сегодня Кенесары Ержановичу...

– Он ещё не знал, я только к вечеру закончила обследование. – Валерия Вадимовна потянулась и встала. – Ладно... А ну!

Денис не успел и охнуть, как оказался партнёром в гимнастическом этюде. А женщина, выполнив номер, изумлённо приземлилась на ноги и сказала:

– Ой. Я раньше эту поддержку тебе не давала... ты что, меня удержал?!

– Извини, расту. – Денис показал матери язык, гибко и твёрдо вскинул руки над головой, «колесом» вышел из комнаты, врезавшись на лестнице в поднимавшегося снизу Олега – слышно было, как оба с грохотом обрушились на пол.

– Бестолочи, – усмехнулась Валерия Вадимовна, садясь к столу и прочищая перо промокашкой. – Так. Номер тридцать два...

...Перед сном Денис всё-таки не удержался – прокравшись к телефонному аппарату, снял трубку и, прижмурившись, с наслаждением набрал номер – на ощупь. Сдерживая дыхание, дождался длинные гудки – раз... два... три... че...

– Алё, Мелеховы, – отозвалась Настя. Денис затаился, держа трубку у самого уха. Ему доставляло удовольствие представлять себе, как сигнал идёт по проводам и выскакивает (он именно так и представлял себе – **выскакивает**) из трубки возле розового аккуратного ушка (Денис даже пальцы на ногах поджал от почти мучительного наслаждения) казачьей девчонки – чмок!

– Денис, не сопи в трубку. – В голосе Насти послышался отчётливый смешок. – Я всё равно знаю, что это ты.

– Откуда? – не выдержал Денис и засмеялся от удовольствия и радости.

– Так сопишь только ты, – безапелляционно ответила девчонка. Денис опять представил её себе и задержал дыхание, чтобы привести в порядок голос. – Ты приедешь на День Солнца?

– Я... – Денис замялся.

Собраться с духом и сказать хоть что-то связанное о том, что не может оставить отряд во время праздника, он не успел.

Связь оборвалась. Воцарилось молчание – как при обрыве на линии.

Денис разочарованно посмотрел в трубку, словно ожидал там на самом деле что-то увидеть. Вдохнул. Повесил её на рычаги. И поплёлся в ванную.

Когда он вернулся в спальню, Олег уже дрыхнул совершенно беззастенчиво. Усмехнувшись, Денис подошёл к окну – закрывать его не было нужды, закончив с резьбой по дому, он своими руками вделал в раму раздвижную мелкую сетку, позволявшую и не страдать от жары, и не пускать внутрь мошкару...

...И снова кто-то смотрел из уличной темноты – сюда, в комнату, на Дениса.

* * *

Утром оказалось, что опустился плотный густой туман. Когда Денис проснулся, Олег как раз стоял у окна и созерцал белёсое молоко, лежавшее вплотную к подоконнику, хоть протягивай руку и черпай. Денис сперва даже не понял, что это такое, и какое-то время сонно созерцал комнату, а когда понял, то сел и спросил:

– Туман?

– Осень настала. – Олег отвернулся от окна. – Всё. Скоро дожди польют...

– Главное, чтобы на День Солнца погода была хорошая, – озабочился Денис, потягиваясь. – Связь-то вчера, похоже, оборвало. Ветра вроде бы не было?

– Связь и без нас починят, если что. – Олег чуть прищурился и с отчётливым лживым равнодушием поинтересовался: – Ружья кому будешь давать? Не думал?

– Ружья **давать** буду всем. – Денис поднялся, начал разминаться. Судя по тому, что Олег к нему не присоединился, вопрос его и правда интересовал очень. – А за кем закреплю... точно не за девочками.

– Не бойсьи? – уточнил Олег. Денис серьёзно задумался, одновременно закладывая по очереди то левую, то правую прямую ногу за затылок, и решил:

– Авось не съедят... – после чего добавил: – И ты тоже не бойся, тебе точно достанется.

– Двусмысленно как-то, – вздохнул Олег.

– Не отлынивай от разминки, – напомнил Денис. – Ты как-никак командир первого звена и моя правая рука...

– Пашке не надо, у него своего оружия – завались, – внёс предложение Олег, начиная отжиматься и сопровождая каждый жим резким отчётливым хлопком ладоней под грудью.

– Да уймись ты! – засмеялся Денис. – Я ещё и сам ни на что претендовать не буду. Так что на восемь человек точно хватит.

В дверь постучали, и привычный голос Ольги Ивановны позвал:

– Вставайте уже, завтрак.

– А мы встали, ма! – отозвался Олег весело...

– А-ло! – Борис Игоревич с недовольным лицом – и, видимо, уже не в первый раз – подул в трубку. – А-ло!

– А связи ещё вчера вечером не было, – сообщил Денис, вытирая голову полотенцем. Отец оглянулся через плечо, посмотрел невидящим взглядом и вернулся к разговору с телефоном. – Ну, как знаешь, – вздохнул Денис. – Тётъ Оль! А мама ушла уже?

– Убежала и не поела, – осуждающе проворчала Ольга Ивановна, выставляя на стол огромный поднос с оладьями, – туман следом завихрился, даже машину не подождала. Холера, сами ж знаете, объявилась... Я бы этим дуракам по рукам, по головам, да по задницам настучала, чтобы не гадили, где живут, – вот уж нечего было о них заботиться... Ешьте, пока горячее.

– Холера от диверсии, – прошептал Денис Олегу, выбрав момент. Тот округлил глаза. – Мама вчера сказала... Сегодня будем про это с нашими говорить, после репетиции.

– Вот ведь... – Олег явно удержался от ругательства и сунул в рот оладью, чтобы не дать вырваться непионерским словам. Но глаза у него были очень выразительные.

В столовую заглянул Борис Игоревич, ничего не сказал, лишь кивнул, словно только что увидел мальчишек, а через минуту стало слышно, как от дома отъезжает автомобиль...

...Туман разошёлся ещё до начала занятий в школе, и про него забыли. Но солнце скрылось за плотными низкими тучами, и Денису сообщили, что теперь оно будет еле-еле показываться до весны. Всё. Даже не осень – зима. Местная зима, можно сказать, наступила.

Как и у всех людей своего времени, у Дениса отсутствие солнца вызывало нервный мандраж и раздражение. Поэтому он порадовался тому, что предстоит канитель с оружием – все отвлекутся, вот и хорошо.

Пионеры решительно и прочно отвоевали себе здоровенный кусок школы – под самые разные необходимые нужды. Место нашлось практически для всего – в том числе для новорожденного музея, его заведующим стал Генка. Собственно, Денис подавал эту идею – с музеем – уже давно, но она не встретила понимания, а потом как-то выпала и у него из памяти, слишком много вокруг было дел и без того. И вдруг Генка, вернувшийся с Чёрного моря, поднял тот разговор вновь и, не обращая внимания на всё то же непонимание, занялся этим делом совершенно самостоятельно, собирая экспонаты, где только было можно, и ориентируясь на выданную Олегом из библиотеки новенькую «Пионерскую памятку по созданию краеведческих музеев». Вот и сейчас он копошился у стендов, что-то там

перекладывал, возился с недавно подаренным какой-то бабулей довоенным фотоаппаратом или чем-то вроде него, при этом вполне мелодично мурлыча:

– Нэсэ Галя воду – коромисло гнэться,

За нэю Иванко як барвынок вьэтся... – песенку, привезённую всё оттуда же, из Империи. Денис подозревал, что Генка, понимая, что ему оружия не достанется, просто-напросто нарочито демонстрирует равнодушие. И даже усомнился: а правильно ли он делает, раздавая «Сайги» тем, кто старше? Чем вот Генка не заслужил? Но вовремя понял: с таким подходом ему придётся пилить ружья на части, чтобы каждому досталось по кусочку, а кусочки потом взвешивать – чтобы никого не обделить. «Первое решение – самое верное!» – учили его, и Денис уже не раз убеждался, что правильно учили. Пашка же на отрядное оружие откровенно не претендовал, Олег был прав – с арсеналом Бойцовых это было бы смешно...

Репетиция, естественно, сорвалась – Денис не утерпел, рассказал об оружии и вынужден был прибегнуть к командирской власти. Легко можно было предсказать, что иметь записанное оружие захотят все, начиная от девчонок и кончая младшими. В результате «Сайги» получили Олег Ветлугин, Мишка Гуляев, Санька Бряндин, Петька Минаев, Генка Раймонд, Тимка Ланц, Витька Шацких и Алексей Гордеев. Сейчас они все под завистливыми взглядами остальных готовились к первому выходу на пристрелку. Денис решил проверить оружие за посёлком, но не там, где они когда-то стреляли с Мишкой, на прудах, а в другой стороне, где начиналась степь и было немало удобных ложков. Весь небольшой отряд надел форму и сейчас получал от Дениса патроны – по десять пулевых и по пять с картечью, а Надюшка Минаева заполняла расходную ведомость с таким видом, как будто сама собирается стрелять. Олег старательно вносил данные об оружии в новенькие пионерские книжки счастливых – под роспись и печать. Разрешения полиции в книжки уже были внесены и заверены, причём для всех пионеров, из чего Денис заключил, что – если это только не ошибка впопыхах – оружие пришлют и ещё.

– Когда-нибудь вся эта чушь станет ненужной, – сердито сказал он, швырнув в мусорный ящик ещё одну распотрошённую упаковку из-под патронов. – Дали, взял, ушёл – и пользуйся.

– Ага, только сейчас лучше всё-таки под роспись и печать, – солидно заметила Надюшка. Денис скептически хмыкнул и, выдав патроны Лёшке Гордееву, с облегчённым выдохом выдернул из-под погона и ловко нахлобучил на голову берет, а потом поправил на поясе кобуру «Байкала» – он впервые открыто надел пистолет:

– Ну а сейчас выдвигаемся на пострелушки!..

...У Дениса создалось твёрдое ощущение, что мальчишки были бы совершенно не против, если бы до предполагаемого стрельбища надо было три раза пройти весь посёлок. Идея идти строем – в колонну по два, что сперва не предполагалось, – оказалась очень к месту. Он, признаться, и сам удивился – хотел, если честно, просто посмотреть, к чему привели строевые тренировки, а вместо этого, сам того не желая, оказался во главе настоящего военного отряда. Мальчишки в форме, с «Сайгами» за плечом, выглядели внушительно и сами это отчётливо осознавали, косили по сторонам важно и гордо. На взгляд Дениса, впрочем – ещё и смешно, однако он понимал, что смешно это для него, привычного к подобному.

Попадавшие навстречу взрослые люди смотрели в основном изумлённо-обрадованно, а мальчишки – робко и завистливо. Настолько завистливо, что даже не осмеливались пристроиться в хвост идущим, а только застывали на месте и провожали взглядами вроде бы хорошо знакомых и в то же время таких недостижимых соседей и приятелей.

В некоторых же – немногочисленных, но явственных – взглядах Денис заметил ненависть...

...За посёлком строй распался, и ребята сошли на обочину. Кто-то попробовал на ходу поиграть прикладом – Денис немедленно цыкнул. Разговор зашёл о предстоящем празднике, о разных семейных делах и – конечно – об Империи. А за такими разговорами дорога

кажется короче, и вскоре отряд незаметно отмахал всё расстояние до намеченных Денисом балок. Одна подходила идеально – есть некрутые спуски, почти двести метров длиной, с ровным, ничем не заросшим дном.

– Отдыхаем, – скомандовал Третьяков-младший, снимая с пояса сумку.

В сумках у всех лежали припасённые из недавно созданного отрядного НЗ галеты и по среднего размера банке колбасного фарша с зеленью. Были там же и фляжки с водой, но в балке выбивался из-под выступающих из глинистого откоса двух чёрно-серых базальтовых глыб родничок. Мальчишки развалились – кто полулёжа, кто сидя со спущенными с края ногами – над самым родником и не спешили приниматься за еду. Они смотрели по сторонам, вверх – и взгляды у всех были удивлёнными и довольными. Словно у законных хозяев, озирающих своё поместье.

– Может, тут постоянное стрельбище сделаем? – вдруг предложил Тимка Ланц. Денис пожал плечами:

– Да можно.

– Тогда надо родник в порядок привести, – продолжал Тимка. – Я возьмусь. Поставим навес, воду возьмём в трубу...

– Лучше камнем выложить, – возразил Витька Шацких. Тимка покосился на него:

– Ну и давай со мной.

– Ну и сделаем, – ответил Витька. – Скамейки и стол вкопаем. А ещё я Вовке кружки закажу. Штуки три. Он ловко по жести стучит... Повесим их на специальную подставку, и будет совсем нормально.

– А я дистанции для стрельбы размечу, – не выдержал Денис. – Обзаведёмся и впрямь своим стрельбищем, ни к кому не проситься.

– Мы стрелять-то вообще будем или поедим, полежим и обратно пойдём? – поинтересовался Мишка.

Но мальчишки ещё какое-то время всё-таки ленились, созерцая полевою дорожку, уводившую куда-то петлями. Денис невольно поддался общему настрою, а потом стал всматриваться – ему начало казаться, что на дороге что-то движется...

– Кажется мне или там кто-то идёт? – вдруг спросил Олег, будто подслушав его мысли, вставая и снимая с бока новенький бинокль.

– Тебе тоже? – удивился Денис, но Олег, не отвечая, шагнул на небольшой пригорок, поднял бинокль и замер. Остальные смотрели на него – движение теперь различали все.

И тут Денис увидел, как его друг побелел – именно побелел, с лица отхлынула краска. Опустив бинокль, Олег выдохнул, не поворачиваясь:

– Уйгуры. Орда. «Жажда солнца»...

Короткая дрожь пробежала по мгновенно вскочившим мальчишкам, как по единому живому испуганному организму. Денис свёл брови. Он знал об уйгурах достаточно много ещё до приезда в Семиречье. Когда-то, в период Безвременья и начала Серых Войн, они овладели большинством этих территорий, безжалостно вырезая всех, кто отличался от них, людоедствуя на «государственном уровне» и уничтожая всё на своём пути. «Государство» уйгуров рухнуло под ударами оправившихся русских, ответивших на зверский геноцид не менее кровавым истреблением, их остатки были размётаны и разогнаны. Впрочем, огромную роль в деградации этого народа сыграло и то, что, не в силах осознать опасность длительного радиационного заражения местности, уйгуры сплошь и рядом селились в местах, откуда ушли и русские, и казахи, и китайцы. Более того – ставили себе в заслугу «страх, спущенный на врагов»! И когда началось стремительное и безжалостное вырождение – по-прежнему не могли связать происходящее и своё расселение. В какой-то степени русские, выбившие их с захваченных мест, спасли остатки народа...

В настоящее время уйгуров всё ещё было довольно много, но они скитались ордами во главе со своими тойонами в пустынных, диких местах, ещё толком никому не принадлежавших, – постепенно вымирая от уже необратимых изменений в генетике. Чаще всего эти орды были неопасны, при прямом столкновении стремились уйти, скрыться,

избежать даже не стычки, но и просто встречи с хозяевами мира. Однако уйгуры так же, как некоторые другие народы – закономерность пока не была выявлена, – оказались подвержены так называемой «жажде солнца». Приступы массового буйного сумасшествия могли овладевать большими группами больных, стоило солнцу исчезнуть. Эта психическая болезнь могла не проявиться и при многомесячном отсутствии светила – а потом вдруг вспыхнуть, если солнце не показывалось день-другой.

Охваченные этим психозом начинали совершать дичайшие поступки. Как правило, они обрушивали неконтролируемый гнев попеременно со страхом на «чужих», оказывавшихся рядом: убивали, не щадя и не разбирая пола и возраста, жгли посёлки, уничтожали поля и скот... Было очевидно, что ордой, которую наблюдали мальчишки, владел именно такой приступ. Тёмная толпа катилась к посёлку прямо через степь – словно кусок овеществлённой и обретшей плоть Большой Ночи Безвременья. Скорее всего, именно те из уйгуров, кто сохранил способность соображать, уничтожили ночью телефонную связь – а звериная хитрость, тучи и туманы позволили им скрытно пробраться вплотную к населённым районам...

Денис быстро огляделся. Снова бросил взгляд вперёд. В орде навскидку было не менее трёхсот... **существ** – компактная тёмная толпа, над которой мотались какие-то значки на палках, быстро приближалась. Что случится, если она ворвётся в ничего не подозревающий посёлок, – было совершенно ясно. Конечно, безумцы будут истреблены довольно быстро. Но сколько их успеют убить и сколько успеют разрушить...

– Бежать надо... – пробормотал Тимка Ланц. – Бежать... предупредить...

– Они на нашем загравке в посёлок въедут, – возразил Мишка. Его лицо подёргивалось – он думал о своём только-только достроенном хуторе. – Вон как несутся.

– Минут через пять-семь будут тут, – прошептал Лёшка Гордеев почти зачарованно и сделал шаг назад.

Денис боковым зрением уловил этот шаг – первый шаг к позору, к развалу всего, что было с таким трудом создано, к стыду и гибели. И, не поворачиваясь, никого не называя, громко, резко произнёс:

– Отряд, слушать мою команду! Стано-вись!

Он имел право так командовать.

И ещё – по-детски щёлкнул пальцами на счастье, а потом чётко выбросил руку в сторону. И перевёл дух, как будто всё самое страшное уже кончилось – а точнее, не произошло, – когда ощутил рядом плечо Олега. А дальше заметил краем глаза, как встали в ряд остальные.

Все семь...

...Нет, лукавить не будем – вырвавшаяся из ближней ложбинки толпа не остановилась сразу. Слишком велик был захлестнувший их разум страх перед возвращением Тьмы, слишком близко была беззащитная добыча, слишком малочисленны были защитники (что это подростки – погромщикам просто не могло прийти в голову). Ни бешеный бег, ни дикий вой не стихли. Но... совершенно неожиданно сквозь них полоснул ясный и звонкий крик команды – крик, пробивший броню безумия, потому что он напоминал то, как били и гнали их отцов вот такие небольшие, сильные сплочением, дисциплиной и холодной яростью отряды русских.

– Отряаааа... картеееечь... товсь!

Щёлк. Откинулись приклады.

Клац. Дёрнулись затворы, вгоняя первый патрон.

Бум. Выстроились в линию носки ботинок.

Именно в этот момент всё изменилось. Бежавшие в первом ряду – самые отчаянные, самые распалённые – вдруг увидели, что перед ними не десяток сумасшедших детишек. Нет.

Перед валом погромщиков стоял военный отряд .

Одинаково прищуренные глаза под обрезом беретов.

Неподвижная линия чёрных дыр стволов.

Застывшие языки пламени – галстуки на груди.

Одинаково чуть выдвинутый вперёд корпус.

Ровная черта носков левых ботинок – пыльных и словно бы вросших в землю.

Во всём этом была какая-то непонятная и жутковатая уверенность, пересиливавшая муть, застилавшую мозг орде. Словно на дороге выросла непреодолимая стена, а не кучка русских.

Вал остановился. Колеблясь, хрипя, взвизгивая, напирая, остановился, потому что – пока ещё не в страхе, скорей в недоумении – остановились вожаки.

Мальчишка на правом фланге бросил травинку, которую грыз, поднял к плечу короткий чёрный пистолет и резко, высоко прозвенел вторую команду:

– Целься в пояс! Огонь на поражение по команде! – и – к толпе, ясно и коротко: – Прочь!

Миг.

Другой.

Третий.

Толпа начала рассыпаться. А потом просто рванула во все стороны – уже с другим воем, не жадным и безумным, а трусливым и жалким, топча и сшибая друг друга...

...Денис опустил руку с пистолетом – точнее, уронил, «Байкал» вдруг показался страшно тяжёлым, а рука затряслась. Вспыхнул стыд – ребята видят, как его трясёт, – и он не сразу посмел поднять глаза на свой отряд. А когда поднял всё-таки...

Мальчишки смотрели на него – и друг на друга – с каким-то подобием ужаса, который раньше называли бы «священным». Казалось, они не узнают ни друг друга, ни Дениса, да и ничего вокруг, а пытаются понять: это что же, они только что повернули назад целую орду?! Не в кино, не в книжке, не в журнале... значит – ЭТО – правда?! Значит – МОЖНО?! Значит, ОНИ...

Но никто не успел оформить своего восторга в слова (а точнее – в дикие ликующие вопли с прыжками и подбрасываньем вверх ружей). Кто-то (потом Денис так и не вспомнил, кто именно) крикнул отчаянно:

– Смотрите! Там!

Там, откуда они пришли, в стороне посёлка, поднималась видная даже отсюда стена огня.

* * *

Пожар в посёлке был самым настоящим бедствием, особенно если учесть, что горели жилые кварталы, сплошь и рядом построенные без соблюдения каких-либо противопожарных норм, и пламя гуляло с крыши на крышу с лёгкостью ветра. Пожарной команды в посёлке просто-напросто не было, это упустили из виду все, и он, вернее всего, выгорел бы весь подчистую, если бы не последние события и не то, что люди – если и не все, то очень многие – понимали: им есть что терять, особенно теперь.

Когда отряд Дениса вернулся – бегом – в посёлок, то с огнём уже боролись, причём и пионеры тоже – задержавшийся в школе Пашка организовал всех на тушение при первых признаках пожара. Сейчас он, соскочив к Денису с крыши, которую усердно проливали водой, крикнул:

– Подожгли! Уйгуры подожгли, из Лихобабьей прискакали, их дозор орду заметил! Казаки их преследуют!

– Да не уйгуры! – взвыл Денис, которого осенила внезапная и страшная догадка. – Кенесбаев где?!

– Да вон! – удивлённый Пашка вытянул руку – чуть подальше на улице рядом с только что подъехавшей рудничной помпой «нарисовались» начальник полиции и Макарычев. Ещё чуть дальше улицу уже перекрывали страшные дрожащие арки пламени – соединились, взметнувшись с домов и слева, и справа. – Ты чего?!

Но было уже поздно – Денис со всех ног рванул туда, на ходу крича и перекрывая криком жутковатый монотонный рёв пламени:

– Кенесары Ержанович! Они не поджигали! Они сюда вообще не прошли!

– Конечно, не поджигали! – ответил казах, ничуть не удивившись появлению Дениса и сразу поняв, о ком он говорит. – Загорелось сразу в нескольких местах. Кто-то очень ловко и точно всё рассчитал – поджог практически совпадал с появлением этих безумцев, а потом – кто бы стал разбираться, от кого и от чего выгорел посёлок?! Никто же и подумать не мог, что вы окажетесь на пути орды!

– Кенесары, я сейчас ещё пару помп пригоню. – Макарычев прыгнул на подножку своей машины и, уже отъезжая, крикнул: – Денис, твои не дома, они тоже на пожаре! – Денис махнул ему рукой и повернулся на вопрос – а точнее, просто на слова Кенесбаева:

– Я только не пойму, почему они в посёлок не ворвались...

– Ну... мало ли... – Денис вздохнул и, махнув рукой, побежал обратно к своим.

Кенесбаев проводил его внимательным и задумчивым взглядом...

...Кое-как справиться с огнём удалось только к вечеру следующего дня. Но уже было ясно, что жилые рабочие кварталы выгорели наполовину. Огонь только благодаря самоотверженности людей не дошёл до складов взрывчатки и окислителей для проходческих работ – а на такой исход поджигатели явно рассчитывали.

Шатающийся, какой-то опустошённый, в рваной форме, покрытый ожогами, Денис кое-как добрался домой (Олег с матерью были у кого-то дома, помогали с маленькими детьми). Он почему-то думал, что их дом тоже сгорел, но дом был цел, вокруг зеленело... и мальчишка неожиданно ощутил страшную злость на собственное благополучие.

Отец был во дворе. Он сидел на ступеньках – и мама обрабатывала ему лицо, ожоги на лбу и щеке. Увидев сына, Борис Игоревич кивнул; Валерия Вадимовна, занятая делом, на мальчишку внимания не обратила. Денис подошёл и сел возле отца. Помолчал, потом спросил тихо:

– Что же теперь делать, пап?

– Теперь? – Борис Игоревич вдруг хмыкнул весело. – Теперь... теперь слушай, – и неожиданно прочёл:

– Монтёры!

Вот вам разорённая страна.

У вас в сумке – два гвоздя и кирпич.

Имея это – постройте город!.. Я не помню, чьи это стихи, но именно этим мы и займёмся, Дениска.

Если честно, Денис не понял отца.

Глава 2 Поступь империи

22 сентября было обычным пасмурным днём. Тучи так и не расходились, и настроение царило далеко не праздничное. Во-первых, потому что считалось хорошей приметой, если в этот день солнце всё-таки есть. А во-вторых – потому что посёлок всё ещё продолжал считать потери.

Погибших во время пожара было не так уж и много, всего несколько человек. (Очень сильные ожоги рук получил Аркадий Тимофеевич – градоначальнику пришлось в какой-то момент тушить огонь вместе со всеми.) Но вот сгоревшие дома – это было хуже. Намного хуже. Погорельцев размещали, где могли. К Третьяковым временно перебрались Васюнины и Минаевы, отчего в большом доме стало довольно тесно... А самым часто задаваемым вопросом стало: «Как дальше-то жить?!» Казачьи патрули переловили в окрестностях немало уйгуров, но те ничего не могли объяснить внятно и связно, и трясти их было бесполезно: приступ он и есть приступ, толком никто ничего не помнил и не понимал.

«Энергия» демонстративно выделила погорельцам кое-какие суммы, причём

намекнула: раньше бы выделили больше, но финансовые дела на шахтах идут плоховато, если с кого и спрашивать – то с новой власти... У многих начали опускаться руки, особенно у тех, кто затеял какое-то дело и разом всё потерял – а таких было много. По посёлку поползли шепотки и слухи; лобановский кооператив «Дружба» лишился разом пятой части своих членов, и, не будь Тимофей Ильич таким решительным и крутым человеком, неизвестно, чем бы вообще всё закончилось. Помогли также боны поселкового фонда. И всё равно в воздухе ощущалось гнетущее напряжение...

Этим утром за столом (за которым было страшно тесно) Денис решился.

– Может, не надо на сегодня нашей программы, па? – хмуро спросил он, толкая по опустевшей тарелке вилкой кусочек хлеба. – Мы горе никак не разгребём, а тут ещё... напоминание.

На Третьякова-младшего обернулись разом все, и он почувствовал себя неудобно ещё до того, как Третьяков-старший ответил.

– Надо, – неожиданно резко, почти приказным тоном, возразил отец. – Как раз надо. Очень надо. И вообще, – он вдруг улыбнулся и подмигнул, – это что за настроение? У вас программа, а у нас кое-какой сюрприз...

– Какой, Борис Игоревич?! – тут же высунулся двенадцатилетний Петька Минаев. Его отец кашлянул и пристукнул среднего по затылку. Потом смутился и обратился к Валерии Вадимовне, которая уже собиралась встать – точнее, вскакивать – из-за стола:

– Валерия, значит, Вадимовна, а что там медицина насчёт подзатыльников это самое?

– Вылепил, – вздохнула его жена. – Сидел бы молчал да жевал поскорей, на работу опоздаешь.

– Так выходной сегодня... – начал было Минаев-старший, но жена непоколебимо его отбрила:

– Тем более в школу на праздник пойдём, а у тебя щетина не кошена по всему облику.

– Почему, вопрос насчёт подзатыльников интересный... – протянула между тем Валерия Вадимовна и отпустила лёгкого леща Денису.

– За что-о-о-о?! – возмущённо взвыл тот. – Пааааа!!! Кто в этом доме старший?!

– М? – Борис Игоревич сделал вид, что очень занят завтраком.

– Хлеб доешь и не балуйся им, – невозмутимо ответила мать под затаённое хихиканье остальной кучки разновозрастных детей за столом и улыбки взрослых.

– Ты роняешь мой авторитет перед младшими товарищами... – уныло произнес Денис, подбирая хлебом остатки подливки от свиной поджарки и отправляя его в рот. Про себя он отметил, что маме нравится вся эта орда. И подумал печально: жаль, что у меня не будет брата или сестры. Поднял глаза, встретился взглядом со взглядом Олега – немного встревоженным – и улыбнулся.

Кстати, а что у отца за сюрприз-то?.. Он так задумался над этим, что вынужден был бегом догонять остальных, когда они уже вышли из дома и шагали по улице к школе – уроков нет, но кружки, секции и цеха работают, а уж к празднику нужно готовиться в последние часы как можно усиленней, всегда вылезают кучи недоделок. Презик проводил бегущего Дениса укоризненным взглядом: с ума сошёл, что ли, разве можно так носиться, это ж для здоровья вредно... Пёс вздохнул и отправился к соседскому забору, за которым его тихо ждал Никитка. Тот, впрочем, последнее время тоже вёл себя как-то странно – больше не пролезал через забор, только руки просовывал, чтобы приласкать Презика, а ещё часто потихоньку плакал... Пёс не мог понять, что к чему...

...Денис больше всего боялся, что кто-нибудь уйдёт из пионеров. Но вместо этого обнаружил, что авторитет отряда взлетел на буквально грандиозную высоту. История о том, как десяток мальчишек остановил и повернул орду погромщиков, попала не только в местную, но и в центральные газеты, и даже в имперские – более того, Третьяковым позвонили из редакции «Пионера», и весёлый молодой голос уговорился с вызванным к трубке Денисом, что в конце этой осени «к вам подъедет человек и всё напишет про вас! Салют, брат по оружию!» Все видели и то, как пионеры сражались с огнём и как помогали

погорельцам (Денис, да и вообще никто не отдавал на это никаких распоряжений – всё получилось само собой). В общем, когда утром 22-го вся компания нынешних обитателей дома Третьяковых во главе с Денисом пришла в школу, то обнаружила возле «пионерской» её части почти четыре десятка мальчишек и девчонок из самых разных семей – сосредоточенных, даже немного возвышенных (насколько это слово вообще могло употребляться по отношению к детям из Седьмого Горного), по мере возможностей «парадно» одетых и явно ожидающих Дениса. Увидев его вся эта орава – иначе пока что определить было трудно – поднялась и даже судорожно приняла подобие строя. Все они напряжённо молчали, пока кто-то из-за спин остальных – и поэтому более-менее смело – не объявил:

– А мы это... хотим тоже... в пионеры записаться...

Денис чего-то такого ожидал ещё издали, как только увидел эту компанию. Поэтому сохранил внешнее спокойствие – а про себя буквально возликовал. А вот кое-кто другой молчать не стал...

– К нам попасть непросто, – важно объявил Алька Васюнин, гордо поправляя на рыжих лохах форменный берет. Но поразить вероятных кандидатов описанием сложностей процедур вступления он не успел – сестра сердито у него поинтересовалась:

– Тебе вот такую чушь говорили, когда ты вступал?

А Петька Минаев добавил мечтательно:

– Помнится, год назад кто-то полез в сад к Амирычу. И прибежал домой весь в слезах и соплях, с голым задом, да ещё и солёным... Васюнь, так оно было или нет?

– Это была классовая борьба, – слегка смутился Алька под напором старших. Но топорщить локти и вставать на цыпочки перестал.

Денис между тем оглядел ребят и девчонок напротив. Посчитал взглядом – двадцать три пацана, одиннадцать девчонок. И доброжелательно обратился сразу ко всем:

– Сегодня праздник, вы ведь знаете? – Кивки, бормотание. – После праздника приходите на это самое место. Мы с вами немного поговорим, и там решите точно – вступать или нет. Сразу после праздника. Кто не придёт – значит передумал, ничего страшного. Но я буду тут ждать.

Больше Денис ничего говорить не стал, только кивнул сразу всем и направился в школу...

...Здание готовили к празднику с позавчерашнего дня. На входе располагался контроль под руководством Пашки Бойцова – превентивная мера против пьяных, которых было велено не только не пускать, но и фотографировать, для чего пост вооружили одним из двух новеньких отрядных «Зенитов». (Пьяные у Дениса вообще вызывали самое большое отвращение и даже злость, особенно его бесили рассказы про «тяжкую жизнь» и про «русскую народную традицию». По мнению мальчишки, если у тебя жизнь тяжкая – не стоит её добавочно отягощать, а традиции пить у русского народа не было никогда. Даже когда в определённые исторические периоды у некоторых властей появлялась традиция его спаивать.) В самом же здании Денис первым делом нашёл Ишимова.

– Сделал?! – прошептал Денис Генке, даже в угол слегка отеснив его. Генка кивнул, заулыбался и показал сразу два отставленных вверх больших пальца. Потом погрустнел:

– Сделал... Только смотреть и слушать очень страшно. Правда.

– Ну что ж страшно... – Денис поправил берет. – Куда деваться... Ладно! – Он хлопнул Генку по плечу. – Значит, это всё на тебе. Сценарий держи на коленке, чтобы всё момент в момент.

– Понял! – Генка отсалютовал и нырнул в аппаратную...

...В общем, если кому этот день и был праздничным, то только не Денису Третьякову. В посёлке и окрестностях праздник пошёл вовсю, его отмечали кто как мог и в меру средств и разума. Большое собрание в актовом зале школы должно было состояться вечером, но летучие группы пионеров уже выступали и занимались агитацией в разных концах Горного. Соответственно были желающие это дело испортить, и Денису не миновать бы в этот день

личного участия в нескольких драках, если бы – совершенно неожиданно – буквально через час после того, как он пришёл в школу, возле ограды не привязали коней почти два десятка казачат. Желтоглазый Ромка пожал удивлённому Денису руку и солидно объявил:

– Нас Круг отрядил, посмотреть, что и как. Ну и помочь в праздник.

(Забегая вперёд, можно сказать, что, стоило верховым казачатам с нагайками появиться хоть где-то, то любые намёки на даже небольшой скандал исчезали сами собой, так что Денис, сначала немного насмешливо подумавший: «Ну да, великая помощь!» – ошибся, и здорово...)

– А Настёна со мной напросилась, – буркнул Гришка, подходя позже остальных – рядом с Настей.

«Попал и пропал, – подумал Денис, столбенея. – Никакой работы не будет. Я ж от неё не отойду».

– Прздравствуй, – вылепил он совершенно идиотскую словесную конструкцию. – Я хотел к вам приехать, но тут всё закрутилось с этим пожаром... – Он отчаянно огляделся и обнаружил, что вокруг никого не осталось, у всех нашлись какие-то свои дела, а не в меру любопытного Пашку Илюхина, подталкивая перед собой коленом, увела Милка Раух, которой срочно понадобились «мужские руки». – Пошли, я тебе покаж... – оживился Денис и, ужаснувшись своему дремучему идиотизму, окончательно замолк – в отчаянье от происходящего.

Настя, одетая «под верх», совершенно спокойно подошла вплотную, сделала так, чтобы Денис взял её под руку и тихонько сказала:

– Я вот подумала и приехала. Я не буду мешать... – Денис издал икающий звук, – ...я просто посижу, мне интересно. А ты делай свои дела, у тебя их полно, я понимаю.

– Настяааа... – благодарно провыл-простонал Денис. Казачка засмеялась – без какой-либо обиды – и Денис повёл её в актовЫй зал. Словно сама собой, сбоку пристроилась чуть в стороне Надюшка Минаева, а улучившая момент Васюня подала Денису страничку из блокнота с надписью:

Ни кисни. Надька за ней посмотрит и с ней побудит если что.

Денис ответил благодарным взглядом и подумал изумлённо: «Ну откуда что берётся?!» Потом исправил в записке ошибки и повёл Настю на место...

...В общем, к началу мероприятия у Дениса уже потихоньку начали отваливаться ноги, и, когда стал гаснуть свет и пропели невидимые фанфары, он, проскочив мимо собственных родителей, сидевших с краю ряда, рухнул в кресло рядом с Настей, думая только о том, что это здорово – просто сесть. Однако – этой малодушной мысли хватило лишь на мгновение, потому что свет погас совсем – и в темноте зазвучал полный жестокой печали девичий голос. Пресекая весь шум, который ещё остался в переполненном людьми зале...

– Лишь на мгновенье прижать к груди...

Жди, женщина. Жди.

Канули в ночь, что впереди...

Жди, женщина. Жди.

Кони летят в ночь – вскачь...

Плачь, женщина. Плачь.

На погребальный покров – плащ...

Плачь, женщина. Плачь.

Смертной рубахи

бел

лён...

Пальцы Насти безошибочно нашли руку Дениса и сжали её...

...Да, отряд постарался. Слов нет. Денис мог бы и покритиковать, потому что ему было с чем сравнивать – но вот критиковать и не хотелось. Совсем. Хотелось смотреть и слушать. Правда – временами, наоборот, ни того, ни другого **не** хотелось. Слишком жуткими – казалось бы, общеизвестными, но жуткими! – были вещи, о которых рассказывали со сцены... Денис совсем забыл, что ему надо что-то «оценивать», а потом «высказывать мнение». Что оценивать, какое мнение можно высказать, когда в зал с болью, почти со слезами падают слова мальчишки – стоящего на фоне развалин, про которые даже забываешь, что они – нарисованные, что это просто декорация...

– Но и потом,
без войны,
через мирные годы –
уроды,
рахиты,
покрытые вшами народы,
слюни на подбородках
хихикающих дурачков...
Хвост у дракона –
страшнее клыков...

...Снова погас свет. Уже не в первый раз за вечер зажётся луч проектора. На экране возникла алая надпись:

ВСЁ, ЧТО ВЫ СЕЙЧАС УВИДИТЕ, БЫЛО ЗАПИСАНО И СНЯТО В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ БЕЗВРЕМЕНЬЯ.

ПЕРЕД ВАМИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ КАДРЫ ТОЙ ЭПОХИ.

Денис быстро обернулся – по лучу света, туда, где в аппаратной сейчас колдовал Генка с помощниками... И – снова повернулся к экрану...

...Девчоночий голос – весёлый, но в то же время какой-то недовольный – заговорил, заставив всех вокруг замереть от неожиданности и изумления: ведь голос был из ТОГО мира...

Приехали на базу Витькиного отца. Предки наши совсем ополоумели, устроила нам этакий корпоративчик для младших. Твердят, что началась война между Россией и НАТО. А нам какое дело? Мы живём в Казахстане. Ну да ладно, хоть тут и скука, зато в школу не ходить.

Ролик – два десятка странно, почти нелепо одетых мальчишек и девчонок разного возраста на фоне приземистого здания с широкой верандой вопят какую-то чушь и машут руками и рюкзаками. Изображение смещается – красивая девчонка задирает нос и говорит звонко: «Это я, хааай!»

...Чума!!! Кажется, и правда началась война! Ядерная! Прослушали по телику, как будто во сне, младшие, похоже, вообще ничего не поняли...

Зал молча слушал, глядя на экран. Короткие реплики шли на фоне снимков – всё более и более жутких, всё более и более безнадёжных. Иногда появлялись маленькие ролики...

...Всё время идёт снег, всё вокруг завалило. Летом снег!!! Играли в снежки, так чудно...

Какой-то мальчишка с немного растерянной улыбкой стоит на фоне зелёного дерева, листва которого покрыта снегом.

⁴ Стихи Элхэ Ниэннах.

...Солнце последний раз видели пять дней назад. Показалось в тучах и пропало. Почти ночь. Тучи очень страшные, как будто живые. И совсем низко. Связи никакой нет, и ничего не работает. Хорошо, что много топлива для генератора, и еды тоже хватает. Может, наши приедут за нами?..

...На миг ожила моя связь. Это было как страшное чудо: голос папки, и только два слова: «Дочунька, прощай». И всё. Я трясла коммуникатор, трясла, кричала, потом хотела разбить. Не стала. Вдруг опять?!

...Буду делать фотки и записи, пока есть батареи и память. Старые хотела стереть, но не стала, рука не поднялась. Часто смотрю, какая была жизнь до всего этого, и плачу. Только чтобы никто не видел. Никто за нами не приедет. Ветер дует такой, что ломает у деревьев верхушки, лес всю ночь стонет. И какое-то постоянное зарево вдалеке. Страшное...

...Мальчишки взломали оружейный сейф и весь день возились с этими штуками. Как малолетки дурные. Ещё нашли запасы тёплой одежды, а вот это хорошо, в пончо из одеяла и обмотках чувствуешь себя душой...

...У Маринки день рождения, пятнадцать лет. Было так весело, смеялись и танцевали все, даже младшие выделялись. А потом, когда мы их спать загоняли, Вовчик вдруг говорит: «А когда папа за мной приедет, мне надоело тут гостить!» Раскапризничался, я с ним сидела. Раньше я бы его просто обругала и стукнула, чтобы не сопливил. А тут сидела и какую-то байду рассказывала, сказку...

...Еда почти кончилась. Был ещё непочатый ящик консервов, но Марк и Сашка ночью сегодня убежали и почти все консервы забрали. Дураки. Дорога завалена вровень с серединами деревьев. Я даже не злюсь на них, хотя они предатели. Дураки...

...Илья застрелил овцу. Смешно – прямо рядом с домом...

Плечистый светловолосый паренёк лет шестнадцати, тепло одетый, рядом с трупом овцы – поставил на него ногу, под мышкой – ружьё.

...Почти у всех болят глаза и голова. Тошнит. Несильно, но всё время, так погано... Толька сказал, что это лучевая болезнь и что всё вокруг радиоактивное. Но испугаться не получается. То, чего не видишь, не страшно...

...Есть нечего. Кажется, мы тут уже седьмой месяц. Или я попуталась? Но уже реально очень долго. Ни на что не надеюсь, но младшим всё время говорю, что нас скоро найдут. Илья, Маринка и Толька тоже так говорят. Тошка молчит, он уже давно почти всё время молчит или огрызается...

...Тошка сказал мне, что мы так умрём с голоду и что надо убить и съесть кого-то из младших. Я думала, он шутит и только обругала. Но ночью он хотел перерезать горло Светланке. Ранил её в плечо. Илья... я не могу говорить. Надо. Надо... Илья убил Тошку. Случайно. В драке, вырвал у того нож, а Тошка схватил ружьё. Илья ударил. Мамочка, как страшно. Толька и Илья отвезли Тошкин тр... труп в лес, на сколько смогли, и кинули там...

...У меня язвы на руках. И на щеке одна. Не болят, но мерзко так... Лёня один ничем не болеет. Только еле стоит на ногах от усталости. Он за всеми ухаживает, такой малёк. Когда у кого-нибудь получается набраться сил, то пытаемся помогать. Но нечасто. Падаем...

... Первый раз в жизни пыталась молиться. Глупость, конечно. Толька тоже молится, но как-то странно – солнцу...

... мер...

...умер...

...умерла...

...умерли...

...умер...

...Илья и Маринка умерли в одной комнате и почти одновременно. Лежали на кровати, обнявшись. Я завидовала раньше, что Маринка красивей меня, но в последние дни она превратилась в живой скелет, ужасно. И всё-таки Илья её обнимал. Я кое-как заколотила

дверь в их комнату. Глупо, зачем? Но подумала, что так им будет спокойнее...

...Интересно, холодно ведь, и Тошкино тело, наверное, просто замёрзло. Как мясо в морозилке. Нет, про это думать нельзя. Я не буду думать про это...

...Только принёс лису. Лиса тощая и больная. Она ела там, в лесу... ну, Тошку ела. Только сказал, признался, что ходил в лес, чтобы принести человечины, а нам сказать, что убил кого-то. Но там была лиса, и он принёс лису. Лёг и не встаёт. Ничего не видит...

Голос поскрипывает и шуршит...

...Мамочка, мама, где ты, мамочка?! Умерли все. Живы только Лёня, я и Толька. Но Толька уже двое суток не приходит в себя. У него отовсюду течёт кровь, даже из глаз. У меня тоже часто начинается. Я помогла Лёне собрать вещи и остатки еды, он нашёл лыжи. Не хочет уходить. Боится один и говорит, что будет предателем, если нас оставит. Глупый, мы уже умерли. Конечно, он всё равно никуда не дойдёт, но зачем ему одному в доме с мёртвыми. Мне его жалко, как он останется один в восемь лет и в таком мире? Но всё-таки. Отдам ему коммуникатор. Себя не фотографирую. Зачем снимки лысого скелета? Прощайте все. Если кто когда это всё услышит и увидит, то хорошо. За что нас убили? Кто нас убил? Я ничего не знаю. Я только очень хочу верить, что это всё зачем-то было нужно. Что в этом был хоть какой-то смысл. Иначе всё слишком уж страшно. Лёня, бери и иди...

Снимок – худое лицо мальчика в меховой оторочке капюшона, большие глаза без слёз, губы что-то говорят. Неслышно, но видно, что – умоляюще.

Запись – без изображения, мальчик всхлипывает, маленький, голос рвётся и дрожит...

...Я уже много дней иду. Есть нечего. Холодно и очень страшно. Я умру, наверное. Все умерли и я умру. Живых никого нет нигде. Мне страшно, мне страшно, мне страшно...

Снова ролик – всё качается, всё дёргается, слышно, как кто-то хрипло дышит и твердит, голос детский совсем, еле слышный:

– Дошёл... я дошёл... помогите...

В полутьме приближается тёмная масса и мощный свет прожектора, он слепит съёмку. Плачет мальчик...

...Зал вздрагивает – волной, потому что экран гаснет и на сцене – в круге света – Олег. В форме. Немного бледный или так кажется от света? Неважно... Теперь уже – его голос:

– Лёня Васильев дошёл до людей. И это оказались **люди**, не звери в человеческом обличье, каких было много тогда. Его правнучка передала нам этот уцелевший прибор, коммуникатор, и мы прочитали записи на аппарате, собранном в отряде по чертежам, присланным из Верного.

По залу – снова волна. Выдох. Единый, дружный. И слышные то тут, то там отчётливые всхлипы. Олег делает шаг вперёд и в сторону, свет плывёт за ним...

– Лёня Васильев дошёл до людей и увидел вернувшееся Солнце. Оно светит нам и сейчас. Всем нам. Хотя... – Олег вскинул голову, обвёл взглядом зал. – Иногда я думаю: зачем оно светит? Не противно ли ему – после всего, что было **тогда**! – освещать то, что есть **сейчас** ?!

На экране – всплывает эмблема: белая с зелёной полосой поверху и с большим красным персиком в середине, с надписью «ППА – Партия Плоды Азии».

– Партия «Плоды Азии», – говорит Олег. – Ассоциированный член Большого Совета Латифундистов... – Мелькают кадры: машины, экипажи, кабинет, за овальным столом – холёные люди, их лица – ближе, улыбки, снова эмблема, грузовики везут ящики, ряды бидонов и банок.

Ряды фруктовых деревьев. Между ними – тоже ряды, ряды женщин, согнутых под тяжестью корзин за плечами. Лицо – в коричневом загаре, глаза запали, в этих глазах почти ничего осмысленного.

Всадник-надсмотрщик – с пистолетом на поясе, с длинным гибким хлыстом, на конце которого отчётливо видна молния электроразряда. На груди также отчётливо видна эмблема...

Спина – детская. Гноящиеся рубцы от «обычных» ударов плетью.

Шалаш. Около него худая старуха варит что-то в котелке, и спят вповалку на чём-то вроде одеяла сразу несколько человек, взрослых и детей.

Ладонь – натруженная, грубая. В ней – несколько бумажек. Деньги. Смешные даже по здешним меркам. Подачка. Но это не подачка – это плата за каторжный, надрывающий тело и душу, труд. Хуже подачки. Оскорбительней.

Бумажник – пальцы с хорошим мужским маникюром небрежно считают крупные купюры, распирающие дорожную кожу.

Большой цех, линии конвейеров, банки, банки, банки... клубника, виноград... Дети у конвейеров, самым младшим – по 4–5 лет. Все – голые. У каждого рот закрыт маской-кляпом, замкнутым на затылке.

Опрокинутая банка – томатный сок, кажется. Но лужа на полу похожа на кровь.

На экране вращается хорошо знакомая всем эмблема «Энергии» – бегают по своим путям шустрые элементарные частицы, вращается эмблема, крутится колесо едущего автопоезда, вспыхивают над роскошным кварталом ряды лампочек, световые рекламы, узоры из огней...

...В постели – на узкой кровати в маленькой комнате – истощённый человек. Руки и губы в язвах. Он что-то говорит.

Крутится эмблема.

Вагонетка, в ней – хмурые люди, взрослые и дети. Надвигается, растёт, поглощает экран чёрный зев шахты. В темноту проваливаются расширенные глаза ребёнка в вагонетке.

Штрек. Луч фонаря. Испарения из щелей. Рабочие – как гусеницы в прогрызенных ходах. На полу – дымящиеся лужи.

Обогатительный цех. Мальчишка – голый по пояс, чёрный от грязи и лоснящийся от пота, со смехом – искренним, детским – показывает в камеру снятую с лица повязку из марли, потом сплёвывает – слюна перемешана с грязью, чёрный шматок...

Крутится эмблема.

Закрытое простынёй тело на носилках у подъёмника. Видно, что рядом, отдельно, лежит правая нога, простыня вся в пятнах крови.

Хижины, собранные чёрт-те из чего. Дети рядом с ними – рахитичные, грязные, похожие на больных зверьков.

Кладбище. Ряды простых могил. Даты. Между датами – 30, 25, 20 лет. 15, 12, 10, 7... На заднем плане – дорога, по ней идут всё те же поезда с эмблемами.

Улицы Верного. Беспризорики.

Бандиты с юга – джунгли, оружие, настороженная походка злобных трусливых крыс.

Вспоротые мешки с белым порошком, клеймо на ткани, на совсем чужом языке, буквы-черви, внизу появляется перевод, мерзкий в своей циничности:

ЗОЛОТОЙ СОН.

Прозрачное пламя из чёрного скошенного патрубка охватывает мешки и валяющиеся тут же трупы, за стеклом маски огнемётчика – юное лицо с безжалостными серыми глазами и плотно сжатыми губами. Руки – сильные руки воина. Огнемёт выплёвывает струю за струей. Горит дурь...

Крутится значок... крутится...

Бахурев – оскаленный, со сжатым кулаком перед лицом. Перед ним – сидят люди в дорогих костюмах, на лицах – открытый страх, в глазах – затаённая ненависть. Такая же ненависть к этим, сидящим за столом – но не чёрная и тягучая, а горячая, светлая – в глазах двух молодых адъютантов-офицеров, застывших по сторонам от президента...

Темнота.

Тишина.

Экран гаснет, зажигается свет, но не весь – боковые плафоны. На сцене уже нет Олега,

стоит государственный контролёр безопасности Виктор Данилович Макарычев. На экране возникает таблица – это уже не кино, это просто слайд. Большой и чёткий. Сделав шаг в сторону, Виктор Данилович поднял руку, показывая на слайд.

Цены на товары и услуги (в рублях РИ)		
	Русская Империя	Республика Семиречье
средняя заработная плата, мсц.	120	50
Вид товара или услуги		
1 кг ржаного хлеба	6 коп.	24 коп.
1 кг картофеля	5 коп.	36 коп.
1 л молока	10 коп. (пастеризованное в магазине), 16 коп. (цельное на товарищеских рынках)	52 коп. (пастеризованное в магазине), 30 коп. (разведённое водой на рынках)
1 кг мяса	60 коп. — 1 руб. в магазине (1,5–2 руб. на товарищеских рынках)	3–4,3 руб. в магазине (5–12 руб. на рынках)
1 кг лучшего сливочного масла	1,2 руб. (1,7 руб. на товарищеских рынках)	3 руб. (7 руб. на рынках)
квартплата, мсц	50 коп. — 1 руб. (для госслужащих некоторых категорий — бесплатно, для владельцев личного дома — бесплатно)	5–15 руб.
1Квт/ч электроэнергии	14 коп. (от товарищеских сетей — бесплатно)	15 коп.

газ и вода	бесплатно	при их наличии (36 % жилищ) — 20–50 коп. мсц.
школьные учеб- ники	бесплатно	75 коп. — 2 руб.
школьное пи- тание	бесплатно (завтрак-обед)	40 коп. — 2 руб. (завтрак-обед)
школьная форма	бесплатно (комплект на год)	4–20 руб. комплект
кружки и секции на детских стан- циях	бесплатно	50 коп. — 12 руб. мсц.
16 дней инди- видуального летнего отдыха для взрослого (без бесплат- ной путёвки от организации или предприятия)	8 руб., включая че- тырёхразовое питание и эксплуатацию любого инвентаря	120 руб. только за жильё и питание
приём у любого врача	бесплатно	5–250 руб.
любое образо- вание	бесплатно	10–300 руб. мсц.

– Наглядно? – спокойно спросил Макарычев. И отошёл чуть в сторону, молча сел на угол стола у края сцены. Потом снова зло встал, подошёл, пальцем ударил по графе с ценами на электроэнергию в Семиречье. Снова отошёл, сел на стул. Отвернулся, помолчал. Слайды начали меняться...

Денис чуть прикрыл глаза. Покосился на лицо Насти – напряжённое и внимательное. Видит, на миг показалось ему... нет. Не видит. Почему она не видит?!

На слайдах была Империя. Школы, больницы и пляжи. Шахты, сады, улицы городов. Взрослые и дети. Денис ойкнул про себя – появился разведённый мост – Петроград! Город показывали сверху, в порту всплывал подводный рудовоз, вращались лопасти ветряков. Трасса Юницкого над оживающей северной тундрой. Трое мальчишек, развалившись на краю какой-то канавы, ломали арбуз, явно не замечая, что их снимают – все трое босиком, в шортах, на шеях – пионерские галстуки, все трое – перемазанные соком и пылью... здоровые и счастливые. Танцующая на сцене девочка. Хлебное поле – огромное, золотое, переливающееся, над ним – треугольник дельтаплана. Знамена на флагштоках возле Дворца Его Величества. Гвардейцы в карауле. Купол-шлем Святой Софии в Новгороде Великом. Колонна плотного, тугого пламени, поднимающая с поверхности Луны корабль. Марсианские красные пески, за прозрачной стеной любопытно тянется к ним молодой дубок, возле которого стоит девочка со скакалкой, в простом красивом платье. Полная звёзд Вселенная, из которой вдруг **проступают** глаза мальчика – со звёздными искрами в зрачках... Слайды шли, шли и шли...

– Покупая всё самое лучшее, живя в лучшем жилье, семья из пяти человек, в которой работает только один – и за среднюю зарплату, – может ни в чём не знать нужды, – снова заговорил Макарычев. – Ни в чём. Ни в одежде, ни в питании, ни в крыше над головой, ни в образовании для детей, ни в медицине для всех. Если работают двое – то такая семья может легко делать большие накопления на то, что называют «роскошью», и их сбережения не

съест никакая непонятно откуда берущаяся «инфляция». При этом, заметьте, проблема отдыха не встаёт вообще, так как если ты работаешь, а твои дети учатся, то тебе в отпуск, а им летом просто-таки **обязаны** предложить – тебе двухнедельный санаторий бесплатно на всём готовом, им – четыре недели детского лагеря с теми же условиями. В перспективе у нас – бесплатные хлеб, внутригородской транспорт, разнообразные комплекты одежды для взрослых и детей... А у вас что в перспективе?! – «Витязь» был зол, и Денис с изумлением понял вдруг, что на него так повлияли выступления пионеров, обычно контролёр сохранял спокойствие в любых ситуациях. – Повышение цен на электроэнергию до 20 копеек – при том, что вы сидите на этой энергии?! В Сербии и сотой доли ваших богатств нет, а электричество бесплатное, даже не как здесь у нас – **бесплатное**, потому что везде каскады построены, на всех речках!

– Да что ж ты как будто ругаешь нас?! – вдруг отчаянно, обиженно, хотя и не обозлённо крикнули из зала. – Мы, что ли, виноваты, что у нас вон и пожар, и потоп, и тридцать три несчастья?!

– А если человека не ругать, он быстро что-то делать перестает, – отозвался Макарычев и оперся на стол. Махнул рукой. Улыбнулся. – Я вас не ругаю вообще-то. Я вам... сочувствую. И я вижу, что вы – по крайней мере те, кто тут собрался, – и правда хотите выбраться из ямы, и правда в это верите, и правда делаете немало... Другие-то сюда не пришли. Я даже просить вас хочу... – Он вздохнул. – Рук не опускайте. Власть в Верном – в кои-то веки – за вас. И мы вас не бросим. Вы не дети, понимаете... да дети ещё и лучше взрослых всё понимают, сами видели... вы понимаете, что мы объявили войну дряни. Беспощадную – на уничтожение. Она сопротивляется. Она и дальше хочет сосать вашу кровь, ваш пот, будущее ваших детей – и жиреть. Мы – не дадим! Кто хочет – встанет рядом с нами. Вот и всё, что я хотел сказать. С праздником вас... **товарищи**. С Днём Солнца. Мы все видим его. И всегда будем видеть. Даже если тучи его и скрывают – ненадолго – мы его видим.

Зал зашумел – радостно, облегчённо и почти весело.

Пальцы Насти в руке Дениса вздрогнули.

* * *

Если честно, Дениса просто шатало. Те два часа, которые он просидел в актовом зале, не только не помогли отдохнуть – вытянули ещё больше нервов двойным волнением: от того, что было показано на сцене, – и от того, как он переживал за своих. Больше всего ему хотелось отправиться домой и улечься спать сразу, без ужина. «Праздник» вымотал его до предела, он подзабыл, что предстоит встреча с кандидатами, а вспомнил об этом, уже когда вышел на заднее крыльцо школы и, потянувшись, предвкушал путь домой.

По правде сказать, он разозлился. Появилась даже спасительная коварная мысль: сейчас дождаться их и приказным тоном сказать, что встреча переносится на завтра, **так надо**. Но уже в следующий миг Денис понял, что эта мысль не спасительная и даже не коварная, она просто подленькая.

– Ты тут? – послышался сзади голос, от которого сладко ёкнуло внутри. Денис обернулся; к нему шла Настя, которую в зале с извинениями было перехватил Гришка. Но сейчас она снова была одна – казачата, наверное, засели в клубе с пионерами. – Я слышу по дыханию.

Денис быстро – но так, чтобы не оскорбить, не задеть – взял её за руку, помог сесть на перила (опять ёкнуло, теперь уже сердце – когда он подхватывал девушку, сам прислонился рядом к стене).

– Наши там, внутри, буянят, – сообщила Настя. – Тебя поздравить можно: юнармейцы у нас давно есть, а теперь, похоже, и пионеры будут.

Денис воспрянул.

– Серьёзно?!

– Наши мальчишки, если что говорят – всегда серьёзно, иначе помалкивают, – с явной гордостью за «наших мальчишек» отчеканила Настя. – Ромка с Гришкой всю дорогу спорили, Ромка сказал: «На месте и посмотрим!» – а раз остались и говорят, значит – решено.

– Ну это просто замечательно! – Денис подался к ней, замер... потом всё-таки чуть подался вперёд и поцеловал девушку. Отстранился, стал смотреть в аллею за оградой из невысоких кованых прутьев.

– Не жалеешь, что приехала? Я к тебе и не подошёл почти ни разу, – спросил он. – И сидел с тобой, молчал...

Настя улыбнулась:

– Не жалею.

За оградой неспешно проехала машина; слева, от главного входа, послышался разговор:

– Ну, это уже не столь существенно. Линия намечена, теперь надо просто выполнять.

– Однако есть некоторые нюансы...

В сторону заднего крыльца шёл Макарычев, сбоку от него – Кенесбаев. Денис скользнул по ним взглядом... и отчётливо увидел, как от остановившейся машины к ограде подходит бесшумный и очень быстрый человек. Лохматый и безликий. Подходит, поднимая правую руку очень знакомым жестом.

В следующий миг Денис сделал сразу несколько вещей. Одновременно.

Он встал между оградой и Настей.

Он выхватил из сумки «Байкал».

Он крикнул:

– Дядь Вить!

Увидев вспышку выстрела, казалось, заполнившую весь мир, он успел подумать: «Мне – в лицо! Убит?! Свет же очень быстро... а пуля...» – потом что-то ударило рядом в перила, чвакнуло, жикнуло, обожгло левую руку выше запястья, выше часов. Сам выстрелил – не глядя, ослеплённый, по памяти – услышал второй выстрел врага, боковым зрением увидел, как Кенесбаев неожиданно ловко присел, тоже выхватывая пистолет, а Макарычев дёрнулся всей правой стороной тела... но...

Виктор Данилович действовал очень быстро, хотя и стрелок бил с редкостной скоростью – недаром первый выстрел он сделал инстинктивно в Дениса, на звук, – источник явной опасности. Как все «витязи», Макарычев умел стрелять обеими руками и использовал произошедшее мгновенно и безошибочно. Сместившись вниз-вперёд-вправо, он неуловимым движением выхватил «Байкал», такой же, как был у Дениса. Выхватил левой и выстрелил – из-под лохматого словно выдернули тропинку, он подскочил, раскинул руки, взбрыкнул ногами и грохнулся навзничь. Его сообщник в машине рванул было с места, но сразу выпустил руль и свалился боком на сиденье – вторым выстрелом Макарычев попал ему в правое плечо.

Народу кругом сразу оказалось очень много, и самого разного, и у многих в руках было оружие. Начался шум, беготня... Гришка и казачата встали стенкой около Насти – все с пистолетами. Олег подскочил к Денису:

– Что с тобой? В руку попал?

– А? – Денис посмотрел: неглубокий порез, наверное, щепкой, отколотой пулей щепкой. Не отвечая, подбежал к Макарычеву, который поднялся на ноги и держался за плечо.

– Дядь Вить, – Денис даже не понял, что снова назвал Макарычева так, – давайте я перевяжу, у вас кровь сильно...

– А ну-ка пусти меня. – Валерия Вадимовна, бесцеремонно отеснив сына, привычно-ловко взялась за дело. А Денис почувствовал руку на плече – вздрагивающую, плотную, тяжёлую. Обернулся – это был отец.

– Тебя не задело? – спокойно спросил он.

– Нет, – покачал головой Денис. – Так, щепкой царапнуло. – Он лизнул порез, поднял

на отца глаза.

– Хорошо, – так же суховато-спокойно произнес Третьяков-старший.

...Водитель был мёртв. Между оскаленных зубов за посиневшими раздвинутыми губами выступила кровь, на сиденье лежал мелкий стеклянный сор от ампулы. Кенесбаев, осматривавший машину в лучах двух фонарей в руках полицейских, буркнул, выпрямлясь:

– Да уж. Это не уйгур. Это ваш брат, европеец. Что ж такое, работа своим ходом прямо на праздник приезжает...

Разговор как-то отлёз Дениса в сторону. Он хотел подойти к Насте, но внезапно увидел у угла здания молчаливую плотную кучку мальчишек и девчонок. И тех, что приходили утром, – и... Да. Их было явно не тридцать четыре, а побольше...

Денис подошёл к ним вплотную. Снова лизнул порез, который всё ещё кровоточил. Убрал в сумку пистолет – оказалось, он продолжает сжимать оружие в руке. И после этого спокойно спросил:

– Ну что? Все желают продолжать разговор о приёме в пионеры?

* * *

Грузопоезда из Верного пришли в Седьмой Горный на следующий день. И получилось так, что первым встретил их как раз Денис. День был воскресный, а точнее – это было раннее воскресное утро, Денис так и не ложился, потому что проводил Настю и казачат (нагруженных кое-какой литературой) за околицу, на дорогу, долго стоял там – и, когда шёл домой к спящему после праздника посёлку, то уже рассвело.

Он устал так, что почти спал на ходу. И даже шум – мерный посвистывающий рокот – на подъездной дороге с перевала не сразу привлёк его внимание. А когда всё-таки привлёк, то Денис – отупев от усталости и разнообразных переживаний – не сразу смог понять, что видит. Тем более что хорошо знакомые с детства грузовые поезда Дорожного Корпуса Империи тут казались призраком. Фантомом.

А потом из туч выкатилось солнце.

И Денис как будто проснулся.

И увидел – на первом контейнере переднего грузопоезда размашисто написанное огромными **весёлыми** буквами цвета пламени –

Дениска, чёрт!

Это мы!

ПРИНИМАЙ!!!

От пионеров Петрограда –

пионерам Семиречья!

– Ураааа!!! – заорал Денис и, размахивая руками, побежал навстречу махинам – медленно ползущим, добродушным каким-то, в сравнении с которыми помеченные значками электрона автопоезда «Энергии» казались мелкими букашками...

...Денис понял, что он идёт рядом с передним автопоездом, держит руку на оранжевом выпуклом борту и улыбается – широко, неосознанно, почти глупо – улыбающемуся в ответ – с высоты второго этажа, из кабины – водителю в чёрно-золотой форме гражданского Дорожного Корпуса. «Империя пришла, моя Империя», – бессвязно, прыгающе, радостно металась в голове мальчишки мысли, и он смаргивал радостные и гордые слёзы. Под его ладонью в могучем корпусе машины мягко урчало – работал неутомимый вихревой генератор.

– Что тут, дядя?! – как маленький, прокричал Денис, задирая голову. Из кабины ответил рокошующий бас:

– Домб, пионер! Первый спецзаказ! «Сибиряки», не абы что!

«Папа! – мысленно крикнул Денис. – Это папа! **Имея это – постройте город ... Будет город! Будет ! Теперь – будет!**»...

...Дома «Сибиряк», разработанные ещё до ядерной войны, были надёжным типовым жилищем Империи везде, где требовалось быстро, качественно и недорого построить жилище. Базовый «Сибиряк». «Сибиряк-2» – для местностей с тёплым климатом. Простой наборчик панелей и коммуникаций превращал его в «Сибиряк-Сибирь» – для территорий, где температура падает до минус 80, а другой наборчик – в «Сейсмо-Сибиряк» – для районов с высокой сейсмоактивностью. Существовали наборы, модифицирующие базовый дом по желанию хозяина.

Каждый из автопоездов вёз шесть таких домов. Двухэтажные, из практически негорючей и обеспечивающей отличную тепло- и звукоизоляцию дельта-сосны и натуральных изоляторов, крытые листами естественно-пластмассовой черепицы, с шестиоконным эркером по фасаду на оба этажа, они имели пять основных комнат (три на первом, две на втором этаже), два холла (по одному на этаже) и три «комнатушки» под кладовые, туалеты, ванны и всякое такое. Дом можно было поставить на «обычном» фундаменте с котлованом, на опорных столбах с несущими тросами, даже просто на земле – с угловыми креплениями; был бы достаточно ровный участок почвы или возможность его выровнять.

Поездов было тридцать и, когда первый проезжал окраиной посёлка, последний ещё только появился на перевале. Третий, четвёртый и пятый по счёту поезда, впрочем, везли не «Сибиряки», а двухэтажные длинные жилые кунги, и с верхних площадок спокойно и внимательно озирали местность молодые мужики-строители – видимо, только что проснувшиеся.

Денис не мог понять, почему ещё не проснулся весь посёлок?! Ему казалось, что даже горы Голодного пустились в пляс от гула машин. Какое-то время он, уже откровенно рискуя попасть под колёса, то шёл, то бежал рядом с передним поездом, потом опомнился и опрометью бросился домой, долетев до родного крыльца как на крыльях. На крыльце, кстати, стоял отец, задумчиво разглядывавший парадный галстук.

– Паааа!!! – заорал Денис. Борис Игоревич выставил руку, пряча улыбку:

– Знаю. Сейчас едем встречать.

Но сын уже не дослушал. Промчавшись мимо, он с грохотом взлетел на второй этаж и вломился в свою комнату.

Вид спящего Олега его возмутил. Недолго думая, Денис вытряхнул друга на пол рывком за простыню, а когда тот сел на полу, ошалело и сердито глядя на разве что пританцовывающего перед ним Дениса, то услышал:

– Давай скорей! Звони всем, кому можно, я побегу, у кого телефонов нет – дома привезли!!! Поможем монтировать!

– Какие дома? Кто привёз? – забормотал Олег, проспавший всего четыре часа. – Ты что, мне через три часа на работу...

– Да не через три, а сейчас! – Денис, выведенный из себя медлительностью друга, поднял его рывком за руки. – Да проснись же ты, олух, ёлки зелёные! Наши «Сибиряки» привезли, дома привезли, вместо сгоревших будем ставить!!!

– А... да?! – Олег схватил Дениса за плечи. – Правда?!

– Вру! – смеялся в ответ Денис, ощущая, что чуточку сходит с ума и это невыразимо приятно. – Правда, конечно! Вон, в окно посмотри, их отсюда видно!

Олег подскочил к окну и застыл у него. Сперва его лицо было просто восторженным, а потом стало каким-то... странным. Непонятым. Словно бы... засветилось, что ли? Денис даже немного испугался и, тронув Олега за плечо, спросил:

– Эй, ты чего?

– Ничего. – Олег повернулся к нему. – Ничего. Так чего мы стоим?! – Он тряхнул головой. – Бежим скорее!!!

...Почти сто семьдесят домов в Империи могли обеспечить жильё такому же количеству семей. По здешним меркам такой дом был несусветной роскошью. Это были 125-е «Сибиряки», даже больше площадью, чем думал Денис; в каждом можно было установить

полуавтономную систему жизнеобеспечения, входившую в комплект. Конечно, в посёлке без жилья осталось почти вдвое больше семей, но кроме специалистов по монтажу (к слову, на монтаж одного такого дома требовалось около 30 часов работы бригады из семи человек, в числе которых мог быть всего один специалист) небольшого крана в Седьмой Горный приехали с полной документацией по технологии несколько гражданских офицеров, которым было поручено изучить местные условия и развернуть производство домов на базе Седьмого Горного и из местных материалов.

– Мы всей семьёй выскочили кто в чём был. – Пашка рядом с Денисом развёл руками, в глазах его было потрясение. – Ну... Я думал – горы пошли.

В глазах и голосе Бойцова, обычно спокойного и выдержанного, было восхищение с недоверием пополам. С перевала они примчались всей семьёй – посмотреть на прибывшее чудо.

Да, собственно, ими дело не ограничилось. Казалось, на главной площади посёлка собрались все. Словно вчерашний праздник ещё только должен был начаться. Последний раз Денис видел такое, когда смещали старого градоначальника. Даже Шульце был здесь. Вокруг него сплотились Пинаев, Семская и Пахомов; впрочем, насколько Денис мог различить со своего места, они выглядели просто-напросто растерянными. Амирова не было – его не было и вчера, по агентурным сведениям, директор «элитной» школы жестоко пил уже неделю, потому что из Верного ему сообщили о грядущем приезде департаментской комиссии. Бахурев произвёл в Департаменте Образования некоторые перестановки, в результате чего его прежний глава и ещё несколько крупных чиновников «пошли на повышение» – были повешены, – а их места заняли люди совершенно иного склада, и теперь комиссии ездили по республике, оставляя позади руины той пародии, которая раньше называлась в Семиречье «народным образованием». Над руинами постепенно начинало подниматься что-то, похожее на настоящее образование, но прошлым руководителям низового звена это служило малым утешением, их снимали с мест десятками и многих сажали, благо – было за что: у кого в школе работала порностудия (Дениса корёжило при этих словах, потому что он вспоминал комнату в Верном и мальчика с девочкой, прижавшихся друг к другу на фоне плотной шторы), кто украл всё, кроме самого здания, иные ухитрились заложить и здание... Жадность этих людей была настолько неистовой и нелепой, что Денис временами сомневался: может быть, ими стоило заниматься не отцовскому ведомству, а маме?

Зато Балаганов не только прислал двух из четверых имевшихся корреспондентов, но пришёл и сам, с кинокамерой. Лицо у «главвреда», как его окрестил Денис, не сумевший преодолеть неприязнь к редактору, было углублённо-вдохновенным – он явно составлял передовицу о «руке дружбы» или чём-то таком. Из группы сторонников Шульце на него кидали многообещающие взгляды, и Денис с надеждой подумал: может, дадут его в каком переулке свои же бывшие приятели – и нам хлопот меньше, и всем хорошо...

Пионеры выстроились отрядной коробкой, причём Денис, недолго думая, поставил позади основного строя и ещё официально никак не оформленное пополнение – двадцать семь мальчишек, восемнадцать девчонок, в возрасте от 9 до 15 лет. «Видимо, придётся укрупнять звенья и создавать ещё пару новых», – подумал он, но насладиться этой мыслью не успел, потому что на импровизированную трибуну – в кузов подогнанного «заготмясовского» грузовика – поднялся Харатенко – тот мужик, что приходил к Третьякову-старшему и разговаривал с Шульце (кстати, его сын и дочь вчера были на неожиданном пионерском сборе, а сейчас стояли в строю). Он выглядел очень смущённым и какое-то время просто-напросто молчал. Потом вдруг резко развёл руками – и необычно сильным голосом, который только немного подрагивал, заговорил. Его было слышно повсюду.

– Я думал, что такого и не бывает. Ну, не бывает такого, и всё тут. И все думали, что не бывает. Вот признайтесь: думали, что будем опять хибарки из фанерки лепить, да щели гов... гм... замазывать, что нету нам счастья. Думали?! – Площадь ответила утвердительным

ворчанием, как большой изумлённый зверь. – И я думал, говорю ж. Вчера сидел, слушал вон Виктора Даниловича. – Он указал на Макарычева, который – с закрепленной на перевязи рукой – стоял рядом с Полянцевыми и Третьяковыми-старшими. – Кивал, а про себя думал: эх, мил человек, видно, кто в грязи родился, из неё уж не выползет... А сегодня проснулся, нос высунул из времянки, вижу... – Харатенко опять замолчал. – В общем, так я думаю. Кто тут с пятой, с восьмой и с одиннадцатой шахт? – Тут и там раздались голоса, поднялись руки. – Крутится наша задумка?

– Крутится, ещё как! – откликнулся кто-то. – Работаем без надрыва, малолеток в шахте нет, а выработку уже прежнюю даём! Теперь ещё подтопленные шахты откачают – и...

– Думали мы то, что заработаем сверху, конечно, на семьи и на жильё новое пустить, – продолжал Харатенко, взмахом руки установив тишину. – Даже господин Шульце был не против. А теперь, слушайте меня... – Он откашлялся. – Я в Империи не был. Как там и что – не знаю. Но своим глазам верю, не слепой ещё пока. Дома у нас сгорели. Все видели. Из Империи нам новые прислали – вон они, разгрузки дожидаются, тоже все видят? Я к чему... – Он переступил с ноги на ногу, помялся. – Я не только за эти три шахты, я ко всем... Давайте так. Всю продукцию обогатительного за октябрь – в Империю. Не в «Энергию» и не в поселковый фонд даже. А имперцам. Я всё ж таки читал кое-что – у них с редкоземельными не очень жирно. Да и домам этим они бы, я думаю, и у себя место нашли... Так что это будет по справедливости. Ну и напишем там что-нибудь такое... писать я не мастер, вон, пионеры наши напишут. А если Арнольд Оттович уж очень сильно против такого – то мы на этот месяц по старинке забастовку объявим. Не помрём с голоду... особенно теперь.

Шульце надо было видеть. Нет, хладнокровие и сейчас не изменило ему. Но его глаза – безразличные глаза снулой рыбы – вдруг на миг отчётливо стали глазами попавшего в ловушку зверя. На миг. Всего на один миг. Но это увидели все.

– Я не против, – коротко ответил он.

Харатенко кивнул:

– Ну вот и отлично, значит.

– А почему бы вам не съездить в Империю? – вдруг спросил Макарычев. И в ответ на изумлённый молчаливый взгляд Харатенко продолжал: – Я не шучу. Побываете на наших шахтах. Возможно – в Поясе Астероидов. Посмотрите. Поучитесь. Поучите наших, наверняка найдётся чему. Через год вернётесь, думаю, что к тому времени как раз будет нужен **государственный** управляющий на здешние разработки. По-моему, вы на эту должность вполне годитесь, товарищ Харатенко.

– Я... – начал растерянно Харатенко, но его заглушили выкрики из толпы:

– Опа!

– Да не мнись, не жмись, обеими руками держись!

– От астероида кусок нам привезёшь!

– Свой человек начальником будет, из шахты! – слившиеся в конце концов в один добродушный одобрительный гул. И в этом гуле прорезался весёлый крик:

– Ну давайте уж за дело браться!..

...Как Денису показалось (он раньше никогда не видел, как ставятся «Сибиряки»), самым трудным было расчищать площадки под дома. У Аркадия Тимофеевича, оказывается, уже был подготовлен план застройки, очень тщательно и детально составленный, Денис даже заподозрил, что «рабочие кварталы» всё равно собирались сносить, и пожар как бы пришелся кстати... «Сибиряк», как говорилось, чуть раньше можно было ставить и без фундамента, но всё-таки котлованы рыли, тут же загоняли в них по четыре стандартные гранитные плиты в качестве стенок подвала и фундамента (с заранее вырезанными отверстиями под кабели, траншеи которых тоже стремительно тянулись от энергостанции – и отопление, и освещение в этих «Сибиряках» должны были осуществляться электричеством), а уже потом начинали ставить опорный каркас дома.

Если бы Денис посмотрел со стороны и достаточно издалека на происходящее в

Седьмом Горном, он бы поразился – на глазах росли даже не дома, а кварталы. Позже, когда он увидел этот процесс на фотографиях и плёнке, именно эта мысль и пришла ему в голову: **росли на глазах**. Но в те моменты ему было не до общих планов и определений, он занимался тем же, чем все остальные.

Он работал. По мере сил успевая объяснять всем, кто был рядом и интересовался, что тут и для чего предназначено, и с удовольствием видя в глазах тех, кто задавал вопросы, недоверчивое восхищение. А кругом – тут и там – мелькали имперцы-строители, инженеры, и Денис вдруг понял, как он рад этим незнакомым людям, взрослым, уверенным, весёлым, которые наконец-то явились наглядным доказательством Силы Империи. И понял, как ему было тяжело верить фактически одному и нести эту веру другим.

Вышло из-за туч и твёрдо осталось в небе солнце. По новым улицам тянуло дымком подъехавших из Лихобабыей полевых кухонь. В Думе как раз в это самое время решался вопрос распределения домов, и Валерия Вадимовна выступила с требованием: «опустившиеся» семьи, если они потеряли жильё и хотят его иметь, пойдут работать на планирующийся комбинат по строительству – пусть строят себе дома сами, а уж научить их этому – научат.

– Если же кто и дальше намерен жить в дерьме, – чеканила Третьякова, – нить, пить и радоваться тому, что им с новой властью общественная помощь закапала – я их из этого дерьма тянуть не буду. И помощи лишать не стану – не моя компетенция. Но я лично, как врач, с полицией пройду по таким семьям и заберу у них детей. Этого алкоголика Амирова вышвырну из его «школы» и устрою там интернат. Детям без родителей плохо. Очень. Всегда. Без любых. Но если родители до такой степени скоты, что этой огромной и чистой любви, этого святого детского терпения и великой привязанности не ценят – то они всего этого и недостойны. Пусть живут в грязи. А детям их я в грязи сгинуть не дам! Ну а если кто после такого пинка опомнится – я таким детей обратно на своих руках принесу... Вы в новом номере про это так и напишите, Александр Остапович. Дословно.

Балаганов, быстро черкавший в блокноте, уважительно кивал...

– Мебель для новых домов, всякое-разное – будем заказывать пионерским цехам и частникам, – говорил Лобанов. – Под новый выпуск поселковых бон или в обмен на взаимозачётные услуги. Получится как раз то, что надо... И ещё. Мы тут решили, Аркадий Тимофеевич, что пора нам и поселковую больницу строить, сколько можно Валерии Вадимовне на дому принимать? Оборудование выпишем из Верного, а больницу соберём из четырёх домов, мне имперцы-инженеры сказали, что это можно сделать... Если что – так у меня дом хоть и старый, но целый, а я там видел, меня на кой-то чёрт в список внесли – вот и считайте, что один дом под больницу уже есть...

– За оборудование чем платить будем? – спросил кто-то, но не так недоверчиво, как ещё недавно задали бы подобный вопрос, а скорее деловито, и Борис Игоревич ответил:

– Есть чем. С латифундий я только три дня назад получил немаленький штраф, то, что они уворовали, так сказать, за последний год. Думаю, что власти в Верном не будут против ещё одного взаимозачёта...

...Уже в сумерках – работа не утихала – Денис присел на тюк с уплотнителем, всего на полминуты, записать кое-что. Но вместо этого, даже не достав блокнота, откинулся к стене – против воли, незаметно, – и глаза закрылись сами собой.

Сквозь сон Денис слышал голоса, но откликнуться или даже пошевелиться не было ни сил, ни желания.

– Спит.

– Тише, он двое суток на ногах.

– Домой его надо.

– Ну-ка дайте...

Денис ощутил, как поплыл куда-то вверх и дальше – так и не просыпаясь, скорее наоборот – засыпая окончательно. Последнее, что он услышал, было:

– А ведь дитё дитём, когда спит-то... спи, отдохни малость, моторчик наш

неугомонный...

...Когда Харатенко, осторожно постучав в дверь ногой, предстал перед Ольгой Ивановной с Денисом на руках, Ветлугина обомлела и охнула:

– Да что с ним?! Избили?! – Потом увидела на руке Дениса засохшие потёки крови (он во время работы несколько раз заново ссаживал глубокую царапину от той щепки, отколотой пулей) и испугалась ещё больше: – Стреляли?!

– Да ты что?! – в свою очередь, изумился, но не испуганно, Харатенко. – Кому там бить и стрелять?! Да вся плесень сейчас попряталась по темным подвалам и дышит через раз, Оль... Умотался он. Сел на стройке в угол, да и уснул махом. Показывай, куда его нести-то. И, если можно, плесни мне чаю, я поест так и не успел. А остальных не жди, кто где работает, тот там и заночует.

– Я им после разнесу, я ведь ужин приготовила, – заторопилась Ольга Ивановна. – Давай сюда, наверху его комната...

Денис и не подумал проснуться, даже когда его раздевали. А Ольга Ивановна, только что забравшая в стирку всю его одежду (кроме галстука, который с почтительной робостью осторожно развесила на спинке стула), со вздохами медлила и рассматривала весьма грязного мальчишку... но, в конце концов, решительно прикрыла его простынёй и вышла тихо, погасив свет.

Денис спал. Ему снился огромный сад – или, может быть, светлый лес, – в котором он гулял с Настей и показывал ей всё-всё-всё вокруг.

Он на самом деле мог ей всё это **показывать**, потому что во сне Настя **видела**.

Глава 3 Полёт журавлика

С самого утра заморосил дождь, серый и тёплый, и у Дениса из-за этого было отвратительное настроение. На первые выходные ноября, к Дню Памяти Предков⁵ – через неделю – намечался двухдневный полевой выход в лес для новичков с их принятием в пионеры – все вопросы наконец-то утрясли, но именно у Дениса толком ничего готово не было. Весь октябрь он крутился как белка в колесе. Только вчера уехал корреспондент «Пионера», оказавшийся девушкой – энергичной, весёлой и очень любопытной. Она не только набрала материала на статью о том событии с уйгурской ордой – она просидела в Седьмом Горном пять дней вместо двух, обозначенных в командировочном листе. По её собственному признанию, за это ей на работе «намылят шею, но дело того стоит». Ей понравилось всё, но больше всего поразили библиотека и Генкин музей. Генка от гордости ходил с блестящими глазами, розовый и старательно делающий вид, что это всё не его заслуга. Побывала настойчивая девица и у Мишки на хуторе «Дружба», который как-то сам собой превратился в опытную сельхозплощадку отряда, и на перевале у Бойцовых, причём Денис чуть ли не на коленях умолил Кенесбаева дать ей для этих поездок в конвой двух полицейских, а когда Кенесары Ержанович, по уши сидевший в так и не раскрытых делах о поджоге посёлка, провокации с уйгурами и покушении на Макарычева, полицейских-таки выделил, то выяснилось, что девица скачет верхом намного лучше их, носит в поясной сумке «ТТ» и с десяти метров попадает в два одновременно подброшенных ореха. Девчонки в отряде были от корреспондентки без ума и долго расспрашивали у Дениса, кто она такая и что он у неё читал. В конце концов, расспросы эти его вывели из себя... Как будто в Империи все всех знают, если честно, фамилия девушки Денису была совершенно незнакома.

Между прочим, поселковые власти наградили отряд – коллективно – новым

⁵ 8 ноября – один из двух праздников, посвящённых памяти предков. В этот день под лозунгом «Так мы будем чтить наших павших!» вспоминают тех, кто отдал жизнь за Родину.

киноаппаратом, выписанным из Верного. Именно за то «дело с уйгурами», как полужавистливо-полууважительно выразились казачата из Лихобабьей. Тут же добавив, впрочем, что уж у них-то ни один уйгур вообще не ушёл бы. А как же. Ого! От макушки – и до жопы. И только так...

...Как раз, когда Денис провожал «пионершу» на перевал, позвонила Настя, а его не было дома, и она ничего не передала. Потом, вернувшись, он съездил в Лихобабью, чтобы побывать у Мелеховых хоть часок (надо же знать, как там у казачат дела с пионеротрядом?), но выяснилось, что Мелеховы всей семьёй уехали в Балхаш к какой-то родне, и Настя, конечно, как раз и звонила, чтобы об этом предупредить. И, похоже, обиделась на его отсутствие... На обратном пути Серый захромал, у него разболталась подкова, и Денис это должен был заметить раньше... Короче – «всё плохо», как говорил иногда Войко, по которому Денис вдруг заскучал так, что впору было завывать. Ну а уж дождь со следующего утра и вовсе был не иначе, как точно рассчитанной провокацией Злых Сил...

Хорошо ещё, что это был воскресный день, и Денис, намеревавшийся ещё вчера провести хотя бы половину этого дня с Настей, с утра взбунтовался против всего на свете и даже самого себя. Олег предложил ему сходить в «элитную» школу, чтобы посмотреть на месте, что и как, – кстати, предложение было разумным, статус этой школы за последний месяц тоже сильно изменился. Сама по себе-то она сохранялась, но становилась филиалом народной школы посёлка. Поскольку помещений там было явно не по числу контингента, Валерия Вадимовна сцепилась с собственным сыном в яростной схватке – ей были нужны площади под обещанный интернат и фельдшерскую школу, Денису – под пионерский кинозал и спешное расширение столярного цеха. В жестокой битве была «одержана ничья», как облегчённо выразился благоразумно державший нейтралитет Третьяков-старший, и мать с сыном поделили первый этаж, разве что колючую проволоку по границе не натянули, а друг с другом не разговаривали целый день, пока Денис не приплёлся вечером в кабинет Валерии Вадимовны и не сунул молча голову ей под руку, получив сперва шелбан, потом вздох, поцелуй и шёпот: «Лисёнок ты кусачий». Потом мама коварно фыркнула сыну в ухо, и Денис с возмущённым воплем отскочил...

Грустный и синий Амиров, успокоенный парой уколов, уехал в недавно открытый в Верном новенький ЛТП – лечебно-трудовой профилакторий. За ним прибыла персональная белая машина с красным крестом, женщиной-врачом и двумя дюжими ласковыми мужичками, сноровистыми и выученными, будто императорские пластуны, не меньше, потому что Николай Игоревич ещё до их приезда сел в крепкую оборону, размахивал с балкона топором и громогласно обещал, что уж если он вчерашним чертям не дался, то никакие комиссии его живым подавно не возьмут. Предательский удар в спину доблестному – и уже ясно, что бывшему, просто по факту белой горячки – директору нанесла собственная насмерть перепуганная жена, которая коварно и подло открыла санитарам дверь чёрного хода. Сама она с обеими дочерьми поехала следом за «кормильцем» – в Верный. В Седьмом Горном ей, всю жизнь широко жившей на стыренное мужем из бюджета, ловить было нечего. А вот оставшийся контингент учителей и – главное – учеников был настроен к подчинению «школе голодранцев» резко негативно, из-за чего Денис предвидел немало неприятностей в будущем. Причем уже в близком. Он пока ещё не провёл в новоявленном филиале ни единого урока истории или астрономии, но ожидал их, как схватки, и был уверен, что не ошибается.

Но ему до такой степени захотелось побыть одному, что прямо во время завтрака он заявил, что Олег сходит туда один, тем более что Танька Васюнина и Санька Бряндин тоже собирались, так что даже и не один – а он, Денис, пойдёт и поищет место для полевого выхода, который, кстати, уже на носу. Олег немного ошалело возразил, что вроде как дождь идёт, да и вообще – но Денис только буркнул, что он уже решил и поступит именно так. Получилось некрасиво и грубо, он и сам это понял чуть позже, уже когда шагал по тропинке через лес – к озёрам. И, конечно, быстро промок насквозь.

Тропинка, впрочем, за последний месяц разрослась и превратилась в дорогу,

выложенную пригнанными бетонными плитами, на которых сейчас мелко пузырились тёплые лужицы. Дело в том, что закончившие работу в посёлке строители – не все, но многие – далеко не ушли. У них было ещё одно дело. Колонна более лёгкой техники перебралась к цепочке озёр, и там началось какое-то строительство, о котором толком никто ничего не знал, пока официально не объявили, что строится экспериментальный геотермальный комплекс. Плюс к этому начинает свою работу постоянная экспедиция Министерства Недр. Собственно, Денис как раз и подумал – а что, если встать лагерем в лесу неподалёку от озёр и заодно провести экскурсию, чтобы новенькие увидели, как люди работают? Для начала будет неплохо, а летом, в каникулы, можно будет уйти всем отрядом в большой поход, недели на две-три, на хребет. А потом – съездить в Петроград к своим. Хотя бы на месяц...

От этих мыслей настроение немного улучшилось, и дождь перестал. Как-то сразу. Удивительно даже – оглянувшись через плечо, Денис увидел в метре от себя за спиной на луже рябь от надоедливой мороси, а впереди на точно такой же луже уже ничего не было. Он ещё немного постоял на этой дождевой грани, расставив руки (на одну сыпало, а вторая постепенно высыхала, это было смешно и интересно), а потом увидел трусящего со стороны посёлка Презика.

– А ты куда?! – возмутился Денис, когда пёс догнал его и остановился рядом. Толкнул его в загривок. – Тебя звали?

Но гнать Презика не стал. Окончательно превратившийся в мощного молодого пса Презик последнее время по вечерам часто совершал длительные прогулки, спать и есть стал намного меньше, и против его компании Денис в целом ничего не имел: пусть пробежится. Тем более что дорога в хмурую погоду была мрачноватой даже сейчас, когда её расчистили и благоустроили. Правда, со стороны прудов уже был слышен доносящийся лёгкий шум, так что одиноким себя Денис не чувствовал, но с Презиком – лучше.

Презик вдруг гавкнул. Гавкнул дружелюбно, не зло – и Денис не успел ничего подумать, как с дерева, сбоку от дороги, упруго спрыгнул и встал в рост Володька.

– Привет, – как ни в чём не бывало объявил он, потерев шерсть на спине тут же подбравшегося к нему Презика. Маленький певец-бродяжка был в какой-то большущей куртке (а как же, зима наступает!), доходившей ему рукавами и лапами до колен, в подвёрнутых грязных штанах и, конечно, босиком – но в то же время в своем обычном весёлом настроении.

– Привет, – радостно и в то же время немного смущённо ответил Денис. Володьку он за весь этот месяц видел урывками – то тут, то там... Помнится, ещё удивился, что его, вездесущего, не было в самом начале восстановления сгоревших кварталов... а на следующий день он уже появился, помелькал – и снова исчез ненадолго. Опять появился – и потом опять исчез... Выглядел он вполне довольным собой и жизнью, и Денис, у которого хватало неотложных проблем, добавлявшихся снова и снова взамен решённых, хотя и рад был видеть Володьку, но по-настоящему о нём не беспокоился. Да и почти не думал, пока не видел. Почему-то просто не получалось, словно никакой другой жизни Володьке и не было прописано в принципе. – А ты... чего тут?

– Да, гуляю, – беспечно пожал Володька плечами. – А ты куда?

– На озёра, – махнул Денис рукой. И предложил – так вырвалось, сам не зная почему: – Пошли со мной?

– Пошли, – охотно и радостно кивнул Володька, даже не уточнив, зачем туда несёт Дениса. – А твой Презик с нами?

– С нами, с нами... Ты там был?

– На прудах? – Володька помотал головой, на ходу запуская пальцы в шерсть довольного этим пса. – В смысле это последний месяц не был. Там строят чего-то. Я всё хотел сходить, да был занят. Я бы и сегодня не собрался.

– Чем занят-то? – Денис покосился на шагающего рядом мальчишку. Володька пожал плечами:

– Так, всякое-разное. Жизнью. Личной. – И тряхнул головой, сбрасывая с глаз мокрые от дождя пряди волос. Посмотрел на Дениса и нерешительно произнес: – Слушай... а помнишь, ты мне говорил про Детский Императорский Хор? Какой он, расскажи, а?

Денис озадаченно споткнулся. Если честно, его никогда не занимала мысль о том, «какой» этот хор. Хор и хор. Сам хороший певец, Денис немного завидовал мальчишкам, которые там пели. Ну – когда был один раз в Великом Новгороде, то ходил около их школы; ничего особенного, школа как школа – и ещё смог попасть на небольшой концерт «Песни ветра», отличный был концерт... Некоторые из тех мальчишек – но мало кто – профессионально пели и потом, повзрослев. В общем, всё обычно и известно всей Империи, хор был такой же неотделимой её частью и предметом гордости, как космофлот или медицина. Некоторые девчонки (по-честному – не так уж мало) влюблялись в ребят из хора и даже коллекционировали их фотографии. Конечно, вся Империя «болела» за хор на разных конкурсах, особенно когда соперником выступал не менее знаменитый англосаксонский детский хор «Hlutor Neofones Gim». Ну и что?

Но внезапно Денис понял, что это для него «ну и что?» А для Володьки это – словно красивая сказка про иной мир.

Он вздохнул и начал рассказывать про хор всё, что мог вспомнить. Выяснилось, что помнит он много, а Володька был невероятно благодарным слушателем – даже вперёд иногда забежал, чтобы буквально заглянуть Денису в рот, глаза горели, он то и дело явно порывался что-то спросить, но при этом боялся перебивать Дениса... Презик трусил рядом и тоже слушал явно одобрительно. Но потом вдруг гавкнул – и мальчишки поняли, что пришли. И, остановившись, запрокинули головы.

Озёра было не узнать. И дело заключалось не в том, что на его берегу вырос небольшой посёлок – к которому и вела дорога. Но дальше-то, дальше!

У берега, возле причала, среди нескольких лодок и катеров, чуть покачивался жёлто-чёрный батискаф – крышка люка откинута, несколько человек что-то оттуда выгружали. Дальше – серо-алой стрелой – рассекал озеро мол, рядом с которым в бездонную – по легенде – глубину уходили две первые колонны станции: похожие на серые исполинские трубы, на нескольких уровнях соединённые казавшимися отсюда паутинными тросиками. На самом деле – Денис знал – толщина этих «паутинок» была около метра и каждая – свита из сотен сверхпрочных стальных канатов. По этим паутинкам быстро передвигались...

– Ёлочкиииии! – вырвалось у Володьки даже с каким-то присвистом. – Там люди!

Денис, которому не в новинку были подобные стройки, тем не менее полностью разделял удивлённый восторг семиреченского мальчишки. Как было и всякий раз при виде такой картины, он испытывал чувство гордости и радости... и ещё – какой-то ему самому не до конца понятной **причастности** к чему-то огромному и сильному.

– Пойдём туда, а?! – Володька запереступал на месте, снова, как во время рассказа про хор, заглядывая в глаза Денису. – Ну пойдём, а?

– Пошли, – кивнул Третьяков-младший, сам испытывавший желание посмотреть на стройку вблизи.

Мальчишки, между которыми бежал пёс, заторопились по дороге на берег. Но почти сразу были вынуждены остановиться – около небольшого капонира из блоков и мешков с песком их остановил Чёрный Гусар – в боевой форме, на которой только нашивки выдавали его принадлежность к гвардии президента, с автоматом на груди, он, широко расставив ноги, поднял и вытянул длинную руку в перчатке без пальцев:

– Halt.⁶

Денис ощутил, как напряглись Володька – испуганно и Презик – зло. Гусар осмотрел всех троих холодными бледными глазами человека, стоящего настолько даже не **выше**, нет, а – **перпендикулярно** окружающему миру, что становилось жутковато, и продолжил:

⁶ Стой (нем.).

– Papieren⁷. Документ.

В капонире было видно в бойнице дуло пулемёта...

Денис достал пионерское удостоверение, протянул, внутренне ощущая робость и неловкость – а что, если завернёт сейчас? Но немец совершенно неожиданно, изучив книжечку, вернул её Денису и, козырнув, спросил:

– Экскурсия?

– Да, – кивнул Денис. Гусар показал на Володьку подбородком:

– С тобой? – Денис кивнул; немец ему всё равно не нравился. – Не идти за красные линии. Собака тоже. Проходите. – И повернулся, как на невидимом шарнире, давая дорогу.

Володька несколько раз оглядывался на капонир, потом, когда расстояние уже стало достаточным, пробурчал:

– Немец-перец-колбаса... бэббэ... – и показал язык. Но, видимо, тут же забыл про неприятную проверку, потому что обида помешала бы вертеть головой.

Людей на берегу было не очень-то и много, разве что возле большой палатки с надписью «КУХНЯ» шла работа да на том же причале. Видимо, работы в воскресный день были в разгаре. На самом озере виднелись несколько больших платформ – плавающих – на которых тоже что-то делали; к одной уходила над самой водой гирлянда из полупрозрачных катушек, нанизанных на толстый металлический трос. Катушки двигались – короткими рывками. Мальчишки с собакой невольно, притянутые этим движением и его непонятностью и важностью, подошли к берегу, почти к самой воде, где была выложена гранитная отмостка с пешеходной тропинкой, ограждённой лёгкими перилами поверху. Здесь ближайшая колонна казалась и вовсе чудовищной, как великанская мишень для городков.

– А это что?! – жадно спросил Володька, садясь на корточки и обнимая Презика. Денис смутился – он не знал, – но признаться в своём невежестве не успел. Из-за спин мальчишек весёлый мужской голос пояснил:

– Изоляционные катушки. Как на обычных проводах, только сам видишь, чуть побольше.

Мальчишки быстро оглянулись, и Презик тоже повернулся. Володька встал.

Подошедшему мужчине было лет 30–40 – и то, что возраст точно не определялся, а также подтянутая, спортивная фигура – позволяло сказать наверняка, что это имперец. На его куртке были видны знаки различия подполковника гражданских инженеров и сварщика высшей квалификации, а ещё – значок, заставивший Дениса восхищённо перестать дышать: «За отличную службу в Поясе Астероидов». Прочно расставив ноги в высоких жёстких ботинках и положив руки на широкий рабочий пояс, имперец наблюдал чуть прищуренными светлыми глазами за тем, как работает на ближайшей ферме – пока что соединённой с берегом только двумя несущими балками – группа сварщиков-подростков, явно практикантов из училища.

– Что, интересно смотреть? – подмигнул мужчина Володьке, который, приоткрыв рот, подобрался совсем близко. Мальчишка попятился, но тут же неистово закивал. – Это, брат, **работа**. Руками потрогать можно! – Он с удовольствием произнёс последние слова, так **вкусно**, что у Дениса зачесались ладони, как всегда бывало, если он видел такие вещи. – А вы откуда, кадеты?

– Мы не кадеты, – Денис отсалютовал. Володька, вдруг смутившись – чего с ним не бывало почти никогда, – потихоньку боком спрятался за Дениса. А подполковник, ответив на салют, протянул:

– Пионеееееры?! Это здорово! А насчёт кадетов – не удивляйтесь, присловье такое... от одного хорошего человека. – Он погрустнел на миг, но тут же встряхнул русыми – с лёгкой полузаметной проседью – волосами – и протянул мальчишкам руку: – Бородин. Можно – дядя Юра. Можно – товарищ подполковник. Откуда вы?

⁷ Документы (нем.).

– Да мы тут смотрели... – неопределённо ответил Денис. Бородин усмехнулся – но не свысока:

– Ясно... Ну что, и тут посмотрите? Э, э, э, вот так не надо. – И он с размаху нахлобучил на голову совсем уже влезшего на балку Володьки дымчатые очки на эластичном креплении. – А то зайчика поймаешь. Теперь смотри, сколько душа пожелает, только дальше не лезь.

– Подумаешь, – оскорбился Володька, с удовольствием поправляя очки. – Я по таким балкам могу вообще бегать. Сколько угодно. И высоты я не боюсь. Ничутьточки!

– Я верю, – серьёзно кивнул Бородин. – Только не в этом дело. Не положено. И всё. Приказ.

– Приказ? – Володька посмотрел вверх, потом оглянулся на Дениса, даже на Презика посмотрел. И отступил чуть-чуть, подчиняясь магии этого слова, которой подчинялись даже эти сильные люди из Империи. Володька очень понимал это. Ведь сильные могут делать всё, что хотят! Но Денис не делал, хотя даже он, мальчишка, был сильный. А взрослые почему?!

Так ничего и не решив, он снова с жадным интересом уставился на деловитое кипение работы. Бородин кивнул Денису:

– Из Седьмого Горного?

– Да, – ответил тот. И добавил: – Мой отец – штабс-капитан ОБХСС Третьяков. У нас скоро приём новичков в пионеры, мы хотели сюда заглянуть – ну, познакомиться с вашей работой... С кем мне нужно поговорить об этом?

– Считай, что уже поговорил. Со мной, – усмехнулся подполковник. – Как-то так получилось, что всем этим заведу я... И я ничего против не имею, только часов за десять до визита сообщи...

– Юрий Михайлович! – окликнул его жалобно коренастый паренёк, возившийся со сварочным аппаратом – из-под матового шлема-маски выбивались рыжие пряди, похожие на медную проволоку. – Не получается!

– Что у тебя не получается, несчастье человечества?! – вздохнул Бородин и легко перебежал по балке к своему подопечному, на ходу зацепив карабин пояса безопасности за страховочный трос. Володька с восхищением смотрел ему вслед и только вздыхал, когда в ловких руках подполковника – раз, два, три – сверкнули стальные вспышки, и он, отдав аппарат смущённому рыжему, перебежал обратно.

– Вот... спасибо... – Володька с последним вздохом протянул Бородину очки. Подполковник секунду помедлил, потом усмехнулся и, положив ладонь на голову мальчика, качнул её и ворчливо произнёс:

– Бери, дарю. У меня младший такие же выпросил, а вы с ним похожи, только он поздоровей. Но ты, я вижу, тоже любитель в опасные места соваться, вот тебе очки пригодятся.

– Правда?! – Володька просиял. – Спасибо!!! А хотите... хотите я вам спою?!

Странно, но Бородин не удивился. Он только кивнул и оперся ладонью на ограждение. Володька вдруг растерялся от своего собственного предложения.

– А... что вам спеть? – почти беспомощно спросил он. И тут же просиял: – А! Знаю! Вот! – Он улыбнулся Бородину и взмахнул рукой...

– Я увидел недавно в английской книге
Загадочное слово «Pacific ocean»,
И понял, что мир ещё неплох,
хотя он мог бы быть и лучше.

Лучше и лучше!
Где целый океан пацификом назван,
Нам есть ещё место, нам есть ещё дело,
Нам есть, что сделать, сказать, пусть малость неумело!

Да и просто несмело...

Денис заметил, что во многих местах прекратили работу и прислушивались – звонкий голос Володьки летел не только над берегом – над всем озером, пожалуй. Но он, только что смущавшийся Бородин, уж когда начинал петь – то больше ни о чём не думал, кроме песни...

– И пускай нам будут смеяться в лицо,
Нам скажут, что мы безумны,
Но если услышат хоть двое, то не время рвать струны.
Рвать в отчаянье струны.
Ни на атласах, ни на картах
Не найти нам дороги туда,
Лучше так по старинке наобум, и с криком: «Айда!

За мною – айда!»
Ни на атласах, ни на картах
Не найти нам дороги туда,
Где плещет Пацифик-океан
И живая вода!⁸

Допев, он тут же потупился. И вскинул голову снова, изумлённо, когда дружные аплодисменты раздались отовсюду – с ферм стройки, с озера, с мола и даже от кухни. Но Володька всё-таки был Володькой – и важно раскланялся на четыре стороны.

– Юрий Михайлович, связь! – крикнули между тем от одной из палаток. Бородин вскинул руку:

– Иду! – И, помедлив, протянул руку сперва Презику (который дал лапу тут же), потом Денису, а потом Володьке: – Ну, давай! Всего тебе самого-самого, может, ещё и увидимся! – И, тряхнув руку мальчишки, широко зашагал к палатке.

Какое-то время Володька смотрел ему вслед странными глазами – тоскливыми, восхищёнными и жадными. Потом вздохнул и повернулся к Денису:

– Пошли ещё тут посмотрим, а?

Денис кивнул, и мальчишки зашагали по тропинке вдоль перил.

Слышно было, как наверху кто-то из сварщиков распевает – не очень мелодично, но с энтузиазмом:

– Лучше так по старинке наобум, и с криком: «Айда!

За мною – айда!»...

...В сумке у Дениса обнаружилась прихваченная в последний момент пачка пресных галет. Устроившись около крана, из которого можно было брать воду, судя по табличке «Питевая вода» (с припиской «Заворачивайте плотней, черти!»), мальчишки принялись завтракать. Отсюда были видно всю стройку. Володька хрустел галетами, вертел головой, но ничего больше не спрашивал – видимо, здорово переел впечатлений.

Хрустнув галетой последний раз, он слизнул крошки с губ, поболтал ногами, вздохнул и чуть печально произнёс:

– Хороший мужик этот Бородин... Может, мой отец был такой же?

– Ты родителей совсем-совсем не помнишь? – осторожно спросил Денис, глядя на озеро. Володька покачал головой:

– Нет. Я же был совсем маленький. И я не верю, что они меня бросили. Наверное, с ними что-то случилось. А меня оставили, чтобы спасти.

⁸ Стихи «Ленты».

Денис не стал возражать, хотя понимал, что эта версия, мягко говоря, слабенькая. Даже и не версия никакая, а так – смутные мечты одинокого мальчишки... Но зачем плевать в открытую навстречу душу? Вместо этого он встал (он сидел на люке около крана) и, перебравшись на перила рядом с Володькой, устроился прочней, просунув ноги за нижнюю перекладину, и свернул из обёрточной бумаги самолётик. Плавным движением запустил его над озером. Володька через плечо посмотрел на ровный долгий полёт – самолётик так и парил, пока не скрылся из глаз. Снова вздохнул, опустил голову...

Денис тоже вздохнул. Положил руку на плечо младшего и стал негромко напевать пришедшее ему на ум, как раз пока летел бумажный самолётик...

– Горбатый карлик рыдал в ночлежке, мешая прочим уснуть,
Внезапно вспомнив, скрипя зубами, в дыму и мраке
Те дни, когда капитаном был он и в дальний трогался путь,
Грыз мундштук и помнил девушку из Нагасаки.
И был его китель белее снега, и рука, смугла и тверда,
Держала крепко всё то, что в жизни необходимо.
Встречали ласковые, как гейши, портовые города,
Все было в кайф, но чужие крылья свистели мимо...

И полёт журавлика так же прям, как тысячу лет назад!
(Мирозданию плевать – кто в небесный сад, кто на нары...
Всё равно – полёт журавлика прям, как тысячу лет назад!)
Так улетай, журавушка, улетай –
саё нара...⁹

Володька начал прислушиваться с первых строк – замерев, широко раскрыв глаза, с какой-то непонятной тревогой...

– А что такое саё нара, на каком это языке? – спросил он, поняв, что Денис закончил петь.

– Это на японском, – сказал Денис. – Всего хорошего или что-то вроде того... В общем, пожелание счастья. Была такая страна, где сейчас Курильская Коса, знаешь? – Володька помотал головой. – Ну, неважно, это далеко на востоке... Там были острова, где жили японцы, нация воинов и поэтов, наши враги. Острова погибли, а вот – кое-что осталось. Журавлики бумажные, например. Вот самолётик, который я сделал – он и есть такой журавлик, если по-правильному.

– И всё? – тихо спросил Володька.

– От многих и этого не осталось...¹⁰ – Денис напряг память. – Вот, например, ещё. Это мы по литературе немного читали...

Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине.

– Ну и чт... – начал Володька разочарованно. И вдруг приоткрыл рот и повторил зачарованно:

– Старый пруд.

⁹ Стихи О. Медведева.

¹⁰ Денис то ли не знал, то ли забыл, что довольно большие группы японцев – подданных Русской Империи – живут на островах Камчатка и Сахалин. Это потомки тех, кто успел спастись с архипелага.

Прыгнула в воду лягушка.

Всплеск в тишине... всплеск... в тишине... Здорово! – и тут же огорчился: – Только петь это нельзя...

– Тебе бы всё петь, – усмехнулся Денис. Володька пожал плечами:

– А чего? Если бы все люди пели – было бы меньше плохого.

– Думаешь? – заинтересовался Денис.

– Точно тебе говорю. – Володька встал коленками на нижнюю перекладину, нагнулся над водой, и Денис тут же стащил его на тропинку за подол куртки.

– Плюхнешься и будешь петь у хозяина бездонных озёр. Булькать, вернее, будешь... Что ты – то на балку лезешь, то за борт?!

– А мне просто всё на свете интересно, – лукаво и немного обиженно ответил Володька, лихо поправляя на лбу подаренные очки. С первого взгляда видно было, что настроение у него исправилось совсем, он спросил весело: – Пойдём обратно?

– Пошли, – согласился Денис. И резко свистнул псу, гонявшемуся неподалёку за какими-то насекомыми: – Презик, домой!..

...Двое мальчишек подходили через лес к повороту на посёлок. Оба шагали босиком, только старший в такт ходьбе взмахивал ботинками в левой руке...

– Ой, Денис, смотри, там!!! – Володька резко вскинул руку в направлении открывшегося впереди Седьмого Горного.

– Что, где?! – Денис напрягся. Володька сердито ткнул рукой:

– Да вон же, ты что, слепой?! На хребте!

Да. Денис не сразу понял, что изменилось в привычном ему пейзаже хребта. А когда понял – то почувствовал, как сами собой разъезжаются в улыбке губы. Когда он убегал утром – сердитый и почти злой – он не поглядел кругом, как это делал обычно. И вот наказание за дурную обиду. Неизбежное. Наверное, уже весь посёлок знает, а он видит только теперь...

...Над перевалом, над зелёной шкурой густого леса, над вечно текущими туманами поднялась выше самого хребта мачта струнника. Словно добрый великан заглядывал в долину через горы – с интересом спрашивая: помочь не надо?

– Ура... – шёпотом проронил Денис. И вспомнил, как не так уж давно они, когда ехали сюда, – ночевали на стройке, вспомнил инженера Максима... Значит, струнник дошёл до них!

Дошёл!

– Ты понимаешь – дошёёёёёл! – заорал Денис, трясая за плечи смеющегося Володьку. – Дошёл! Ура! Ура! Ураааа!!!

– Банзай! – вопил в ответ выученное новое слово, очень ему понравившееся, Володька. Он не совсем понимал, почему радуется Денис, но был счастлив, что тот радуется и что можно порадоваться и попрыгать по лужам вместе с ним. – Банзай!

Гавкающий Презик весело скакал вокруг мальчишек.

Глава 4

Мой брат

В ночь на восьмое ноября Денис остался ночевать в отряде. Можно сказать, что «так получилось». Дел было полно, сразу после уроков он верхом съездил в Лихобабью и даже выкроил время, чтобы заглянуть – естественно, по делам – к Мелеховым. Затем они с Олегом сходили посмотреть на то, как идут дела в фельдшерской школе и новой поселковой больнице. Ну а потом из отряда отлучиться уже просто не удавалось – завтра должен был состояться приём в пионеры пополнения, и Денис, позвонив домой, сказал, что останется ночевать. Выяснилось, что его родители домой тоже не являлись...

Это был уже не первый раз, когда кому-то надо было заночевать «на месте», и в отряде даже выделили под такое дело комнатку, в которой поставили стол, два стула и две

двухъярусные кровати, а на стену повесили простенький ручной умывальник со сливом. Правда, добраться до одной из кроватей удалось лишь под утро, потому что, казалось, в отряде в преддверии праздника собрались ночевать поголовно все пионеры, и у каждого и каждой срочное и важное дело персонально к Денису. Кроме того, ежечасно и тоже с делами заглядывали разные взрослые – от Балаганова до Полянцева и собственной матери Дениса, которая сухим тоном осведомилась, почему четверть учеников не прошла диспансеризацию, хотя на носу уже осенние каникулы? Был уже первый час ночи, время для разговоров о диспансеризации не очень-то нормальное, поэтому Денис возмутился и ответил, что пионеры прошли все. Третьякова смерила сына взглядом ироничной кобры с ног до головы, хмыкнула очень обидно, сказала: «Нннну-ну...» – и ушла.

– А мы тут при чём?! – сердито осведомилась Танька Васюнина, которая сбоку на столе писала какой-то план. При Валерии Вадимовне она возмутиться, естественно, не посмела, но Денис её возмущение не поддержал и печально произнёс:

– Выходит, что при чём... Десятую заповедь помнишь, Васюнь?

Васюнина ответила вздохом:

– «Я не буду ожидать, что кто-то сделает за меня любое важное дело, которое я могу сделать сам». Ясно. После праздника займёмся агитацией за диспансеризацию.

Денис покосился на неё:

– Жалеешь, что вступила в пионеры?

Ответом был долгий взгляд широко открытых глаз, полный чистого, насмешливого недоумения: ты чего, мол, дурак, что ли?..

...В общем, лёг Денис в три, а разбудили его в шесть, потому что в восемь начинался сбор, а в девять – выход. Разбудил Олег, который принёс из дома завтрак и парадку.

Денис тем не менее ещё какое-то время ворочался в кровати на нижнем ярусе с боку на бок, стонал, подвывал, потягивался, жмурился, прятался обратно под одеяло и вообще оттягивал момент подъёма, как мог. Но тут появились братья Раймонды, и отлёживаться дальше стало бессмысленно – Денис поднялся и сунулся к умывальнику.

Генка и Аркашка прибыли с шумом и гамом, для себя не очень-то обычным. Они только-только вернулись с латифундистских плантаций, на которые едва начало приходить что-то, похожее отдалённо на нечто приближённое к более-менее нормальной жизни. Денис уже знал, что жизнь в Седьмом Горном, по сравнению с латифундиями, была просто-напросто раем во многом и, если честно, от поездки Раймондов ничего хорошего не ждал, хотя отправились они вчера после уроков с твёрдым намерением заложить там основу для создания третьего в округе пионеротряда.

Основу заложить-таки удалось, но в грандиозной драке, предшествовавшей закладке, обоих братьев сильно потрепали: Генка смотрел на мир одним глазом – злым и довольным – и носил на весу забинтованные разбитые кисти рук, а Аркашке вышибли два молочных и один коренной зуб и сломали ребро. То, что братья довольно долго успешно держались вдвоём против дюжины нападавших, привело этих самых нападавших в изумление, и драка постепенно перешла в разговор, который удалось направить в нужное русло. Делегаты с латифундий обещали приехать через неделю после праздника...

«Да, Восьмое Ноября, – подумал Денис, вытерев лицо и садясь к столу, – в тесноте, да не в обиде!» Было уже ясно, что завтрак придётся делить на троих – хорошо ещё Олег явно попросил свою маму положить всего с запасом, а сам поел. Он знал, что этот праздник – суровый праздник. Даже где-то опасный.

Когда-то – в давние времена, в невероятно давние – люди обожествляли молнию, не зная, что это электрический разряд. И верили в духов предков. Потом настали времена, когда они узнали: молния – это просто электричество. И вместе с этим знанием пришло во всей своей жуткой нелепости полное безверие.

Полное .

Денис великолепно знал, что такое молния. Но он временами удивлялся и даже ужасался – как Земля вообще уцелела, попав на такой долгий срок в руки людей, не

понимающих, что своими действиями они рушат психику нации, наращивают некротическое поле; людей, не понимающих, например, что деревья – живые. Не так, как люди, но живые. Людей, веривших в придуманных богов (иногда – чаще не веривших ни во что вообще!), но не слышавших криков предков. Людей... да людей ли вообще? Бывало, мальчишка, читая книги или глядя хроники, мысленно отстранял себя от них брезгливо: ну не могли эти похотливые, жадные, трусоватые существа с примитивными желаниями быть его предками, предками его друзей и знакомых, даже предками врагов – не могли быть! Может быть, только тут, в Семиречье, он понял: могли. И были. И были уже в те времена не только такие люди, потому и живёт Денис. Вот о **настоящих** людях и надо помнить...

Но и осторожным надо быть. В мальчишеской среде Петрограда шёпотом пересказывали жуткие и волнующие слухи: а вот в **этот** день... когда **Грань** стала тонкой... знаете, мальчишка... да, не вовремя зашёл... да, в **такое** место... а вот та девчонка сказала **не то слово** ... Всё – и не ищи! Унесло, утащило, закрутило... А там даже взрослые.... А вот такое слыхали, а – прямо дома... Рассказы щекотали нервы и заставляли опасно мечтать – вот бы и мне тоже...

Щекотка щекоткой, а Денис по-настоящему испугался, когда – шестилетний – на этом празднике, отойдя от родителей, вдруг ощутил, что он не один. Перепуганный мальчишка опрометью рванул от серой невиской воды вверх – ко взрослым.

– Папа, пап! – Он даже вмешался в разговор отца с сослуживцем, не подумав, что за это может крепко влететь. – Пап, а чего они там... стоят?!

Борис Игоревич посмотрел на сына – испуганного, встрепанного, с приоткрытым ртом, с расширенными глазёнками, в которых были недоумение и страх. Не стал ругаться. И его собеседник молчал тоже. Потом мужчины посмотрели туда, к воде. И Борис Игоревич, приподняв сына на руки, тихо сказал:

– Не бойся, Дениска. Это наши предки... те, кто защищал город. Они пришли посмотреть, как мы их помним... – Денис недоверчиво оглянулся, посмотрел на отца, кивнул. – А теперь, – мужчина опустил мальчика на тротуар, – иди обратно и скажи им, кто ты. Не трусь, иди да так и скажи: я Денис Третьяков, честь вам и хвала...

– И... идти? – Глаза Дениса намокли, он вцепился в отцовскую штанину. Как же идти, там страшно – хоть и надо было сделать всего пару шагов; оттуда таким холодом веет, папа шутит, наверное?! Но Борис Игоревич отнял от себя руки мальчика и строго повторил:

– Иди. И будь смелым. Им это понравится.

И Денис пошёл. Еле-еле пошёл. Но, держа спину прямо и без задержки, не опуская головы и не оглядываясь, только чуть похлопывая носом. Пусть будет, что будет, но отец не увидит, что он трусит.

Он прошёл полпути к реке... и вдруг удивлённо понял, что нет больше страха. Хотя – честное слово – он отчётливо видел людей на берегу, только лиц не мог разглядеть. Люди были. А страха – не осталось. И холодом оттуда не веяло. Наоборот... Когда мальчишка подошёл и чуть дрожащим, но звонким голосом сказал:

– Здравствуйте, я Денис Третьяков! Честь вам и хвала! – и добавил сбивчиво: – И мы про вас помним, вы не думайте, что я маленький... и я не боюсь! – тогда вдруг словно теплом подули в лоб. Как мама, когда лежишь в постели и немного страшно, что ночь, – вдруг наклоняется и... это тёплое дуновение уносит самые злые страхи.

На миг он увидел, что у теней появились лица. Мужские, женские, даже детские. И вроде бы услышал: «Ты будешь смелым мужчиной, смелый мальчик!» И даже улыбнулся, и хотел ещё сказать... спросить... но они уже растаяли, и подошедший отец молча взял Дениса на руки. Мальчишка вздохнул и прижался к нему. Выдохнул в ухо:

– Значит, па, они живы?

– Живы, пока мы помним, – так же тихо ответил отец. – А теперь пошли маму искать...

– Я сам пойду, – заявил Денис. В самом деле – не будет же отец таскать на руках шестилетнего храброго маль... мужчину. Почти.

Но Борис Игоревич рассмеялся и посадил Дениса на плечи. И это было так здорово...

...Денис встряхнулся, поняв, что рискует остаться без завтрака вообще – лопать ухитрялся со страшной скоростью даже потерявший часть жевательного аппарата Аркашка. Ещё полгода назад Денис наверняка пошутил бы – «что вас дома не кормят, что ли?!», но сейчас воздержался. Хотя рабочие и жили получше, чем совсем недавно, но тринадцати– и четырнадцатилетний мальчишки, у которых были ещё две пятилетние сестрички-близняшки, дома явно не наедались. В отличие от Дениса.

– Поедите – и ложитесь поспите пару часов, – приказал Денис братьям и с удовольствием дожевал остаток бутерброда с колбасой. – Скоро выходить.

– Новенькие уже собираются, – подтвердил Олег. Денис изумлённо посмотрел на него:

– Седьмой час всего!

Олег пожал плечами:

– А ты чего хотел? Сидят снаружи на ступеньках как статуи.

«Чего я хотел? Поест и поспать», – не без иронии подумал Денис. Вслух он сказал:

– Ночью заходил Балаганов, предлагал послать корреспондента для освещения знаменательного события...

Генка подавился. Аркашка вытаращился. Олег скривился.

– Я тоже так думаю, – согласился Денис. Откинулся назад на стуле и, с силой выбросив руки вверх и выгнувшись всем телом, прогнал последний сон.

Новый необычный день настал.

* * *

Когда выступали – опять шёл дождь, несильный и тёплый, и Денис скрывал усмешку, видя, как новички стараются, вопреки здравому рассудку, уберечь парадную форму от капель, чуть ли не проскользнуть между ними, из-за чего строй временами терял свою чёткость. Ну да ничего. Скоро они сообразят, что форма – это всего лишь одежда. И не больше. А сейчас пусть берегут.

К тому же в лесу дождь перестал, а строй сделался неактуален. Правда, с ветвей всё равно капало и даже местами лило, а идти было трудно, гораздо трудней, чем по дороге. Фактически приходилось всё время лезть вверх по не очень крутому, но скользкому и переплетённому корнями деревьев и кустов склону. Денис внимательно наблюдал: кто заскулит? К его удовлетворению, смешанному, впрочем, с некоторым удивлением, не скулили даже младшие, под которых он незаметно подстраивал темп движения. Видно было, что некоторые устали очень, другие – чуть меньше, но ни на одном лице, даже у девочек, Денис не мог прочесть ничего, кроме упрямства. А ведь каждый нёс на себе довольно солидный (хоть и подсчитанный по возрасту и полу) груз – и за плечами в рюкзаке, и на поясе.

– Держатся, черти, – сказал Пашка, заскакивая на корень повыше Дениса и поправляя на волосах свою неизменную повязку (берет был заткнут под погон). – На стройку завтра пойдем?

– Завтра, – Денис подтянул себя туда же. Где-то впереди и слева раздалось вдруг странное, протяжно-жалобное «вууу-ааамммм!», и Пашка повернул голову туда, а «Медведь» с его плеча сам собой упал в руку.

– Горный тигр, – сказал он. – Далеко, но не за пределами.

– Оружие на изготовку, – скомандовал Денис, сам перекидывая по-боевому взятую из дома «Сайгу». Снова посмотрел на реакцию новичков: жившие рядом с лесом, они бывали в нём нечасто, да и не так глубоко. На этот раз страх многим скрыть не удалось, но в панику он ни у кого не перерос, и Денис повысил голос: – Через полчаса будем на месте, бодрей, подтянись!

Место для лагеря и торжественного действия было выбрано хорошо – каменная «тарелка» на горном склоне, на которой росли деревья и откуда открывался вид на леса и долину. До неё и впрямь оставалось шагать не так уж много. Точнее – не так уж много лезть

вверх.

Тигр ещё пару раз прохныкал свою жалобную ноту, каждый раз – подальше – и замолчал. Но оружия никто не опустил; про повадки этих зверей всем рассказывал Пашка, да и остальные почитали немало, особенно ходила по рукам «Охота в лесах хребта Голодный», составленная Денисом. Может быть, тигр и имел какие-то виды на людей, но их было много, а что такое оружие и чем оно пахнет – зверь знал хорошо, поэтому и предпочёл удалиться.

Теперь притихший лес мог показаться безжизненным, но Денис понимал: это кажущаяся тишина просто вызвана тем шумом, который издаёт отряд. Неизбежным шумом. Бесшумно в лесу без долгой тренировки могут передвигаться очень немногие, кому это дано от рождения или кто вырос в таком лесу. А вот стоит даже малосведущему в лесных делах человеку сесть и посидеть полчаса спокойно – и жизнь вокруг закипит от корней до крон деревьев. Подумать, что сто лет назад тут была безжизненная степь, в которой кое-где стояли человеческие посёлки, было просто невозможно, даже немного смешно.

Шедший впереди Олег снял берет и замахал им. И уже через пару минут весь отряд стоял на «тарелке», переводя дух и осматриваясь.

Возгласы и выдохи, раздавшиеся вокруг, дали Денису понять, что место он выбрал правильно. Ключья низких дождевых туч, уже пролившиеся, плавали ниже отряда. Лес бугрился и падал волнами тёмно-зелёного моря, а слева, вдаль, в него врезались новые кварталы Седьмого Горного («Вон мой дом!», «А вон наш!», «А наш за управлением, вон там!», «А вон папкина шахта!»). Справа, в обманчивой близости, поднимались над невидимыми отсюда озёрами строящиеся башни станции. Вдали дорогу к Балхашу и степь справа от неё освещало неожиданно пробившее тучи солнце – уже клонившееся на вечер...

Да. Это было красиво. И подавляющее большинство тех, кто стоял вокруг Третьякова-младшего, только сейчас с изумлением осознали, что земля, на которой они живут, больше, чем они могли себе представить даже на уроках в школе – в школе, которую, впрочем, почти все начали посещать «по-нормальному» совсем недавно.

– Разбиваем лагерь! – Денис дунул в свисток. – Звеньевые, кончай экскурсию! Ставить палатки, разводить костёр, готовиться к ужину!..

...К темноте дождь, принимавшийся было идти ещё пару раз, успокоился окончательно. Тучи никуда не делись, но отодвинулись и больше не сеяли морось. Костёр между поставленными буквой П палатками уже обеспечил отряд ужином, разросся, хорошо подкормленный ветками, оттанцевал свой танец и погас почти совсем, спрятал тлеющие угли до утра под слоем серого пепла.

Для того, что сейчас готовилось в лагере, костёр – верный спутник пионеров во все времена – на этот раз не был нужен...

...За плечом Дениса, в руках Тимки Ланца, склонилось отрядное знамя. На чёрном шёлке с золотой окантовкой растительного орнамента и золотыми снопами по углам в центре золотилась прямая ладонь. И на ней ярко полыхали три лепестка пламени.

БУДЬ ГОТОВ – ВСЕГДА ГОТОВ – горело золото над гербом. А ниже герба шла надпись –

ПИОНЕРСКИЙ ОТРЯД ИМЕНИ РАДИЯ ПОГОДИНА.

В руках выстроившихся возле могучих деревьев пионеров, не колеблясь, ровным пламенем горели факелы. Мишка Гуляев вышел сбоку – сжатые губы и прямой нос, искры в ресницах – всё это выхватил костёр. За ним шагнули, плечо в плечо, барабанщики. В обтянутых перчатками руках Олега и Серёжки Марковых взметнулись, замерли на миг тонкие барабанные палочки – и, упав вниз, на тугую кожу чёрных с ярко-алыми языками пламени барабанов, вышибли страшный, потрясающий пространство и души, удар:

– Драм!!! – и тут же мелькнули в сухой россыпи: – Да-да-дамм!!! – и застыли на барабанах.

– Начинаем, – отчеканил Денис и холодным взглядом обвёл стоящий в пяти шагах перед ним квадрат новичков, пока ещё не пионеров, ещё... – Сейчас ещё не поздно повернуться и уйти. Потом сделавший это станет предателем. Принесённая клятва убьёт его.

Это проверено. Минута. Есть минута, чтобы думать. – Он поднял руку. – Время пошло.

Лица мальчишек и девчонок напряглись и заострились. Сейчас они принимали решение... очень важное и даже страшное решение. Каждый наедине с собой, хоть и среди прочих. Это важно, вот в такой момент не солгать себе...

– Минута прошла, – сказал Денис, отследив ровно шестьдесят секунд. – Никто не хочет уйти?

Строй колыхнулся. Но это было шевеление всё того же волнения – никто не вышел. Денис кивнул. Помолчал ещё несколько секунд – и произнёс чётко, звучно:

– Денис Харатенко, для принесения клятвы на верность нашему братству – подойди ко мне...

...Глядя прямо в глаза тёзке, Денис-младший вытянул вперёд правую руку. В левой он держал новенький нож. Самую чуточку покривившись на миг, Денис провёл по подушечке ладони под большим пальцем. Кровь – странно чёрная и живая в факельном свете – показалась из разреза сразу, и Денис-старший, взяв галстук из стопки рядом, положил его на порез. На алой ткани расплылось тёмное пятно. Денис посмотрел на него лишь мельком.

Денис Харатенко звонко, взволнованно, даже немного взвинченно заговорил:

– Я, Денис Харатенко, вступая в ряды пионеров Империи, перед лицом своих товарищей и памятью предков торжественно клянусь и присягаю на честность, верность, храбрость и память. Всё, что смогу, – Отечеству! Всё, что смогу, – нации! Всё, чего не могу, – смогу! Если же я нарушу эту клятву – пусть не останется от меня на земле ничего, кроме позора! Слава России! Слава, слава, слава!

– Слава, слава, слава!!! – закачались факелы в такт резкому хору.

Денис быстро склонил голову. Третьяков-старший снял галстук с его руки и заученным движением повязал под воротник рубашки тёзки. Расправил ткань на груди.

Денис поднял голову.

У него не было глаз – **обычных** глаз. Вместо них были две яркие сияющие звезды.

– Пионер четвёртого звена, новичок Денис Харатенко, встать в строй! – скомандовал Денис. Они обменялись салютами, Денис повернулся – и пошёл на место. – Антонина Харатенко, для принесения клятвы на верность нашему братству – подойти ко мне...

...Костёр ожил снова, охотно выбросил вверх длинные острые языки, затанцевал. Тьма ночи вокруг сгустилась сильнее, палатки казались стенами крепости, а новенькие галстуки на груди у сидящих возле огня на аккуратно уложенных брёвнышках были похожи на всё то же пламя костра – частички пламени, словно бы побратавшие мальчишек и девчонок друг с другом и с этим огнём.

Настало лучшее время такого вечера. Время, когда все дела сделаны, день позади – и можно сидеть у огня и говорить, не боясь, что тебя не поймут. Около таких костров нет места непониманию. А там появляется гитара – и всё, что нельзя сказать, для чего нет обыденных слов, становится возможным спеть или хотя бы услышать в песнях других... То чувство удовлетворения и братства, которое объединяет сидящих возле такого костра, невозможно описать словами. Можно только испытать самому.

Правда, в данный конкретный момент Генка Ишимов, ловко придерживая гитару, напевал совсем не серьёзное, хотя и с таким лицом, как будто читал какие-то очень важные заповеди... У него, среди прочих талантов, обнаружился ещё и талант к стихосложению, причём Денис, как ни старался, не мог найти в его стихах никаких изъянов – хоть сейчас печатай! Денис подозревал, что Генка уже отослал какие-то стихи в Верный, где два месяца назад начал выходить журнал семиреченских пионеров «Барабан»...

– Люди! Будьте царями природы
Без желанья животных казнить!
И собаку дворовой породы
Понапрасну не надо дразнить.
Вы котят не топите в канистре,

Не швыряйте объедками в нос.

Комаров... – Генка сделал вид, что задумался, потом под общий смех махнул рукой:

– Ладно, можно. Но быстро!
Чтоб без мук отошел кровосос.
Муравьев не давите ногами,
Не кидайте в варенье и клей.
Муравьи, как стрекозы с жуками, –
Санитары лесов и полей.
Не сбивайте шмелей полосатых
Из рогаток... И без выходных
Уважайте собратьев пернатых,
И чешуйчатых, и шерстяных!¹¹

Шум, смех, аплодисменты. От пристроенного девчонками сбоку над огнём здорового котла, который весь день, чертыхаясь, пёр на себе Петька Минаев, вкуснейше пахло пшённой кашей с луком и копчёным салом, но, когда кто-то сунулся снять пробу, следившая за кашей Милка треснула контролёра в лоб половником так, что тот сел обратно и ещё долго щупал пострадавшее место. А Денис попросил Генку:

– Ген, спой ту. Про ветер.

Ишимов покладисто кивнул. Вообще-то он очень стеснялся своего умения сочинять стихи, но когда начинал петь, то всё стеснение куда-то пропадало. Вот и сейчас – начальные аккорды Генка взял, глядя на гитару, чуть ли не спрятавшись за нею, но уже после первой строчки вскинул голову...

– Я ветер ловлю руками...
Не веришь? Поди взгляни!
И вот уже под ногами
Не чувствую я земли!
Я ветер ловлю руками –
И в небо без крыльев лечу...
Над поднятыми головами
Лихие кульбиты
кручу!..

...Не нужно быть фантазёром,
Чтоб так в облаках летать!
И я от тебя не скрою –
Ты тоже умеешь летать!
Купол под небесами –
Четыре поющих стропы!
И ветер лови руками!
Руками ветер лови!
Лови!
Лови!
Лови!¹²

¹¹ На самом деле – стихи Б. Лаврова.

¹² На самом деле – стихи Нелли Путиной.

Конечно, после таких песен не хлопают. Все сидели и думали, что Генка оставил эту самую песню сочинским пионерам. И там поют строки, которые сложил мальчишка из Семиречья. Это было, если задуматься, странно, немного чудно и в то же время очень приятно.

– Готово, можно есть, – нарушила общее молчание Милка. Она что-то ещё добавила, но её последние слова потонули в деловитом воинственном лязге котелковых крышек-мисок и ложек...

...В высокобленном до дна, а потом вымытом котле заварили чай, и на смену мискам и ложкам пришли кружки. Крепкий, очень сладкий чай пах дымом, в нём то и дело попадались мелкие угольки. Денис как раз от нечего делать пытался прикинуть, какая это по счёту кружка чая, выпитая им у костров, когда Серёжка Павлухин попросил:

– Денис, расскажи что-нибудь.

Денис посмотрел вокруг – мгновенно установилась тишина. Все теперь неотрывно смотрели на него – все ждали.

– Я расскажу, – кивнул Денис, устраиваясь удобней. Поправил на колене берет, стряхнул с него лёгкую пушинку пепла. Помолчал, глядя в огонь – не для позы, просто так на самом деле было легче собраться с мыслями. – Это не про нас. В смысле, не про русских. Но всё равно, мне вспомнилось это, и я расскажу, как рассказывали мне, когда к нам в отряд приезжали скауты с Островов. Я расскажу про человека, которого звали О’Флагерти и который был до Войны бандитом, а во время войны стал героем, хотя и не перестал быть бандитом. По крайней мере, так говорили многие... но их имён мы не помним, а именем бандита О’Флагерти названа одна из школ столицы Англо-Саксонской Империи. Сейчас вы поймёте, почему...¹³ – Денис снова помолчал, слушая тишину. Даже сучья в костре горели, казалось, бесшумно... – Это было в Лондоне. Вернее, в том, что осталось от него. Кто видел, как ползут по стенам чёрные черви букв чужого языка? Кто видел, как, рыча: «Смерть крестоносцам!» – звери убивают людей, давно не понимающих слова: «Крестоносец»? Umainn uilebheist. Bha iad a’ toirt seachad ba s air an t-sra id an-diugh...¹⁴ – вспомнил Денис врезавшиеся в память слова скаутского вожатого, который сам был ирландцем и вставил их в тот рассказ для русских пионеров, а потом перевёл... А сами скауты записали рассказ глубокого старика, который был в те дни десятилетним мальчиком, и Третьяков-младший неосознанно говорил дальше от его лица: – Что бы ни сочиняли об ирландце О’Флагерти и сколько бы ни произошло всего потом – я буду знать одно: он спас меня. И не только меня. Я не очень понял в тот момент, что меня спасли, поскольку боялся любого громкого звука, любого прикосновения, и люди с оружием, убившие нелюдей с оружием, мне сперва показались такими же нелюдями. Я уже ни на что не надеялся. Да что там... Я почти разучился думать...

...Когда Денис закончил рассказ, то около костра ещё долго было тихо.

– Они ведь не с нашими воевали? – спросил Серёжка Марков. Денис покачал головой:

– Да нет, конечно. Откуда там было взяться нашим, хоть мы и стреляли ракетами, но ни сил не было что-то захватывать, ни желания... Я сам толком не понял, кто были эти звери. Какие-то бандиты... Англичане нам говорили, что зверствовали вроде бы арабы, но, по моему, они что-то путают, откуда арабам взяться в Англии... да ещё в таком количестве...

– Вот это был человек, – вздохнул Олег, который тоже раньше не слышал этой истории. Кажется, он хотел ещё что-то добавить, но в этот момент в темноте за палатками хрустнула ветка, и перед глазами мгновенно обернувшихся мальчишек и девчонок появился вышедший

¹³ Историю бригадира Ирландской Республиканской Армии О’Флагерти читайте у А.Афанасьева в книге «Временно живые».

¹⁴ Чудовища вокруг нас. Сегодня они раздавали смерть на улице... (гэльск.).

из темноты на свет человек.

– Добрая ночь. Мне передали, что тут можно найти лагерь отряда имени Радия Погодина, – сказал незнакомец как ни в чём не бывало, входя в огненный круг костра. Он был высокий, в безликой одежде путешественника по горным джунглям – серые свободные куртка и штаны с накладными карманами, шарф, широкополая шляпа, прочные сапоги, на поясе – фляжка, поясная сумка, нож, кобура пистолета, за левым плечом – небрежно заброшенный небольшой рюкзак, хорошо уложенный – это было видно с первого взгляда, за правым – полуавтомат 12-го калибра.

– Отряд здесь. – Денис встал, поднялись почти все, настороженно поглядывая на незнакомца. – Кто вы?

Ему незнакомец не казался опасным, скорей – влекуще-загадочным. А своим ощущениям Денис доверял. И не ошибался до сих пор. Он сделал жест рукой, усаживая ребят и девочек и повторил вопрос:

– Кто вы?

– Я издалека. – Мужчина снял шляпу. Тень ушла с лица; он был ещё молодой, с пристальными глазами и выразительным лицом. – Я должен кое-что передать кое-кому.

Около костра снова – лёгкое волнение, явно перекочёвывает под руки оружие. Денис, глядя через огонь на незнакомца, тем не менее остался спокоен и предложил:

– Хотите чаю?

– Не откажусь, но позже, когда будет сделано дело. Ты – Денис Третьяков?

– Он, а что такое? – Олег опять встал, начали снова подниматься и другие. Мужчина вдруг улыбнулся – улыбка была сухой, но искренней:

– Да ничего, в общем-то. Если ты и впрямь Денис Третьяков, то тебе привет от Волка...

...Олег видел Дениса всяким. Но ни разу – таким потрясённо-изумлённым, как сейчас. Глаза Дениса расширились вне любых разумных пределов. Рот приоткрылся. Денис сглотнул и не спросил, не сказал, а как-то пропищал, даже не ртом, а горлом:

– От Мирослава Николаевича?! Мне?!

Тут и до всех, кто сидел у огня, дошло то, что Денис понял сразу. Они уже слышали от него о Мирославе Николаевиче Волке (это было вовсе не прозвище, а очень удачная фамилия), бывшем пилоте-космонавте, потом – косморазведчике на лунах Сатурна, а вот уже одиннадцать лет – вожде имперской пионерии. Теперь на улыбающегося незнакомца смотрели все. Недоверчиво и восхищённо, словно он вышел к костру из красивой сказки. А тот неожиданно смешно почесал ухо:

– Вообще-то не только тебе, просто тебе – в первую очередь, как командиру вашего отряда.

– Что... – Денис наконец заставил себя привести лицо в приличный вид, поправил рубашку, кашлянул... – Что он просил передать?

– На словах только вот что... – Мужчина тоже подтянулся, привычно, с военной выправкой, и поднял руку в салюте: – Будь готов!

– Всегда готов! – отчеканил Денис. И выжидательно посмотрел на опутившего руку незнакомца. А тот неожиданно скинул с плеч рюкзак и ружьё, поставил их у ног и... стал выкликать:

– Олег Ветлугин.

– Я!

– Михаил Гуляев.

– Я!

– Александр Бряндин.

– Я!

Мальчишки вскакивали и откликались один за другим. Никто ничего не спрашивал – у пришедшего на их огонь человека явно было право ими командовать – но во взглядах у всех была уже не настороженность, было теперь удивлённое ожидание...

– Пётр Минаев.

– Я!
– Геннадий Раймонд.
– Я!
– Тимофей Ланц.
– Я!
– Виктор Шацких.
– Я!
– Алексей Гордеев.
– Я!
– Денис Третьяков.
– Я!

Человек нагнулся к рюкзаку, вынул из него увесистый, довольно большой свёрток. Оглядел стоящих мальчишек, потом – всех остальных, выжидающих и поглядывающих на названных уже заранее с лёгкой завистью.

– Эти пионеры, – заговорил он, – действуя в лучших традициях их движения, совершили подвиг. Они проявили ответственность, мужество, чувство локтя и патриотизм – то есть те качества, которые только и делают человека человеком. Я думаю, все тут понимают, о чём я говорю. Эти девять ребят, ваших товарищей, задержали и обратили в бегство орду погромщиков. Поэтому они будут награждены, как положено награждать мужчин – памятным оружием.

Он развернул свёрток – и это оказалась кассета, в которой – в кожаных гнездах – покоились ножи.

– Олег Ветлугин, подойди и возьми это оружие, которое вручают тебе все твои братья-пионеры...

...Это были не полевые ножи, обычные в среде пионеров, и не стандартные инструменты «Соболь», которые недавно начали массово выпускать тоже для пионерии на Златоустовском Императорском Заводе Холодного Оружия, а – наградные поясные кинжалы. Наградные. Денис даже не поверил своим глазам. В Петрограде, среди всех его знакомых, такой нож был только у одного мальчишки, старше Дениса, который два года жил с родителями на берегах Сахарского Залива и там – так получилось – целых полчаса отбивал налёт банды на полевой аэродром экспедиции. Бегал по территории с пулемётом, который забрал у бандита, убитого за миг до собственной смерти дежурным – и бил короткими очередями... Пленные бандиты потом клялись, что их просто подвела разведка, что аэродром защищало отделение армейцев, они сами их видели! А когда мальчишку им показали – за миг до этого ведущие себя нагло и даже вызывающе, они сперва замолчали неверяще, а потом, один за другим, попускали глаза и покорно потащились цепочкой к фургону с решётками... И на допросах пели, как соловьи, перебивали друг друга, боясь, что кто-то из подельников, опередив, успеет поведать больше. Об этом рассказывал не сам парень, он вообще про тот случай не любил говорить – это Денис прочитал воспоминания одного офицера в «Костре»...

...И вот теперь точно такой же кинжал был в руках у него, Дениса Третьякова. Это казалось каким-то чудом, сказкой, да нет – сном. Ножны чёрного дерева со скрепами из серебра, серебряная цепочка подвеса... Обоюдоострое лезвие, похожее на клюв дятла – длиной в двенадцать сантиметров, – переходило в мощное рикассо, на котором у небольшой овальной гарды виднелся знак-ведаман. Простая стальная рукоять была штырём, превращавшимся в тяжёлое навершие, пропущена через шероховатое под пальцами дерево, несокрушимый дуб, обработанный до глубокого красноватого мерцания...

Слов у Дениса не было. Поэтому он, взяв в руки этот кинжал, только и смог сказать то, что было спасительным, что выручало всегда – и что подхватили хором остальные:

– Слава России!
– Будьте готовы!

И на этот раз словам незнакомца ответил дружный хор – ликующий и весёлый:

– Всегда готовы!..

...В эту ночь Денис долго не мог уснуть. Давно был допит чай второй заварки, давно потух костёр, были пропеты последние песни, утихли в палатках последние, самые важные и самые поздние разговоры, ушёл в ночь недолго посидевший с отрядом незнакомец, так и не назвавшийся – кто он? – и с улыбкой отказавшийся переночевать. Звуки ночного леса мешались с отдалёнными, но отчётливыми звуками стройки, а с другой стороны – высоко над хребтом, словно бы прямо в небе – неслышно, но отчётливо мелькали огни на работах струнника. Денис думал, как завтра они спустятся на озёра. И ещё думал про кинжал, который держал на коленях. И ещё думал... думал... думал... В мыслях были Настя, отец и мама. И школа, и новые дома на улицах Седьмого Горного. И то, что рассказывали про латифундии братья Раймонд.

Мысли не мешали одна другой. А за всеми ними – как фон, как экран – звучала песня... Негромкая и непримиримая:

Надо бы без гордыни...
надо бы терпимей...
Надо бы простить... да что с тобой?
Надо бы отвлечься,
надо бы отречься,
Надо бы... да легче удавиться!

* * *

Девчонка, трезвонившая в дверь, была незнакомой. Денис уставился на неё удивлённо и нетерпеливо. Он был дома один: родители на работе, Олег с матерью ушли на какое-то заседание профсоюза домработниц, а Денис, если честно, собирался ложиться спать. Он ощутимо почувствовал, что с самого праздника, с того незабываемого выхода в горы три дня назад, просто-напросто недосыпает, и это уже становится тяжеловато. Он поговорил с Настей по телефону, посмеялся, но даже это происходило как-то вяло – наваливалась усталость, непреодолимая и вязкая. И он наслаждался мыслью, что сейчас завалится в постель.

И вот – какая-то неизвестно кто, и Презик трётся у её ног.

– Чего тебе? – Денис откровенно зевнул, и «чего» у него превратилось в «хээээхoooo?»

– Володька помирает... – Девчонка переступила ногами и хлюпнула носом.

– Какой Во... как помирает?! – Денис задержал зевок. – Ты что плетёшь?!

– Очень просто. Лежит и помирает. Простыл очень. А бабка его пьёт опять. Я слышала, он стонет. Ну и я к тебе побежала... – Глаза девчонки построжали. – Он про тебя много рассказывал. Ты поможешь?

– Жди, – сказал Денис и бросился обратно в дом.

Сразу за порогом он остановился.

По крыше шумел дождь. Мотало за окнами мокрые ветки.

В трёх километрах отсюда в грязной хибаре умирал девятилетний мальчик. Может быть, великий певец. Может быть... или просто девятилетний мальчик?

Не было разницы.

Денис тряхнул головой, метнулся в пустые, молчаливые комнаты.

Линия молчала. Опять оборвало провода. Денис бросил трубку на аппарат. Может быть, бежать в отряд? Нет, терять время...

Он выскочил наружу с сумкой на плече и ботинками в руках. Девчонка ждала – прямо под ливнем.

– Слушай. – Денис чуть нагнулся к ней. – Беги в отряд. В пионерский. Ты знаешь? – Кивок. – Расскажи там то же, что мне. А я прямиком к Володьке... – Он судорожно умолк,

вспоминая адрес, который как-то говорил ему мальчонка... он говорил, а Денис – не зашёл ни разу... есть! – Поняла?

– Поняла, – послушный кивок.

– Беги. Презик, с ней!

Девчонка и пёс растаяли в хлюпающей, шелестящей темноте.

Денис соскочил с крыльца в тёплую грязь. Метнулись перед глазами огни управления – вдали. Остро захотелось побежать туда – к взрослым людям. К отцу. Почему он один?

Вдох. Выдох.

Бегом...

...По дороге он не упал ни разу, но заляпался грязью по самый пояс. Неизвестно, за кого приняла его старуха, когда мальчишка вломился – иначе не скажешь – в единственную комнатку, освещённую лампочкой на голом шнуре. Во всяком случае, от стола, на котором стояли несколько бутылок и стакан, она не отсела и по мальчишке скользнула равнодушным взглядом. Денис бросил ботинки на пол. В комнатке воняло грязью и сыростью, на стенах кое-где разливалась радужными пятнами бугристая плесень. Из полутьмы по углам топорщилась какая-то мебель. «Какая же я скотина, – вдруг отчётливо подумал Денис. – Развлекался с ним, слушал, как он поёт, снисходительно таскал его, где мог, вроде бы беспокоился, если он долго не показывался. А посмотреть – **где он живёт, как ?!** – даже не сунулся... А ведь он называл мне адрес. Называл, и я его запомнил».

...Денис не сразу увидел Володьку. А когда увидел и подошёл ближе – то испугался.

Володька лежал под тонким одеялом на большущей грязной кровати. В правой руке мальчик стискивал очки подполковника Бородина – как последнюю надежду... которая, должно быть, уже не помогала. Он смотрел на Дениса, и сперва тот обрадовался, что Володька в сознании... но уже через секунду понял: нет. Большие блестящие глаза не видели ни Дениса, ни комнаты. Они видели что-то ужасное и неотвратимое – так явственно видели это **за спиной** Дениса, что тот оглянулся в угол, в самый чёрный и самый грязный... и почувствовал, как по всему телу зашевелились волоски.

Володька не галлюцинировал.

Нет.

«ОНА здесь», – потерянно подумал Денис.

Эта мысль не имела никакого отношения к суеверию, над которыми Денис – пионер – посмеялся бы и сейчас. То, что видел Володька, было таким же невидимым... и **реальным**, как пожиравшая его болезнь.

В углу тесной хибарки стояла Смерть .

Заставив себя отвернуться от угла, Денис присел на кровать. От Володьки несло жаром и, когда Денис первым делом приложил датчик к подмышке мальчика – приподняв вялую огненную руку, похожую на наполненный густой горячей жижей тонкий шланг, – то ужаснулся. У Володьки был почти сорок один градус. Губы мальчика покрывала белая корка, на щеках резко алели треугольные пятна. Володька дышал страшно – как будто выходил воздух из разорванного и грубо сжатого бумажного мешка.

Володька пошевелил губами. Денис наклонился ближе, прошептал:

– Ты что?

– ...гони... – выдохнул мальчик. – Про... гони... не хочу... с ней... с... тра... шна...я... Де...нис...

– Я тут, тут! – почти выкрикнул Денис и осекся, сообразив: нет, Володька не видит его... **здесь** . А видит **ещё где-то** . И просит помочь. Спаси. Защити.

Денис опять оглянулся в угол. И готов был поклясться, что **увидел** . То, что он увидел, было так ужасно, что мальчишка едва не рванул опрометью из этого склепа. А главное он понял: ОНА может забрать и его. Походя прихватить. ОНА пришла за добычей – и не намерена от неё отказываться. Ей не привыкать забирать непоживших, не так уж давно она обожралась их жизнями – и сохранила жуткую силу, набранную в те холодные снежные годы отчаянья и беспросветности...

...Но отступить он не мог. И не хотел – отступать.

– Посмотрим, курва, – тихо проронил Денис. – Не нажралась? Так вот: пацана ты не тронешь. Он будет жить. Я так сказал. **Мы** так сказали. **С нами** тебе не сладить, жадная стервь...

На миг он прикрыл глаза и представил себе серебряные жерла фанфар. Из них лилось солнце, пополам с торжественным звоном.

«Отчич и дедич, ещё не так давно кончился ваш день, и вы по-прежнему тут, я знаю, – подумал мальчик отчаянно и истово. – Так помогите мне, вашему наследнику. Помогите мне справиться со Старухой, пришедшей не за своим!»¹⁵

Денис открыл сумку. В ней, как патроны в обойме, сверкнули длинные тела шприцев. Тут, где среди грязи и дикости жили не помнящие себя, но – люди, всё-таки люди – это ещё было нужно.

Молча и ловко Денис сделал Володьке сразу три укола – прокаин, витаминный комплекс, витол. В Империи давно уже не приветствовалось медикаментозное лечение, а медикаментозная терапия и вовсе была под запретом уже много лет. Но мощные препараты для экстренных случаев продолжали выпускаться. Швырнув опустошённые шприцы на пол, Денис поставил сумку на стул, а сам пересел на кровать. Взял в свои руки ладонь Володьки (тот закрыл глаза и дышал ровнее). И всей силой, какая была заложена в нём природой, верой, воспитанием, пожелал одного: пусть мальчик будет жив! Если нужен для этого кусок его, Денисовой, жизни – пусть! Пусть она поделится пополам! Ему хватит! Лучше прожить половину положенного, зная, что жив и Володька, – чем жить вдвое дольше и знать, что не отдал всего, что мог и должен был отдать.

Володька всхлипнул горлом. И вдруг разом стал мокрым, как будто его вмах окатили водой.

А Денис – Денис услышал яростный, злой и... **бессильный** вопль. Распахнулась и снова захлопнулась дверь. Где-то в горах Голодного с громом сошла лавина...

...Когда Танька, Олег и Мишка поспешно, один за другим, вошли внутрь, то остановились в недоумении. Денис – босой, взъерошенный, в полупросохшей одежде – сидел на краю постели ровно дышащего Володьки и напевал негромко, но ясно:

– Не малина, не ягода,
Не трава – лебеда,
Только чудно играет вода
Камышовыми нотами
Да лесными красотами,
Серебристой волною пруда.

Говорил сыну дед
Да рассказывал,
Говорил в сотню лет
Да наказывал:
Проживёшь ты, как я,
Зло в душе не тая,
Коль услышишь ты молодым,
Ветер Воды...¹⁶

¹⁵ Вообще-то Смерть в культурной традиции этого времени вовсе даже не старуха, а очень спокойная и безразличная женщина средних лет (Морана) (а Смерть на правой войне – и вовсе молодая весёлая дева-воительница Магура). Но у Смерти, неурочной и бессмысленной (Мари), облик именно старушечий и крайне неприятный. Это то ли три сестры, то ли три ипостаси, кто знает? И, конечно, это не имеет ни малейшего отношения к суевериям.

¹⁶ Стихи М. Лариной.

– Тише, – попросил Денис, не оглядываясь, – он спит.

* * *

Когда Володька – бледный, с большущими синяками под глазами, но улыбающийся – привстал на кровати навстречу вошедшему Денису, то Третьяков-младший вдруг ощутил какой-то странный спазм. И поспешил деловито осмотреть хибару, задержал взгляд на старухе, равнодушно что-то ворочавшей у открытого огня-очага, и только потом кивнул Володьке, приближаясь и садясь на край постели:

– Привет, – и почему-то страшно смутился.

– Привет, – Володька лёг поудобнее. Его глаза – живые, хотя и замученные болезнью – разглядывали Дениса, словно какое-то чудо.

– Ты чего так смотришь? – Денис смутился ещё сильнее. – Я вот тут тебе принёс... – Он выложил на кровать пакет, хотел открыть, но замер – пальцы Володьки легли на его запястье.

– А мне снилось... – Володька всё ещё слабо, но живо улыбнулся и потискал одеяло пальцами. – Что когда я совсем болел... умирал... ты пришёл и долго-долго сидел... прямо вот тут... – Мальчишка указал подбородком на край кровати. – А ОНА, – голос мальчика стал опасливо-тихим, он покосился в угол, – вон там стояла... Так страшно было... она всё ближе и ближе подходила... – В глазах мальчишки плеснулся тот, прошлый ужас. Денис успокаивающе положил руку ему на локоть, и Володька вцепился в неё и облегчённо вздохнул: – А тут я вижу – ОНА тебя боится... Сразу в угол – прыг! И только зубами заскрежетала... А мне сразу так спокойно-спокойно стало, что ты рядом сидишь... И за тобой много, очень много людей. И лица у всех добрые... и свет от них идёт, а ещё музыка такая... красивая... Жаль, что только снилось.. Денис... знаешь... я, когда темно было, часто к вашему дому приходил... стоял и... и смотрел... – Денис поражённо вспомнил так раздражавшие и настораживавшие непонятные взгляды из темноты, а Володька выпустил руку старшего мальчишки и без обиды, спокойно сказал – по-взрослому: – Я же понимаю. Кто ты и кто я.

– Ничего ты не понимаешь, – возразил Денис ласково. И чуть повернул голову: – Эй! Я забираю его!

– Куда? – равнодушно спросила старуха.

– К людям, – отрезал Денис и поднял Володьку. Тот окаменел... а потом доверчиво обхватил шею Дениса руками и прижался к нему, уткнул нос в Дениса. Алые концы галстука легли на грудь мальчика. Володька ничего не спрашивал, только сопел в шею Третьякову-младшему.

Денис вышел, по дороге пинком опрокинув табурет. Глубоко вдохнул сыроватый воздух.

И зашагал по грязной улице, неся на руках Володьку.

Глава 5

Это наш дом

Валерия Вадимовна подходила к дому рано, вопреки обычному – и, так же вопреки обычному, не одна, а вместе с мужем.

Когда Борис Игоревич Третьяков как ни в чём не бывало, словно делал это ежевечерне, встретил жену около новенькой больницы и без слов подал ей руку кренделем со словами: «Разрешите-ка пройтись?» – та даже слегка опешила.

– Борь, ты чего?

– Да ничего, – пожал плечами штабс-капитан. – А что, мне уже родную жену нельзя встретить? Напомню, кстати, что ты – моё движимое имущество.

– Да-а-а?! – восхитилась Валерия Вадимовна. И предложила: – Ну давай.

– Что? – уточнил Третьяков-старший.

– Двигай меня. – Женщина всем своим видом изобразила счастливое ожидание.

– Да запросто, – пожал плечами Борис Игоревич.

Возмущённый визг-воплъ Валерии Вадимовны, внезапно оказавшейся на руках у невозмутимого штабс-капитана, заставил повыскакивать из больницы не только немногочисленный персонал, но и практически всех пациентов. У некоторых в руках было «чего потяжелее», а у сторожа, выбежавшего из-за угла здания, – «Сайга». На его лице вообще была написана неумолимая суровость.

– Жену домой несё, – пояснил Борис Игоревич мгновенно онемевшей при виде происходящего немалой толпе. – Умаялась, сил нет.

В народе уважительно и сочувственно началась процедура массового кивания...

...Когда метров через сто штабс-капитан попытался поставить благоверную на твёрдую землю, та прочней ухватила за супруга и с недовольной претензией поинтересовалась:

– И это всё, что ли? Я так не играю! Раньше ты меня дальше носил. Помнишь, как вы с Гарькой Копцевым на спор...

– Ты ещё мамонтов вспомни. – Борис Игоревич, наконец, сумел утвердить жену на её собственных ногах. – Гарь на плечах лёгкий танк может унести, а я вспотел... – И промакнул лоб платком. – Однако тяжёлая ты стала! – возмутился он вдруг.

– Это всё – груз проблем, – призналась Валерия Вадимовна, с явным удовольствием цепляясь за руку мужа. – И, между прочим, я из-за тебя сбежала с боевого поста раньше времени.

– Шесть часов почти, сейчас темнеть начнёт, – напомнил Третьяков и вдруг грустно добавил: – А в Петрограде сейчас уже снег...

– Скучаешь? – Она потёрлась щекой о плечо мужа.

– Временами... Денису хорошо. Они в этом возрасте мобильные, как водомерка. По моему, он даже по Войко своему не скучает... Некогда ему.

– Давай в выходные съездим на перевал, к Бойцовым? – предложила Валерия Вадимовна. – Закажем столик, посидим, друг на друга хоть посмотрим.

– Хорошая идея! – взбодрился Борис Игоревич. – Точно. Поедем, и никого с собой не возьмём. И так от детей не протолкнуться.

– Да, топить бы их всех сразу после рождения, – подтвердила Валерия Вадимовна и погрустнела. Тогда муж прочней подхватил её под руку и галантно осведомился:

– Не хотица ли пройтица,
Там, где карусель вертица,
Лепестричество сверкает
И фонтанчик шпандыряет?..

Помнишь?

– Да ну тебя, – Валерия Вадимовна невольно улыбнулась. Борис Игоревич пожал плечами:

– Не хотица? Как хотица.
Я и сам могу пройтица,
Там, где карусель вертица,
Лепестричество сверкает
И фонтанчик шпандыряет...

– Вечер добрый, Ольга Ивановна! – весело поздоровалась Третьякова, входя в

прихожую, пока муж прикрывал дверь перед самым носом Презика, который почему-то очень активно совался в дом, чего обычно не делал. – Головорезы дома?

– Олег-то мой в школе, с пионерами, а Денис спит, – Ольга Ивановна махнула руками на возмущившуюся было Третьякову. – Да пусть! Вот ведь и не видите даже, а он уж месяц недосыпает, за завтраком тарелку носом клюёт. Я и к телефону не звала его, а то называют, называют... совести у людей нет! – раздражённо и возмущённо определила женщина. – Трубку сразу кладу – и всё. Только казачке этой объяснила, что и как... уж больно он с ней ласково говорит всегда...

– Вообще-то ужин уже, – заметил, устало снимая форменные туфли, Борис Игоревич. – А сыне непутёвый небось сразу после школы завалился... Ольга Ивановна, – вдруг всмотрелся он. – А что-то вы какая-то не такая?

– Чего я не такая? – откровенно смутилась женщина.

– Валерка, – замогильным голосом проронил штабс-капитан, беря жену за плечи и приваливая к себе, – крепись. Наш сын что-то взорвал. Или поджёг. Или ещё чище, но у меня воображение отказывает.

– Да ну вас! – рассердилась Ольга Ивановна. – Дело-то серьёзное! Пошли, поглядите! Пошли, пошли, чего стоять-то?!

...В комнате мальчишек было открыто окно, и лёгкий тягучий ветерок, тёплый и сырой, шевелил на столе страницы и листки. Было ещё достаточно светло, и Третьяковы переглянулись удивлённо – Денис спал на кровати Олега, прямо поверх покрывала. Борис Игоревич чуть нахмурился. Взглянул на жену. Та покачала головой: ей, опытнейшему врачу-практику, не составляло труда увидеть сразу, что сын спит так, как спят насмерть усталые люди – каменно, неподвижно, видимо, даже ни разу не поменяв позу с того момента, как лёг.

– Это он что, даже до кровати до своей не добрался? – встревоженно спросила она, без капли своей обычной иронии. Ольга Ивановна вздохнула тяжело и молча показала на кровать Дениса.

– Это **кто**?! – только и смог сказать Борис Игоревич. Вообще его не очень удивило, что в комнате сына обнаружился спящий другой мальчишка – мало ли, какие бывают обстоятельства? Но тут же штабс-капитан узнал Володьку, который спал, завернувшись в простыню.

– Не поели, – Ольга Ивановна загибала пальцы прямо перед лицом обалдевшего обэхаэсовца. – Не помылись – Володька этот вообще, я ж его знаю, бельё считай уже не отстираю... А главное, – она понизила голос, – притащил он его на руках и говорит: «Тётя Оля, – это мой брат Володька, он будет с нами жить». И на меня аж зашипел, чисто кот над колбасой, а я только и хотела этому где-нигде на диване постелить... Каково?!

– Нннну... я как бы... – Борис Игоревич сильнейшим образом напоминал матёрого волка, в логове которого вдруг обнаружился невесть откуда взявшийся ещё один волчонок, неучтённый и незапланированный. Между тем Валерия Вадимовна уже сидела на кровати и что-то делала. Сказала через плечо:

– У мальчика недавно была двусторонняя пневмония... Недокорм сильнейший, кстати... хронический... И по мелочи еще куча всего... Я его помню, кстати – он нас тут первым на перевале встречал. А ты помнишь, Борь?

– Да... помню... – Борис Игоревич внимательно наблюдал за женой, и его лицо принимало всё более и более странное выражение. Ольга Ивановна тоже притихла. В тишине стало слышно, как Володька завозился, хныкнул, чмокнул губами и вдруг отчётливо, с сонной радостью произнес:

– Мааааа...

Валерия Вадимовна отшатнулась, словно обжёгшись – но над её плечами появились и прочно сомкнулись на спине две детские руки:

– Мам... – Володька ещё что-то сказал, точнее, прошелестел еле-еле, и опять уснул.

– А... – начала Ольга Ивановна. И осеклась, потому что Валерия Вадимовна встала в рост, бережно и легко придерживая на руках завернутого в простыню Володьку. С одного

конца свисали ноги, с другого торчали вихры, приткнувшиеся к плечу женщины. Руки Володьки соскользнули, но Третьякова как-то очень ловко перехватила их, не дала упасть и разбудить мальчишку.

– Помню, как, – сказала она. И попросила: – Вот что. Идите-ка отсюда, пожалуйста. Во-первых, тебе, Борь, надо переодеться к ужину. Вам, Ольга Ивановна, нужно наполнить ванну, потому что это и впрямь свинство, когда у ребёнка, пусть и мальчика, такие пятки, и он с ними вместе лежит в постели. Ну и потом, я сейчас буду плакать, а это странное зрелище.

Ольга Ивановна исчезла сразу. Борис Игоревич задержался на пороге и осведомился:

– Ва...

– Пошёл вон, – нежно проронила Валерия Вадимовна.

– Понял, – кивнул муж, тихо прикрывая дверь.

Валерия Вадимовна не заплакала. Она, как-то очень плотно и невесомо придерживая Володьку, присела на край кровати, на которой спал Денис. В дверь снова просунулся Борис Игоревич:

– Я только хотел сказать, что третью кровать придётся... всё, понял, понял, понял.

Дверь снова закрылась.

– Мам? – Володька уже по-настоящему, хотя и сонно, открыл глаза. И окаменел на руках чужой женщины, моргая, как заведённый. – Ой!

– Мам? – пробухтел Денис, барахнулся на кровати и сел. – Ой.

– Вечер добрый, поросята, – поздоровалась Валерия Вадимовна, необидно и незаметно спуская с рук очумелого Володьку, который немедленно превратил простыню в кокон и переместился на четвереньках за Дениса.

– Вечер?! – Денис пометался взглядом в поисках часов. – Ой-яааа... Мне уже обзвонились все, наверное... – Он потянулся и широко зевнул, прикрыв рот ладонью только в последний момент. Потом засмеялся: – Ну я и выспался! Отлежал себе всё... А, да, мам. – Он сунул руку назад и небрежным движением притянул вперёд прихваченного за шею Володьку. – Это Володька Михалёв. Он... – Денис наконец смутился. Слова про брата сделались какими-то беспомощными и кривобокими, ненастоящими, словно из плохой книжки. Но Денис и рассердился на себя. Мотнул головой и упрямо заявил: – Он мой брат.

– Здрасьте... – Володька еле пролепетал это слово, во все глаза глядя на Валерию Вадимовну. Но в его глазах кроме нешуточного и не совсем обычного для Володьки испуга было и ещё что-то. Какое-то ожидание. И ещё что-то. Что-то совсем неясное, очень тихое и почти безнадежное, но светлое, будто огонёк свечи в ночной черноте – прикрытый ладонью, почти невидимый и всё-таки горящий непоколебимо, упрямо и более сильный, чем огромный давящий мрак кругом.

Но его так легко погасить одним движением губ...

– Ну, раз он твой брат, – сказала Валерия Вадимовна как ни в чём не бывало, – то получается, что он мой сын.

Володькины глаза росли и росли, они заняли почти всё лицо, и в них в тёплом сиянии отражалась сидящая рядом на кровати женщина. Денис кашлянул и убрал руку. На какую-то крохотную долю секунды он ощутил ревность – с чего этот мальчишка так смотрит на **его собственную** маму? Но потом Володька моргнул – и... и ревность издохла, так и не разросшись из мерзкой липкой личинки в ядовитую змею.

Наверное, Володька бы заревел. Если бы его кто-то сейчас попросил объяснить, что он чувствует, он не нашёл бы ни слов, ни даже песни. Это был сон, сказка это была, и он знал, что сейчас проснётся, но даже не обижался, потому что даже капелька такой сказки – счастье на всю жизнь. Ему очень хотелось, чтобы эта сильная, уверенная в себе, очень красивая женщина опять его обняла, напоследок, перед тем, как он проснётся... он бы не стал теперь отстраняться... хотя ему, конечно, снилось, что она его носит на руках, сон во сне. И смешно думать, что Денис, каким бы хорошим он ни был, поделится таким бесценным сокровищем, как **МАМА**.

Конечно, сейчас счастье кончится. Вот сейчас... вот с...

– И поэтому сейчас мы пойдём в ванную, – продолжала как ни в чём не бывало Валерия Вадимовна, – потому что поросят – особенно тощих, еле стоящих на ногах, больных поросят – у меня в сыновьях не было. И не будет.

– А... Денис? – оторопел Володька, бросая на снова беззаботно зевающего Дениса умоляющий, испуганный взгляд.

– А Дениса я мыла уже столько раз в жизни, что ничего нового там не увижу и не горю желанием увидеть, – тут же отрезала Третьякова.

– Маааа!!! – возмутился Денис, со щелчком захлопнув рот в самый сладкий момент зевка.

– И он пойдёт мыться в душ на улицу, – заключила Валерия Вадимовна. – Потому что он тоже напоминает если не поросёнка, то уже вполне подросткового подсвинка.

– Холодно! – запротестовал было Денис, но тут же поднял руки и склонил голову: – Понял, пойду, куда велят.

Он подмигнул Володьке, вскочил и с выкриком: «Оп!» – сделал кувырок вперёд – с места через голову на ноги и прямо в коридор.

– Переломаться – лечить не буду, – сказала вслед Валерия Вадимовна с абсолютным хладнокровием. Потом перевела взгляд на Володьку: – Я понимаю, что ты уже большой, и очень. Но во-первых, ты сам не отмоешься как следует. А во-вторых, нужно тебя ещё разок осмотреть. Так что марш в ванную... ты знаешь, где она? – Володька помотал головой. – Ясно. Тогда бери эту простыню, которую ты уже изгваздал, заматывайся и пошли. Я покажу, а пока буду переодеваться, ты как раз наберёшь воды...

...Когда Денис, насвистывая и бешено вытирая голову полотенцем, вошёл обратно в дом, то первое, что он услышал, были истошные вопли в ванной комнате:

– Ой! Ай! Ай-ай-айййй! ГорячооооооОООО!!! ЩИИИИИИПЕЕЕЕЕТ!!! Уй волосы! Уууаааааааа, ма-мааааааАААА!!! – и ответные реплики Валерии Вадимовны:

– Вот то-то и оно, что «мама»... повернись... не вертись... повернись, я сказала... ага, сядь... куддда, не выйдет эта хитрость... а это что?..

– Вввваааа!!! Это давнооооооо!!! За про-во-ло-кууууууу!!! Ма-моч-кааааа, ну го-ря-чооооООООО ЖЕЕЕЕ!!!

– Ясно... теперь так...

– УААААААААМАМАААААААААА!!!

– Радость моя, я тебе не рассказывала о правиле, которое у нас заведено... стоп, прррр, лошадка... кто в ванной на пол налил, тот и вытирает? Денис занимается этим регулярно. Олег тоже.

– Можнооооооо я пря-моооо сейчаааааа... уыыыЫЫЫ!!!

– Сейчас ты будешь домыт, и мы пойдём ужинать. А потом ты опять ляжешь спать, но уже по-людски. И будешь спать... оп, долго.

– Уууййхахаааа, ще-кот-нооооооОООО ЖЕЕЕЕ!!!

– Щекотно – не больно, не умрёшь.

– АуауауауауууууУУУ!!!

– М-да, не повезло, – философски прокомментировал Денис, заглядывая на кухню.

Ольга Ивановна накрывала на стол и поглядывала на часы. Посмотрев через плечо на Дениса, озабоченно сказала:

– Беспокоюсь я за Олега... То вы вместе возвращаетесь, а тут вон уже все сроки прошли, а его нет и нет...

– Да ничего с ним не случится, тётъ Оль, – беззаботно ответил Денис. – А что на ужин, а?

– Кыш, – Ольга Ивановна замахнулась на него полотенцем, потом засмеялась: – Да иди ты, оденься! Ничего особенного.

– У вас даже овсяная каша особенная, – убеждённо ответил Денис. Ольга Ивановна поддалась на провокацию тут же:

– А чего овсяная каша? Про неё много зря говорят – пресная, безвкусная, мол, противная... А ведь это, как сварить, да с чем подать! Вот берёшь... Дениска! Да что ж такое?!

Спихватилась она поздно. Денис уже прозондировал обстановку – на ужин был огромный омлет с ветчиной и помидорами, чёрные гренки с сыром и колбасой и маленькие, милые, похожие на толпу поросят пирожки с капустой, горкой на большом блюде. Тем временем Володька взвыл особенно истошно, с нотками всемирной трагичности – в общем, так, что как раз появившийся Борис Игоревич чуть ли не подскочил и покачал головой:

– Сурово. Старший сын мой, ты почему без штанов? Не лето.

– Понял, – кивнул Денис. Слышно было, как он на лестнице во всё горло распевает одну из песен первых отрядов – тех, по многим признакам ещё больше похожих на банды «благородных разбойников» на подхвате у «витязей» РА, как в фильмах «Так будет всегда» или «Снежные вихри»:

– Пионеры в леса уходили,
Оставляли могилы предков –
И курились дымы седые
Над патлатыми головами...

Борис Игоревич одобрительно кивнул, про себя подумав, что ведь и правда – Денис уже с месяц вот так не пел ни с того ни с сего. А ведь можно было обратить внимание, что он не поёт, а значит – устал... Третьяков-старший покачал головой и подумал, что и сам устал. Когда-то он представлял себе свою работу, как перестрелки, погони, драки... Что ж, этого хватало. Но сейчас вокруг громоздились горы и горы услужливо выкладываемых бумаг. В бумагах прятались миллионы золотых рублей и десятки человеческих жизней. И разгребание этих гор – привычно-профессиональное – выматывало хуже любой драки. Правда – было удовольствие: видеть, как сереют и раскисают лица тех, кто был уверен: и миллионы, и жизни похоронены надёжно...

...Ольга Ивановна, кажется, хотела снова пожаловаться – теперь уже «хозяину» – на долгое отсутствие сына, но тут на улице послышались шум, приветственный брёх Презика, а через несколько секунд в дом вошёл Олег. За ним на пороге толпились ещё несколько человек.

– Добрый вечер, – через плечо Олега сказал Санька Брядин, кашлянул и переступил с ноги на ногу. – А Денис проснулся?

– Проснулся! – заорал, ссыпаясь по лестнице, Денис, застёгивавший на бегу рубашку. – Меня просто к телефону не звали!

– Да мы знаем, – усмехнулся Санька. – Из Лихобабы позвонили, сказали, что ты спишь.

Денис сердито посмотрел на взрослых. Но как раз в это время дверь в ванную распахнулась, и оттуда, подталкиваемый очень довольной Валерией Вадимовной, появился Володька.

– Опаньки, – в полной тишине, мгновенно установившейся в окружающем мире и прилегающих Вселенных, сказал Санька, делая круглые и большие глаза. На лицах у Васюни, стоявшей тут же, появилось некое полностью атавистическое выражение – заторможенное умиление, граничащее с дебилизмом, как мгновенно определил про себя вовсю развлекавшийся Денис. Мишка просто моргал. Генка Раймонд изображал памятник самому себе. «Боец середней» приоткрыл рот и так его и оставил – да уж, Пашку удивить – это сильно...

Володька покраснел всеми видимыми частями тела и ляпнул сразу всем, как-то судорожно нырнув головой вперёд-вниз:

– Здрасссь...

Он был в широченных трусах и катастрофически великоватых ему шлёпках, мокрые волосы ещё не расчёсаны. И он держался за руку Валерии Вадимовны. Очень прочно держался.

– Чаю всем налью, – в этой тишине сурово пообещала Ольга Ивановна. С сомнением оглянувшись через плечо и добавила через силу, почти с мукой: – Ну, ещё по пирожку с капустой. А трескать – марш по домам, орда голодная.

Первым захохотал её сын...

* * *

Потянувшись, Третьякова посмотрела на часы. Первый час ночи. В принципе, ещё рано... но, похоже, все дела сделаны. На сегодня.

Она вспомнила лицо Семской, буквально излучавшее любовь ко всему миру – во время сегодняшней случайной встречи. «Энергетическая» врачиха привычно поздоровалась первой. «Дарья Аркадьевна, милая моя, да вы здоровайтесь не здоровайтесь, улыбайтесь не улыбайтесь – недолго вам на своём месте сидеть, – подумала Третьякова зло. – Похороню я вас в глубокой яме с хлорной известью и памятник закажу, расщедрюсь – холерный вибрион, танцующий на хвосте... Всё-таки великая это вещь – воля государства. Перевешивает разом все деньги и все подковёрные дразги. Главное, чтобы государство было **правильным**, иначе это конец. Проверено. Если государство принадлежит подонкам, то перешагнуть через него можно, лишь залив всё вокруг кровью.

А это страшная цена. Даже за великую победу...»

Валерия Вадимовна вздохнула. М-да, а до счастливого исхода ещё далековато. Пару раз она даже начала подозревать, что Кенесбаев саботирует расследования. Но потом подумала и поняла: нет, казах кристально честен и на самом деле очень рад, что теперь у него развязаны руки, просто все хвосты и концы последних дел очень хитро похоронены.

А ампулка, та, которой траванулся водитель покушавшегося стрелка, не фабричного, между прочим, производства, самодув, хотя и хороший. И цианид в ней кустарный... Сделать-то его, кстати, и не особо сложно, но ведь кто-то должен был этим озаботиться...

«А пожалуй, надо выпить чаю да и лечь спать».

Она поднялась. Сделала несколько энергичных движений, фыркнула – в связи с профессиональными мыслями вдруг пришла в голову песенка, которую как-то раз она слышала от того мальчишки, которому выписала направление в Империю... Генки. Геннадий Ишимов, полная ремиссия функций печени... Он не слышал, что Третьякова подошла, и мурлыкал, что-то разбирая на полках своего музея... как там... а!

Валерия Вадимовна замурлыкала тихонько, продолжая разминаться:

– Нэсэ Галя воду,
Идэ по пылюци...
А в ведре нейтроны та протоны вьюця...

Прынесла до дому,
Та Ивану дала,
Бо про той реактор ничово нэ знала...

Та й нэ знав Иванко,
Та попыв водыци –
И теперь на Галю вин може лишь дывыться...

«Галю, моя Галю,
Шо ж ты наробыла?!
И куды дэвалася буйна моя сыла?!»

Галю посмеялась,
Та зробыла чудо:

И вин вылиз у Ивана до самого чуба... – женщина неприлично хихикнула и покачала головой. От мальчишки, когда он обнаружил, что рядом стоит Третьякова, можно было без особых проблем зажигать костёр, он по цвету слился со своим галстуком...

Смешные они. Упрямые, хитрые, доверчивые, смелые, незащитные... Её первый учитель, ещё в школьном кружке читавший медицину мальчишкам и девчонкам с внимательными жадными глазами, циничный, как большинство старых врачей, внушал: не смейте пропускать через себя все беды пациентов! Сгорите раньше любых разумных сроков и не сможете многим, кому могли бы помочь!

Она так и не разобралась до сих пор, правильно он говорил или нет. Наверное, всё-таки правильно. Даже наверняка правильно. Но... но нет. Валерия Вадимовна покачала головой.

«Но даже если это правда – такая правда не права...»

...Олег спал, неловко откинув голову на подушку, немного похрапывал. Валерия Вадимовна задержала взгляд на его лице. Они с Денисом ровесники, но Олег временами кажется настолько взрослее, что даже странно – как он слушается Дениса? Кстати...

А Дениса-то в комнате и не было. На его кровати спал Володька – комочком, не от холода, а чтобы занимать как можно меньше **чужого** места; ещё не верит, что это **его дом**. Но одежда Дениса лежала здесь, значит...

Валерия Вадимовна постояла посреди мальчишеской комнаты, мысленно разводя, разгоняя, отталкивая всё то недоброе, что могло сюда набиться. Для неё это не было фигуральными выражениями, нет... Ну вот, теперь хорошо. Она улыбнулась, увидев и услышав, как Володька со вздохом повозился, выпрямился, перелёг на спину и улыбнулся во сне.

Вот так. Теперь всё правильно... Но всё-таки – где же сынок-то шастает?

Валерия Вадимовна вышла из комнаты на лестницу, тихонько прикрыв за собой дверь...

...Денис был на кухне – включил лампу над плитой и при её свете то ли пил чай, то ли просто сидел за столом, о чём-то думая.

– Не спишь? – Валерия Вадимовна подошла и присела рядом с ним, пододвинув стул. Денис быстро посмотрел на неё, покачал головой, болтая ложечкой в чае, потом звякнул, досадливо поморщился, вынул ложечку и положил её рядом. Сказал:

– Мы кровать третью делать не будем, ну её. Олег сказал – соорудим над его кроватью надстройку с лесенкой, ну и я думаю, что это правильно. Ещё стол уширим и ещё одну секцию к шкафчику пристроим. В наших мастерских всё сделаем, сами, папа пусть не волнуется, ладно?

– Это хорошо... Расскажешь?

– Ага. Это долгая история, только рассказать её можно коротко.

– Налей мне чаю и выкладывай, – кивнула Третьякова...

...– Вот и всё. – Денис скрестил руки на столе и устроил на них подбородок. Валерия Вадимовна внимательно смотрела на сына, и он поднял голову: – Ты на меня сердишься?

– За что? – непонятно спросила женщина. Денис пожал плечами:

– Ну... я притащил чужого мальчишку... и вообще...

– Сержусь, что тебе не пришло это в голову раньше. – Валерия Вадимовна встала, подошла к окну, уперлась рукой в стекло. – Кстати, почему не прибежал за мной, когда тебе сказали про Володю?

– Спешил. – Денис тоже поднялся и, сделав три шага, встал рядом с матерью. Вздохнул тяжело: – И почти опоздал.

– Ну, в общем-то, ты всё сделал правильно... – Она повернулась к сыну, строго взглянула ему в глаза. – Страшно было?

Денис кивнул. Помялся, спросил:

– Ты часто её видишь?

– Счастье, что нет, – покачала головой Валерия Вадимовна. – Но я **видела**. И знаю, **что** ты видел.

– Я же не мог его бросить... Мам, – умоляюще заговорил Денис, – ты правда...

– Не мели чушь! – насмешливо и резко оборвала сына женщина. И улыбнулась в ответ на его обиженное молчание. – Сын, ты потом как-нибудь сообразишь, что я ощущаю. Хотя – нет. Никогда не поймёшь этого, и это хорошо.

Денис и сейчас-то посмотрел непонимающе, наивными чистыми глазами. Валерия Вадимовна рассмеялась, ухватила сына за прядь волос надо лбом, потаскала:

– Лис, глупый лисёнок...

Денис заулыбался. Отошёл к столу, подвигал кружку с давно остывшим чаем, предложил:

– Маааа... давай spoём, а? Вместе? Мы так давно не пели...

– Запевай, – предложила Валерия Вадимовна, подходя к нему и присаживаясь. – Только тихо! – Она приложила один палец к своим губам, второй – к губам сына. Тот сделал вид, что хочет укусить, устроился поудобней и – на самом деле негромко, но очень чисто и проникновенно – запел...

...Мальчишки спали нос к носу, Денис на правом, Володька на левом боку. Правую руку Володька закинул на шею Денису, видимо, и во сне желая точно знать, что он больше не один. Рука, как видно, была лёгонькая, и Денис, судя по всему, ничего не ощущал.

«У меня есть ещё один сын», – подумала женщина, сидя в ногах спящих на кровати. Умом она понимала, что Володька – не её сын, даже пока ещё не приёмный, а уж кровным не сможет стать никогда... но ум проигрывал чему-то, что действительно и спокойно утверждало: **у меня есть ещё один сын**. Это было какое-то чудо. Может быть, я так ощущаю потому, что всегда хотела ещё детей – и не могла? «И ещё не могла – смириться с этим, опять же не умом, а сердцем?»

Сердце... Это такая мощная мышца. Насос. Биологический. Когда-то она так ответила на вопрос того же учителя – чтобы щегольнуть своими знаниями. А тот почему-то чуть насмешливо двинул углом рта и кивнул: «Ну в целом правильно». Как-то так сказал, что осталось чувство неудовлетворённости. Как будто ответила неправильно. Она потом даже обиделась: что не так-то?! Глупая была...

Борька так смешно на Володьку смотрит, вспомнила она и улыбнулась. С каким-то удивлением и даже сомнением. Мужчины в этих вопросах как были полными бестолочками, так и остались, они и своих-то кровных детей пугаются. Третьякова засмеялась, вспомнив, как Борька почти отпрыгнул на предложение поддержать крошечного Дениса, и его вопль: «Не, Лерка, ты что, у него вон голова не держится и вообще я уроню!» Дурак... Но это до первого совместного дела, на сборке той же кровати сойдутся... А вообще ведь спать надо идти, если подумать...

«Сейчас пойду, – решила Валерия Вадимовна. – Сейчас... только спою им. Тихонько спою».

Она пересела ближе к головам спящих мальчишек – осторожно, на краешек, чтобы не потревожить, не спугнуть сон. Подумала, задержав дыхание. И, ещё не открывая глаз и чуть покачиваясь, тихо-тихо запела...

– ...Как у молодца у него три сестры,
Три сестры, три родимыя.
Как большая сестра коня вывела,
Как середняя седло вынесла,
Как меньшая сестра плетку подала,
А подамши плетку, всё заплакала,
Во слезах братцу слово молвила:

– Ты когда же, братец, к нам назад будешь?
Уж вы сестры мои, вы родимыя,
Вы подите-ка на синё море,
Вы возьмите-ка песку жёлтого,
Вы посейте-ка в саду батюшки.
Да когда песок взойдет, вырастет,
Я тогда же, сёстры, к вам назад буду.
Да когда песок взойдет, вырастет,
Я тогда же, сёстры, к вам назад буду...

* * *

Денис проснулся от странного ощущения – проспал! Почему не разбудили?! Но ещё не открывая глаз, вспомнил, что сегодня воскресенье. Ну и всё равно, завтрак-то, кажется, уже прошёл и вообще...

Потом вспомнился сразу весь вчерашний день – и быстро сбросил остатки сна.

Окно открыто, дождь перестал. Постель Олега застлана, его самого не было. Зато на стуле возле стола стоял коленками Володька и почти «в упор» рассматривал приз – хрустальную гитару с серебряными порванными струнами. Лицо мальчишки было внимательным и мечтательным.

– Доброе утро, – сказал Денис и как следует потянулся.

Володька вздрогнул, откачнулся от стола, быстро повернул голову, растерянно заморгал. Протянул:

– Доброее... Я ничего не трогал, просто смотрел... Это твоё?

– Наше с Войко... – Денис сел в кровати, потянулся снова, посмотрел на часы – нет, ничего он не проспал, просто и во сне продолжал беспокоиться... – Это мой друг – в Петрограде, мы конкурс выиграли...

– Аааа... – Володька уважительно покосился на гитару. И снова перевёл взгляд на Дениса, который вскочил, принялся разминаться и спросил, делая наклоны:

– А где все?

– Олег в школу убежал, рано-рано, сказал, что к завтраку вернётся... А больше я не знаю, я не выходил... – и вдруг выдал: – Я в туалет очень хочу.

Денис замер на выгибе, принял нормальное положение. Постоял, сел на кровать. Взял за руку Володьку, стащил его со стула, усадил рядом – тот немного посопровтивлялся, но молча.

– Володь, – тихо произнес Денис. – Я не знаю, что ты там думаешь. Может, что мы игрушку себе принесли. Или просто хотим хорошими казаться. Или что ещё – не знаю. И знать не хочу, потому что это твой дом.

Володька потупился. Дёрнул плечами. Тихонько сказал:

– Но ведь так не бывает...

– Ах так? – Денис пружинисто поднялся, в два прыжка добрался до двери, распахнул её и заорал: – Мааааа!!!

– Ты что?! – Володька вскочил, вцепился в локоть Дениса. – Не надо!

– Сам виноват, – свирепо отрезал Денис. – Маааа, Володьке...

– Уууу! – Володька запрыгнул на спину Денису и повис на нём...

...Когда заспанная Валерия Вадимовна влетела в комнату мальчишек, то обнаружила, что Денис ловко заматывает шипящего и пинающегося Володьку в одеяло.

– И что это такое?! – фыркнула она. – Мой бесценный утренний сон...

– Завтракать пора! – Денис сел на живот превращённому в кокон Володьке (потихоньку опираясь на руки по сторонам). – Ма, Володька узнать хотел, можно ему на завтрак какао?

– Изверrrrrrrrrrrрги, – снова фыркнула Валерия Вадимовна и вышла, ногой захлопнув

за собой дверь. Внизу Борис Игоревич откликнулся: «Всем завтракать!» – и его поддержал с улицы Презик.

И тогда Володька засмеялся – прямо из кокона, звонко и заливисто, чуточку захлёбываясь смехом и жмурясь от удовольствия...

...Когда перед Володькой появилась кружка какао, он сердито зыркнул на Дениса, невозмутимо намазывавшего паштетом чёрный хлеб (свежей домашней выпечки – Ольга Ивановна наконец решилась на эксперимент, чтобы угодить вздыхавшему по чёрному хлебу младшему Третьякову – Денис временами просто и нагло начинал ныть по этому поводу и утверждать, что без чёрного хлеба русские чахнут на корню, что его отсутствие – причина всех бед Семиречья и т. д.), и пробормотал:

– Спасибо...

– А не за что, не за что, чуть что – обращайтесь, – опередил всех Денис. Олег, и правда подоспевший к самому завтраку, хмыкнул и открыл рот, чтобы спросить, что Денис собирается делать сегодня в отряде, потому что... – но в коридоре зазвонил телефон. – Па, можно? – Денис привстал, словно перед стартом.

– Только быстро, – Борис Игоревич обеими руками решительно придвинул к себе тарелку, плотоядно разглядывая коричнево-золотистые пластинки жареной ветчины в окружении зелени. – Мне тоже должны позвонить...

Впрочем, Денис уже вихрем вылетел к телефону, сдёрнул трубку...

...и предчувствие его не обмануло. И это услышал весь дом – полные восторга вопли мальчишки, совершенно по-детски приплясывавшего у аппарата:

– Дом Третьяко... Настя?! Это ты?! Да, проснулся... Конечно! Я еду! Сейчас! Быстро!

* * *

Туманка, чуть проседая крупом, легко вынесла всадницу на тропу. Денис с выдохом опустил обратно в седло – всё это время он стоял в стременах Серого, стиснув повод обеими руками и даже пальцы в ботинках скрючив так, что их свело. Уф. Вот дура!

Другой девчонке он бы так и сказал. Вот прямо отсюда бы и крикнул, что она дура. Громко, чтобы точно услышала и запомнила как следует. И пусть бы попробовала что ответить!

Но не Насте.

Казачка помахала сверху рукой, безошибочно угадав, где стоит Денис. Крикнула:

– А ты заберёшься?!

– Иду! – Денис понукнул Серого: – Давай-ка, малыш... ты видишь, девчонки над нами смеются...

Туманка не смеялась, конечно, она просто переступала передними с ноги на ногу, а Настя сидела, глядя... вот ведь... да, **глядя** на Дениса. Но Серый явно оскорбился. По крайней мере, Денису так показалось. Он закинул голову, храпнул и тяжело, неостановимо и решительно пошёл на штурм крутого склона.

В какой-то момент Денис уверился, что сейчас загремят они обратно на нижнюю тропу. Он-то сам ничего, какая тут высота... а Серый тяжёлый, он покалечится точно. Однако жеребец неожиданно сделал натужный прыжок и оказался на тропе. Отшагнул от края, встал голова к голове с Туманкой, шагнул вперёд дальше и фыркнул ей в бок. Вроде бы даже укоризненно. Потом устроил свою голову на её крупе и прикрыл глаза.

Денис оказался колено к колену с Настей, снова безошибочно глядевшей на него. Да будь всё проклято... что ж такое?..

– У тебя дела ведь, наверное? – Настя чуть наклонила голову вбок.

– Да нет у меня дел. – Денис потупился. – Не хочу я сейчас никаких дел. Ну может же у меня быть выходной. Один. У взрослых давно по два, а у нас совсем нету... как в самые тяжкие времена...

– Мы уже четыре часа ездим, – напомнила Настя. – Ты ведь мужчина, их дела важней

всего.

В её голосе не было насмешки. Только констатация привычного женщине и совершенно неоспоримого факта, части жизни.

– Да какой я мужчина... – пробормотал Денис. И вскинул голову, услышав голос Насти:

– Мой.

Денис сглотнул, пытаясь начать дышать нормально, ровно. Заставил себя смотреть в лицо девчонки – какое-то суровое, исполненное достоинства. Словно картина, портрет, а рама – удачно попавшийся прогал в листве вокруг тропинки.

Туманка тоже положила голову на круп Серого. Кони притиснули всадников вплотную. Денис поднял руку Насти, лежавшую на её колене, обтянутом мужскими казачьими штанами, бережно, но крепко сжал между своих ладоней, поднёс к губам.

«Настенька, милая моя, я на тебе женюсь, – вдруг подумал он истово. – Женюсь, как только исполнится шестнадцать, гори оно... Плевать на всё, я буду твоими глазами, наши дети будут твоими глазами...»

«...Если они будут видеть», – холодно произнес кто-то в мозгу. Не зло, не ехидно, не мерзко. Сказал спокойно и безразлично, вот что было самым страшным...

Действительно страшным. Таким, что затошнило, едва Денис представил себе это – рождённый ребёнок, его и Насти... и голос врача: «Он слеп».

Но Денис не отпустил ладонь девчонки.

– Что с тобой? – встревоженно насторожилась Настя.

– Да ничего...

– Не ври. У тебя сердце выпрыгивает.

Врать не пришлось. Кони настороженно подняли головы, а через миг послышался до этого отсечённый поворотом тропы звук – и появился открытый плоский вездеход, в котором сидели несколько человек. Но Денис не успел даже насторожиться – в глаза бросилась эмблема на капоте. Это были люди со строительства струнника, ближайшая мачта которого находилась уже совсем рядом.

– Строители едут, – весело сообщил Денис и махнул рукой, разворачивая Серого. – Здравствуйте!

– Будь готов! – откликнулся с переднего сиденья молодой, года на три-четыре старше Дениса, парень с карабином между колен. – Салют, пионерия!

– Всегда готов! – засмеялся Денис. – Салют, инженерия! Вы к нам, в Седьмой Горный?

– Да вот, решили навестить. – Вездеход тем временем остановился. – Пора уже. Скоро на вас базироваться будем.

На верховых мальчика и девочку смотрели четверо улыбающихся молодых мужчин – вооружённых, сильных... своих. Это было главное – своих. Для Дениса даже вдвойне своих – это были люди Империи. И он вдруг вспомнил! Конечно, надо спросить! Вспомнил, быстро нагнулся с седла, спросил:

– А где у вас инженер... – Денис понял, что Максим тогда не называл ему фамилии, немного смутился, но продолжил: – Его Максимом зовут...

Они переглянулись. Один из сидевших впереди сказал:

– А, ты тот парень... сын штабс-капитана Третьякова, вы у нас ночевали. Максима ищешь?

– Ну да. – Денис недоумённо переводил взгляд с одного на другого. И тогда молчавший до сих пор тяжело и негромко произнес, глядя прямо в глаза Денису:

– Мальчик, инженер Рубейкин погиб при исполнении служебного долга в стычке с бандой в июле этого года. Его могила там.

И указал себе за спину, на бесконечные изгибы и подъёмы горных лесов, над которыми – ослепительно победоносные и могучие! – высились десятки опор струнной дороги.

«...я тогда **очень** пожалел, что не «витязь», думал – хоть похоронили бы в

Пантеоне...» – вспомнил Денис слова весёлого молодого инженера. На глаза навернулись слёзы, но мальчик сморгнул их и упрямо вскинул подбородок.

Ну и пусть – не «витязь». Ну и пусть не Пантеон. А вот! Разве это... разве **ЭТО** не Пантеон?! Разве...

Он не стал додумывать. Только выпрямился и вскинул руку в пионерском салюте.

И увидел: мужчины в машине поднялись и отдали честь... а рука Насти легла на его плечо.

Всё было правильно.

Всё.

Глава 6

Днём и ночью

– Таким образом, эта операция покончила с последним бандитским гнездом в Центральной России. – Денис посмотрел на часы – и в тот же самый миг прозвенел звонок.

Он прокатился по коридорам филиала, оставляя за собой шум, топот и гул, буханье открывающихся дверей и дробь беготни по лестницам... Но в 6-м классе только лёгкое движение показало, что урок закончен, хотя Денис отошёл к доске и стал как ни в чём не бывало сворачивать новенькую карту, ещё даже пахнущую клеем от марлевой основы. Он ощущал, что ему глядят в спину четырнадцать пар глаз.

Среди взглядов не было ни одного недоброго. Хотя обычно...

– Денис Борисович... – послышался голос Иры Балуевой, старшей соседней Третьяковых. Денис про неё и знать-то долго ничего не знал, думал, что там из детей только Никитка. Ира была тихой, очень аккуратной и никогда не глядевшей в глаза учителям девочкой.

– Звонок был, Денис Борисович ушёл, – напомнил Денис, поворачиваясь к классу. Там постепенно начали собираться, но по-прежнему тихо – и глядели на Дениса. Кто-то всунулся в дверь из коридора, кукарекнул. Озадаченно покрутил головой и исчез – на него не поглядели.

– Ой, то есть Денис... – Балуева встала. – А почему вы... ты... не рассказали про подвиг витязя Третьякова?

– Про какой? – спокойно ответил вопросом Денис. Вместо Иры подал голос Саня Тимашенко, сын рудничного фельдшера – того, которому в своё время досталось от Денисовой мамы:

– Когда он заставил сдать Совет Ангельского Братства! Мы читали в учебнике и думали, что ты расскажешь... Там даже сноска есть, целых полстраницы в рубрике «Это интересно»!

– Обычный эпизод, – буркнул Денис. – Таких героев было много... тут важно общее течение событий запомнить... и причины-следствия...

– Он тебе кто? – спросил Саня прямо. – Дед?

Денис некрасиво присел на край стола. Помолчал секунду. Кивнул:

– Дед.

Класс взорвался:

– Я говорил!

– И я!

– А ты не верил!

– Да ну!

– А ты нёс – «однофамииииилееец»!

– А он жив сейчас?!

– Да жив, учебники новые совсем, а дата смерти не указана!

Можно любить или не любить Империю, имперцев, нового учителя истории – своего ровесника и где-то даже классового врага. Но... прийти в банду с пустым портфелем... и...

В общем, подвиг – он всегда подвиг.

– Мой отец с этим портфелем на работу ездит, – усмехнулся Денис. В классе стало тихо, половина ртов пооткрывалась, глаза почти у всех стали глуповато самоуглублёнными – штабс-капитана Третьякова со старомодным портфелем видели все, но что это вот **тот самый портфель** ... ещё предстояло осознать и пережить. Чудеса продолжались.

– А почему тогда твой отец и ты не «витязи»? – спросил кто-то. Денис смутился, пожал плечами, а потом честно ответил:

– Дед не отдал отца учиться. Пожалел мальчишку. Его самого знаете, как готовили? Жуть... И били, и пытали, и голодом морили, и вообще... Ну и он решил – незачем сына так же... Он-то сам был сирота, какой там выбор?

– А ты не жалеешь, что не стал «витязем»? – спросил кто-то ещё. Денис не медлил, и ответ был искренним:

– Когда маленький был, жалел. Очень. Сейчас – не жалею. В жизни важно быть на своём месте, а не чужое занимать. Я вот сейчас на своём, и я это знаю.

– А разве главное – не занять место повыше? – неожиданно спросил Ромка Пинаев, младший сын начальника службы безопасности компании «Энергия». Ромка был очень похож на своего старшего братца Юрку, но всё-таки по возрасту ещё не успел сознательно оподлиться – во всяком случае, в его вопросах и взглядах Денис часто читал искренний, хотя и испытующий интерес. Вот и сейчас – Ромка спрашивал как-то напряжённо, даже вперёд подался – словно хотел понять что-то очень важное для себя. – Как же карьера? Или это, по вашим понятиям, плохо?

– А что такое карьера? – вопросом ответил Денис. Класс снова притих, переводя взгляд с одноклассника (Ромка встал даже) на учителя и обратно. – Разве это просто стремление занять «место повыше»? – Ромка пожал плечами. – Ну тогда ответ: кто работает лучше – тот, кто любит свою работу или тот, кто её не любит?

– Кто любит, конечно. – Ромка снова пожал плечами и улыбнулся: мол, глупый вопрос.

– Ну вот тогда себе представь: человек думает о карьере. То есть о том, как влезть на место повыше. А работу свою он не любит. Влезть-то он, возможно, и влезет. Не служебными заслугами, конечно, откуда они, раз ему его же работа противна – а так, там взятку сунет, там наушничать станет... Разбогатеет, как это... **приобретёт положение в обществе**, будут ему завидовать... А дело, которым он станет руководить? Оно как? А люди, его подчинённые? Им как быть?

– Карьеру делают для себя, – возразил Ромка. – Он-то будет доволен. И чего ещё?

– И он не будет доволен, – убеждённо возразил Денис. – Ему будет не нравиться минимум треть собственной жизни. Ещё треть жизни он проспит, как положено. И выходит, что он проживёт только треть отпущенного. Да и то постоянно в страхе – как бы меня тоже не подсадили, как бы меня не подставили, как бы не открылось, что я в своём деле бездарь. Получается, что такой человек и не живёт. А спит и боится. Боится и спит. И во сне тоже боится. Так что – **вся** жизнь у такого впустую. Была – и нет.

Класс по-прежнему молчал, но в этом молчании слышалось искреннее потрясение, даже испуг. Ромка медленно сел, не сводя глаз с Дениса. А тот продолжал:

– А карьеру делать надо. Только сперва – с самого-самого-самого начала! – надо выбрать дело, которое тебе по душе. И заниматься им. Честно заниматься. И перед собой честно. И перед людьми.

– «По душе», – повторил Ромка и уткнулся взглядом в парту. – А если это дело, которое «по душе», для тебя недоступно? Или займёшься им и будешь нищенствовать на жалованье в копейки?

– А вот это, Ром, уже другой вопрос. – Денис отошёл от стола к окну. – Это не вопрос личной карьеры, а вопрос больших справедливости и несправедливости. Государственных. Надо сделать так, чтобы каждый мог выбирать дело по сердцу. И чтобы возможность им заняться зависела только от способностей человека. А ещё – чтобы работа не оплачивалась копейками. Никакая. Это и есть одни из главных задач государства.

– Даже работа дворника? – насмешливо спросил чей-то девчоночий голос. Денис улыбнулся, даже не пытаясь определить говорившего.

– А ты пробовала вымести от листьев хотя бы аллею перед школой? Попробуй, тогда поговорим про дворников... Ёлочки зелёные, да идите же на перемену, от неё и так половина осталась!!!

...Ромка догнал Дениса сразу в коридоре, у выхода на улицу – Третьяков-младший торопился домой, там было **важное дело**. Но Ромка разве что не цеплялся за рукав, глаза у него блестели как-то странно, и Денис остановился.

– Денис, погоди, – несмотря на это, попросил Ромка, словно боялся, что Денис всё-таки уйдёт. – Ты только никому не говори, что я тебе сейчас скажу.

– Никому не скажу, – пообещал Денис. Ромка закусил губу и кивнул на галстук:

– А с галстуком поклянись.

– А если ты мне скажешь, что собираешься школу поджечь? – прищурился Денис. Ромка вздохнул, махнул рукой:

– Ладно... Ты сам решишь, говорить кому или нет... – Он огляделся и снова взял старшего мальчишку за рукав. Вдохнул. Выдохнул. Переступил с ноги на ногу. И выпалил отчаянно, словно в рукопашную бросаясь: – Я хочу стать космонавтом!

Денис внимательно посмотрел на Ромку. Очень внимательно.

В Империи космонавтами хотели стать все первоклашки. Половина шестиклашек. И один из десяти выпускников. У одного из ста выпускников это получалось. Конечно, космос осваивается, многие туда летают просто на экскурсии (пусть и недалеко в основном), и уже несколько десятков тысяч мальчишек и девчонок могут сказать: «А я родился...» – и добавить что-то от Луны до спутников Нептуна. И немало взрослых и уже даже почти пожилых людей могут сказать то же самое – может, и не тысячи, но сотни. А вот в командировки туда летают и вовсе тысячи каждый месяц... И это люди самых разных профессий.

Но всё-таки космонавт – любое дело, связанное с космосом, – это профессии, скажем так, не расхожие. Нет, точнее будет не так. Профессии, может, и самые обычные. Например, библиотекарь. Но библиотекарь на орбитальной базе Нептуна – это, согласитесь, не то что библиотекарь в школе.

– Космонавтом – или работать в космосе? – спросил Денис. Ромка понял разницу и ответил так поспешно и готовно, словно именно Денис здесь и сейчас мог решить этот вопрос:

– Пилотом. На военном корабле.

Денис мысленно покачал головой. Вообще, служба в космосе считалась службой военной в любом случае. Но то что имел в виду Ромка... Чисто военных кораблей было мало, несколько десятков на обе Империи. Может быть, просто потому, что никто не мог определиться с их местом в этом самом космосе и вообще в жизни Человечества. В Солнечную Систему не ломились толпы агрессивных инопланетян, воевать в космосе одна с другой две Империи даже не пытались, космические пираты, сепаратистствующие чиновники колоний и пройдошливые контрабандисты так и остались на страницах фантастических книг и в приключенческих фильмах, а средство путешествовать к дальним манящим звёздам пока что не было найдено.

Но – по традиции – в строившиеся потихоньку и вводившиеся в строй новые военные корабли вкладывались самые передовые достижения и технологии, а служба на них считалась престижнейшей из престижных. С соответствующим отбором...

– Это трудно, – честно сказал Денис. – У нас в Империи на такое дело по двести кандидатов на место. И все из армии. Девять десятых – дворяне. А чтобы обойти в таком деле дворян... – Он не договорил.

– Я знаю. – Ромка прерывисто подышал. – Я про это всё читаю. Всё-всё. Но ведь всё-таки есть и не дворяне, и даже не из Империи, разве нет? Ну, нет разве?!

– Есть, конечно, – согласился Денис. – Но всё равно, надо сначала в армии отслужить, и

с блеском, желательно в лётчиках, в действующем составе. Пилотов моложе тридцати нет. Ну... пока нет. Только в книжках фантастических.

– Да это хорошо, значит, время мне не помеха! – Ромка передёрнул плечами. – Тут в другом дело... – Его голос упал, и сам он потупился и вдруг очень-очень сильно покраснел. – Отец... он всё говорит, что... что теперь власть ваша. И всем, кто раньше... в общем, если я из семьи чиновника... и ещё... – Ромка запутался в словах и разрубил своё жалкое бормотание решительным: – Что мне больше хода никуда нет.

– Чушь, – сказал Денис первое, что подумал.

И, как всегда, это оказалось неотразимо правильным.

Ромка застыл, словно превратившись в каменное изваяние. Его глаза всматривались в глаза Дениса с почти неприличной жадностью. Потом Пинаев-младший как-то удивлённо констатировал:

– Ты не врёшь... – И тряхнул головой. – Но почему?! – Вопрос прозвучал почти с мукой, и Денис понял, о чём спросил Ромка. Не о его вранье или не вранье, конечно...

– Потому, – сердито проронил он.

И снова попал в цель.

Ромка засиял. Посмотрел куда-то в потолок. Широко заулыбался. Запрокинул голову. Засмеялся – очень чисто, звонко, громко. Снова взглянул на Дениса. И, часто дыша, заговорил, рубя фразы:

– Тогда я в будущем году – в кадетский поеду. В Верный. В лётку. Там есть. Я поступлю. Я из шкуры вон вылезу, но буду там лучшим. Сам. Безо всякого. А потом поеду к вам. Оттуда с прошлого года посылают десять лучших. В ваше Царскосельское. Я буду пилотом. **Я им буду**.

Последнюю фразу он произнёс – как тяжёлый острый гвоздь вбил. Денис даже немного растерялся от такой неистовости. А Ромка вдруг перевёл дыхание и признался:

– Я хотел к вам в пионеры проситься. Чтобы – ну – вроде какой-то задел был.

– И что? – насторожился Денис. Ромка покачал головой:

– Нечестно это. Прямо, как ты говорил – некрасивая карьера, я ведь не ради пионеров, а ради себя собирался проситься. А я же хочу к... – Он осекся. И Денис мягко, тихо договорил:

– ...к звёздам. Не надо стесняться этих слов. А в пионеры... если вдруг всё-таки захочешь – приходи. Может, и примем.¹⁷

Ромка ничего не сказал, просто отшагнул, кивнул, повернулся и убежал. Почти глупо. Но Денис вздохнул, глядя ему вслед. И ощутил себя так, как, наверное, ощущает себя боец, выбивший врага из важного укрепления... и всё-таки знающий, что впереди – ещё много этих укреплений, которые надо взять. Необходимо взять...

...Денис задержался после уроков – уже привычно. Ему принесли почту на отряд – в числе прочего были и солидные заказы для двух отрядных мастерских (сапожной и мебельной), на которые нужно было сразу ответить, обговорив сроки и цены (а для этого пришлось дожидаться Никитку Чакина и Генку Раймонда), а ещё – свежие журналы и газеты, которые Денис не мог не посмотреть. Поэтому не было ничего удивительного, что, когда он вышел из школы, у въезда на школьную аллею на Денисовом «ветерке» восседал Володька. Восседал, видимо, уже довольно долго, но не скучал. Наоборот. Вид у него был настолько **секретный**, что прямо хотелось спросить: «Мальчик, а что ты хочешь сказать?» Новенький галстук у такого же новенького члена знамённой группы товарища Михалёва горел, как небольшой победоносный костерок под воротником умопомрачительно чистой и отглаженной форменной рубашки ковыльно-зелёного цвета, о стрелку на синих шортах

¹⁷ Поручик Имперских ВВС, герой боёв в Юго-Восточной Азии, Роман Олегович Пинаев пионером не станет. Но зато он станет космическим пилотом – сперва стажёр-пилотом, потом, последовательно, третьим, вторым и первым пилотом – крейсера «Рюрик» и, выйдя в отставку в звании капитана первого ранга и должности командира этого крейсера, поселится с семьёй на Марсе в пожалованном Его Императорским Величеством имении.

можно было порезаться, «нулёвый» ремень, на котором висел «СЧоболь», туго перетягивал тонкую талию... и вообще на фоне хмурого, готового в любой момент пролиться дождём «зимнего» пейзажа Володька выглядел, как некий Маяк На Пути В Светлое Будущее.

При этом он был босиком.

– Ботинки ушли в подполье своим ходом? – спросил Денис, становясь рядом с Володькой. Ничуть не смутившись и не прекратив сиять, тот охотно пояснил:

– Их мыть дольше. Смотри, какую грязюку развезло... Дома всё готово!

– У нас тоже. – Денис на миг изумлённо задумался: в аргументе Володьки была диковатая, но неоспоримая логика... Потом он оглянулся на здание школы – и почти в тот же миг из расположенных по углам репродукторов раздалось на всю округу – казалось, даже от гор отскочило и, умножаясь, тут и там запрыгало по улицам эхо:

– Внимание, внимание, внимание! – весёлый звонкий голос Верки Борисовой – так же, как это тройное «внимание!» – был своеобразной визитной карточкой пионерской радиостанции «Из шахты слушать!», по два часа в день вещавшей на всю окрестность. По одобрительным отзывам, которые начали приходить в отряд, станцию ловили даже на Балхаше. – Товарищи! Снова голос из шахты Седьмого Горного – из шахты слушать! Мы начинаем дневное вещание! Мальчишки и девчонки, а также их родители! Для начала напоминаем: с первого января грядущего года стартует общерусский конкурс «Словотворчество»! Вы помните, что языки тоже растут и развиваются, как дети? Помогите русскому языку расти и набираться сил быстрее! Долой пальцеверчение, междометья и многозначительное мычание – даёшь новые слова! Молодые слова – от нас, молодых русских – нашему нестареющему языку! Конкурс продлится весь год, и весь год будет работать жюри! Первым призом станет недельная экскурсия в Поясе Астероидов! Второе и третье места – секрет; будут так же триста поощрительных призов! Сейчас – послушайте песню в исполнении одной нашей маленькой, но яркой звёздочки, а потом мы снова вернёмся к вам и посмотрим, что нам тут написали...

Денис хотел было недовольно буркнуть: «Договорились же – ближе к началу...» – но вместо этого только открыл рот. Грянула маршевая музыка, а потом послышался хорошо знакомый ему голос:

– Рассвет догоняет закат!
Из мрака забвения
Несётся возглас: «Виват!
Виват, Империя!»
Не двинуть историю вспять,
Но наше великое знамя
Взовьётся над Русью опять,
Пройдя через грохот и пламя!

Рассвет сменит закат!
Во мгле забвения
Раздастся клич: «Виват!
Виват, Империя!»...

В обалделом восторге Денис дослушивал грозную, зовущую песню, которая, казалось, разрывает репродукторы –

...Имперские раны омыть
Не липкою сладкою лестью!
Воскреснуть, подняться и – быть!
Вот дело и долга и чести!
Рассвет сменит закат!

В дыму забвения
Раздастся клич: «Виват!
Виват, Империя!»

В грозу, в огонь – иди!
Вперёд – к свершениям!
Мужай! Живи! Расти!
Дерзай, Империя!¹⁸

– Это ж ты поёшь! – вырвалось наконец у Дениса (он и правда не сразу сообразил, что слышит Володькин голос), и он повернулся к скромно стоявшему рядом Володьке. Тот дёрнул плечом:

– Да... девчонки старшие навалились, прямо заставили...

– Ну и хорошо получилось... – Денис помедлил и добавил убеждённо: – **Очень** хорошо получилось.

Володька немедленно задрал нос. И так же немедленно Денис нажал на него – сильно, заставив младшего возмущённо пискнуть, – и поучительно произнес:

– Единица – да кому она нужна?

Голос единицы – тоньше писка... Ну? Как дальше?

– Ой... кто её услышит –
разве жена?
Да и то –

если не на базаре, а близко... – смешно морщась, продолжил Володька, но дальше воодушевился и закончил уже своей охотой, взмахнув воинственно кулаком:

– А если в партию сгрудились малые –
Сдайся, враг!
Умри
и ляг!
Партия – рука миллионнопалая,
сжатая в один разящий кулак!¹⁹

Между тем репродукторы скрипнули, в них послышались скрипучие и сыпучие шорохи, унылые посвистывания, дальний гул авиационных двигателей – и заунывный голос оповестил мир:

– Девушка, вылетающая в Кызыл-Мурды... ОДУМАЙТЕСЬ! – после чего снова возникла бодрая, как обычно, Верка:

– Итак, после этого оптимистичного отступления мы с вами «продолжаем разговор», как говорил Карлсон... кстати, нашим младшим радиослушателям – кто такой Карлсон, кому и где он это говорил и чем он прославился? Ответы направлять... собственно, все знают, куда – к нам... А в продолжение разговора – несколько писем, посвящённых одному и тому же сегодняшнему знаменательному событию... Начнём вот с этого, оно лежит сверху и конверт солидный... – послышался хруст надрываемой бумаги. – Кгм. «Городская Дума напоминает, что вырытая перед входом яма была заделана за счёт...» Гм... ну... так, в сторону... Вот! «Мы никогда не забудем мрачные годы тяжкого труда в «ЗаготМясе», когда

¹⁸ Песня А. Харчикова.

¹⁹ Стихи В. Маяковского.

лишь твой искромётный юмор скрашивал нам унылые дни. Помню, как весь наш коллектив почти полчаса гонялся за тобой по двору...» Э... Переходим к следующему письму! «В этот замечательный день твоего частичного совершеннолетия хочу поздравить тебя и сообщить, что слова: «Если не вернёшь книгу через полчаса – будешь лечиться полгода!» – полностью разъяснили мне лично моё заблуждение...» М-да... «Как сейчас помню раннее, беззаботное детство – мы жарили над костром на берегу озера украденную тобой печён...» Да что ж такое?!

Володька между тем давился от смеха, да и вообще – все, кто находился в пределах слышимости, застыли, с интересом наблюдая даже не за передачей, а за тем, как появившийся в аллее Олег – видимо, он пришёл из основного школьного здания в поисках Дениса – превратился в памятник самому себе, задрал голову в направлении ближайшего репродуктора. Стоявшие справа и слева от него Санька Бряндин и Пашка Бойцов отчётливо надувались и расслабленно покачивались от хохота, который оба старательно давили и явно проигрывали ему поединки. Потом Денис крикнул, махнув Олегу рукой:

– С днём рождения!

Олег посмотрел в его сторону и расплылся в улыбке. Пригнулся – Санька с Пашкой с двух сторон врезали ему по спине ладонями – от души. Огрызнулся, распрямляясь под голос из репродукторов:

– Поздравляем с пятинадцатилетием нашего товарища, члена совета отряда, командира первого звена, первого пионера Седьмого Горного – Олега Ветлугина! Ура!

– Урррааа!!! – от души завопил Володька, раскачиваясь на сиденье велосипеда и отталкиваясь от земли то одной, то другой ногой. – С днём рождения!

Денис подошёл, улыбаясь, ко всё ещё смущённо и возмущённо поглядывавшему вокруг Олегу, но вдруг, сам того не ожидая, как-то потерялся и неловко сунул другу руку:

– С днём рождения...

Олег рывком подтянул его ближе и обнял...

...Традиция праздновать дни рождения сообща уже прочно привилась в отряде, тем более что в такие моменты мог приходить кто угодно, включая родителей и вообще посторонних. Правда, взрослым на таком празднике было находиться трудно – риск оглохнуть, а то и тронуться умом оказывался очень и очень силён. Но и дома, куда Олег с Денисом и Володькой добрались уже в наступающих сумерках, Олега ждал если уж не ещё один праздник, то, по крайней мере, большой торт, испечённый матерью, а также подарки.

Старший Третьяков был дома и даже поучаствовал в процедуре поздравления, а вот Валерия Вадимовна отсутствовала – развозила по домам дюжину детей, которых сама же не столь давно с боем забрала из семей, выполняя своё давнее обещание-угрозу. Чего ей это стоило – знали немногие. Дети любили своих бестолковых и бездельных родителей совершенно безоглядной любовью – даже тех, которые, на взгляд Дениса, такой любви не заслуживали, – и их пришлось размещать просто-напросто в наскоро переделанных камерах в полицейском участке, так как из любого другого места они бы немедленно сбежали. Но жутковатый способ сработал. Перед реальной угрозой лишиться детей за ум взялись даже самые забуддыжные – а учитывая, что работы в посёлке было выше крыши и за неё начали неплохо платить, этот ум и руки, которыми они за него взялись, им теперь было куда приложить. И Третьякова поспешила развезти детей по семьям – то, что она сделала, для неё самой было пыткой. Поэтому Денис подозревал, что мама просто-напросто не торопится домой, чтобы не «сорваться» на семью.

Кстати, к торту неожиданно подсели ещё двое ребят, как раз приехавших с латифундий, где появились первые восемь пионеров. Появились, против всех правил, после памятного визита туда братьев Раймондов. В сущности, просто семь пацанов и одна девчонка называли себя пионерами, снабдились самодельными галстуками и начали «жить по справедливости», а что самое главное – по мере сил и понимания её **устанавливать**. В данный момент один из них лежал у казаков в станичной больничке – ему ночью пробili голову кистенём и сломали пять рёбер, – а ещё один скрывался у друзей, потому что его «до

мяса» выдрали испуганные посыпавшимися угрозами родители. Однако были и успехи, о которых и отрядили сообщить двоих посланцев. Тортов они до этого не видели ни разу в жизни, и Олег тихонько попросил мать приготовить им настоящий ужин. Ольгу Ивановну, впрочем, просить долго не пришлось – при виде гостей она едва не расплакалась от жалости.

Денису, если по правде, тоже хотелось плакать, но не от внешнего вида посланцев, а от того, что они затеяли, и от того, что ему с этим что-то предстояло решать. Причём именно ему. Правда, неожиданно помог отец – Борис Игоревич твёрдо пообещал завтра же переговорить с Макарычевым насчёт усиления внимания к латифундиям, тем более что государственный контролёр безопасности и сам собирался заняться этим. А потом вмешался и именинник – нежданных гостей Володька уже отвёл на ночлег в отрядную «гостиницу» и где-то там задержался, а Олег с Денисом сидели перед сном на крыльце, играли с Презиком.

Олег с ленивым удовольствием пересматривал подарки. Борис Игоревич подарил ему ни много ни мало – пистолет, такой же «Байкал», как был у Дениса, а главное – оформленное разрешение на оружие. Валерия Вадимовна – полевую сумку с набором карандашей, компасом, курвиметром и складным пантографом. Денис – заранее и специально выписанные из Верного три новые книги из серии «Воинам быть, воином будь!». Володька – самолично выточенный резной стаканчик для ручек-карандашей. Вертя его в пальцах, Олег неожиданно сказал:

– Слушай, вот что... Давай-ка ты мне выпиши что-нибудь вроде удостоверения. Что, мол, направляется для оказания помощи... Мы, кажется, можем такие вещи выписывать?

– Вообще-то да, – кивнул Денис, искоса глядя на друга.

– Вот и отлично! – Олег отставил стаканчик, хлопнул себя по коленям. – Поеду на недельку, думаю, Илья Францевич согласится, тем более что у меня с успеваемостью более-менее нормально. Осмотрюсь, мозги им вправлю, помогу. А то, я чувую, будет под боком у нас партизанский отряд. А время уже не то.

– Что я слышу?! – Денис насторожился. Олег толкнул его плечом:

– А то и слышишь... Ну, в общем, ты думай, а я спать пойду.

Он встал, потянулся, собственнически-нежно сгрёб подарки и исчез в доме. Правда, на самом пороге остановился и сказал тихо:

– Я уже не помню, когда день рождения отмечал. И подарки ещё... Спасибо, слышишь?

Денис остался сидеть, вглядываясь в ночь и надеясь, что придёт-таки мама. Потом поднялся, ещё немного постоял и пошёл домой.

И уже в дверях, которые он открыл, услышал позади предупреждающее рычание Презика.

Оглянувшись, Денис увидел у калитки массивную фигуру. Но человек не выглядел угрожающе – скорее было в его фигуре и том, как он стоял, что-то просительное...

...Балуева-старшего Денис видел, конечно, и раньше, и сейчас даже вспомнил сразу, как его зовут – Максим Фёдорович. Большой, плечистый, он ещё и казался каким-то громоздким – видимо, от смущения. Первые же его слова выдали это смущение и неловкость с головой:

– А Борис Игоревич... – Балуев закашлялся, покосился на бдительно сидящего рядом Презика. – Борис Игоревич дома?

– Да, конечно, – Денис отступил чуть в сторону. – Проходите, пожалуйста.

– Спасибо... Денис. Ты ведь Денис? – Балуев вошёл в дом, осматриваясь – не так, как это обычно делают люди, попавшие на новое место, а словно ожидал, что вот-вот или стены сомкнутся, или потолок рухнет ему на голову.

– Денис, – кивнул мальчишка и, заранее извинившись улыбкой, крикнул: – Пааааап! К тебеееее!

И – побежал вверх по лестнице...

...– Я не понимаю, почему вы ко мне пришли, – Борис Игоревич посмотрел через стол на позднего посетителя. Горела верхняя лампа, за окнами начинал шуршать дождь. – Идите каяться к Кенесбаеву. Или к Макарычеву. Или вы – по-соседски, так сказать?

В голосе имперца прозвучала насмешка, но Балугев неожиданно серьёзно подтвердил:

– Почти так и есть. По-соседски... Борис Игоревич, я вам так скажу. Что со мной будет – так мне и надо, и мало. С душой моей – та же история. Я сам-то из грязи карабкался, вот. – Он показал свои руки, с которых так и не сошли следы долгой и тяжкой работы с детского возраста. – А вот её подобрал, уже когда меня «господином штейгером» величали, вот она и решила, что сама из себя госпожа... Но у нас дети. И у вас... дети. А я не слепой. Ируська, как с чужими, с нами стала: «Спасибо, извините, разрешите, спокойной ночи, папа и мама...» А Никитка мой изнылся весь, плачет по ночам, а вчера возьми, да и спроси в глаза: «Папа, почему ты такой плохой?!» Я так и сел. Кто ж, говорю, тебе сказал, что я плохой?! А он и говорит: имперцы не дружат только с плохими, и никто мне этого не говорил, это все знают, и со мной не будут дружить. И бегом к себе в комнату. Это ведь ваш сын... Никитка на него без голоса глядит, а теперь – как ему-то быть?!

– Не думаю, что Денис ему говорил, что вы плохой, – Борис Игоревич смотрел на Балугева внимательно и спокойно. Балугев замотал головой:

– Я не о том! И не думайте! Только вот что... дети-то – они чистые. Пока мы их не испоганим. Их ведь в таком не обманешь, они не солгут... Меня словно обухом по голове хватили. Сел, думаю: а ведь правду мне сын сказал. Сам, наверное, не думал он про такое, а получилось – меня как будто голого на свет выпнул, лопуха не оставил – срам прикрывать... Да и чего там прикрывать? Весь он мой, этот срам. Перед другими-то легко кочетом выступать, а – перед собой?.. Ну вот возьмёте вы меня. Возьмё-о-оте, есть за что...

– Расскажите? – быстро спросил Третьяков-старший. Балугев горько усмехнулся:

– Ну вы чисто норный пёс... не зароешься... Расскажу. Затем и пришёл. Только вы сперва про другое дослушайте, а?.. Возьмёте вы меня, дадут мне – ну, может, и не вышку, я так мыслю – нет за мной на вышку... но лет десять влепят. Дура моя, как ни крути, меня любит, – в голосе штейгера прозвучала неожиданная нежность, – со мной поедет. Детям при тюрьме расти? Или цыкнуть на неё и тут их всех оставить? А жить им где? А с чего жить, если она только и умеет – пыль вытирать, готовить, да полы мести? Велики бабьи умения... Да и ладно бы. Как дальше они жить будут? Они сами-то? Будет тут ваш мир. А они в нём – с клеймом на лбу: ПЛОХОЙ был их отец. Не отмыть, если только с головой срывать.

– Хотите попросить пощадить вас ради детей? – уточнил Борис Игоревич, цепко и неприязненно суживая глаза. Но Балугев медленно покачал головой:

– Нет. О том уже и речи не будет. Куда там. Всё... Хочу, чтобы у Ируськи с Никиткой обо мне **другое** осталось – мол, папка хорошему делу помог. Шкурно, понимаю. Всё равно шкурно. Но вот уж... как есть. Какой есть. А был – верьте, не верьте, не прошу, просто говорю – был не такой. Думал в своё время – мне бы хоть малую власть, людям помочь. Думал... да... – Он криво усмехнулся. – Думал-думал, да и придумал. Господином штейгером стал, дом в четыре комнаты. Вот такая мне цена.

– Хотите чаю? – негромко спросил Третьяков-старший. Лицо Балугева сделалось глупо-натужным – словно он силился понять совершенно незнакомый ему язык. Потом заторможенно переспросил:

– Ча...ю?

– Чаю, – подтвердил Борис Игоревич, вставая. – Сейчас выпьем чаю, а вы пока подумайте: откуда мы такие-из-себя-имперцы-герои-в белом взяли? С каких полок нас достали и кем у нас отцы были? Подумайте за чаем, ну а потом поговорим о деле... Пойдёмте, Ольга Ивановна спит уже, конечно, но чай я и сам заварю...

...Когда за спиной застучали шаги и голос Володьки окликнул: «Денис!» – Третьяков-младший только волнообразно дёрнул плечами. Сидя за столом с поджатыми ногами, он выстрегивал в свете лампы какой-то завиток из мягкой деревяшки – чтобы занять руки. Спать перехотелось – он думал сразу над поздним странным визитом Балугева и предложением Олега, который, к слову сказать, давно спокойно сопел внизу их с Володькой двухъярусной кровати.

– Денис! – Володька, мокрый от дождя, тяжело дышащий – то ли от бега, то ли от

волнения, – подлез почти под руку. – Ну Денис же!

– Олегу скажи, если добудишься... и вообще – спать марш... – пробормотал Денис. Из-под острого лезвия закипала тоненькая прозрачная стружка. В другое время Володька затих бы и просто молча смотрел – его поражало и восхищало, сколько всего умеют руки Дениса. Но сейчас...

– Денис же! – Володька выкрикнул это отчаянно и затеребил старшего мальчишку за рукав. – Франца Ильича около его дома сегодня вечером избили... сильно. С ним сейчас... мама. Может быть, он даже...

Володька не договорил страшного слова.

Нет, не потому, что испугался его смысла. Уличное дитя, он отлично знал, что это такое. Но...

Денис окаменел. Потом повернул голову – медленно и спокойно, но Володька сказал:

– Ай! – и шарахнулся от стола, сел на кровать, ударившую его под коленки.

Таких страшных глаз, как сейчас у Дениса, Володька не видел ни у кого и никогда. Они были заряжены чем-то таким... таким... что Володька примёрз к кровати. По таким глазам промахивается в упор самый лютый, самый бесстрашный враг – и ничего не успевает сделать до того, как голые руки обладателя глаз сломают ему шею...

– Кто? – спросил Денис и сел удобнее.

– Не знаю, – замотал головой Володька. И перевёл дух – нет, это был Денис, родной и знакомый... – Но я узнаю. Обязательно.

– Узнай, – кивнул Денис. – Завтра. Обязательно.

И вернулся к резьбе.

Глава 7

В доме должно быть чисто!

В ночь на первый день здешней бесснежной и сырой зимы дул ветер. Он поднялся с закатом и до трёх утра беспощадно трепал лес, гулял по улицам, гремел всем, что было плохо закреплено, гнул деревья, ломал ветви, сбрасывал со склонов на Голодном лавины и, казалось, собирался сорвать с орбиты всю Землю. Это был самый настоящий ураган.

А Денис опять ночевал не дома. Опять «так получилось», как он для себя объяснял подобные частые казусы. Он попал в ураган на юго-восточных прудах, куда пришёл пешочком проверить, что там наработали в прошлые выходные. Вообще-то это делал чаще всего Олег, но как раз вчера утром он с братьями Раймонд и Генкой отпросился на латифундии – «посмотреть-понюхать», как выразился Олег. И Денис явился на пруды сам, по дороге не переставая изумляться, до чего тут странная зима. В Петрограде в это время уже лежал бы... в смысле, уже лежит снег. Правда, ураганы и там шли бы – причём не так, как тут – в кои-то веки собрался! – а один за другим пёрли бы и пёрли с моря, и было бы вдобавок очень сыро, ещё сырее, чем тут...

...На прудах, собственно, поменялось ещё многое. Два зарыбленных пруда, от которых Совет Латифундистов чаял иметь новые прибыли, были переданы посёлку. Недалеко от строившегося геотермального комплекса, на соседнем пруду, лобановским кооперативом «Дружба» намечался городской пляж, к нему прокладывали дорогу и собирались открыть всё к лету, к имперскому празднику Дня Защитников русского моря²⁰. А ещё чуть подальше пионерам выделили место под лодочную станцию.

Строили они её сами – благо руки у всех росли, откуда надо, а типовые проекты подобных зданий уже давно печатались в пионерских журналах. Кстати, это был второй по

²⁰ Отмечается 4 июня. В этот день 20... года российский Черноморский флот отказался подчиниться приказу «командования коалиционных сил» о сдаче и, выйдя в море, принял последний бой на траверзе Севастополя, сорвав высадку десантов противника в Крыму и на Кубани.

счёту «удалённый объект». Первым стало пионерское стрельбище, появившееся-таки возле того самого ручья, где ребята остановили обезумевшую орду. Теперь место сделалось вполне окультуренным, с постоянным дежурным, с надёжным складом, с навесом для отдыха и небольшим крытым тиром, а основная дистанция была размечена до 300 метров и даже оснащена подвижными мишенями (правда, ещё примитивными), собранными в одной из отрядных мастерских. А на лодочной станции пока что ничего, кроме причала и сборного домика, который как раз и закончили ставить неделю назад, не было.

Вот именно на ней Денис и застрял. Он вообще-то быстро осмотрелся и собирался уже идти домой – но увы, не удержался и, раздевшись, прихватил одно из охотничьих копий – их с десятков хранилось в шкафу в домике, просто-напросто тонких металлических прутьев в рост человека с острыми заершёнными концами. С этим орудием местные мальчишки охотились на рыбу, ещё когда это считалось «нарушением священного права частной собственности» и почему-то «злостным браконьерством», угрожало штрафами, сроками лишения свободы и так далее. Но эта глупость осталось в прошлом, и Денис совершил обычное для мальчишки его возраста безумство – распахнул дверь, пулей пролетел к воде по мосткам и, не тормозя, чтобы не передумать, с воплем спрыгнул в холодную воду последнего дня здешнего ноября...

...Денис давненько не нырял вот так. У него резко перехватило дух, мальчишка себя выругал – так можно и разрыв сердца заработать. Но почти тут же задвигался, крутнулся, вытягиваясь в колеблющуюся струнку, – и поплыл глубже, где уже в зимнем сне мирно колыхались на откосе из чёрного песка более светлые водоросли. Неожиданно ему вспомнился Войко – и взгрустнулось: а ведь он, Денис, про него и не вспоминает... почти. Как он там? Денис написал ему семь писем, получил в ответ восемь, а последний месяц... О! Кажется шука...

...Свою добычу – шуку и двух больших, похожих на серебристые тарелки карасей – Денис тут же обезглавил, выпотрошил и зажарил сбоку от причала. Там уже был кем-то налажен удобный очажок – жестяной ящик с дырками у дна, стоявший на тонких металлических ножках. У стены дома были сложены аккуратно закрытые старой термоплёнкой от влаги сухие дровишки, а крупная сероватая соль нашлась в домике; пока он опять бегал внутрь – растираться посильней и одеваться, его колотило, зуб на зуб не попадал – рыба почти пожарилась. Оставалось пару раз перебросить её с боку на бок, сглатывая слюну при виде золотисто-коричневой корочки, – и можно было поужинать.

Денис ел прямо с огня, обжигая и облизывая пальцы, поглядывая на пруд и на горы, где над лесом виднелись мачты струнника. Улыбался – то задумчиво, то просто весело. А пока ходил сбрасывать в воду кости (плавников и прочих хвостиков не осталось – Денис их прожарил до хруста и беспардонно сожрал), пока прибирал за собой – со стороны дороги через перевал быстро потянуло густую клубящуюся черноту. Один её вид как бы предупреждал: люди, по домам, сейчас начнутся суровые дела.

К счастью, на станцию успели провести телефон и, когда непогода сорвалась уже совсем явственно, Денис как раз закончил звонить, что с ним всё в порядке и он в безопасности. Он хотел позвонить и Насте, но...

Провода оборвало. Плунув в сердцах и подумав, что это уже не в первый раз и как-то нехорошо выглядит, словно ворожит кто-то, Денис бросил трубку на рычаг.

Вторым счастьем оказалось то, что сама станция была достроена. Небольшая будочка надёжно защищала от дождя. Но, когда Денис, положив замолчавшую трубку, придвинулся к окну, то ему стало не по себе. Мгновенно стемнело, почти совсем – и из этой темноты на берег, на причал (хорошо, что лодок ещё нет) выбрасывались с грохотом мрачные, почти как на штормовом море, волны. Стекло у носа Дениса вибрировало, и он ощущал, что даже стены будочки вздрагивают.

Если честно, ему на миг захотелось рвануть на стройку пляжа – там был сторож. Но, строго приказав себе не трусить, Денис уже почти ощупью разыскал керосиновую лампу, зажг её, заварил себе чаю, открыл пачку галет, найденную в шкафчике и, подсев к столу,

стал разбирать записи в блокноте. Нерешительность и робость за работой постепенно ушли, он почти перестал слышать беснующуюся снаружи стихию.

Записей накопилось выше крыши, и чуть ли не каждую четвёртую Денис просто-напросто не сразу понимал – сделанные второпях, иногда парой букв, они напоминали какие-то загадочные шифровки. Ну вот что, например, означает аббревиатура «фель. сразу п. н. г. – мама!»?! Пришлось приложить немалые усилия, чтобы понять: «фельдшер будет сразу после Нового года, обещала мама». Речь шла о долгожданном первом выпуске поселковой фельдшерской школы и обещании Валерии Вадимовны выделить постоянного фельдшера в школу обычную. А «стркб. практ»? И только вспомнив о разговоре с Михаилом Васильевичем Павлухиным, новым директором новенького стройкомбината, выпускающего основы для «Сибирияков», Денис понял, что речь идёт о зимней каникулярной практике на этом самом комбинате... А что ещё за «С.И.И. «Обс-а» и «2И+С»»?.. А! Денис засмеялся. Смаль, Игорь Иванович! Строительная компания «Обслуга» и магазины стройматериалов «2И+С»! Тот самый «буржуй-капиталист», с которым Третьяковы познакомились в поезде летом. Капиталист внезапно объявился на поселковом горизонте собственной персоной и теперь собирался открыть в посёлке своё представительство и поставлять стройкомбинату материалы. Вот бы с ним сейчас поговорить с глазу на глаз – как он, вылечился от своей болезни неверия?..

...Денис как раз читал эти строки, когда ощутил внутренний толчок – резкий, тревожный. Он сидел сбоку от окна, невидимый оттуда, снаружи – но мог бы поклясться, что мгновение назад в окно кто-то заглядывал. Очень внимательно смотрел – сюда, внутрь. И сейчас этот кто-то идёт вокруг будки – к двери.

Мальчишка мгновенно достал из поясной сумки пистолет и положил руку с ним на стол – ствол в дверь. Прижался лопатками к стене и стал ждать, явственно ощущая, как ночной гость движется вдоль тонкой стены... к низкому крылечку... поднимается по ступенькам... берётся за ручку двери...

...– Денис, ты тууут? – Володька осторожно всунулся внутрь из мокрой, гудящей и свистящей тьмы. С его волос текла вода – хотя он был в пионерской непромокаемой куртке-осеннике, со вшивным поясом на кулиске и капюшоном, но капюшон, как обычно, презрел, тот мокро мотался на спине. Увидев Дениса за столом, Володька заулыбался, проник в комнату весь, плотно и с явным облегчением закрыв дверь за собой. Обнаружилось, что он ещё и босиком – а как же, конечно!

– Что у тебя за манера – в окна заглядывать?! – сердито спросил Денис, убирая пистолет. – Я ведь выстрелить мог, дурила! – и только потом наконец-то изумился: – Ты что тут делаешь?!

– погоди, не кричи, – Володька умоляюще выставил руки. – Денис, я узнал... про Франца Ильича.

Денис тут же встал, кивнул Володьке на свой стул. Тот облегчённо на него плюхнулся и благодарно засопел в поданную ему кружку с чаем. Володька был мокрый насквозь, даже через куртку, и перемазанный грязью. «Как его вообще ветром не унесло, – подумал Денис иронично, но понял, что беспокоится по-настоящему. И очень. – Люблю я его, что ли, сердито подумал Третьяков-младший и выбросил всю эту сопливую чушь из головы. Тем более что Володька прибежал по делу».

По важному делу .

– Дома с ума сойдут, – Денис присел на край стола. Володька помотал головой:

– Не... Олега-то ведь нету, а я вроде как спать лёг, а потом в окно вылез... – И забулькал чаем. Денис ждал, пока он выпьет всю кружку. Франц Ильич всё ещё был в больнице – и его состояние характеризовалось, как «стабильно тяжёлое». Переломы, черепно-мозговая, разрыв внутренних органов... Старого учителя не **били** – его собирались **убить**. И, видимо, решили, что убили. И ещё не факт, что – **не** убили.

– Да... то полон дом детишек, а то все разбежались, – задумчиво пробормотал Денис, передвигая по столу галету. – Допивай чай и раздевайся, я сейчас тебе одеяло дам...

Володька подавился последним глотком, отчаянно замотал головой, со стуком поставив кружку:

– Не-не-нееее!!! Надо скорей! Я же говорю, я всё узнал! – Он подумал секунду и поправился: – Ну... не всё, но всё узнать теперь можно!

* * *

Дождь всё ещё шёл, но уже еле-еле, непогода откровенно иссякла, побушевав всласть и удовлетворившись тем, что людям хватит работы надолго – тут и там улицы были завалены вывернутыми из земли деревьями, кое-где у старых домов раскурочены крыши, во многих местах дорога превратилась в настоящий поток, который, казалось, никогда не закончится. Вода, переполнив дренажные канавы, катилась по всем улицам во вздувшуюся, почерневшую, сердито клокочущую и урчащую Заславку.

«Ну и пусть бы не кончился», – мрачно подумал Юрка Пинаев. Не разбирая дороги, он шагал по ночной улице. Вместе с Егором и Сёмкой они возвращались по домам – непогода их застала в загородном доме Пинаевых, и родители, конечно, уже извелись от беспокойства. Телефоны не работали почти нигде, предупредить никого не удалось.

Юрка посмотрел на перевалы и задержал взгляд на по-прежнему горящих в тёмном, непроглядном небе огнях мачт струнника. Их не брала никакая буря, эти постройки. Может, имперцы даже работу не прекратили, с них станется. Ему хотелось сказать это вслух, но кому? Егору? Сёмке? Прежняя компания Пинаева, такая крепкая, несокрушимая, спаянная высокомерным презрением к «чушка м», растаяла мгновенно, за пару месяцев, как скала под ударом водяной пушки. Большинство просто как-то незаметно отстранились, отошли, при встречах быстро жали руку и отговаривались какими-то домашними или даже школьными делами. А несколько человек и вообще оказались в этом проклятом пионерском отряде... Егор же и Сёмка были слишком злыми и тупыми, чтобы «менять позицию». Вот и всё. И всё. Юрка попытался вызвать в себе спасительную ненависть – но в нём не было ничего, кроме страха. Он боялся – боялся, да, боялся хотя бы того же Дениса. И домой идти боялся. Ромка, младший брат, тот вообще последние несколько дней дома не ночевал – после того как отец его за что-то избил, за какой-то разговор. И по слухам, ночевал-то он всё в том же пионеротряде...

...А отец-то пьян наверняка. Как почти всё последнее время. Что-то случилось у них, что-то, связанное со штейгером Балуевым. Юрке ничего не говорили, но он сам всё видел... и боялся спрашивать.

Он вообще боялся последнее время постоянно...

...– Пинаев, поговорить надо.

Юрка вздрогнул. Тень, в которой он не сразу опознал Дениса Третьякова, выросла перед ним так неожиданно, что он едва не шарахнулся в сторону и не вскрикнул. Но быстро опомнился и бросил:

– Не о чем говорить. Дай пройти.

Шедшие с ним выдвинулись было вперёд. Денис остался неподвижен, только слегка улыбнулся. А из кустов справа и слева и на дорожке сзади тихо выросли ещё шесть теней. Приятели Юрки заоглядывались. Сам он что-то пробормотал. Денис, по-прежнему чуть улыбаясь, сообщил:

– Пинаев, если у твоих дружков там ножи или прочие кастеты – не надо. Вырвем с руками и ноги заодно перешибём, чтобы спокойно дома лежали и подумали о своём поведении. Ты им скажи, чтобы с ребятами отошли воооон туда и в сторонке постояли, пообщались – про погоду там, про Новый год, он уже скоро... А мы с тобой всё-таки поговорим.

Лицо Юрки стало откровенно беспомощным. Он ничего не сказал, но его спутники без команды безропотно и тоже молча пошли в ту сторону, куда их повели – беззвучным вежливым конвоем – друзья Дениса. Юрка проводил их злым и бессильным взглядом. Потом

снова смерил глазами так и не сдвинувшегося с места Третьякова-младшего. Тот был в форме, но босой, мокрый и улыбающийся. Юрка ненавидел эту улыбку – с самой первой летней встречи на прудах.

И боялся её. Боялся, потому что никак не мог понять, как такое получается – приехавший из дальнего далека один-единственный мальчишка с этой улыбкой перевернул весь ребячий... и не только ребячий... мир Седьмого Горного, как ему хотелось. Непонятно. И страшно.

– Говори, – сказал он коротко, пытаясь сохранить остатки гонора.

– Говорить будешь ты, а я только спрошу, – уточнил Денис. – Что ты три дня назад делал у дома Франца Ильича? – Юрка вытаращился испуганно и непонимающе, а Денис продолжал: – Пинаев, ты дурак, конечно, но ведь не можешь не понимать, что мы-то – мы – всё видим и знаем. И в посёлке, и в округе. Так что ты там делал?

– Это не я, – быстро и хрипло произнес Юрка, сразу поняв, о чём идёт речь, – и попятился. Денис остался стоять и предупредил:

– Бежать не надо, потому что некуда.

Юрка остановился, повторил с жалким вызовом:

– Это не я!

– Не ты, я знаю. А вот виноват будешь **ты**. И пойдёшь в колонию ты, – пояснил Денис. – А если Франц Ильич умрёт... – Третьяков-младший перевёл дыхание. – Если Франц Ильич умрёт, то мы тебя и в колонии достанем. И убьём. Потому что тысяча таких, как ты, его одного не стоят. Понял?

– Я не делал ничего. – Юрка замотал головой, и в его глазах плескался настоящий ужас. Денис неожиданно понял, что **это ужас не за свою лично судьбу**. – Третьяков, ну слышишь ты, я ничего не делал! Ну поверь ты мне, а?! Я там только...

– Что ты там только? – не упустил миг Денис. И ошарашенно расширил глаза.

Потому что Юрка заплакал. Заревел навзрыд, обеими руками совершенно по-детски размазывая по лицу слёзы и бормоча какие-то обрывки:

– Я не виноват... это всё они... их даже отец боится... я не делал ничего... я только дом показал, постучался, сказал, кто... и... и... и убежал сразу...

Он был жалок и отвратителен. Денис брезгливо скривил губы, меряя безжалостным взглядом хлюпающего Юрку. Беспощадный, как все мальчишки, Третьяков-младший разве что не сплюнул. Но... но уже через несколько секунд отвращение неожиданно сменилось такой же мальчишеской жалостью – безоглядной и нерассуждающей. Взрослый опытный человек не поверил бы этим слезам, но Денис, движимый в жизни инстинктами подростка, был куда более безошибочен, хотя и не смог бы объяснить своих душевных движений. Нет, он не изменил отношения к Юрке. Но его слёзы – не истерика, рассчитанная на сочувствие, а именно слёзы, горькие и безудержные, – подсказали Денису, что всё не так просто.

– Пинаев, – тихо сказал он, и Юрка поднял несчастное, мокрое от слёз лицо – с какой-то надеждой в глазах. – Юрка. Слушай. Пошли к моим. Всё отцу расскажешь.

Юрка замотал головой, разбрызгивая слёзы. С трудом, хрипло, сглотнул и признался:

– Они отца убьют. И... и всех убьют. Денис, они могут. Я тебе точно говорю.

– Они никого не убьют, если действовать быстро. – Денис подошёл вплотную. – Юрка, ты так и будешь жить – в страхе? Или дождёшься, когда вас всех втянут в такие дела, что за них и правда – только смерть? Балуюев не испугался, а если ещё вы поможете...

– Отца всё равно в тюрьму посадят... – тоскливо прошептал Юрка, вздрогнувший при упоминании штейгера. – Или даже повесят... всё равно уже... и меня с ним по... по... посажяааат...

– А мама твоя?! А брат?! – Денис тряхнул его за плечи. – Ну нельзя так! Нельзя! Что вы за люди такие?! Сами пинаете слабых, а те, кто сильнее, те вас... сколько так можно?! Юрка, пошли к моим!

Юрка замер, глядя в глаза Денису. Медленно пошевелил губами. И вдруг тряхнул головой – яростно, решительно:

– Идём! Пошли!..

...– Вот и получается, Валерия Вадимовна, что я профнепригоден. – Кенесбаев поставил чашку с остатками чая и грустно вздохнул: – Я, знаете ли, всегда думал, что я хороший полицейский. Не только как человек, хотя это и было не так уж часто в наших местах и на этой службе... но и как профессионал. Именно как профессионал. Своим профессионализмом я всегда гордился, это для меня был смысл жизни – как видите, я даже женой не обзавёлся... Однако последние события эту мою утешительную для меня теорию опровергают... Можно ещё чайку?

– Не думаю, что вы стали хуже работать. – Третьякова подлила гостю чая, тот поблагодарил кивком. – Просто сейчас очень непривычные для вас условия. Вы раньше ведь и не задевали всех тех язв, которые вынуждены вскрывать сейчас.

– Задевал... – задумчиво возразил Кенесбаев и сухо рассмеялся. – И каждый раз дул на потревоженное место и оставлял его в покое... с извинениями. Возможно, вы и правы. Даже наверняка правы. Но что это меняет? Честное слово, если бы позволял возраст – я бы сейчас вышел в отставку, на пенсию. Уехал бы в степь на востоке... Пусть моё место займёт кто-то из молодых, у кого профессионализма поменьше, а вот взгляд на вещи посвежее.

Послышалось приветственное могучее «грав!» Презика. Громко хлопнула дверь во двор. Ольга Ивановна возопила: «Куда?! Да что ж такое...»

– Денис, ты?! – изумлённо повысила голос Валерия Вадимовна. И удивлённо подняла брови, когда появившийся на пороге мальчишка – вроде бы знакомый, но точно не из друзей Дениса – неуверенно, как-то судорожно кивнул:

– Здр... ась... – а через миг за ним возник и Денис. Улыбающийся и весь мокрый. В коридоре промелькнул Володька – тоже мокрый и очень быстрый и тихий. Валерия Вадимовна многообещающе посмотрела ему вслед и ласково подала голос:

– Вовочка, сыночеееек... я попозже зайду к тебе сказать «спокойной ноченьки!», зая...

На лестнице вверх послышался заполошный грохот.

– Ма, это Юрка Пинаев... – сказал Денис и обратился уже к быстро обернувшемуся Кенесбаеву: – Кенесары Ержанович, очень хорошо, что вы тут. Нам надо поговорить. Срочно. Очень. И позвоните отцу и Виктору Даниловичу, чтобы они пришли как можно скорее...

...22-я шахта была закрыта в связи с опасной близостью к жилому району посёлка – ещё во времена «Энергии», после того как оседание грунта увлекло за собой два дома и часть подъездной дороги. Сейчас этот участок был обнесён заборами и решался вопрос о закачке в ствол под давлением грунтовой пульпы, взятой из терриконов – а пока что никто особо не шлся в этом районе.

Тем более удивительным показалось бы любому, кто перелез бы через барьер у входа, потом – проник бы через решётку на двух замках... и смог бы заметить за нею на трёх уровнях тонкие тёмные проволоочки и не задеть их – проволоочки, которые не натягивали те, кто закрывал шахту... так вот – любой, кто сделал бы всё это и свернул в первую левую штольню, обнаружил бы там, за плотной занавесью, подобие наскоро обставленной кое-чем комнаты – и четверых мужчин в ней.

Видимо, все четверо тут находились уже достаточно долго. Трое – двое бородачей и невысокий усатый казах – были одеты в старые камуфляжи и не расставались с оружием даже сейчас, когда один из бородачей спал на расстеленном матрасе, а второй играл с казахом в карты на каких-то закинутых бесцветным ветхим брезентом ящиках при свете газовой лампы. Четвёртый – то ли моложе прочих, то ли просто казавшийся более молодым из-за тщательной выбритости, одетый в простую, неброскую гражданскую одежду – сидел в углу за рацией и медленно крутил верньер настройки, внимательно слушая эфир.

– Надоело, – проворчал игравший бородач, бросая карты. Казах, одним движением собрав колоду, принялся ловко её тасовать и ответил:

– Тебе всегда надоедает, когда проигрываешь.

– Я не про карты, – буркнул тот, беря на колени кольцовский карабин, хоть и старый,

но ухоженный, тонкий и изящный, не под стать своему владельцу. – Сидим, сидим... а что сделали? Деду какому-то рёбра посчитали... Жду не дожусь, когда...

Он не договорил – не успел договорить потому, что именно в этот момент внутрь, сорвав занавесь, ворвались стремительно и бесшумно четверо, попарно справа-слева – в чёрном от масок до ботинок, держа наготове пистолеты. Выстрелы загрели один за другим, автоматной очередью – особенно громко прозвучав в тесном пространстве.

Игравшие были убиты мгновенно – они получили пули в затылок и лоб. Спавший на кровати – его не сразу заметили – успел вскочить, вскидывая «калашников»; одна пуля попала ему в лицо между глаз, мгновением позже другая угодила в солнечное сплетение, и он грохнулся обратно на кровать, провалив её. На радиста навалились сразу двое – в броске – и опрокинули на пол, намертво прижав к камню.

Один из стрелков методично проверил все трупы. Второй откинул брезент, одновременно снимая с головы маску – это был Макарычев. При виде ящиков контролёр безопасности присвистнул и окликнул своего товарища:

– Борис Игоревич, а вот и подарки.

Третьяков-старший, тоже снимая маску, повернулся.

Серо-зелёные массивные ящики были помечены ясным белобуквенным словом **ДИНАМИТ**. На глаз тут было не меньше четырёхсот килограммов.

Третьяков и Макарычев подошли к последнему оставшемуся в живых бандиту – его подняли с пола и держали, хотя он и не думал вырываться, а только кривовато улыбался. В глазах его были ненависть и страх – причем страха гораздо больше. И вопросов он дожидаться не стал:

– Проиграно, – усмехнулся он. – Ваша взяла. Давайте спрашивайте.

– Не здесь, – покачал головой Макарычев. И провёл рукой по вороту лёгкой куртки схваченного. Тот снова усмехнулся:

– О нет, там ничего нет. Я не намерен травиться, стреляться или вешаться... – Его лицо вдруг исказила судорога, и он опустил голову. – Я расскажу всё, – закончил схваченный еле слышно...

...Семская улыбалась – своей радушно-приторной улыбкой. Улыбалась, когда в её дом вошли, разбудив её и подняв с постели, улыбалась во время обыска – улыбалась, как добрые, терпеливые взрослые улыбаются заигравшимся детям. Так и казалось, что она вот-вот скажет: «Ну всё, всё, дорогие, поиграли – складывайте игрушки на места, пора спатеньки...»

Она улыбалась до того момента, когда в её личный кабинет вошла Третьякова – тоже с улыбкой. С этой секунды Семская не сводила с неё глаз. А когда Валерии Вадимовне подали уныло-простенький на вид серо-синий блокнот, страницы которого были исписаны ровными убористыми строчками формул и символов – Семская с тихим стоном зарыла лицо в пухлые руки. И отняла их от лица, лишь когда Третьякова, пролистав всего лишь первый десяток страничек, со спокойным удовольствием произнесла:

– Ну вот и конец вам, Дарья Аркадьевна.

Руки Семской тряслись. Тряслось обрюзглое, расплывшееся, мерзко **потёкшее** лицо. Кривя бледные губы слюнявого рта, она протянула пляшущие ладони со скрюченными посиневшими пальцами через стол к смеющейся Третьяковой. И с подвизгом, со стоном утробно прохрипела:

– Не-на-ви-жу-у-у... су-каааа...

Валерия Вадимовна засмеялась – холодным смехом превосходства.

И когда Семскую мешком потащили из кабинета, та выворачивала толстую покрасневшую шею и хрипела, капая слюной:

– А-а-а... не-на-ви-жу-у... не-на-ви-жу-у...

Валерия Вадимовна смеялась. И похлопывала блокнотом по колену, плотно обтянутому мундирной белой юбкой...

...Шульце не оказалось ни на работе, ни дома. И самое главное – его никто и не видел с

прошлого вечера.

Оставалось заключить, что Арнольд-мать-его-Оттович ушёл-таки. Ушёл точно под ураган, и поди сыщи какие-нибудь следы или очевидцев. Поскольку предупредить его было некому и это было в принципе невозможно – приходилось лишь констатировать факт: крысиное чутьё не подвело Шульце и он скрылся ещё до того, как начались активные «события».

– Ну и чёрт с ним, – сказал Макарычев. Сказал при Денисе, когда разговаривал с его отцом прямо во дворе – и мальчишка услышал в голосе Виктора Даниловича совершенно не сочетающуюся с беспечностью смысла озабоченность. Хотя в целом события этой ночи можно было расценивать как поразительный успех.

Арестованный бандит, старший диверсионной группы, и правда ничего не собирался скрывать. Он сразу выложил основное задание – хорошо рассчитанный взрыв закрытой шахты, который должен был вызвать катастрофическую осадку грунта чуть ли не по всему посёлку. Попутно, в неизбежной неразберихе – убийства по списку всех, кого смогут и успеют. Потом в посёлок должна была нагрянуть банда из глухих горных лесов на северо-западе.

– А больше ничего, – улыбнулся он Кенесбаеву на первом же допросе. – Наши ждут в лесу, я, конечно, назову место, но там наверняка уже никого не будет. Во всяком случае, они уйдут и продолжат...

Кенесары Ержанович изучал список и после этих слов поднял голову:

– Продолжат что? – спросил казах. – Вот это? – Он повернул к бандиту листок. – Тут среди прочего больше двадцати имён наших детей. Тут вместе с ними имя мальчика, который бескорыстно протянул руку им и вытащил их из грязи. Имя женщины, матери этого мальчика, которая поднимает на ноги умирающих, которая вернула людской облик нескольким десяткам семей. Имена тех, кто строит линию струнника и геотермальный комплекс. Имена тех, наконец, кто просто сам начал жить как человек и своим примером учит этому других. Вы **это** хотите продолжить? – и закончил – как гвоздь вбил: – Ну так я вам не дам! Не дам я вам это продолжать. Покушение на госп... **товарища** Михалёва – ваших рук дело?

– Наших. – Арестованный снова усмехался – криво. – Я-то как раз был против, да только меня не послушали – уж больно руки чесались у дураков. Засиделись в горах, озлобились и поглупели... естественный процесс... А я уже тогда говорил. – Он сдвинул кулаки нервно и зло. – Вот так вас всех надо было... разом в пыль – динамитом... вот так... – и ощерился: – Товарищей себе нашёл, мамбетня?

– Нашёл, – спокойно ответил Кенесбаев. И с какой-то даже ленцой продолжил: – Ты не старайся, я тебя не ударю и даже кричать на тебя не буду. Но ты мне всё расскажешь. Всё, о чём спрошу.

– Да уж молчать не буду, – цинично согласился бандит. – Может, удастся спасти хотя бы свою жизнь. Я её, знаешь ли, очень ценю...

– Эпидемия холеры – тоже ваша работа? – продолжал допрашивать Кенесбаев. Точнее – скорей **спрашивать**, на привычный вопрос это не очень-то походило.

– Нет, это – уже не наша. Куда нам... Рыба предложил.

– Кто такой Рыба?

– Шульце... он с нами постоянно был на связи. Собственно, он и командовал, наш старший – это так, – усмешка, – передаст. В смысле, передаточное звено... Предложил Рыба, а всё проработала и исполняла здешняя врачиха. Семская.

– Сколько в округе банд? – спросил Кенесбаев. Бандит покачал головой, опять улыбаясь, но его глаза на миг стали жалкими, загнанным:

– Наша была последней. Уже год как. С тех пор как сахаровцев казачня в степи постреляла и порубала... Вот и остались мы – в смысле, «Либерия». Что, даже названия не знали? – И засмеялся.

Явно заставляя себя делать это...

...Неизвестно, врал он или нет, но казачья полусотня, быстрым маршем вышедшая в указанное им место, на самом деле нашла там лишь следы недавней стоянки. Следы уводили в горную лесную глушь – пройдя по ним почти тридцать километров, казаки, в конце концов, потеряли и двух коней, переломавших ноги, и – увы! – саму ниточку поиска...

Суд над арестованными – их было тридцать два человека, в основном – члены местных правлений «Энергии» и Совета Латифундистов и чиновники этих организаций – состоялся через пять дней в Верном. Врач-контролёр компании «Энергия» Семская Дарья Аркадьевна оказалась в числе одиннадцати приговорённых к смертной казни через повешение; приговор был приведён в исполнение в тот же день. Последним был повешен «начальник службы безопасности» банды «Либерия» Шарыгин – тот, которого допрашивал Кенесбаев. Но перед этим из него безжалостно вышибли – уже без каких-либо вежливых разговоров! – куда более важные сведения: о связях «Либерии» со всё ещё «дышащими» бандитскими государствами Юга и – что было как бы не насущней для Бахурева – с высшим руководством «Энергии» в Верном...

Начальник службы безопасности компании «Энергия» в Седьмом Горном Пинаев Олег Никитьевич был приговорён к восьми годам заключения в столичной тюрьме – с учётом его добровольного и весьма полезного сотрудничества с властями. Штейгер Максим Федорович Балугев получил два года испытательного срока и совершенно неожиданно для самого себя оказался назначенным ВРИО управляющего шахтами, которые указом Бахурева были наконец-то переданы в руки государства. Балугеву предстояло позже сдать это место Харатенко, который как раз в эти дни уехал в Империю на предложенную ему ещё в сентябре Макарычевым стажировку. Тонька и Денис, дети Харатенко, не свели весь посёлок с ума своим хвастовством только потому, что подчинялись пионерской дисциплине, ясно говорившей – гордиться родителями можно и должно, но хвастаться их достижениями недопустимо – сначала добейся чего-то сам!

Ну а главным врачом Государственного Добывающего Комплекса Седьмой Горный была назначена Валерия Вадимовна Третьякова. С досрочным присвоением звания штабс-капитана гражданского медицинского корпуса. Это звание ей присвоили одновременно с награждением Бориса Игоревича орденом. На вопрос Дениса, будет ли Володьке хотя бы торт, родители дружно ответили: «Володьке – будет!» – и Третьяковы с Володькой отправились на перевал – в кафе к Бойцовым.

– Вообще-то мы с мамой давно собирались тут побывать и отдохнуть **вдвоём**, – сообщил Борис Игоревич, заводя машину, на заднем сиденье которой Денис и Володька затеяли тихую упорную борьбу за жизненное пространство, – но вот скажите мне, куда от вас денешься?

– Ни-ку-да, – с удовольствием подтвердил Володька, утвердившись на середине мягкого сиденья «Ижоры» и чуточку попрыгивая. Денис, оттеснённый к самому окну, тут же громко и занудно пожаловался:

– Маааааа!!! Володища меня на самый край загнааааа!!! Он пихаетсяааа!!!

– Ты чего, сбрендил, сынок? – с почти искренним испугом спросила Валерия Вадимовна, чуть поворачиваясь. Володька покраснел и стал сползать к противоположному окну. Денис тут же сел в середину, попрыгал и довольно объявил:

– Вот так. Старших надо уважать.

Навстречу машине прошли один за другим три автопоезда. Володька, глядевший в окно, проводил их глазами и неожиданно сказал:

– А на них значки – не «Энергии».

– Кончились для здешних мест значки «Энергии», – хмыкнул Борис Игоревич. – Всё. Финиш.

И довольно рассмеялся, чего Денис от отца почти никогда и не слышал.

Он тоже передвинулся к окну, убрал бесцеремонно голову Володьки и проводил взглядом последний борт с надписью –

**Государственно-Кооперативное Общество
«Седьмой Горный»**

и эмблемой: всё тот же электрон, но на фоне рукопожатия двух рук, под золотым восходящим солнцем.

Он всё ещё провожал взглядом в заднее стекло последний автопоезд, когда послышался голос Володьки – мальчонка взялся за спинку кресла Третьякова-старшего и спросил:

– Па... дядя Боря, а вот у нас строят этот комплекс... геотермальный. Говорят, он энергию аж в Балхаш давать станет! Я вот думаю... – Володька помедлил, – ...а зачем тогда шахты?

– Сы... «дядя» Володя, – Борис Игоревич увеличил скорость – подъём кончился, через дорогу полз из лесных низин зимний стылый туман, – а вот как ты думаешь, везде ли людям так повезло, что у них разом и геотермальные выходы, и редкоземельные элементы экскаватором можно грести? – Володька удивлённо молчал, и Борис Игоревич продолжал: – Понимаешь, на свете много мест, где людям тоже энергия нужна, а своего толком нет ничего. Но это даже не самое главное... нет, не самое. Ты ведь про космос читал?

– И фильмы смотрел, – гордо ответил Володька.

– Вооот... А без редкоземельных элементов нам космос не освоить. Они для космических кораблей и станций нужны просто позарез. Там и своего хватает, но возить всё это на Землю нам пока не очень удобно. Понял?

– По-нял... – Володька задумался и уточнил: – Значит, шахты будут работать на... ну... на всё, что ли, Человечество?

– Очень точное определение, младший сын. И это не может не радовать... Приехали, кстати.

Володька, очень чем-то довольный, поёрзал на сиденье и улыбнулся Денису. Тот невольно ответил улыбкой, проследил, как заруливает отец на стоянку, с которой уже махал Пашка, выбежавший встречать – и спросил:

– Ты чего зубами светишь?

– Так. Ничего! – Володька пожал плечами, улыбнулся снова и вдруг сказал тихо: – **В-с-ё ч-е-л-о-в-е-ч-е-с-т-в-о-о-о-о** ... Правда здорово, Денис? – и как ни в чём не бывало выскочил из машины...

...Бойцов-старший накрыл гостям стол «с видом на горы» – под большущим бахуревским плакатом и двойным ящиком с надписью:

Проезжий и прохожий!

**В левую щель – клади записки с пожеланиями и предложениями
местным властям,**

в правую – сколько хочешь и можешь на школу на плантациях!

– Это твоя инициатива, что ли? – спросил Денис у Пашки. Тот ухмыльнулся:

– Ага, как же. Была бы моя – я бы давно в отряде растрезвонил, я что – славы не хочу? Это батя придумал.

– И что, кладут?

– Кладут, представляешь? Деньги батя каждую неделю Макарычеву пересылает, а записки – Полянцеву. Конечно, которые по делу, а не матерные или с насмешкой.

– И такие есть? – допытывался Денис.

– Есть. Но знаешь, мало... Очень мало... Слушай, я побежал, там ещё разгрузить кое-что надо.

– Я помогу... – начал было Денис, но Пашка толкнул его в оба плеча и тут же ногой ловко подставил стул:

– Отдохни, дурень, – и умчался.

Пашкина сестра Ленка – та самая, которую сватали за Дениса летом, принесла торт. Настоящий, хотя и небольшой, со сливочным кремом и цукатами – и Денис отметил

довольно, что старшая девица поглядела на него с уважением, и о шуточках речи уже не было, зато было искренне сказано: «Кушайте на здоровье». Ну а сам хозяин подошёл чуть позже – пожелать добрым гостям приятного отдыха – и тоже особо не стал задерживаться.

В кафе было немало народу – в основном, похоже, строители с линии струнника, охотники и водители. Денис удивился мимоходом, что с отцом и мамой многие уважительно здороваются, да что там многие – почти все. И никого из этих людей он не знает... И уже не мимоходом задумался – а не задрал ли он нос перед своими же родителями? За сотнями важных и нужных дел он, похоже, как-то забыл, что у взрослых этих дел – тысячи... А он, как ни крути – на подхвате. Даром что в журналах об отряде пишут.

Володьку такие вещи не занимали, это было хорошо видно. Мальчишка уже давно не голодал, но, как бывает у всех, кто хорошо знал, что такое голод, у него осталось немного странное отношение к еде – трепетное и уважительное, плюс тщательно скрываема опаска, что еды может в какой-то момент взять – и не хватить. А уж на торт он и вовсе смотрел даже с некоторым робким почтением.

Центр стола занимал не торт, а здоровенный ростбиф, настоящий английский – в коричневой корочке, одурающе пахнувший сочным жареным мясом и исходящий паром и дымком. Розетка с чёрным – именно чёрным! – свежим хлебом стояла рядом с узким соусником, наполненным мятным соусом. Большое блюдо с жаренной в масле картошкой соседствовало с... открытыми банками консервов. Совершенно неподходящими, казалось бы, для дорогих гостей.

Но Денис не удивился, а усмехнулся: консервированные были древесные грибы, и сами эти консервные банки он хорошо знал: высокая жестянка-цилиндр, прямо по жести накатаны алая на синем надпись «**ГРИБЫ ДРЕВЕСНЫЕ. Консервный цех пионерского отряда им. Радия Погодина, пос. Седьмой Горный**» и цветное изображение леса на горном склоне. Секрет консервирования, о котором сожалел Бойцов-старший в его первую встречу с Третьяковыми, «раскололи» отрядные девчонки – а точнее, оказалось, что у кого-то из них бабка эти грибы консервирует давным-давно по собственному рецепту. Видимо, Бойцов-старший решил похвастаться, и ему это удалось – старшие Третьяковы тоже обратили внимание на банки.

Четыре небольшие тарелки с горячей, вкусно пахнущей золотистой солянкой дожидались начала обеда – на первое. Ещё четыре – под второе – пока пустовали. И наконец, между двумя бокалами из синеватого стекла, в глубине которого словно бы переплетались неуловимые дымные струи, стояла бутылка игристого вина – местного, бузинного. И два высоких стакана с двумя бутылками малинового лимонада.

– Ольгу Ивановну надо было с собой взять, – вдруг сказал Володька, отведя наконец зачарованный взгляд от торта. Денис от стыда онемел... но Валерия Вадимовна хмыкнула:

– Опоздал. Я её с собой три раза звала. Прямо по обычаю. Не поехала... Боренька, солнышко, положи мне вон того, вон того и вон этого, и всего понемногу, потому что мне ещё танцевать. И тебе тоже.

Борис Игоревич уже и так нарезал ростбиф на розовато-коричневые, распространявшие аромат хорошего мяса пластинки. Володька подал голос, полный надежды:

– А мне ведь не танцевать?

– И мне, – поддержал Денис. – Я лучше поем.

– Ну-ка – на солянку налегги! – прикрикнула Валерия Вадимовна, и мальчишки схватили ложки.

Мать Пашки – которую Денис видел, кстати, всего пару раз, в школе и ещё на ферме у Гуляевых (там с недавних пор Бойцовы закупают свежую зелень – Мишка продавал её задёшево, а взамен Бойцов-старший бесплатно привозил для фермы разные нужные в хозяйстве штуки) – готовила очень хорошо. Это Денис оценил именно сейчас. Володька – тот просто аккуратно похлупывал, почти погрузив в тарелку нос, и в этом звуке было столько искреннего наслаждения и удовольствия, что Валерия Вадимовна, отчётливо настроившаяся было цыкнуть на младшего мальчишку, посмотрела-посмотрела и занялась

солянкой сама...

...Денис ел и задумчиво смотрел на то, как среди кажущихся чёрными деревьев перекатываются волны тумана. Выше, над перевалом, шёл дождь из низких серых туч, прочно обложивших хребет. Ему вспомнилось: кое-кто из учёных всерьёз полагал, что катаклизмы прошлого ко всему прочему «подвинули» Землю на орбите, и прежнего климата уже не будет никогда; мол, иначе как объяснить все происходящие чудеса и аномалии? Вот тут, где сейчас он ест ростбиф, не было никаких гор и никакого леса, а была степь – жаркая и сухая летом, ветреная и холодная зимой. А Единая Антарктическая Экспедиция с её чудесами?!²¹ Интересно, будет ли ещё меняться климат и, когда Солнце начнёт светить совсем как прежде, чем это обернётся для Земли?

Денис задумчиво воткнул в свой кусок торта десертную ложку и для начала слизнул крем с краешку. Володька уже ел причитавшуюся ему долю, ухитряясь запивать торт малиновым лимонадом! Выглядело это ужасно, тем более что Володька после каждого глотка тихо и виновато довольно икал. Встретившись глазами с Денисом, он легонько покраснел, но в этот момент всех отвлёк весёлый голос:

– Володька! – окликнули младшего мальчишку из-за столика неподалёку. Денис повернулся – там только что уселись четверо, по виду – водители. Они дружелюбно улыбались.

– Привет, дядь Саш! – Володька радостно помахал им рукой и объяснил Третьяковым: – Это дядя Саша, водитель. Хороший мужик.

– Не поёшь больше? – по-прежнему весело окликнул дядя Саша, окинув взглядом Третьяковых. – Жаль. Твой голос до сих пор все вспоминают... Ну счастья тебе, ты заслужил, – и отвернулся.

Володька напрягся, чуть сжался, стрельнул глазами – опасно и беспомощно. И вдруг встал, резко выпрямился, отодвинул стул:

– Почему не пою?! – звонко спросил он – так звонко, что разом стало тихо, и в сторону стола Третьяковых удивлённо оглянулись все посетители, а из кухни высунулись Бойцовы – всей семьёй. Посмотрел на сидящих вместе с ним людей. Требовательно и выжидательно. Борис Игоревич чуть наклонил голову. Валерия Вадимовна улыбнулась и тоже чуточку повернула её – мол, иди. – Очень даже пою!

– Ну, я с тобой на пару. – Денис встал тоже – раньше, чем Володька отошёл от стола. – Тысячу лет вот так не пел.

Володька ответил ему улыбкой – светлой и благодарной. А Денис на какой-то миг явственно ощутил справа крепкое плечо... обернулся – но Войко не было, конечно.

Или – был?

²¹ В 5-м г. Серых Войн германский подводный пират «Зеезонг» случайно попал к берегам Антарктиды и всплыл у Земли МакРобертсона. Вернувшиеся на родину пираты рассказывали странные вещи – например, что несколько раз видели солнце, что в посещённых ими местах ТЕПЛЕЕ, чем в Германии, и что они находили большие участки, свободные ото снега и льда. Однако лишь в 20-е г. Серых Войн англосаксами была послана по следам «Зеезонга» хорошо оснащённая экспедиция. Выяснилось, что климат Антарктиды на самом деле значительно смягчился по сравнению с довоенным – вплоть до образования на побережьях больших участков тундры и появления кое-где рощиц. Это оказалось для человечества буквально кладом. В Антарктиде сохранилось огромное количество полезных ископаемых, которые на других континентах в XX–XXI веках были выброшены в никуда. В 25-м г. Серых Войн – 20-м г. Реконкисты на территории Антарктиды действовала на постоянной основе Единая Антарктическая Экспедиция по добыче, освоению и изучению. Позже её деятельность была свёрнута, так как кризис с полезными ископаемыми удалось преодолеть за счёт освоения космоса, а также открытия и научной эксплуатации новых месторождений в более доступных районах. Тем не менее работа экспедиции оставила очень много интереснейших «внеэкономических» материалов: от бесспорных доказательств обитания в Антарктиде человека – владевшего железом и строившего укреплённые посёлки! – до открытия действовавшей в 1942–1954 гг. нацистской Южной Базы (старательно законсервированной и в неизвестном направлении покинутой многочисленным персоналом, у которого уже успели родиться свои дети!). Изучению Антарктиды посвящён целый пласт культуры – научно-популярные и художественные фильмы и книги, от детских приключенческих до многотомных монографий.

Мальчишки прошли ко входу в кафе – их провожали доброжелательными взглядами, в которых было ожидание и у некоторых лёгкое недоумение. Володька взялся рукой за входной столб, крутнулся около него – как-то задумчиво. Денис поднял брови. Володька кивнул, встал прямо – и улыбнулся уже всему залу. Взялся правой рукой за галстук – бессознательным каким-то жестом. Коротко, резко вздохнул.

И Денис даже покосился на него испуганно – так неожиданен был первый хрустальный звук...

– Вновь Солнце взошло
Над нашею Землёй –
И вновь берега обласканы приливом...
Пахнет сосновою смолой
И скошенной травой...
Клин журавлей над головой –
И значит, мы живы!

Денис знал эту песню! И тихонько, осторожно перекрыл голос Володьки в следующем куплете (Володька одобрительно кивнул):

– Мужское плечо
И женская рука
Друг друга в ночи коснутся боязливо...
Есть океан у моряка,
У пирамид века,
И у поэта есть строка –
И значит, мы живы!

– Старина – скажу я тебе одно, – пели мальчишки, –

Спи всегда с открытым окном,
Чтоб чувствовать мир!
Его благодарно прими –
Всё то, что в нём есть, ты прими –
прими...

– Кувшин с молоком
И кружка на столе...
В степи лошадям лохматит ветер гривы...

– Над миром властвуют рассвет, – пел Володька, улыбаясь чему-то вдали. Денис оставил подпевать, только поддерживал фоном – умелым «а-а...».

Улыбки королев
И Солнца росчерк на крыле –
И значит – мы живы!

Зал – не очень в лад, но дружно – уже подпевал...

– ... и Солнца росчерк на крыле –
И значит – мы живы!

– **И значит – мы – живы !** – крикнул Володька и весело, отчаянно взмахнул рукой.

Он что-то ещё крикнул потом – но, наверное, и сам себя уже не услышал за аплодисментами...

– Деньги куда кидать?! – весело заорал, чтобы перекрыть аплодисменты, кто-то. Володька ткнул рукой и также весело ответил:

– А вон в тот ящик, только дырки не перепутайте! А то решат, что вы градоначальнику взятку даёте!

Мальчишки зашагали на место – в обнимку, пожимая свободными руками тянувшиеся им навстречу ладони. Но Денис всё равно обрадовался и изумился, когда Валерия Вадимовна встала им навстречу и, обняв обоих, гордо сказала:

– У кого ещё есть такие сыновья?!

И Володька обхватил её за пояс и ткнулся куда-то в бок. Валерия Вадимовна его отстранила и сурово приказала:

– Марш доедать торт!

– Разрешите выполнять?! – засмеялся Володька, лихо вскидывая ладонь к быстро выхваченному из-под погончика и нахлобученному берету...

...Олег приехал домой вечером этого же дня – как раз когда Третьяковы вернулись с перевала из кафе. Чудовищно злой на Дениса. Непонятно почему, но мальчонка решил, что тот услали его «в командировку» исключительно, чтобы он пропустил всё «самое интересное». На латифундиях тоже шёл страшный шорох, и вместо «борьбы» пришлось буквально отбиваться от Пахомова, который встретил гостей практически хлебом-солью и чуть ли не предлагал взять на себя полное финансирование пионерского отряда, построить новое здание и т. д. и т. п.

– Короче, ехали, настроившись на схватку, а пришлось по сладкому дерьму ходить, – сердито подытожил Олег и махнул рукой. Ещё раз сердито посмотрел на Дениса, хмыкнул и прошёл в дом – было слышно, как он крикнул: «Маааа, я вернулся! Поесть найдется чего?!»

Денис остался сидеть на крыльце. С Настей. Она приехала верхом полчаса назад – прямо ко двору Третьяковых, ехавшие с нею казачата «завернули» в школу – и всё это время слушала с улыбкой, как Денис подробно рассказывает обо всём происшедшем. Сама она сообщила, что в станице так решено создавать пионеротряд и что ребята просили передать Денису: пусть он, если можно, подготовит стандартный комплект литературы, они попозже за ним заедут.

– О чём разговор?! – обрадовался Денис. – Сейчас Олег всё сделает, он у нас библиотекарь, в конце концов... Как решили назвать отряд?

Настя помолчала. Вздохнула. И с необычной для неё жалобностью в голосе и невнятной многословностью попросила:

– Денис, я скажу, только ты нашим не говори, что я сказала, иначе они меня просто убьют.

– Не скажу, – Денис слегка встревожился. – Не скажу, конечно. Честное пионерское – не скажу! Так как, Насть?

– Имениденисатретьякова, – выпалила Настя в одно слово. Денис замер, словно его хватил паралич, потом – неверяще наклонил голову набок:

– КАК?!

– Имени. Дениса. Третьякова, – повторила Настя. Денис открыл рот, кашлянул горлом и спросил с ужасом:

– Они у вас там что, все с коней попадали темечками на камешек?!

– Денис, ты обещал не говорить! – всполошилась Настя. – Денис! Гришка меня со свету

сживёт!

– Да я не скажу, не скажу! А вот что мне **потом** говорить, когда про это название все и так узнают?! – Ошарашенное, как после удара по голове, состояние Дениса не проходило.

– Все долго спорили, – грустно проронила Настя. – Мне Гришка рассказал. Спорили, спорили, два раза подрались. Тоха был против сильно...

– Почему?! – нелогично возмутился Денис, и Настя улыбнулась:

– Да нет, ты не думай. Просто он хотел назвать «Первый казачий Семиреченский», и всё. Потому что правда же первый казачий.

– Ну и назвали бы!!! – тихо взвыл Денис.

– Так и назвали, – пояснила Настя. – «Первый казачий Семиреченский пионерский отряд имени Дениса Третьякова». Это Лёвка предложил, с которым ты на скачку забился.

– Да лучше б я его и не видел никогда, – грустно подытожил Денис. – Вот что мне теперь делать-то?!

Но, если честно, сейчас, после первого искреннего изумления и почти искреннего возмущения, он испытывал гордость. Ведь он ни слова не сказал об этом. Да какие слова – ему бы в голову не пришло не то что просить о таком – даже просто намекать! И что? Совершенно чужие мальчишки – и не просто мальчишки, а независимые, самостоятельные, презирающие всех чужаков казачата! – выбрали его, Дениса, чтобы назвать его именем отряд! Первый казачий пионеротряд в Семиречье!

– Ты ведь доволен. – В голосе Насти была необходимая улыбка. – Я же слышу.

Денис смущённо оглянулся в сторону смежного забора. Там снявший форму, переодевшийся Володька и Никитка возились с Презиком, который с удовольствием позволял терзать себя. С ними был и сын Балаганова Вовка – они, оказывается, дружили с Никиткой; Вовка был огненно-рыжим и излишне шумным, в точности в отца, но совсем не вредным мальчишкой. Все трое были заняты, даже Презик в эту сторону не смотрел, и Денис поцеловал Настю – сперва в угол губ, потом – в мочку уха и снова в губы, только уже «по-настоящему». Настя сморщила нос и не всерьёз, но сильно пихнула Дениса в грудь обеими руками:

– Вот пристал-то, а?! С ним о деле, а он лижётся, словно ошалелый. Среди бела дня и при людях. Уймись, а ну-ка?!.

«Не видит же никто!» – хотел было возмутиться Денис, но вовремя прикусил язык. Он изо всех сил старался избегать в разговорах с Настей любых намёков на тему зрения – это раз. А два – неожиданно обнаружилось, что кое-кто всё-таки видит.

С той стороны калитки стояли и глядели во двор двое мальчишек. Денис узнал их мгновенно – это были Юрка и Ромка Пинаевы. Они стояли молча, неподвижно, Ромка – чуть впереди.

– Насть, погоди, пожалуйста... – Денис неспешно встал, махнул рукой насторожившемуся Володьке. Тот, впрочем, так и провожал Дениса глазами, пока Третьяков-младший не подошёл к калитке и не облокотился на неё. Пинаевы молчали, и Денис начал разговор первым:

– Уезжаете? – спросил он, ощущая почему-то ужасающую неловкость и пошатал калитку – деловито, словно проверял, прочно ли она сидит в земле. Юрка кивнул:

– Да... поедem в Верный. С мамой. К отцу ближе и... и вообще.

Денис понял, что Юрка хотел сказать – мол, от позора подальше. И предложил тут же, посмотрев на младшего Пинаева:

– Ром, хочешь, рекомендацию напишу? Пусть ты и не пионер, но...

Тот решительно покачал головой:

– Нет... – и твёрдо добавил: – Я всё сам.

А Юрка снова сказал:

– Мы пришли тебе спасибо сказать.

– За что?! – искренне изумился Денис. И совсем уж поразил его ответ Юрки:

– Отец просил тебе это передать. Ну и мы сами... конечно.

– Вот ведь... – Денис не находил слов. Юрка слабо улыбнулся, кивнул:

– Ну всё. Нам пора... Пошли, Ромыч.

Они разом повернулись – и ушли, не оглядываясь. Денис долго смотрел им вслед и вздрогнул, когда пальцы Насти взяли за его локоть.

– Он на меня с ножом бросался, – вспомнил Денис, кладя свою руку на её ладонь. Вздыхнул: – Ужжжжасно сложно всё в этой жизни, товарищ Мелехова.

И про себя подумал с наслаждением: «Товарищ Третьякова...» И, если честно, после этой мысли забыл про Пинаевых.

* * *

– Если даже история не очень долгая, – ловкие пальцы Генки Ишимова закрепили на своём месте невероятно точно сделанный макетик старого насоса, – и не очень красивая, – Генка почесал нос и критически осмотрел установленный на специально сколоченном постаменте разрез шахты – высотой в рост человека, – то это ещё не значит, что её надо забыть... Включайте!

Двое младших мальчишек – из одного с Генкой первого звена, ещё с жёлтыми новичковыми шевронами на рукавах, – в полной боевой готовности ожидавшие сигнала, дружно потянули рубильник. Хватило бы и одного, но эту честь, как видно, никто из них не хотел уступать другому.

– По-моему, её даже наоборот – нужно помнить как можно лучше, – заключил Генка.

– Разве я спорю? – Денис невольно залюбовался тем, как мгновенно ожила внутренность шахты. Генкина команда постаралась – если не подходить вплотную близко и чуточку включить фантазию – можно было представить, что и правда заглянул внутрь горы и увидел шахту – какими они были ещё недавно. – Ген... а зачем ты именно это сделал?

– В смысле? – Ишимов удивлённо посмотрел на Дениса.

– Ну помнишь, когда ты уезжал в Империю, у нас был разговор. – Денис покосился на откровенно любующихся макетом младших. – Ты сказал, что ненавидишь шахты...

– Я... – Генка опустил ресницы и покатал по столу карандаш – новенький, цанговый. – Я... помнишь, я тебе рассказывал про врача, который меня лечил?

– Омельченко, который Пётр Юрьевич? – Денис кивнул.

– Ага, – Генка ответил таким же кивком. – Мы с ним часто говорили. Просто про разное. Мне нравилось слушать, как врач с женой поют, а потом иногда разговоры затевались... Ну и... И я ему про шахты рассказал. Почти то же, что и тебе. А он мне рассказал про тот аппарат, которым меня лечили. И что там лантан нужен. Необходим просто. А таким аппаратом космонавтов, между прочим, лечат, им часто это бывает нужно... И я...

В коридоре прогрехотали шаги. Ворвавшийся Вовка Шацких – видно было, что он влетел просто-напросто в первую попавшуюся дверь – раньше, чем Денис рывкнул на него, заорал – так, что под потолком замигала лампочка:

– Урррраааа!!! Франц Ильич поднялся! Он дома у себя уже! – И бомбой вылетел наружу, кажется, даже не сообразив, кому первому сообщил эту новость. Из коридора послышались его жуткие вопли – казалось, в атаку на банду поднимается отряд «витязей».

Генка и Денис переглянулись. А младшие уже порскнули наружу – без слов.

– Бежим! – подхватился Генка, не забыв выключить рубильник. Денис его перехватил:

– Стой! На телефон давай, звони всем, кому можно!

– А, точно!..

...– Ма! – ворвавшийся в кабинет матери Денис был возмущён и тяжело дышал – он бежал всю дорогу от школы, причём с максимальной скоростью. Следом за ним послышался крик Ольги Ивановны: «Да ноги же вытирай, да что ж такое?!» – грохот несущегося вниз по лестнице Олега (Володька был в школе на репетиции), а потом в кабинет сунул морду Презик. На морде было прямо-таки написано скорбное возмущение: ну как же так, разве

можно двигаться так быстро, это же увеличивает энтропию Вселенной! Впрочем, на Валерию Вадимовну всё это не произвело ни малейшего впечатления. Денис, видя, что мать остаётся абсолютно невозмутимой, вскипел окончательно: – Что за новости?! Почему я про Франца Ильича узнаю не от тебя, а от...

– Доклад о том, что старый дурак практически удрал из больницы, представить тебе в письменной форме, сына? – ласково спросила Третьякова, поднимаясь из-за стола. – Ты погоди, я сейчас всё брошу и тебе отпишу во всех подробностях на веленовой бумаге золотыми чернилами... – Валерия Вадимовна сделала шаг из-за стола в направлении сына.

Денис неверяще расширил глаза и отступил на точно такой же шаг:

– Меня нельзя. Мааа... я лицо, облечённое доверием народа... в моём лице, опять же... мааааа, я сопротивляться буду!!! Честно буду!!! Я просто так не дамсяаааа!!!

– Мне твоё лицо и не требуется, – пропела с опасным огоньком в глазах Валерия Вадимовна. Денис совершил ловкий, но увы – запоздалый манёвр и оказался припёрт к стенке. – А сопротивляться – щеняв ты ещё против меня! – После чего любящая мама отвесила сыну увесистый шлепок по мягкому месту. Денис возмущённо переливчато взвыл, потом засмеялся и получил ещё одну «плюху».

– А это тебе за ту площадь, которую ты у меня отжал в старой школе, – злопамятно сообщила Третьякова, выпуская Дениса. Тот потёр пострадавшее место и гордо заявил:

– Ради общественной пользы люди и не на такие жертвы шли. Людей, может, в огонь кидали и слонами затаптывали... а тут мелочи какие... – Он обнял мать за талию и спросил немного обиженно: – Ма, ну правда, почему не рассказала? Ну перед школой можно было? Ты ведь дома была...

– Честно, лисёнок? – Валерия Вадимовна грустно улыбнулась. – Прости – забыла. Я всё понимаю, но наш Франц Ильич жив и почти здоров... и будет совсем здоров, если не наделает ещё глупостей... а тут столько дел сразу опять навалилось... Забыла, правда.

– Ты очень устала, – констатировал Денис, заглядывая матери в лицо и осторожно усаживая её на диванчик. – Может, мы тебе чем-то можем помочь? Ты только скажи.

– Если найдётся что-то, с чем вы сможете помочь, – будь уверен, скажу непременно, – серьёзно согласилась Валерия Вадимовна. Денис поцеловал её в щёку и отскочил:

– Я побежал! Мы сейчас там собираемся!

И вылетел за дверь.

Валерия Вадимовна посидела на диванчике, опустив голову. Потом резко вскинулась, решительно встала. И вернулась за стол, на ходу придвинув бумаги...

...Вообще-то предполагалось, что его навестят несколько человек, но в результате у дома директора собрался практически весь отряд – и он, можно сказать, тонул среди всех прочих собравшихся, и люди подходили ещё и ещё, а потом на нескольких шахтах длинно засигналили гудки – и этот хор всё усиливался. Денис не успел возмутиться и продрать всех с песочком – на крыльце между уснувшими на зиму розовыми кустами появился и Шёнк. Старик тяжело опирался на свою палку, но шёл сам, а за его спиной что-то возмущённо и обеспокоенно кудахтали медсестра, оказывающаяся, приставленная к нему Валерией Вадимовной на постоянной основе.

Денис не отдавал никакой команды – он просто удивлённо обнаружил, что орёт «ура!» вместе со всеми, и этот дружный громкий вопль, казалось, разметал над посёлком низкие зимние тучи...

Глава 8

Дело для мужчины

Этот урок астрономии был «открытым», причём для всех, и Денис бесцеремонно занял под него новый спортивный зал. Какое-то время он сомневался, не слишком ли размахнулся, но на урок и правда пришла масса самого разного народа – судя по всему, многие решили для этого использовать обеденный перерыв. Тут были не только родители учеников-

восьмиклассников, но и ещё многие. Дениса, впрочем, многолюдные собрания никогда не смущали, а к лекции он подготовился хорошо и, как всегда у него бывало в таких случаях, перестал замечать аудиторию – и всё получалось, всё, как говорится, ложилось в строку. Диапозитивы и кадры из фильмов послушно сменяли друг друга – Денис переключал оба аппарата, не переставая ходить перед слушающими его мальчишками, девчонками и взрослыми – небрежно, быстро, не глядя...

...– Человечество вышло в космос всего двадцать семь лет назад. Полковник Имперских ВВС Мирослав Александрович Кобрин со своим экипажем в 26-м году Серых Войн стал первым человеком, высадившимся на Луну на корабле «Прыжок» – ядерной ракете... – На экране возник аппарат, удивительно похожий на стрелу, которую кто-то под наконечником оснастил креплением лыжной палки. Потом над ним появились несколько портретов. – Известно, что ещё до Третьей мировой войны Соединённые Штаты Америки – одна из двух тогдашних сверхдержав – заявляли, что их космонавты совершили несколько высадок на этот спутник Земли. В смысле, на Луну. Как я понял, пока работал над уроком, уже тогда реальность этого ставилась многими под сомнение. Так вот – **экспедиция Кобрин на Луне не нашла никаких следов высадки людей**. Были найдены несколько давно выработавших свой ресурс автоматических аппаратов-луноходов, выпелы, солнечные сигнальные маячки-отражатели – и только... Вообще, должен сказать, – Денис отвернулся от экрана, – что из всех ожидаемых реальных следов пребывания на других планетах Солнечной Системы инопланетян мы можем похвастаться только Городом Рейнджеров на Хароне, открытым три года назад Петром Владиславовичем Крапивиным, знаменитым капитаном исследовательского «Рубина»... Да? – кивнул Денис поднятой в первом ряду руке одного из мальчишек-восьмиклассников.

– Это ведь с ним вы были знакомы? – послышался вопрос.

– Да... и это он недавно умер. – Денис чуть наклонил голову, и в зале мгновенно установилась полная тишина. – Но продолжаем... «Прыжок» совершил свой полёт за семнадцать часов туда – восемьдесят один час на Луне – четырнадцать часов обратно. Упомяну, кстати, что в существовавшем тогда при Императоре Совете Космоплавания при голосовании о полёте «за» высказались пять членов из восьми, и среди голосовавших «против» был не кто-нибудь, а... один из конструкторов ядерных ракет Сергей Сергеевич Привалов. Решили дело голоса Его Величества и Николая Захаровича Краюхина...

– Конструктора фотонных ракет?! – Рука не поднималась, но в мальчишеском голосе было столько интереса, что Денис кивнул:

– Да, но тогда он был просто лучшим космонавтом Империи. И, соответственно, был вызван как эксперт... И вот во 2-м году Реконкисты корабль Англо-Саксонской Империи «Воден» высадил первых людей на Марс. Его командир Джеффри Рэнсом Пауэлл вёл уже ядерно-импульсную ракету...

«Воден» напоминал сменный барабан для револьвера – большой цилиндр из шести меньших с острым штоком крепления впереди и круглой клавишей выброса патронов сзади.

– Хотя официального соревнования не велось, но у нас... ну, в смысле, в Русской Империи... успех англосаксов восприняли, прямо скажем, нервно. Тем более что Пауэлл имел задание тогда же заложить на Марсе постоянную базу по образцу уже существовавших в немалом количестве лунных баз – и с успехом это задание выполнил. Он вообще был очень жёсткий и решительный человек, даже на фоне обычных хускерлов «Фирда», не склонный отступать и перед объективно непреодолимыми препятствиями... И не очень приятно сейчас так говорить, но что было, то было – начавшаяся спешка привела сразу к очередному успеху Человечества в деле освоения Солнечной Системы – и одновременно к трагедии...

Новый корабль на экране выглядел чуточку несерьёзно – два обманчиво-тонких и хрупких ребристых диска, «положенных» горизонтально и соединённых перемычкой.

– Это – ядерно-ионная ракета «Святогор». В 7-м году Реконкисты «Святогор» под командой Олега Сергеевича Артамонова высадил первых людей на Венеру; экспедиция трагически погибла при взлёте. Остатки «Святогора» были обнаружены через год

экспедицией Юрковского. Что удивительно – уцелели почти все контейнеры с материалами, собранными экспедицией за одиннадцать дней работы... Но настоящий прорыв в освоении Солнечной Системы был произведён фотонными ракетами. Экипаж Юрия Тимофеевича Пашенко в 11-м году Реконкисты, четырнадцать лет назад, за пять месяцев совершил облёт Солнечной Системы на первом фотонном корабле «Хиус»! – Денис громко перевёл дух, вызвав одобрительные сочувственные смешки по залу. Он улыбнулся чуть смущённо и продолжал: – За эти двадцать семь лет мы не то чтобы освоили Солнечную Систему, но прочно застолбили практически все планеты и луны. За пределами Земли живут десятки тысяч людей, находятся сотни населённых пунктов, баз и станций. В космосе идёт всё расширяющаяся напряжённая работа, осуществляются тысячи мелких и крупных, но одинаково интересных проектов – например, терраформирование Луны, Марса и нескольких лун планет-гигантов. Но это лишь самый известный пример! А вот хотя бы – перед вами знаменитые летающие острова Венеры... – На экране появился огромный – в зале не сразу восприняли эту огромность – белый шар, плывущий среди жутковатых клубящихся туч. Потом в зале послышались тут и там удивлённые и восхищённые реплики.

Денис отошёл к столу, постоял там пару секунд. Поднял голову и увидел в дверях отца. Борис Игоревич стоял там с каким-то странным лицом. Непонятным. Но над этим сейчас думать было некогда – надо было продолжать...

– Проблемой является то, – Денис снова прошёлся перед экраном, на котором плыли звёзды, – что наши фотонные двигатели позволяют добраться до ближайшей к нам звезды за сорок один год. И даже факельные двигатели, существующие пока ещё только в чертежах, сокращают это время лишь до одиннадцати лет. Согласитесь, что с такими скоростями освоение даже относительно близких звёзд остается делом проблематичным. Выходом может стать только эффект, который именуется телепортацией, прыжком, нуль-транспортировкой и ещё полудесятком названий. Но до сих пор все многочисленные опыты с превращением этого, между прочим, досконально просчитанного на бумаге, эффекта в реальность оканчивались неудачей. И даже причины неудач не вполне ясны. – Денис усмехнулся и неожиданно весело предположил: – Возможно, Природа ожидает, пока подрастём мы? Те, кому сейчас по восемь, десять, пятнадцать лет...

Послышались смех, несколько хлопков – а через секунду хлопали уже все. Но Денису достаточно было поднять руку, чтобы установилась тишина:

– А теперь прошу записать домашнее задание. – Он чуть улыбнулся, увидев, что и многие из взрослых как-то дёрнулись, словно в поисках дневников или блокнотов. – И сами видите, сейчас все лишены возможности заявить родителям, что «нам ничего не задали!»

– А мы так и не говорим! – возмущённо объявил кто-то. Денис хмыкнул, продиктовал задание и хотел было предложить задавать вопросы, но увидел поднятую сзади руку и кивнул:

– Да, пожалуйста, я слушаю.

– Денис Борисович, – взрослый полужнакомый мужчина назвал Дениса по имени-отчеству совершенно естественно, и это никого не удивило, – а вот скажите... Вы не думайте, что я против этого. Но вот зачем нам это нужно? Сколько нас на планете? Я вон у моего сына в учебнике читал – двести миллионов. И это с разной швалью, от которой надо просто избавиться. Так не тесно ведь? А ещё и вы сами говорите – другие планеты можно переделать, близкие...

– Я постараюсь объяснить так. – Денис поднял перед грудью руку. – Вы живёте в доме. В очень хорошем, красивом доме. Вокруг дома великолепный большой сад. Ухоженный огород. За домом чистый пруд, в нём много рыбы, там можно купаться. У вас хорошая семья. Всё замечательно. Без шуток. У вас всё есть. Вам никуда не надо идти. Ну вот послушайте... подумайте... неужели вы не захотите посмотреть, что – за садом? За прудом? Ну неужели не захотите? – Голос Дениса стал удивлённым.

Мужчина засмеялся, махнул рукой и, уже садясь, крикнул, перекрывая общий смех:

– Сдаюсь, понял!..

...Дениса оставили в покое, только когда увидели, что с ним явно хочет поговорить отец. Махнув всем на прощанье рукой, мальчишка удивлённо спросил, подходя к ждущему у двери наружу Третьякову-старшему:

– Ты что, урок послушать приходил? Понравилось?

– Неплохо, – Борис Игоревич произнес это очень сухо, и добавил: – Нас дома ждут. Надо поскорей.

– Что случилось? – встревожился Денис. – Кто ждёт?

– Ничего, – резко, непривычно резко и непохоже на себя, ответил ему отец, даже не останавливаясь. – Почему что-то должно случиться? А кто ждёт – увидишь.

Денис замолчал, но всю дорогу поглядывал на отца недоверчиво и внимательно. Они шли пешком – вечерело, накрапывал дождь, тянуло холодной сыростью. Третьяков-старший шёл широко, но как-то тяжело, как будто нёс на плечах рюкзак, и Денис беспокоился всё больше и жалел отца. А кроме этого – ещё и просто волновался: что произошло?! Кто ждёт?! Что «ничего не случилось» – он не верил совершенно. И даже вздрогнул, когда уже на их улице, почти возле самого дома, отец сказал:

– Этого человека, который **тебя** ждёт, Денис, зовут Болховитинов. Максим Несвидович Болховитинов. Он – коллежский советник ДРУ.

Денис запнулся. Хотел задать вопрос, но промолчал – однако про себя подумал ошарашенно: работник дипломатической разведки в полковничьих чинах?! Как это понимать, товарищи?! Но спрашивать это у отца – было так же бесполезно, как выяснять у вышедшего навстречу Презика. У которого, кстати, тоже был напряжённый вид...

...Ожидавший в отцовском кабинете коллежский советник ДРУ Болховитинов был ширококостный, уже немолодой мужчина, смотревший на мир исподлобья и как-то **вкось**, вроде и на тебя смотрит, а взгляд не поймает – Денису показалось, что полковник угрюмый и неприятный человек. Но едва Болховитинов всё-таки встретился с Денисом глазами, как мальчишке стало ясно – «витязь» он и есть «витязь», ни убавить, ни прибавить.

– Так вот ты какой, Третьяков-младший. – Голос у коллежского советника был густой, хрипловатый. Он поддёрнул рукава лёгкого серого пиджака и положил на стол крепкие большие кулаки с плотно сжатыми пальцами. Оглядел Дениса с головы до ног. Денис мельком посмотрел на отца. Но тот повёл себя неожиданно – кивнув Денису, вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. – Не удивляйся. – Болховитинов кивнул Денису на стул напротив.

– Благодарю, – кивнул Денис и сел. Выжидающе смотрел – своими серыми большими глазами с чистым голубоватым белком, в коротких пушистых ресницах – в глаза коллежского советника – тоже серые, но запавшие, пристально-неподвижные, с исчезающими алыми прожилками и усталые.

– Четырнадцать лет... – Болховитинов закинул ногу на ногу. – Отличный стрелок, разведчик. Неплохой певец. Упорен, физически силён от природы и хорошо подготовлен, психологически глубоко мотивирован. Здесь на пустом месте в короткие сроки создал пионерский отряд, о котором заговорила вся округа, а потом – в Верном и Великом Новгороде. Участвовал в серьёзных делах... во взрослых делах. Недостатки – упрям, самолюбив, самоуверен, нахален, но всё это – не сверх обычной нашей меры. – Полковник выделил слово «нашей». – В высшей степени не профессионал, спортсмен и любитель своего дела.

Денис внимательно и спокойно слушал, не перебивая ни словом, ни жестом, ни даже движением бровей, хотя последнюю фразу не очень понял²³. Но внутри у него постепенно

²³ На тогдашнем жаргоне спецслужб это похвала. «Профессионал» означает человека, являющегося ходячим складом «премудрости», но бездельника, жадного всезнайку, который обожает с высокомерным видом давать советы, однако в практической работе бесполезен и не имеет «огонька», а зачастую – и никаких моральных установок. «Спортсмен» – человек, настроенный на победу любой ценой, но – по правилам чести – и добивающийся её ради самой победы. «Любитель» – человек, отлично знающий какое-то дело, доставляющее ему удовольствие.

стало разгораться – словно угли в потихоньку раздуваемом костре – написанное большими алыми буквами слово: «УРА!!!» Он ещё не понимал, к чему, собственно, клонит коллежский советник – но безошибочное мальчишеское чутьё определило: **приключения** !

Коллежский советник между тем достал небольшой блокнот с изящным карандашом (Денис успел уловить справа под мышкой кобуру), открыл его и быстрыми, точными движениями что-то начертил. Подал блокнот Денису:

– Посмотри.

Перед мальчишкой был идеально исполненный чертёж какой-то комнаты – словно его делал на хорошем оборудовании профессиональный дизайнер. Денис взгляделся, ещё не понимая, зачем это нужно – и рука коллежского советника мягко забрала блокнот, перевернула страничку и подала блокнот с карандашом обратно:

– Можешь повторить?

Денис принял книжечку, пару секунд подумал и неспешно зачеркал карандашом. Остановился, подумал. Что-то добавил. Подумал ещё и вернул блокнот:

– Пожалуйста.

Коллежский советник посмотрел чертёж и быстро поставил в трёх местах галочки:

– Неточности, – пояснил он. Денис кивнул. – А ты не очень разговорчив.

– Когда я не понимаю, чего хочет старший, – я молчу и жду объяснений, – пояснил Денис. Болховитинов прикусил губу – и Денис понял, что коллежский советник удержал смех.

– Предположим, – согласился он. – Предполагаю также, что у тебя вообще хорошая память... Ты знаешь здешний уличный жаргон?

– Да, – кивнул Денис. – Хорошо знаю, но не люблю. И наказываю за его употребление в отряде.

– Так... – Коллежский советник убрал блокнот, который всё это время рассматривал. Снова взглянул на мальчишку. – Тогда не будем дальше тянуть с объяснениями, поговорим как двое мужчин. Нам нужен для проведения операции в Балхаше агент-подросток. Наш, но, с одной стороны, – не из детей дипкорпуса, они здорово примелькались тем, кому не надо, а с другой – хорошо знакомый с местными реалиями. На выполнение задания, возможно, потребуется пара-тройка месяцев... и агент вообще может не вернуться.

Слово «УРА!!!» горело ровным жарким светом и уже не мигало. Денис помолчал, потому что понимал: если он откроет рот, то всё, что сможет сказать, – и будет это слово. Но, справившись с собой, мальчишка спокойно и деловито произнёс:

– Я внимательно слушаю.

Коллежский советник одобрительно склонил голову.

– Всё довольно просто. Ты слышал о хасидах?

Нельзя сказать, что Денис остался спокойным внутри. Что-то неприятно дрогнуло. Но внешне он хранил полное хладнокровие.

– Да.

– Само их название – очень древнее. Была такая религиозная секта – задолго до войны. Мы сейчас о ней толком ничего не знаем – может быть, и есть специалисты, но я этим не интересовался, потому что для нашей истории это совершенно неактуально... – Болховитинов сел удобнее. – Нынешние хасиды с теми общие, как мы понимаем, только по названию да по каким-то смутным легендам: они каждую весну приносят человеческие жертвы – обескровливают по специальному ритуалу мальчиков. Белых, в возрасте 7 – 15 лет, упирая на то, что, по их мнению, именно так зачем-то делали те, прежние, хасиды. Как там было – кто теперь знает, но нынешние делают это с простой и понятной каждому разумному человеку, – голос полковника был спокоен, – целью: чтобы регулярно продолжало всходить солнце.

Денис похлопал глазами. На какой-то миг то, что делают хасиды, показалось ему, как

ни дико, если неоправданным, то – понятным, что ли? **Солнце** ... Мальчишка потряс головой. Коллежский советник понимающе, необходимо усмехнулся:

– А, то-то же... К сожалению, испуганный и запутавшийся человек, не имеющий надлежащего воспитания, ещё и не до такого может докатиться.

«Я знаю», – хотел сказать Денис, вспомнив рассказанную отцом историю Дионы и приход рабочих к ним во двор – прошлым летом. Вспомнив, наконец, рассказы по истории... Но промолчал. Вернее, спросил:

– Я могу задать вопрос, не относящийся к теме? – Болховитинов кивнул. – Почему ДРУ?

– В перспективе Семиречье станет частью Империи, – не удивился Болховитинов. – Но пока это суверенная страна. А проблема не военная. Поэтому ею занимается наше ведомство. Ты бы предпочёл работать на военных? – Он вдруг засмеялся. Денис удивлённо моргнул – и поддержал.

– Да нет, – покачал он головой, отсмеявшись. – Главное – делать важное дело... Но это не вся правда. Есть что-то ещё, и вы этого не сказали.

Коллежский советник снова ни на миг не удивился – или не выдал удивления? Он только подтвердил:

– Не вся. Но вся, которую ты будешь знать. И вся, которую ты сможешь в случае чего выдать. А дело – дело и впрямь очень важное. – Болховитинов постучал пальцем по столу. – Само по себе оно совершенно уголовное – типичное «убийство человека, не достигшего частичного либо полного совершеннолетия,отягощённое изуверскими мотивами и исполненное с особой жестокостью»... в здешних формулировках это звучит несколько иначе, но всё равно – смертная казнь. Однако нам стало известно, что эти сектанты как-то связаны с южанами. Те чувствуют, что их скоро добьют, поэтому судорожно строят последние укрепления из любой грязи, которая подворачивается под руку. И тогда на уголовщину накладывается политика, а в исполнении фанатиков это – смертельный состав... Не буду от тебя скрывать – год назад нами была уже сделана попытка такого внедрения. Тогда наш юный агент пропал без вести, а летом было найдено его... тело. – Болховитинов постучал беззвучно по столу сцепленными пальцами и добавил: – Его звали Юра... Юрий Болховитинов. Юрий Максимович Болховитинов.

– Болх... – подавился Денис и расширил глаза, в которых что-то дрогнуло, словно огоньки свечей на ветру. Коллежский советник спокойно объяснил:

– Юра был моим сыном, тогда – ровесником тебя нынешнего. Лицеист, спортсмен... Он очень гордился заданием и очень серьёзно готовился. Но он жил на каникулах в сэттельменте Верного... и, видимо, чем-то выдал себя. Может быть, кто-то узнал его. Может быть, он что-то сделал, сказал не так. А может быть – ничем и не выдавал, и не узнавал его никто, а просто он в последний момент не сумел связаться с нами. Так или иначе – он погиб. Я не сразу его, найденного, опознал.

Болховитинов замолчал. Молчал и Денис. Не от страха – от жалости к незнакомому Юре и коллежскому советнику. Настаивать на том, чтобы «знать больше», чтобы его «не использовали втёмную», Денис не собирался. Зачем? Всё правильно. Дед Дениса, рассказывая внуку во время их нечастых встреч о своём прошлом, не раз упоминал принцип, по которому жил всю свою боевую жизнь – и благодаря ему, утверждал дед, остался жив: «Лучше перебдеть, чем умереть радостным отпимистом!» И как раз в эту минуту – Денис удивлённо качнулся на стуле – Болховитинов снова заговорил:

– Ты уедешь к деду. Он с радостью примет внука погостить. Думаю, школу ты потом наверстаешь?

– Д... да, – Денис посмотрел на дверь. – Я... я хотел спросить...

– Если ты скажешь «да» – то они подпишут согласие, – ответил коллежский советник.

– Я приведу их?! – Денис вскочил, как подброшенный пружинами. Болховитинов наклонил голову, и мальчишка выскочил наружу, начисто забыв обо всех своих огорчениях, которые были только что видны по его лицу. Было слышно, как он, не сдерживаясь,

загорланил по-немецки – видно, недавно учил или сам или на уроке пения –

– Du hast das Wort,
rede, Genosse Mauser!
Brecht das Gesetz aus Adams Zeiten.
Gaul Geschichte, du hinkst...
Woll'n den Schinder Zu Schanden reiten.
Links!
Links!
Links!²⁴

Коллежский советник ДРУ РИ Максим Несвидович Болховитинов прикрыл глаза ладонью и тяжело вздохнул...

Глава 9

День

Северная, пять, тому, кто откроет, сказать: «Солнце упаковали».

Денис ещё раз повторил про себя эти слова и велел себе перестать. Хватит, теперь он это забудет только вместе с головой.

Он уезжал в ночь на Корочун – с 22 на 23 декабря. Никто не подгадывал этого специально, просто так получилось само собой... если вообще хоть что-то может «получиться само собой», когда речь идёт о Свете, о Тьме, о Солнце...

Идущий на север, к Балхашу, проходящий из Верного автобус был практически пуст, и на всём отрезке от строительства струнника до Седьмого Горного в него никто так и не сел, кроме Дениса. Да. Его не выбрасывали с парашютом, он не высаживался с подводной лодки и не переползал границу с ножом в зубах и капсулой цианида в воротнике. Он просто сел в проходящий днём через Седьмой Горный рейсовый автобус и поехал. Помахав в заднее окно немаленькой толпе, собравшейся его провожать «к деду». А потом... потом вышел на повороте к Лихобабьей, где ждал небольшой и совершенно неприметный фургончик, в котором Денис задержался на каких-то полчаса. Затем вышел и дождался на обочине за кустами – фургон тут же уехал в сторону Балхаша – следующего автобуса, уже ближе к вечеру.

И мальчишка, сидевший сейчас в хвосте разболтанного «рейсовика» в обнимку с небольшой потёртой сумкой, на Дениса был совершенно не похож.

Нет. Не так. **Очень** похож. Но – это был **не Денис**.

Похож до такой степени, что любой, знавший его хоть сколь-либо, воскликнул бы: «Третьяков, ты?! – и тут же добавил: – Ой... Слушай, извини, обознался...» – а потом, отойдя, пожал бы плечами: бывает же такое, похожий непохожий.

Да, **похожий непохожий** – это было, пожалуй, наиболее точное определение нынешнего Дениса по отношению к самому себе ещё днём.

А ведь мелочи. Никаких накладных лысин, подкладных горбов, плеч и животов и уж тем более – пластических операций. Чутьочку не такая походка. Немного не та манера держаться. Капельку иной взгляд. И то, и другое, и третье зависело от артистизма, а его у Дениса хватало. Волосы – не русые, а малость более светлые – самую малость, чтобы не бросился в глаза резкий контраст, когда они отрастут, и в то же время сейчас можно было уверенно бросить: «Да не Денис это, Денис потемней...» Ну и одежда – уже сейчас совсем иная, чем обычно; и не пионерская форма, и не любимые мальчишкой имперские гражданские модели.

²⁴ Это просто перевод строчек из стихотворения Маяковского «Левый марш».

Вот и всё...

...Известие о его отъезде восприняли печально и даже удивлённо. Володька – тот и вообще захандрил, явно хотел начать проситься поехать с Денисом, не осмелился только, оробел... Печаль лежала в русле вопросов – и высказанных прямо, и молчаливых, глазами: «Как мы тут без тебя?!» – а удивление: «А школа как же?! А Новый год?!» Но ни малейших сомнений в том, что старый «витязь» и герой Серых Войн Третьяков возжелал немедленно увидеть своего внука, не возникло ни у кого, тем более что на поселковом коммутаторе всем служащим было ясно слышно, как дед звонил, разговаривал с родителями Дениса и выражал уверенность, что внук прямоком из Балхаша приедет – может, и не с такими удобствами, как через Верный, но зато ближе и побыстрей.

А что вы хотите? Человек старый, с заслугами – надо уважить...

...Правду знали только родители. И сейчас, сидя в автобусе, Денис думал о них.

И ему было их жалко. И стыдно за свою радость.

Разве это приключение – когда родители стареют на глазах, за секунду? Разве так должно быть? Разве это весело и интересно – видеть, как отец и мама умело играют самих себя прежних, и только глаза сыграть не могут, не заставишь их сыграть.

Так, может статься, это и не приключение вовсе, как подумалось сначала, а – просто Долг? Есть дело, которое ты можешь сделать. И ты его делаешь. Даже если больно тем, кого ты любишь, – и боль приходит к тебе самому, ещё минуту назад с такой радостью влетевшему в отцовский кабинет с криком: «Подпишите!» – и увидевшему то, чего ты никогда не видел раньше: что отец и мать сидят рядом на диване, сидят и молчат, и он держит её сжатые ладони в своих руках. И ты чувствуешь себя дураком и даже ещё хуже... то ли палачом, то ли предателем.

Денис, сам того не замечая, сильно прикусил сгиб пальца и хмуро уставился в пол.

Но если бы я не согласился... Тогда людям из ДРУ пришлось бы искать кого-то ещё. И они могли не найти. И тогда этой весной – опять трупы. Или нашли бы кого-то, кто хуже меня знаком со здешней жизнью – и он... он бы, как этот Юрка Болховитинов. Которого Денис не видел ни разу в жизни, но которого всё равно считал своим другом.

А как же иначе?..

...Но а вдруг нашли бы того, кто справился бы лучше меня?! А я бы сейчас не мучился. И мои папа и мама не мучились бы!

Да, но нашли – **тебя**. А отцы и матери есть и у других. И у других отцов и матерей есть их сыновья.

Один раз ты, спасаясь, спрячешься за слова «есть же другие» – и первый кирпич из крепостной стены выбит. Крохотный кирпичик из гигантской стены. Но...

...И всё-таки был тогда миг, когда словно бы нырнувший в ледяную воду, разом всё осознавший Денис подумал (отчаянно и растерянно): «Пусть мама не согласится! Я согласен, отец согласен, а она пусть не согласится! Она же моя мама, она женщина, она...»

Валерия Вадимовна с очень спокойным лицом подписала бумагу и улыбнулась сыну.

Так оно и было. Словно ей наплевать на стоящего в кабинете мальчика, которого чужие взрослые люди отправляют на смертельный риск...

...Денис серьёзно задумался. То есть с такой точки зрения выходит, что мама его не любит, если разрешила делать то, что он делает? На мгновение осознание этой мысли испугало его – до остановки сердца. Однако – лишь на мгновение. Уже в следующую секунду он подумал – нет, не просто подумал – осознал ясно: **но это же нелепость!** Мальчишка даже усмехнулся глупости такого суждения – и вдруг вспомнил один из семинаров по психологии. Ещё в старой школе, петроградской. Семинар был у старшеклассников, а Денис, Войко и ещё человек пять ребят тогда украшали зал, где эта компания обсуждала свои проблемы, к Новому году. Денис слушал краем уха, а потом стало очень интересно, и он даже заработал по шее за то, что отлынивает. Пожалуй, тот разговор больше всего подходил к сегодняшним его псевдоморализаторским охам и ахам.

Женщины любили своих детей всегда, во все времена. Даже в самые дикие или самые

страшные. Проявляли чудеса отваги, спасая их от опасности. Делали ради детей совершенно невозможные вещи. Иногда даже меняли ход истории, правда-правда. Но это была слепая любовь. Особенно страшная – именно страшная! – в те времена, когда у женщин становилось мало детей (чаще всего по их вине, из-за многочисленных искусственных прерываний беременности, как в последние десятилетия перед Третьей мировой, когда нерождённых детей убивали десятками тысяч каждый день. Денис даже поёжился, представив себе, какое давление некротического поля испытывали люди, жившие тогда – неудивительно, что мир сошёл с ума...). Ради своего единственного и слепо обожаемого ребёнка женщина могла, например, не задумываясь стать вражеской разведчицей и обречь на смерть десятки «чужих» детей. Женщина не слышала слов «Родина», «честь», «будущее» – стоило речи зайти о сиюминутной безопасности её дитяти. Женщина была готова погубить весь мир – лишь бы жили её сын или дочь. А если учесть, какую силу тогда имел феминизм – нетрудно себе представить, к чему такое отношение приводило.

Конечно, в истории были и исключения – даже в виде целых цивилизаций, вроде Древней Спарты, Третьего Рейха, в некоторые периоды – СССР, вообще европейской цивилизации. Но именно исключения. А была и обратная сторона медали – мусульманский мир полного скотского бесправия женщины, автомата для постельных утех и производства детей, которые вырастали копиями своих отцов: жестокими, трусливыми, злобными – именно потому, что их матери фактически не были матерями, а лишь презираемым низким скотом; ни красоте, ни вере, ни доброте – всему, что знает лишь женщина! – они не могли научить своих детей...

Тот мир погиб. Но сейчас Денис увидел и услышал его кусочек в своём собственном исполнении – и посмеялся. Нет, мама любит его. Не может не любить. Но не той ужасной душевной любовью, которая отрезала крылья и превращала мальчишку – самое смелое, бескомпромиссное, честное, решительное и любопытное создание мира – в существо среднего рода. Мать проводила Дениса – мальчишку и воина – так, как надо провожать: без слёз, зная, что, даже если он уйдёт **совсем**, то уход будет достоин того дела, ради которого совершается... А если победит – это принесет славу и пользу.

Конечно, это всё высокие слова, передёрнул плечами Денис. Но тут же подумал: ну и что? Если нет своих слов, почему бы не воспользоваться высокими словами? Для чего-то же их придумали умные люди... И недаром их зовут – **Высокими** ...

...Автобус раскачивался в дорожной полутьме, быстро – по-здешнему – черневшей...

* * *

Город Балхаш существовал и в «старые» времена, до того, как во время катаклизмов возникло огромное внутреннее море. Тогда тут было большое солёное озеро... И даже когда появление хребта Голодный выжгло округу, а потом пришли снежные морозные годы – на развалинах Балхаша теплилась кое-какая жизнь.

А сейчас город был вторым по численности населения и как бы не первым по экономической важности в Республике.

И он был болен, как больна была вся Республика.

Гигантские дворцы «Рыбпром-Балхаш» соседствовали с жутью портовых кварталов. Новейшие заводы, оборудование которых пришло из Империи, находились через улицу с частными душегубками и потодавилками, хозяева которых, предвидя скорый конец, выкручивали рабочих всё беспощадней, что уже не раз приводило к кровавым бунтам, которые, по иронии судьбы, приходилось подавлять полиции, совершенно не сочувствовавшей «предпринимателям»... Но каждый такой бунт, понятный и простой по изначальной сути, грозил перекинуться куда угодно и вылиться во всё, во что угодно. Прогулочный Центроход, залитый огнями фонарей круглые сутки, давал такой же круглосуточный приют сотням нищих и попрошайек – или уличных торговцев, недалеко от них ушедших. На улицах часто трещали выстрелы, иногда – гремели взрывы и каждый день

находили трупы. Биржу закрывали каждый день – и никак не могли закрыть, а по её коридорам, где ощутимо пахло лисятником, метались с выпученными глазами растрёпанные, растерзанные и потерявшие всякое сходство с людьми маклеры – свободные, представлявшие какие-то компании или уже никого не представлявшие, – уже не знавшие, что продавать, что покупать, полностью дезориентированные, за час богатевшие невыразимо и нищавшие в прах, многие из них находили очень простой выход: пускали себе пулю в висок или вешались в туалетах. В новом мире, который неумолимо надвигался на их спекулянтский рай, им просто не было места.

А на запад от города без конца катились и катились по-зимнему серые и безразличные воды Моря Балхаш...

...К полуночи Денис устал до одурения и тяжёлого гула в ногах. Он прошёл километров пятьдесят, не меньше, по этим улицам, переулкам, площадям, паркам, переходам, лестницам... Больше всего угнетало даже не это, а то, что – впервые в жизни – мальчишка не знал, что ему делать дальше. Нет, в принципе, он как раз всё знал и всё понимал – но никак не мог сообразить, с какой стороны взяться за дело. Очень просто – знать, **что** надо делать. А вот, **как** – куда сложнее. Ему и тщательную легенду не стали разрабатывать, и проводить сложное внедрение не решились, именно из-за принципиальной непредсказуемости мира, в который он должен был проникнуть. Мир детей и подростков всегда непредсказуем. Только очень глупые взрослые люди тешат себя старыми сказками, что есть, мол, какая-то наука «педагогика», которая-де может помочь понять ребёнка и повлиять на него. На самом-то деле – нет такой науки, потому что нет никакого «ребёнка». Каждый случай уникален – и вот почему так высоко в Империи ценится труд учителя. А уж если взять принципиально асоциальное общество безпризорной «стайки»... Денису предстояло полагаться только на везение и сообразительность. А с ними вот именно сейчас у мальчишки было тяжело.

Кроме того, ему просто-напросто хотелось отдохнуть.

Для того чтобы поселиться тут в гостинице, пусть и в дешёвой, нужны были документы. Или немаленькие деньги на взятку, но и тогда он вызвал бы подозрения, а пацана могли просто-напросто обчистить и вышвырнуть. Да и потом, разве он припёрся в этот бардак затем, чтобы ночевать в гостинице? Конечно, и в гостинице можно что-то узнать... например, у obsługi – но туда всё равно не попадёшь. Если только устроиться работать? Кстати – а ведь это мысль... Пожалуй, с этого и попробую начать, решил мальчишка. Хотя бы на заднем дворе какие-нибудь коробки с мусором таскать.

Свои неприметные, но вполне добротные вещи, в которых он приехал в Балхаш, а также сумку Денис оставил в камере хранения железнодорожного вокзала – одновременно это было сигналом, что он добрался нормально и начал работать. А из камеры хранения быстро выскользнул мальчишка в грубой тёплой куртке на старую майку и широковатых рабочих штанах, завёрнутых чуть выше щиколоток. Они появились из всё той же сумки и завершили несколько степеней сегодняшнего перевоплощения Дениса. В левом нагрудном кармане куртки лежали кое-какие деньги и старый билет на морской «трамвай», в правом боковом – большой складной нож, в левом – спички и огрызок карандаша. И всё, пожалуй. В таком виде Денис Третьяков и начал своё путешествие по улицам города, до которого ему не было дела. И кстати – города, в котором, например, пропала сестра Олега... Да и не она одна.

...В конце концов Денис просто махнул на всё рукой и присел на бетонный поребрик ограждения какого-то парка. И остался сидеть, переживая, но без особых нервов, своё одиночество и лениво созерцая вечернюю суету, такую же непонятную, как суета муравейника. Особенно странно было, что вокруг – люди, а не муравьи. Куда они все так несутся? Как будто смертельно опаздывают... Из парка слышались музыка, взрывы неприятного хохота – какого-то нарочитого. Огней везде было слишком много, словно живущие тут люди смертельно боялись ночи – и эти огни раздражали. Мальчишка поймал себя на мысли, что вокруг видит только отупелые лица. Не тупые, а именно – отупелые.

Словно все эти люди сосредоточились на некоем непонятном и неприятном, но нужном, жизненно важном деле. Машин было мало, зато много всадников и колясок. И полиции тоже хватало. Странно, но молодые ребята в полицейской форме выглядели тут единственными нормальными людьми. Они и ещё тройки тоже молодых мужчин в штатском, но с повязками государственных цветов на правой руке и с короткими дубинками в ней же. На поясах у них висели пистолеты в открытых белых кобурах. Во взглядах этих людей читалось холодное презрение, а там, где они проходили, на время воцарялось спокойствие и замирала суэта. Казалось, даже огни начинали гореть как-то строже и упорядоченней.

Это были рабочие патрули.

В скором времени Денис понял, что, как бы он ни устал, а высидеть тут может лишь одно: арест. О такой возможности он был извещён, и её следовало избегать любыми способами. Арестованного несовершеннолетнего отправят в распределитель, а оттуда в Балхаш вернуться трудно... На него уже пару раз бросали взгляды полицейские, и мальчишка сообразил, что ошибся: в таком виде, в каком он был, для центральной улицы он явно не годился. Он ведь ничем не торговал, ничего вообще не делал, а просто сидел. Между тем мелькавшие тут и там мальчишки – такие же, как он, – все чем-то занимались... Но вставать дико не хотелось и вообще вдруг захотелось плакать. Денис устал в тротуар и решил, что сейчас всё-таки встанет, но ни в какую гостиницу не пойдёт, а тут же начнёт добираться домой. А дома скажет... скажет... скажет...

Да ничего не скажет. Потому что это будет стыд. Как бежать с поля боя. Рассуждал-рассуждал, говорил правильные слова, а как дошло до дела... как дошло до дела, то сперва струсил в мыслях, а потом совсем...

– Ты чего тут сидишь?

Денис поднял голову.

Рядом с ним стоял мальчишка его лет. Может, немного помладше. Рыжий, растрёпанный, веснушчатый. На левой скуле – шрам. Глаза – серые, с прищуром, но незлые, скорее даже весёлые. Тёмная куртка висела, как балахон, коричневые брюки – подвёрнуты до середины голеней босых ног. В левой руке мальчишка держал промасленный пакет из рыхлой бумаги, из которого что-то ел правой – он и с Денисом-то заговорил, активно дожевывая запиханное в рот грязными пальцами.

– Интересно, что мне, по воздуху летать? – хмуро ответил Денис, даже играть не потребовалось, хотя он понял: кажется, повезло!

– А ты не полететь рискуешь, а поехать. Быстро и неудобно. – Мальчишка усмехнулся. – В распределитель для малолеток загреметь хочешь?

– Не хочу, – буркнул Денис.

– Тогда вставай и пошли, чего расселся, – предложил мальчишка и протянул Денису пакет. – На, лопай.

С точки зрения Империи, такой поступок мальчишки даже по отношению к незнакомому пацану выглядел вполне естественным. Но тут не Империя, напомнил себе Денис и поинтересовался, чуть прищурившись и достаточно агрессивно меряя рыжего взглядом:

– А чего тебе надо?

– А, ничего, – мальчишка пожал плечами. – Просто день был удачный. Ну так и будешь сидеть, пока и меня с тобой за компашку не заметут? Я ведь вижу, тебе жрать охота и ночевать негде. Пошли?

И Денис решил.

– Пошли, – сказал он, вставая...

...Нового знакомого Дениса звали Винт. Имени он то ли не помнил на самом деле, то ли не хотел называть. А в пакете у него была жареная картошка – соломкой – с жареной рыбой, которыми он и впрямь поделился с Денисом, заодно сообщив, что это всё свежее и прямо из закусочной с дурацким названием «Fish and chips» – её тут, на набережной, содержит один настоящий англосакс. Готовят его старшая дочка и жена, и готовят вкусно.

– Ворованное? – спросил Денис, не сумел сдержать брезгливость в голосе. Винт засмеялся:

– А чего, всё-таки не вкусно?!

– Вкусно, – признался Денис. Ему было стыдно – он первый раз в жизни ел краденое и утешался только тем, что это нужно для дела.

– Ну и здорово. – Винт облизал пальцы, закинул пустой пакет в кусты, мимо которых они шли через парк, дополнительно вытер пальцы о куртку. – Ты откуда?

– С юга, – буркнул Денис. Ответ прошёл, видимо, точного Винт и не ожидал. Он спросил снова:

– А куда?

– А тебе зачем? – вопросом ответил Денис. – За кормёжку спасибо. Это ты что, за ответы заплатил? Авансом? И куда мы идём всё-таки?

Винт хмыкнул и неожиданно остановился:

– А мы пришли уже. Глаза закрой и не подглядывай. Нет, лучше дай я тебе глаза завяжу... А ты меня возьми за руку.

– А ты меня другой рукой – какой-нибудь кирпичиной по башке? – Денис медлил. – У меня денег нет почти. Мелочь.

– Слушай, – Винт наконец рассердился, – ну тогда иди куда хочешь. Ночуй вон под кустами. Не замёрзнешь, не старые времена. Правильно говорят: никогда не делай добро, дураком получишься! – И он развернулся, чтобы уйти. Решительно так.

– Ладно, стой! – Денис перехватил его за рукав куртки и, чувствуя себя крайне неудобно (а ещё ему было страшновато), послушно закрыл глаза.

Чем Винт завязал новому знакомому глаза – Денис не понял, какой-то сухой и ничем не пахнущей тряпкой. Видя, что Денис не спешит что-то делать, взял его за руку и повёл за собой, бросив:

– Голову пригни.

Денис послушно это проделал.

Под ногами была трава, потом – мокрая земля и влажные холодные камни (пошли куда-то вниз, хотя и не по лестнице). Потом – остановка, скрип и толчок – Винт подтолкнул его в спину:

– Заходи давай. Повязку я сейчас сниму.

И Денис шагнул на неожиданно сухой и тёплый деревянный пол...

...Честно говоря, то, что увидел Денис, когда Винт снял с его глаз повязку и мальчишка проморгался, не очень-то соответствовало уже имевшемуся у него представлению о «притонах». Это была большая комната без окон (наверное, подвал какой-то), стены – густо обклеены самыми разными плакатами, от местных цирковых реклам до хорошо знакомых Денису изображений имперских космических кораблей. Пахло какой-то едой, не неприятно (особенно для всё ещё голодного Дениса). Светила лампа на широком длинном столе, за которым сидел какой-то взрослый и что-то писал (за ним были видны ещё две двери – узкие, одна рядом с другой). Кроме него в комнате находился человек десять пацанов – от 5–6 до 15–16 лет. Кто-то следил за большой кастрюлей на переносной электроплитке (и кстати, читал при этом книгу), кто-то просто-напросто валялся на длинном топчане вдоль одной из стен (вполне чистом), кто-то на полу дулся в карты, кто-то играл на гуслях и что-то напевал приятным голосом, двое – постарше – лениво боксировали в углу. В общем, ничего ужасного или даже особо неприятного. Немного похоже на какой-нибудь домик перевалочного туристического лагеря, Денис таких повидал немало. На вошедших все уставились, и тут же стало тихо, только плитка продолжала мирно побулькивать. Денис ощутил себя неудобно. Но Винт подмигнул ему – мол, не робей особо! – и громко объявил:

– Дядя Кеша, я новенького привёл, посмотришь?

Практически тут же звуки возобновились, все занялись прежними делами, а Винт слинял куда-то в угол, и Денис остался один – под взглядом поднявшего голову молодого мужчины – узколицего, русоволосого, аккуратно одетого. Чем-то похожего на классического

вожатого из старших. Это сходство – хотя Денис и понимал всю его обманчивость в здешнем мире – ещё больше успокоило мальчишку.

– Ну иди сюда, – спокойно и деловито произнес мужчина, закрывая толстый блокнот. Пока Денис шёл – пять шагов – серые внимательные глаза цепко обежали его с головы до ног. – Гимнастикой занимался?

– Д-да... – Денису не понадобилось играть удовольствие, он сел на стул, который ногой выдвинул из-под стола хозяин этого места, и подобрал под него ноги, сцепил ладони на коленях. Ноги ныли, но уже благодарно – владелец наконец-то опомнился и дал им настоящий роздых. А вот догадливость дяди Кеши Дениса удивила и даже слегка напугала. – Откуда вы...

– На «ты». Я дядя Кеша. – Он протянул через стол руку. – У Винта глаз намётанный, так что, думаю, мы подружимся... Зовут как?

– Денис... – Мальчишка пожал сильную сухую ладонь.

– Откуда сам?

– Из Марканда, – сказал Денис. Кеша поднял брови:

– Ого... Родители где?

– Погибли... три месяца назад.

В глазах молодого мужчины промелькнула настоящая боль. Денис уловил это безошибочно и мысленно выдохнул – похоже, человек неплохой. Но глаза Кеши поскучнели, он предложил:

– Ну-ка, покажи, что умеешь.

Денис пожал плечами, встал. Неспешно разделся до трусов (опять стало тихо, за ним наблюдали). Стал на мостик, перекатился на грудь, сделал колечко, вышел на руки в берёзку, прыжком вернулся на ноги, крутнул фуэте, упал на руки, отжался, перевернулся на спину, прыжком вскочил на ноги, упал на присядку, сделал несколько выхлестов ногами, вышел в стойку на руке и сел на стул. Кто-то присвистнул и сказал: «Ого ж...» Мужчина ловко поймал его руку и несколько секунд слушал пульс. Кивнул:

– Хорошо. Очень. В секцию ходил?

– Ходил... – Денис лицом показал, что не хочет об этом говорить. Не прогадал – вопросов на этот счёт не последовало совсем.

– Одевайся давай... Ещё что умеешь?

– Драться могу. – Денис, сидя, натягивал брюки. Ему неожиданно стало приятно от похвалы, хотя «выделяваться» было немного стыдно. – Петь умею.

– Петь? – Кеша кивнул вдруг куда-то за спину Дениса, и оттуда раздался сложный аккорд гуслей. – Напой мотив.

– Пожалуйста. – Денис с улыбкой повторил аккорд голосом. «Ого!» тоже повторилось. Кеша опять кивнул:

– Хорошо... Тоже очень. Лет сколько?

– Четырнадцать.

– Что делать думаешь?

– Не знаю, – честно ответил мальчишка. – Меня Винт просто на улице подобрал. Сказал, что тут можно переночевать и всё такое, чтобы в распределитель не забрали.

– Распределитель не самое страшное... – задумчиво произнес мужчина. Окинул Дениса ещё одним взглядом – словно бы итог подводил. – Ну смотри. Я тебе скажу, а ты думай... В общем, это не гостиница и не ночлежка даже. Тут люди работают. Хочешь остаться – тоже будешь работать.

– Воровать не стану, – нахмурился Денис и решил на этом стоять, чем бы ни обернулось.

– С голоду своруешь, – снисходительно ответил кто-то сзади. Кеша спокойно цыкнул туда, кивнул Денису:

– А мы и не ворует. Тебе вообще-то повезло.

– Да? – Денис вспомнил картошку с рыбой. – Ну, может... А что делаете?

– Молодец, – кивнул Кеша. – Надо точно узнавать. Так вот. За воровство, за блядство, – кто-то хихикнул, – я выгоняю сразу. На улицу. Я не бью никого никогда. Вас бить – это себя не уважать, вы и так жизнью битые. Но выгоняю. Тут же. Без права возврата. Понял?

– Я не вор и не проститутка, – сказал Денис. Кеша кивнул.

– Хорошо, с этим ясно. Идём дальше. Каждый день надо приносить мне пятьдесят тысяч. Двадцать идут мне самому, тридцать – в общак. Всё, что сверх этого заколотишь – твоё. Как тебе?

– Чем зарабатывать? – настойчиво спросил Денис.

– Ребята у меня, кто помладше, попрошайничают, например. Поют. Старшие тоже кто чем занимается – там грузы таскают, там лоск-блеск во дворах наводят... Но ты конкретно будешь зарабатывать пением и гимнастикой. Для попрошайки ты уже староват. Согласен? – Денис кивнул. – Хорошо... Ночевать только здесь. Если какие проблемы возникнут на улице – первыми не драться, сразу говорить, что вы – Кешины. Фуриков – ну, полиции – и дружинников избегать, там я ничего для вас сделать не смогу. Пять дней рабочие, два – выходной.

– И выходных два? – Денис улыбнулся и в ответ получил тоже улыбку – настоящую.

– А ты как думал? У меня не шахта и не латифундия... Адрес этот никому не называть, никого сюда не водить, самому возвращаться с оглядкой. Если захочешь уйти – предупреди честно, держать не стану. Иначе, найду – плохо будет... Завтрак и ужин тоже тут, за общак, обед за свои в городе. С первой недели работы нужно проставить угощение. Курить, пить – не думай даже. Вот и всё вообще-то. Пойдёт такое – оставайся. Не пойдёт – Винт тебя в парк выведет и бывай здоров.

– Только недолго, – пискнул кто-то из младших.

Денис помолчал. Он понял – на безошибочных ощущениях подростка – что ему и в самом деле повезло. С одной стороны. Видимо, он попал на так называемого «белого пана». Так – Денис это запомнил – именовали тех, кто по каким-то причинам (чаще всего просто, чтобы не конфликтовать с законом открыто, но иметь навар без хлопот – однако иногда и от искренней жалости к малолетним бродяжкам) содержал вот такие «стайки», чурающиеся откровенной уголовщины. Но, если исходить из задания, лучше было бы связаться с «серым паном» – предводителем карманников или форточников... Или даже с «чёрным», чтобы напрямую выйти на самое дно... Но Денис со стыдом (и облегчением) понял, что не сможет на это пойти. И в конце концов, связи тут переплетены в плотный клубок. Всё, что надо, он узнает и здесь. Может, потратит больше времени... но у него этого времени так и так – до весны.

Кеша не торопил. Конечно, он понимал молчание мальчишки по-своему и молчал в ответ, глядя внимательно и сочувственно. Денис спросил:

– А можно я спрошу... вот что... Ну а потом, что? Когда подрасту?

– Ну... – Кеша пожал плечами. – Я такой же был, как вы. Мне даже хуже приходилось. Денег подкопишь, повзрослеешь – сам решишь. Может, и в стране что поменяется... Вроде к тому идёт... – В голосе Кеши прозвучало сомнение, и Денис понял: этот человек болен общей тут болезнью – **неверием в хорошее**. Болезнью, от которой в обновлённом Седьмом Горном Третьяков-младший уже успел отвыкнуть. Которую вроде бы даже сам научился лечить.

– Я останусь, – решительно кивнул Денис. – Мне всё равно некуда идти.

И от того, что эти слова были правдой, у него на миг остановилось сердце.

* * *

Жизнь «стайки», занимавшей подземное здание древней бойлерной в сердце парка (сверху остатки начисто заросли кустами, вход не найдёшь, даже если знаешь, что он тут должен быть), с изнанки оказалась приличней, чем жизнь многих виденных Денисом в Семиречье ребят в семьях. Тут не голодали, в общаке всегда были деньги на врача, на новую

одежду и «парадно-выходную обувь», как говорил Кеша, даже на разные групповые развлечения, пусть нехитрые, но всё-таки. Наказанием было изгнание (ну, про такое всего лишь рассказывали, что три года назад, когда «стайка» только-только образовалась вокруг Кеша и обосновалась в подвале, один пацан стал приучать младших курить какую-то травку, и Кеша вышиб его на улицу, поговаривали даже – что убил...) или работы по дому – для тех, кто не выполнил норму по деньгам. Работы всегда хватало, за помещением тщательно следили, нужно было к тому же ежедневно готовить завтрак и ужин на толпу всегда готовых лопать мальчишек, а помогать «штрафникам» настрого запрещалось.

Но дикой пустотой в каждом из двенадцати мальчишек «стайки» кровоточили две раны: желание иметь семью и желание видеть впереди свет. Про семьи рассказывали самые фантастические вещи. И каждый был уверен, что рано или поздно его найдут, если не родители, то какие-то родственники. Договаривались до истерик, до свирепой, звериной, вообще-то совсем нехарактерной между «своими» в этой «стайке» драки, при малейшем сомнении слушающих. Кеша в таких случаях растаскивал драчунов за шкурки, отшвыривал в углы и орал: «Спать, щенки, быстро!» А на следующий вечер снова начинались рассказы...

Дениса особо не расспрашивали, и он был рад – врать про смерть родителей было бы тяжело, и подкатывало какое-то глупое суеверие: если про это скажу, то никогда больше их не увижу. Чушь, конечно, недостойная пионера и разведчика чушь, но... но уж больно сильно щипала за сердце эта мысль... Зато его часто просили рассказать про жизнь в Империи – он сказал, что в семье выписывали журналы и он вообще много читал про это. Старшие, да и его ровесники, правда, пофыркивали – «сказка», но слушали тоже с открытыми ртами. Младшие же облепляли Дениса и смотрели в рот, потом тянулись за подтверждениями к Кеше: «Динь правду рассказывает?» Кеша вздыхал и бурчал: «Ну, в Империи, может, и так, не знаю, не был...» А как-то раз спросил у Дениса напрямую – они были один на один:

– Слушай, а ты сам не имперец?

– Че-го?! – У Дениса это получилось натурально и быстро, и подозрения Кеша, как видно, растаяли. Денис же покрутил головой и уточнил: – Я что – дурак? Как бы я сюда попал? И зачем?

– Да по-разному бывает... – уже просто так, хотя и задумчиво, заявил Кеша. – Добираются. Из дому сбегают и сюда. И не так уж редко, между прочим.

– Зачем? – фыркнул Денис. Кеша пояснил:

– Помогать нам строить новую жизнь. Дальше на запад, к границе ближе – вообще очень часто такое бывает. Вот так-то, Динь...

...Динь – это стало прозвищем Дениса за спетую им на улице в первый же день старинную итальянскую канцону «O sole...». Звонко поющего мальчишку слушала вся улица, даже какая-то машина остановилась. И Денис отхватил всю дневную норму с одной песни. А на «проставке» в субботу Винт, зараза, вылил Денису за шиворот кружку газировки и под общий дружный и громкий, но не обидный хохот, объявил, что торжественно нарекает новенького «Динь». Денис кинул в Винта кружкой, а потом тоже засмеялся и пошёл в душ – отмыться от газировки и замыть одежду. От клички отмыться, конечно, уже было невозможно...

Душ в полуподвальном помещении (за одной из тех дверей, которые в первый день заметил Денис; за второй прятался туалет) был большой, на пять рожков, и Кеша обязательно туда всех гонял после работы. На второй вечер Книга (так звали обожавшего читать мальчишку лет двенадцати, это он в первый вечер сидел у плиты и варил кашу – ему досталось дежурить за то, что потратил часть выручки на большой старый том с какими-то волшебными сказками) шепнул Денису: «Ты не бойся, когда моешься, Кеша не пидер». Денис удивился, он и не думал ничего бояться – и только потом вспомнил, что означает слово «пидер». И сжался от отвращения. И от мысли, что с этой публикой ему ещё придётся иметь дело, как ни крути...

«Стайку» Кеша вообще-то на улицах не задевал никто. Никто из «уличных». Но

наслушаться самых жутких рассказов Денис успел в первые же два-три вечера. Новенького обвешивали лапшой по полной. Причём каждый рассказчик уверял, что это правда – а самое дикое заключалось в том, что всё это вполне могло быть, а многое – наверняка **было** правдой. Рассказывали, кстати, и про хасидов, но истории про них оказались лишь частицей той жути, которую знали мальчишки «стайки» и среди которой они вынуждены были жить... Пугали и обычными бандитами, которые не оставляют в живых никаких свидетелей. И – что поразительно – имперскими «витязями», которые, мол, тоже всех подряд убивают, только подвернись, а иногда рраз – и заколдовывают людей, чтобы те выполняли их приказы. И «чёрными панам», которые заставляют бесек, оказавшихся у них в лапах, делать совсем уж жуткие вещи. Пугали и какой-то Лигой Разложения, в которую входит много всяких «шишек» и откуда, раз уж попал в руки, выбраться так же нереально, как от хасидов, а смерть куда страшней, противней и дольше. И работоторговцами, которые ловят детей и тишком вывозят их далеко на юг, к тамошним бандитам – для самого разного, иногда даже, чтобы их там съели, «как в старые времена». И рассказывали про чудовищ, которые живут в развалинах на восточной окраине города, ну а по ночам – сам понимаешь, что эти чудовища делают...

...Вскоре Денис стал работать с напарником – худеньким пацаном по кличке Спичка. Спичке было около десяти, и он сперва был нужен Денису, чтобы собирать деньги, местами подпевать или отстукивать ритм на простеньком барабанчике... Но уже на третий день совместной работы Денис увидел, что Спичка обладает отличными задатками – и взялся его учить. Кеша отнёсся к этому благосклонно, а сам Спичка сперва был не против, потом попробовал пиццать – когда стали разрабатывать связки, и Денис для проверки силой согнул мальчишку ногами к затылку. Динь, не чинясь, усмирив бунт парой крепких пинков, и через короткое время мелкий уже вполне достойно выступал младшим напарником Диня и очень гордился этим, то и дело хвастаясь Денисом перед младшими из других «стаек».

Так они все и жили – достаточно сытно, в определённом комфорте, в общем-то, безопасно и даже, пожалуй, весело... вот только – без малейшего просвета впереди.

Без малейшего...

...Прошёл Новый год – хоть и без ёлки, но праздничный, как ни странно, очень весёлый, хотя совсем не по-имперски. Они гуляли по Центроходу, запускали фейерверк, ели мороженое, развлекались очень шумно в парке аттракционов – старенькие те были, но зато их в парке стояло много и, видно, очень популярных, а еще катались по морю на прибрежном «трамвайчике» Потом всю «стайку» зазвали к себе какие-то три проститутки – ещё молодые женщины, шумные и часто сквернословившие – но зазвали просто так, «посидеть» и повозиться с младшими. У них была настоящая ёлка и хорошее угощение. Правда, Денис понял, что с Кешей одна из них и по-другому... повозилась, и с двумя старшими парнишками, Ершом и Тяпой, которым было уже почти по шестнадцать лет... А Денису этих женщин было жалко, особенно когда обнаружилось, что у одной из них – две дочки, близняшки года по три, они выбрались на шум праздника из второй смежной комнаты и уходить наотрез отказались. Смотреть на это было тяжело и больно. Денис боялся, что сорвётся и просто-напросто убежит в ближайший полицейский участок с требованием...

А собственно, что он там мог потребовать – в этом отдельно взятом участке?

И всё-таки Новый год получился хороший. Вот только уже в «родном» подвале Денис не выдержал и ночью всплакнул. Потому что Новый год сейчас отмечали и у него дома – в Седьмом Горном. Там была ёлка, и ему ужасно хотелось, как совсем маленькому, чтобы ёлка была и здесь. И там думали про него. И никогда раньше он не встречал Новый год не дома, а на следующий день, поздно-поздно проснувшись, бежал по заснеженным, совсем не таким, как тут, улицам к Войко. Короче, слёзы потекли сами, и он, закрыв голову подушкой, лежал, стараясь не хлюпать громко – а потом незаметно заснул...

...А к началу второго месяца такой жизни Денис понял, что в определённой степени знаменит. Его это сместило и в то же время льстило – что он Динь-Гимнаст.

Но жизнь была и тяжёлой. Бахуревские реформы только-только начали сюда

дотягиваться, мэр – старый ставленник всё той же «Энергии» и местного кровопийцы, «Рыбпрома-Балхаш», – отчаянно конфликтовал с новым начальником полиции, верным человеком Бахурева – а всё это не способствовало спокойствию в городе. Доходило до перестрелок каких-то банд с полицией и дружинниками; в представительстве Империи взорвали бомбу, были убиты на улице из автомобиля двое «витязей» РА; на следующий день в южном районе города начался настоящий бой – и шёл почти трое суток, мальчишки бегали смотреть, но оцепление выставили такое, что даже им, знавшим в городе каждый закоулок, пролезть через него не удалось... И, конечно, в неразберихе крупной схватки жировала паскудная мелочь – с одной стороны, понявшая, что СИЛАМ не до неё, но с другой, шакальным чутьём почуявшая скорую гибель привычного уютного мира и спешившая дохватать напоследок побольше...

...Денис со Спичкой возвращались «с работы» вечером. Спичка бурно жрал мороженое. Денис еле шёл – он сегодня отработал столько «на бис», что мечтал об одном – поскорей прилечь. Он вроде бы привык ходить босым, но сейчас ноги опять горели, как в первые дни.

– Динь, – вдруг пискнул Спичка, судорожно глотая огромный кусок мороженого, – смотри, драка.

Действительно, чуть в стороне, около арки, уводившей в проход между двумя приземистыми зданиями без окон (Денис ещё не знал, что это такое, хотя проходил тут не в первый раз) шла драка – четверо на двое. Двое пацанов, прижатых к стене, отмахивались от четырех нападавших. Слышалось яростное сопение и короткие вскрики-ругательства. Дрались не в шутку.

– Да фиг с ними, пошли, – буркнул Денис, уверенный в том, что это такие же мальчишки из «стайки» что-то не поделили. Но, сделав пару шагов, резко обернулся на замеченное краем глаза...

Да! На шеях у прижатых к стене ребят алели галстуки. Пацаны были без формы, просто одетые, но – в алых галстуках.

– Иду! – рывкнул Денис, не раздумывая. И уже на бегу крикнул нападающим – по правилам чести пионера, незыблемым и вечным: – Обернитесь и деритесь!

Двое и впрямь обернулись. Одному Денис тут же вмазал кулаком – свингом в скулу – и тот грохнулся в стену, взвыл тоненько. Второй попытался ударить Дениса ногой – мальчишка неуловимо скользнул в сторону, «помог» удару и безжалостно приложил нападающего затылком об асфальт. Двое оставшихся ещё секунду отмахивались от перешедших в наступление красногалстучных, потом увидели бегущего и что-то грозно визжащего Спичку, один крикнул:

– Это бесня, порвут, бежим! – и только ботинки застучали.

На поле боя остались сжимающий кулаки Денис, свирепо и разочарованно сопящий Спичка, тяжело дышащие пионеры и постанывающие нападающие, лежавшие на асфальте.

Четверо мальчишек настороженно рассматривали друг друга. Вернее, трое. Денис смотрел чуть ли не с умилением, ему хотелось потрогать красные платки на шеях пацанов, младше, чем он, явно из рабочих семей – видно по одежде и лицам. Наконец один – повыше, белобрысый – сказал:

– Спасибо, ребята.

– Фигня, – важно отозвался Спичка.

– Чего они привязались? – Денис строго глянул на него. Мальчишки переглянулись, второй – темноволосый, с большими карими глазами – приподнял концы галстука:

– Из-за этого.

– Из-за платка, что ли? – мысленно Денис попросил прощенья у галстука. Мальчишки засмеялись с видимым превосходством.

– Это не платок, а пионерский галстук, – поправил светленький. И гордо пояснил: – Мы – пионеры!..

– А ты откуда про них знал, Динь? – Спичка забежал вперёд.

– Читал. – Денис шагал теперь намного легче. – Я не знал, что они и тут есть, думал – только в Верном.

– Динь, а вот что они рассказывали – они не врут, как думаешь?

– По-моему, нет, – коротко ответил Денис.

Внутри у него всё пело на разные голоса – преобладали горны.

* * *

Динь и Спичка вернулись последними. Все уже поужинали, а порции запоздавших стояли рядом с плиткой, укутанные в драную старую куртку: валом тушёной картошки с бараниной, какао и по две сухие пресные печеньки. Уже успевший в посёлке по привычке заново к чёрному хлебу, Денис тут по нему снова отчаянно скучал и мысленно недоумевал – да как же люди вообще без него могут жить?! Над ним даже подшутили в одном из ставших в посёлке популярными школьных концертов из-за этой его страсти и вечной пропаганды.

Денис ел медленно. Ему не давала покоя одна мысль... Он не забывал, что сегодня 14 февраля²⁵, но встреча с местными пионерами, да ещё в такой обстановке, неожиданно ясно напомнила ему, кто он такой. И Денис внутренне взбунтовался при мысли, что этот день пройдёт, как самый обычный.

Ну, внутренне – только сперва. Пока ел. Когда же с ужином было покончено, Денис отнёс кружку, миску и ложку в мойку и – зигзагом, но решительно – подобрался к Кеше, который, как всегда, что-то писал в своём блокноте. Кстати, по поводу этого занятия в «стайке» ходили самые разные мнения. Большинство склонялось к прозаической мысли: считает доходы и расходы. Но некоторые настаивали, что Кеша пишет повесть, за которую получит славу и много денег, а наиболее радикальные были уверены, что он пишет стихи – и точка.

Дениса этот вопрос тоже интересовал. Но не сейчас. Сейчас он встал коленками на табурет, утвердился попрочней, поёрзал, кашлянул и подал голос:

– Дядь Кеш.

– Чего, Динь? – Кеша поднял голову. Денис навалился грудью на стол.

– Дядь Кеш, а давайте праздник устроим.

Кеша хмыкнул – не недовольно, а скорей неопределённо. За спиной Дениса наступила полнейшая тишина, и мальчишка ощутил, что на него внимательно смотрят. С интересом. Ещё бы – праздник!

– В честь чего? – уточнил Кеша.

– Так четырнадцатое ж февраля, – напомнил Денис. Кеша кивнул:

– Точно. Ну и что?

Денис мысленно охнул: да тут же не знают такого праздника!!! Но только мысленно. Вслух он спокойно разъяснил – теперь играя мальчишку, которому просто хочется поразвлечься:

– Я просто читал, что 14 февраля в Империи празднуют такой день – Праздник Дома. Там хорошо было написано про него, я запомнил.

– У нас не Империя пока. – Но Кеша тем не менее не возвращался к бумагам, что означало бы полный конец разговора. С разных сторон донеслось поддерживающее разноголосое бухтение.

– Так хороший же праздник! – настаивал Денис. И слышал отовсюду:

– Дядь Кеш, ну давай...

– Давайте правда закрутим праздник, а чего?!

– Дядь Кеш, отпразднуем, у нас ведь тоже дом...

²⁵ Праздник Дома – 14 февраля. Этот день посвящён русскому Дому, – обители и колыбели народа. Везде с особыми обрядами зажигают живой огонь.

– Цыц, – отрезал Кеша. Оперся подбородком на кулак и поинтересовался: – Ну, а что надо делать? Как праздновать?

– Я сейчас всё объясню! – обрадовался Денис, вскакивая на ноги. – Это просто!..

...Сидевшие в кружок на полу мальчишки внимательно и даже несколько робко наблюдали, как Кеша вертит в руках шутовскую, похожую на маленький лук, быстро сделанную Денисом из того, что попало под руку. Денис, стоя на одном колене, аккуратно и ловко складывал на железном листе вокруг солидной берёзовой плашки сухие до звона заструганные ножом палочки – растопку.

На лице у Кеши было написано откровенное сомнение.

– Динь, – сказал он наконец спокойно, – по-моему, ты из меня клоуна делаешь. Так ничего зажечь нельзя.

– Ага, нельзя, – подтвердил Винт, – мы так пробовали один раз... не загорается совсем.

– Да не делаю я никого клоуном, – со всей доступной ему убедительностью отозвался Денис, подавляя сильное желание прижать руки к груди умоляющим жестом. – Свет надо погасить, всем собраться вокруг тебя, и... и получится. Я бы сам всё сделал, но это должен старший в доме... а ты же у нас старший...

– Ладно. – Кеша решительно уселся в общий круг (все потеснились), установил маленький лук в плашку и придавил сверху другой деревяшкой. Спичка метнулся к выключателю, но Денис его придержал быстрым повелительным жестом:

– погоди. Сначала надо сказать... – Третьяков-младший опустил глаза, покусал губу. – Вообще, это тоже старший мужчина должен говорить... там так было написано... но... – Он вскинул голову и обвёл всех внимательным взглядом. – Всё начинается от дома, – сказал он немного ломким от волнения голосом. Его слушали. Глядели пристально и слушали. Кеша ждал и уже не сомневался – тоже глядел с интересом. – А дом начинается с огня. Без дома человек сирота, без огня дом пуст и холоден. Дом – крепость, а огонь – стража в ней. Весь год брат наш Огонь, – это слово так и прозвучало сейчас – с большой буквы, – защищал нас от Тьмы и тех, кто приходит с нею. И сейчас он устал – ему надо дать покой. И пусть смену в страже у него примет новый Огонь... Спичка, гаси... а ты, дядь Кеш, давай...

Стало темно. Спичка прошуршал шагами, втиснулся рядом с Денисом и обеими руками взял его за локоть. Зашуршало-заворчалось – как-то по-живому – огненное сверло в руках Кеши. И казалось, что журчит оно уже очень-очень долго...

В сплошной, сдержанно посапывающей тьме вокруг неожиданно кто-то хныкнул. Денис удивился было... а потом вдруг его тряхнуло от внезапного страха: а что, если огонь не зажжётся и... и окажется, что его вообще больше нет?! Что вокруг – темнота?! Везде, навсегда, повсюду?! Ведь всё происходило немного... если честно – то сильно не так, как было обычно... и он никогда так не боялся, когда отец в этот день...

...пок.

Оранжевое весёлое пламя словно замахало всем вокруг быстрыми руками – приветственно. Потом выросло и с шелестом перекинулось на всю кучку растопки, отодвинуло темноту в углы, озарило лица мальчишек, на которых появлялись удивлённые улыбки. Словно бы произошло что-то очень-очень хорошее – и они твёрдо это знали, хотя, что именно произошло и почему хорошее – выразить словами не смогли бы. Но так или иначе – в тесном кругу посреди этой комнаты, в кругу, в котором плясал, разгораясь, живой весёлый огонь – все они ощутили что-то странное. Как будто их стало больше около костерка. И каждый потом думал – хотя не сказал об этом никто! – что среди смутных нестрашных теней различил тех, кто дал ему жизнь. И кого большинство из мальчишек не помнили, а то и не видели ни разу...

А потом все сразу завозились, запереговаривались, послышался смех – и во всём этом было облегчение.

– Фу, – выдохнул облегчённо и Кеша. Покосился на Дениса. Тот ожидал, что Кеша сейчас скажет что-нибудь вроде «Ну ты меня и загонял!» (на лбу у него были капельки пота). Но Кеша неожиданно выдал совсем иное: – Ты меня напугал, Динь.

– Я?! – искренне удивился Денис.
– Ты, а кто же... Я чего-то подумал: а ну как не загорится?! Тогда... – Он не договорил, только сильно толкнул Дениса в лоб пальцем. Осведомился: – Ну а теперь-то что делать? Приказывай однака, которая балшая шаман.

Вместо ответа Денис встал, поклонился огню и торжественно произнес:

– Добро пожаловать, брат Огонь – на весь год в наш Дом! – и пропел:

– Как зардеется рябина,
Как вскипит молодая кровь,
Да славянская равнина
Озарится светом вновь.
Как взметнется над ручьями
Хохот танцев и костров,
Спой, спляши-ка вместе с нами,
На ночь будет тебе кров...²⁶

А теперь, – Денис широко улыбнулся, – можно и повеселиться!
– Уррраааа!!! – рявкнули вокруг. Рявкнули так знакомо – искренне, дружно, весело, – что Денис заморгал удивлённо и заозирался. Ему показалось...
Да нет, конечно. Нет. И всё-таки...

Глава 10

Солнце должно взойти

Сидя за столом и выводя на листке бумаги ничего не значащие каракули новеньким карандашом (то чёрным его концом, то красным), Денис задумчиво мурлыкал песенку, которую собирался распеть на улице при первой возможности:

– Бедная сиротка,
Не рыдай, не бойся.
Мы тебя научим,
Мы тебя не бросим.

Мы народец ушлый,
А закон – что дышло.
Ах, как мало нужно,
Чтобы что-то вышло!..

В их убежище был спокойный тихий вечер. Все вернулись со своих дел, поужинали и теперь занимались кто чем, коротая время до сна. А Денис, черкая карандашом, думал о том, что ему скоро предстоит делать – и мурлыкал:

– Нет отца да матери –
Иди воровать,
А страшно воровать –
Так полезай на паперть.

Есть такие девы,
Что торгуют телом:

Если нету хлеба –
Всё сгодится в дело!..

И тут Денис неожиданно ощутил, что не управляет своим голосом. Он недоумённо оборвал пение. Никак не получалось брать нормальные ноты... Мальчишка снова затянул, и снова голос куда-то «поехал».

– Эй, алё, – окликнул его Кеша, как всегда, сидевший напротив с бумагами и вроде бы совершенно ни на что не обращающий внимания. – Ну-ка, ну-ка... напой ещё раз.

– Под господним небом, – послушно начал Денис, – Все мы люди – братья,
А у брата взять-то –

Разве ж это грабить?..²⁷ кхе-кхе... – Денис испуганно замолк – теперь совсем. Голос был не его. Не слушался совершенно. Кеша изучал его внимательно несколько секунд, потом буркнул:

– М-да. На ближайшее время ты, так сказать, отпелся.

– Голос ломается? – догадался наконец и почему-то испугался Денис. Кеша кивнул:

– Угу. Да пора уже, что ты дёргаешься? – Он засмеялся. – Кувыркаться это тебе не помешает, а спеть и без тебя споют. В принципе, даже поздравить тебя можно. Мужик!

– Да ну тебя, – буркнул Денис, невольно ощупывая горло. И, оставив мысли о пении и фокусах возраста (в конце концов, это же неизбежно!), вернулся к рисованию и своим мыслям.

Невесёлым и опасливым.

Если честно, он не рвал жилы в попытках выполнить задание. Просто потому, что понял – именно здесь понял, – что подойти к закрытым экипажам (или даже машинам с зашторенными стёклами), из которых, он видел несколько раз, властно подманивали детей, и девчонок, и мальчишек, не сможет. Физически не сможет. Никак. Не переломит себя. Он утешался мыслью, что эти «заказчики» едва ли связаны с его заданием. И понимал, что врёт себе – всё, что тут случается с детьми, наверняка сплетено в единый мерзостный и жуткий клубок. Но... нет, лучше головой в петлю, под топор или нож, в кровь чужую или свою по брови, лучше высохнуть от голода или ночевать на улице – но только не в такую грязь.

А **срок** подходил неумолимо. И если от вышеописанных знакомств Денис шарахался, то поиск по другим направлениям вёл постоянно. Его маска, его роль были идеальны – мальчишка может задавать любые вопросы, молоть любую чушь, заводить любые разговоры. Возраст спишет всё. Если только твой собеседник не настоящий разведчик. И в то же время Денис уже достаточно взрослый, чтобы никого не удивляли его осведомлённость и немалышковые интересы.

Никаких схем Денис, конечно, не рисовал. Но он прочно держал в памяти паутину исчезновений и другую – находок тел. И то, какими были эти исчезновения и какими были тела.

Дети в Балхаше пропадали и погибали часто. Были самые обычные несчастные случаи. Были убийства – не там оказался, не то увидел, что-то не поделил с друзьями или не угодил «пану». Были эти самые... из машин и экипажей – они тоже иногда убивали детей, но потом, как правило, надёжно прятали тела, и те не «всплывали». Были совершенно бесследные исчезновения – как бы не чаще всего. Денис убедился, что страшилки мальчишек не врал – похищенных на самом деле переправляют куда-то «на юга».

Но у тех, кто был нужен Денису, почерк оставался неповторим. И они не скрывали последствий своих убийств. Их жертвы потом находились. И спутать их останки с другими было невозможно.

Паутины, в которых запутывались и гибли дети Балхаша, пересекались и перепутывались. Но только одна была так локализована по времени. По способу убийства и

²⁷ Стихи из песни Тол Мириам.

внешнему виду найденного тела.

И – по локализации места исчезновений .

Когда эта паутина вспыхнула в мозгу Дениса ослепительно-белым светом – он не поверил себе сам. Неужели местная полиция – да ещё с учётом того, кто её сейчас возглавляет?! – не заметила этого?! Но потом он вспомнил, что ещё весной прошлого года полицию Балхаша возглавлял совсем другой человек. И он погиб во время перестрелки с теми, кто пришёл его арестовывать с приказом от Бахурева. Это раз. А два – как ни крути это дело, а полиция имела только «выход». Трупы. И то, где их находили, а находили их по всему городу. А вот кто были эти мальчишки при жизни, каким образом и где они пропадали – для полиции Балхаша оставалось тайной.

Для полиции. В прошлом – не слишком усердствовавшей, если не покрывавшей втихую происходившее. Но не для Диня-Гимнаста, который третий месяц жил среди «контингента» и был для него своим.

Оно было – это место.

Большинство убитых хасидами за последние восемь лет – а таких в Балхаше насчитывалось около сотни! – пропали на и без того пользовавшейся дурной славой восточной оконечности города, там, где располагался цирк и обрывались в глубокий разлом, появившийся после катастроф прошлого и заполненный чёрной, до сих пор безжизненной водой, руины старых кварталов. На краю этого райончика ещё селились взрослые – нищета, бездомные – но вот «стаек» там не было и в помине.

Нет, не все пропали там. Жертвы пропадали и в других местах. Но всё-таки большинство приходилось именно на тот район.

Если честно, когда Денис понял это и убедился, что **время** почти подошло – ему поплохело. В самом настоящем смысле слова. А тут ещё этот чёртов возраст с его проклятой «перестройкой организма» – почти сутки Дениса полоскало с двух концов, да так, что обеспокоенный Кеша вызвал врача, заподозрив чуть ли не холеру. Тот, впрочем, флегматично подтвердил сакраментальное: «мальчик резко взрослеет, это бывает, не нагружайте его особо» – и не более.

Денис уже всерьёз решил, что побежит с паролем по указанному адресу. И вывалит результат «витязям». А что?! Разве это не результат?! Пусть устраивают засаду, оцепляют развалины – наверняка что-нибудь, да отыщут.

Вот это «что-нибудь» его и остановило. Он сюда пришёл не за «чем-нибудь». Нельзя отрезать больному перитонитом пол-аппендицита и сказать: «Что-нибудь сделали!» Брать – так всех. И в нужный момент.

А для этого в нужный момент он должен оказаться в роли... нет, слова «жертва» по отношению к себе Денис всё-таки не мог произнести. Было страшно. Он. Или, по крайней мере, кто-то из его знакомых, за кем можно будет совершенно точно проследить.

И неизвестно, что было страшнее – пойти самому... или подставлять кого-то из ребят.

Они же обычные ребята. Совсем не животные и не рассадник всех на свете бед, как писали в некоторых городских газетах. Эти статьи Дениса бесили, и ещё в начале февраля он с Винтом и Шнуриком закидал фасад одной такой газеты – виновной в размещении мерзкой статьи о беспризорниках, под милым названием «Вши», – бумажными пакетами с любовно заготовленным дерьмом личного производства. Уцелела только дверь – она хоть и была замечательной целью, но, когда мальчишки пришли к зданию, то на двери обнаружился рисунок: алый галстук и надпись –

ПИОНЕРЫ БАЛХАША ТРЕБУЮТ СУДА НАД СИДЯЩЕЙ ЗДЕСЬ БАНДОЙ, ОСКОРБИВШЕЙ НАШИХ БРАТЬЕВ!

Денис тогда – перед тем, как покинуть место карательной операции с чувством хорошо исполненного долга, – огрызком карандаша крупно написал на фасаде объяснение:

УВЕДОМЛЯЕМ: ГОВНО КИДАЛИ НЕ ПИОНЕРЫ.

С ДРУЖЕСКИМ ПРИВЕТОМ ОТ БЕСПРИЗОРНИКОВ НАШЕГО СЛАВНОГО ГОРОДА!

Шум тогда был немаленький, тем более что на следующий день кто-то здорово отпинал не только младшего сыночка главреда, поймав его на кратком пути между элитной школой и семейным экипажем, но и одного из журналистов, автора статейки...

Обычные ребята. Если на то пошло – в Седьмом Горном встречались экземпляры намного хуже и запущенней...

...– Завтра полежи. – Кеша присел рядом с Денисом. – И чего тебя так согнуло, ты вроде крепкий парень.

– У него натура тонкая, – заметил Ёрш. Он сидел на краю топчана и настраивал свои любимые-дорогие гусли. Денис его метко, но несильно пнул и попросил:

– Лучше я завтра Спичку в цирк свожу, можно? Я там не был ни разу, кстати, вот и отдых будет. А ему награда. Я без него – как без рук, правда!

Что-то странное мелькнуло на лице Кеши. Определённо мелькнуло. На неуловимый миг. Но потом он сказал:

– Завтра? Нет, завтра всё-таки полежи. А вот послезавтра – ладно. Только до темноты вернитесь. И его там от себя не отпускай. Дни наступают нехорошие, знаешь ли.

– Из-за хасидов? – Денис сделал вид, что разговор так – не обязывающий, просто обсуждение слухов.

– Короче, до темноты, – вместо ответа отрезал Кеша...

...Этот разговор был вчера...

* * *

Идею пойти в цирк Спичка поддержал руками и ногами. Тем более что около цирка продавалось мороженое. А по дороге был автовокзал, около которого Спичка обожал поглазеть на автобусы и помечтать вслух, как бы он куда поехал и как он куда поедет, когда вырастет.

Находиться рядом с вокзалом Денис любил тоже. Как ни странно, это его успокаивало – вид отходящих в Верный автобусов. Успокаивала связанная с этим мысль, что он в любой момент может сесть в такой автобус – и через четыре часа окажется в другом мире. Где ещё три минуты бегом – и он дома.

Это его поддерживало и давало сил. Что этот мир – есть. Что он – близко.

– Пойдём, – поторопил Денис Спичку, который с жадным интересом смотрел, как пригородный автобус отходит. Тот нехотя слез с нижней перекладины ограды, на которой стоял, навалившись на верхнюю локтями и грудью, заявил:

– Я шофёром хочу стать... Динь, а ты теперь петь не будешь, раз у тебя голос того?

– Пока не буду. – Денис шагал чуть впереди, уже привычно оглядывая сразу всё вокруг.

– А я могу спеть.

– Угу. Если надо будет публику разогнать, я тебя обязательно попрошу...

Спичка не обиделся. Он даже хихикнул и тут же задал новый вопрос:

– А после цирка мы куда?

– Тебя домой отведу, а сам пойду гулять, раз уж у меня ещё выходной.

– А можно я с тобой?

– Нет. Нельзя. Я к девкам пойду.

– Хуууу, подумашь, а то я такого не видал... тыщу раз видал... – Спичка хотел уже дальше развивать эту тему, но просиял и завопил, вскидывая руку: – Вон он, цирк! Динь, воооон!

Денис тут же позабыл этот разговор, с интересом глядя на высокий красно-золотой купол впереди. Но вот заботы его не оставляли. Он и правда собирался потом отвести младшего «домой», а сам... что ж, подумал он: вернусь и стану тут бродить. Постараюсь не нарваться, просто следить за другими пацанами. Наверняка сегодня всё начнётся. Первый день... «А может, Спичку подставить», – подумалось ему – и в ту же секунду он пожалел, что не может сам надавать себе по морде.

Спичка между тем обо всех этих терзаниях ничего не подозревал. Он уже пристроился к очереди, состоявшей на треть из таких же, как Спичка с Денисом, беспризорников. Рядом с ободренным окошком кассы торговали мороженым, пирожками и конфетами и, взяв два розовых билетика с бледной серой напечаткой, Денис купил Спичке мороженое, а себе – два пирожка с сосисками. Он был голоден после всех переживаний...

Пирожки оказались горячими и вкусными (может быть, именно поэтому и потому, что Денис был голоден, но это неважно, в конце концов), а сам цирк у Дениса вызвал искренний интерес. В подобном заведении он не был ещё ни разу в жизни. Тут – просто как-то не получалось, хотя другие в цирк ходили и много о нём рассказывали. А в Империи цирка как такового не было. По «городам и весям» бродили самодеятельные группы-труппы, в них объединялись на какое-то время люди, которым хотелось «побродяжить» и показать какие-то свои умения. В представлении могли соседствовать: акробатическая программа, мини-концерт авторской песни и шекспировский спектакль – площадкой могли оказаться чистое поле или площадь маленького городка, – а в исполнителях соседствовать известный на всю Систему астроном, военный-отпускник из дворянской фамилии и школьница на каникулах. Может быть, именно потому, что людям очень нравились выступления этих самодеятельных артистов, цирк как таковой в Империи и не возродился. А у англосаксов с профессионализмом этого дела и всегда-то было слабо, даром что когда-то Шекспир построил свой «Глобус» именно у них. Так что Денис с интересом оглядывал словно бы сошедшую со страниц исторических книжек обстановку – расшитый купол, какие-то многочисленные растяжки-распорки, песчаную арену, амфитеатр – и прислушивался к непонятным звукам отовсюду и шуму толпы.

Спичка, напротив, в цирке бывал не раз, но очень редко – по билетам. Чаше мальчишки или пролезали «зайцами», или получали право постоять где-нибудь в проходах за оказанные артистам мелкие услуги по уборке-чистке-подготовке. Поэтому практически всех, кто оказывался на арене, он знал лично и приветствовал пронзительными воплями, советами и даже какими-то воспоминаниями из личной жизни артистов. Впрочем, он тут был такой не один, и Денис подозревал, что выступающие ничего не слышат...

Само представление Денису понравилось. Но не всё – например, так восхитившие Спичку дрессированные животные его покоробили, ему казалось, что звери делают совершенно нелепые и ненужные ни им, ни, в сущности, людям вещи. А вот клоуны – два брата-близнеца в совсем не клоунских нарядах, очень строгих, даже нарочито строгих – Дениса рассмешили с самого начала. Один из них с ходу спросил у второго, знает ли тот, что за то время, пока он – первый клоун – произносит эту фразу, Бахурев вешает одного чиновника? Второй клоун ответил с надеждой – и цирк грохнул:

– А ты ещё раз эту фразу повторить не можешь?

У этой парочки вообще все шутки были с политическим подтекстом, и в конце концов откуда-то в них шмякнули под шумок помидором. Но второй клоун очень ловко перехватил подгнивший овощ и, брезгливо держа его в руке, объявил:

– Постоянная продукция и прощальный привет от партии «Плоды Азии»! Аааааркеестр... туш!

– Похоронный марш, – строго поправил его напарник. – Помянем партию...

Когда Денис прохотался, то обнаружил, что... Спички рядом нет. Мальчонка, с сожалением оглядываясь, торопился к выходу за каким-то мужиком – похоже, тот сидел позади мальчишек, Денис его вроде бы видел краем глаза. Наверное, пообещал Спичке какую-то подработку...

Ещё пару секунд последив за уходящим Спичкой, Денис жадно отвернулся к арене... отвернулся... и его взгляд наткнулся – мельком, случайно – на большие часы-календарь над рабочим выходом с арены.

И он увидел, какой сегодня день .

И – вспомнил это.

Из-под часов вылетела гимнастка, потом выбежали ещё несколько. Денис проводил их

глазами. И снова посмотрел на часы. А потом вслед Спичке с его спутником.

Мысли рванулись наперегонки, сталкиваясь и падая.

Не оно? Действительно подработка? Но зачем так спешить – ведь этот мужик тоже сидел в цирке и, казалось бы, никуда не торопился...

Быстро за ними. Сказать, что Спичка один никуда не пойдёт... а смысл? Ну уйдём вместе. И пропадём вместе – Денис не переоценивал себя и свои возможности. Или он просто уйдёт один.

Заорать, что похищают ребёнка? Ну... наверное, прокатит. Даже здесь. Вон сидят казаки, вон – «фурики»... то есть полицейские... вон ещё кто-то в форме... Но не факт, что удастся задержать этого. Даже точно не удастся – в суматохе. Опять он уйдёт. Спичку оставит и убежит. А Дениса запомнит, и хорошо запомнит.

Что делать? Делать что?

Цирк восхищённо шумел, орал – казалось, он даже качается под бравурную музыку, как некий корабль по морям по волнам...

Это не было предусмотрено. Не было предусмотрено. Нельзя предусмотреть всё.

Что-то красное – как будто огоньки пламени среди моря неживого электрического света – метнулось Денису в глаза. И он понял, что видит галстуки.

Галстуков было три. Денис сначала увидел их, а потом – лица. Трое мальчишек – помладше его на год-полтора – сидели в ряд на скамье чуть выше и левее, у самого прохода. Они были не в форме, бешено хлопали гимнастам. Кажется, даже топали ногами, полностью увлечённые представлением... но на Дениса, оказавшегося рядом с ними, обернулись все трое.

– Будь готов! – выдохнул Денис, не обращая внимания на их реакцию, торопясь только поскорей всё выложить – без мыслей, человек не думает, когда срывается со скалы и ему под руки попадает ветка... – Двое пусть идут за мной, как можно незаметнее. До самого места, куда меня приведут. Потом один там остаётся, второй бежит за третьим. А третий сразу, прямо отсюда – Северная, пять, тому, кто откроет, сказать: «Солнце упаковали» и ждать!

Он выпалил всё это и бросился по ступенькам в выходу, не обращая внимания на сердитое шиканье и недовольные возгласы. И только у самого проёма двери понял наконец, как дико, да и просто-напросто непонятно должны были звучать сказанные им слова – и обернулся отчаянно.

Все трое пацанов спешили следом. Так, словно о чём-то очень важном вспомнили, даже оглядывались с сожалением: мол, неохота уходить, но надо. Но в их взглядах, которые ловил Денис, были восторг и что-то твёрдо-подбадривающее.

И он улыбнулся им, быстро отсалютовал, уже не беспокоясь о конспирации, – и выскочил наружу...

...Спичка с тем мужиком не успели отойти и на десяток шагов. Денис понял только теперь, что с того момента, когда он бросил взгляд на часы-календарь, прошло не более минуты. Правда...

– Ну-ка, – со спокойной развязностью старшего уличного мальчишки сказал ему Денис, – давай до места.

– Ты чего?! – возмутился Спичка. – Я же...

Мужик, кстати, стоял, ничего не говоря, слегка улыбался. Денис даже подумал: а может, и нет никакой опасности? Выдумал себе всё... совпадение. Но что-то беспрекословное и негромкое шепнуло: **есть**. И он прервал Спичку подзатыльником – без объяснений:

– Я чего сказал?! Мммарш! Досмотришь – и чтоб, как штык!

Спичка надул губы. Скорее всего, он решил, что Денис захотел подзаработать сам. Но возражать он не посмел и поплёлся обратно в цирк, не оглядываясь. Впрочем, уже через десяток шагов его походка стала вполне весёлой – наверное, при мысли, что впереди ещё полпредставления. А Денис, проводив его взглядом, обратился к «нанимателю»:

– Ему лишь бы от посуды увильнуть... А какие там дела? Я не сгожусь?

Я поздоровей...

В висках гулко забилась кровь. Ужасно захотелось, чтобы мужик помотал головой или бросил: «Нет» – и ушёл. Пусть даже ругнётся или пнёт... только бы ушёл. Внезапно Дениса пронзил омерзительный ледяной страх, взмокла вся спина.

– Почему, сгодишься, – равнодушно пожал плечами мужик. Так равнодушно, что Дениса опять посетило сомнение – может, ничего «такого» и нет?! – Там рулоны пенопласта перетаскать нужно, всего-то дела... Только заплачу, как договорились. Не больше. И никаких. Понял?

– Сойдёт, я слышал, – согласился Денис, хотя он не слышал цену. – Ну пошли тогда, мне бы до полуночи обернуться. От комендантского прятаться не хочу. Сами понимаете, дяденька... – и ехидно подмигнул.

– Обернёшься, – кивнул мужик спокойно. – Это даже без вопросов...

...Что было трудней всего – так это вести себя естественно.

Представьте себе, что вы идёте рядом с тем, кто хочет вас убить. Вы это знаете. И вы должны делать вид, что ни о чём не догадываетесь. И в то же время – играть недовольство, что идти пришлось далеко, и изумление – чем тут, в безлюдных развалинах, можно заниматься, какой пенопласт таскать? И добавлять сюда капельку – именно капельку, не переборщить – растущей опаски: мол, что такое-то?!

И при всём при том вам четырнадцать лет.

Всё именно так и было с Денисом. Более того – ему начало казаться, что за ними никто не следит. Что мальчишки их потеряли.

Да нет. Не кажется. **Точно** потеряли. Нет там никого – позади.

Если сейчас рвануться вон в тот проулок – очень быстро и сразу, – то он наверняка не догонит. Надо бежать. Надо как можно скорей бежать. Потому что уже ясно, что он идёт не к выполнению задания, а к смерти. Без шансов. Он один. Никто не придёт, никто не спасёт. Может быть, именно так погиб год назад Юрка Болховитинов? А сейчас он сам может умереть, на самом деле умереть!

Всё бы отдал за пистолет. С ним было бы не так страшно.

Уже начинало темнеть – быстро, особенно быстро среди мёртвых зловещих руин, вдруг напомнивших мальчишке родной Петроград и Кольцевую Зону. Со стороны провала доносился густой, какой-то противный плеск волн, тянуло оттуда сырым холодом. Денис недовольно проворчал, сунув руки в карманы куртки:

– Куда мы идём-то?! Тут и не срежешь никуда... Вы же говорили: до комендантского обернёмся!

– Парень, – вдруг сказал шагавший впереди «наниматель». Он сказал только одно это слово – а Денис как-то неожиданно для самого себя напрягся.

– Чего? – спросил он ворчливо-беспечно, как спросил бы обычный уставший, но всё-таки ещё ничего **такого** не подозревающий мальчишка.

– А ведь я тебя помню. – Мужик продолжал идти. – Ты вроде как на себя и не похож, да вот – помню, уж больно ты примелькался мне... **там**. А первый раз... прошлым летом, ночью на дороге... ты нёс паренька младше себя. Ты ведь пионер, а, Дениска Третьяков?

Денису не хватило доли секунды. Её украла растерянность от невероятности и неожиданности происходящего. А в следующий миг мальчишка получил такой силы удар кулаком в лицо – с разворота и от плеча – что даже не ощутил боли...

...– Ты его убил?

Голос был какой-то безликий, потусторонний. Или Денису так казалось? Ему было трудно дышать, рот и носоглотку – он ощущал – забивала стылая кровь, голова казалась оторванной, чужой, а болела почему-то шея. Болел и весь позвоночник. Денис даже не мог понять, на чём он лежит и шевелятся ли у него руки и ноги. Было темно, только где-то на границе зрения справа горел алый колеблющийся огонь – факел или костёр.

– Не знаю, – злой голос сопровождающего. – Местного – точно убил бы таким ударом, но это имперец, сучье племя, я вам что говорю – это **имперец**! Я ещё около цирка понял, вот

и решил посчитаться! Если он жив – его немедленно надо добить! Добить, раз уж повезло его заманить!

– Это уже не твоё дело. Ты доставил жертву и получил деньги. Свободен.

– Вы не понимаете... – снова начал мужик, но тот же голос прервал его с прежним равнодушием:

– Кто он – неважно. Отсюда он не выйдет живым. Можете не беспокоиться о себе и передать то же своим хозяевам.

– Это имперец! Сейчас же убить, немедленно, и без ваших глупостей! Надеюсь, что он уже мёртв! – озлобленно настаивал мужик. И вдруг словно подавился. Денис услышал шум падающего тела.

– Назойливый дурак. Надо будет его потом вышвырнуть наружу. Отлежится.

– А если он и впрямь убил мальчика?

– Проверим.

Голоса были одинаковыми, словно сам с собой разговаривал сумасшедший. Или действительно так? Голова не поворачивалась, руки и ноги не двигались, но до Дениса наконец дошло, что это всего лишь потому, что и ноги, и руки, и голова зафиксированы широкими ремнями, а сам он – крестом – лежит на медицинском столе. Он уже различал очертания операционной – старой, заброшенной. Шкафы скалились выбитыми стёклами, инструментов в них не было, на стенах – разводы копоти и какие-то надписи... косо висящая чуть сбоку и наверху многоглазая операционная лампа... Полированное металлическое зеркало... странно – чуть ли не единственная ухоженная вещь в этом забросе и развале. Похоже, он в каком-то из разрушенных зданий. Окон нет...

Сбоку подплыла бесшумная тень – сперва тёмная, она обрела очертания человека в длинном плаще. Денис ожидал увидеть капюшон, как в классических приключенческих книжках. Но у человека было вполне обычное лицо – мужчины лет сорока.

Нет. Не совсем обычное. Отчётливой печатью на этом лице лежал фанатизм – безрассудный, безоглядный, самодовлеющий. Денис ещё никогда не видел у людей таких лиц.

Ему стало страшно. Страх вернулся и заставил его задёргаться, всё тело покрыл отвратительный липкий пот. У мальчишки вырвалось гневное:

– Развяжите меня!

– Жив, – сказал человек... человек?... куда-то в сторону. И вполне мирно обратился к Денису: – Спокойней. Ты и правда из Империи?

– Да, – резанул Денис. Лицо не изменилось. А кивок был и вовсе удовлетворённым:

– Это хорошо.

– Вам конец, – Денис решил говорить, пока можно – вдруг какое-то слово поможет, поколеблет этот фанатизм? – На что вы надеетесь?

– Ты не понимаешь. – Мужчина деловито провёл рукой по предплечью Дениса (штанины и рукава были высоко закатаны), явно исследуя вены. У мальчишки внутри всё сжалось рывком – так, что его затошнило. – Мы не надеемся. Мы живём не ради надежды, а ради великого дела. И если ради того, чтобы Солнце продолжало всходить, нам придётся умереть – это ничего не значит.

– Солнце взошло, – выдохнул Денис.

– Мы знаем, мальчик, – кивнул мужчина, умело меряя пульс Дениса на шее. – Но оно может снова нас покинуть, если не поливать его восходы кровью.

– Врёте. Вы поливаете кровью не его, а свой страх. – Денис говорил с неожиданным даже для самого себя спокойствием. – Вы всю жизнь боитесь. Вы и сейчас боитесь сильнее, чем я.

– У тебя пульс почти сто ударов. – Мужчина улыбнулся. – А у меня шестьдесят... – Он вздохнул. – Ну, тебе осталось немного подождать. Скоро мы начнём.

Он снова бесшумно отплыл в темноту, алый огонь погас.

Тишина. И тьма. Полная. Ни разглядеть, ни услышать хоть что-то Денис больше не

мог. Умерли все звуки, все краски. Казалось, время тоже умерло. Или окаменело.

Он ощутил судорожную надежду. Время! Появилось сколько-то времени! Именно так, **судорожную** – надежду без надежды. Так надеются попавшие в страшную беду подростки: разум им уже подсказывает, что всё кончилось, и кончилось страшно, но дети ещё не умеют жить разумом, они верят сердцем в то, что всё как-то образуется, удастся спастись чудом или спасут какие-то хорошие люди.

Денис знал, что надежда обманчива. Особенно здесь – в темноте. В холодной, стылой тьме, клочок которой уцелел тут со страшных лет Безвременья. Он на миг представил себе десятки миллионов детей – тех, что погибли в те годы. Каждый из них был целым миром. Миром надежды, миром любви, миром веры, миром будущего, миром смеха... да хотя бы миром страха – если ты можешь ощущать страх, значит, ты ещё жив... Но тем – или тому – кто – или что – их убивал – убивало – было на это плевать. Их убили, чтобы съесть. Или потому, что они были детьми врагов. Или со страху. Или, чтобы они не мучились. Или просто потому, что бомбам и ракетам было безразлично, кого убивать.

Или – да, а почему нет и чем это хуже, например, самодельного вертела над костром из обломков соседского забора? – чтобы заставить взойти солнце.

Их было так много и продолжалось это так долго, что Денис, если глянуть строго, не имел никакого значения в этой ужасной череде смертей.

Никакого значения.

За исключением одного факта.

Денис родился и жил не в том мире. Он хорошо знал, что **Солнце – взошло**. И взошло не потому, что его поливали детской кровью. А потому, что людские любовь, отвага и вера оказались сильнее живых багровых туч, закрывших Его в дни Безвременья.

И было ещё одно. В отличие от большинства погибших в Безвременье детей – не всех, если бы они все были такими, мир Дениса никогда не родился бы, но – подавляющего большинства! – Денис не испытывал недоумения. Он хорошо понимал, **кто и за что** хочет его убить. Не был он, связанный, той бессильной жертвой, которыми чаще всего стали те, из прошлого, о которых он думал и которых жалел, – зачастую несвязанные, они всё равно оставались жертвами. А он не собирался тратить время на крики, просьбы и плач – он ненавидел. И за себя, и за тех, кто ушёл в никуда до него – в этом подвале, на внезапно ставшей чужой улице родного города, в заснеженном бессолнечном лесу... где угодно. Когда угодно. Он ненавидел, как только может ненавидеть четырнадцатилетний мальчик, знающий, что такое добро, справедливость и любовь.

Такой ненавистью можно зажигать звёзды и сжигать вражеские армии. И она отодвинула страх. Денис собрался. Слепой и слабой надежды больше не было. Было холодное ожидание и готовность использовать минимальный шанс.

И, конечно, немного веры – светящимся во тьме бриллиантом лежала она на дне души. Веры в то, что всё кончится хорошо...

И тут – именно тут – Денису показалось, что он бредит наяву... или, наоборот, – потерял сознание.

Он мог поклясться, что в этой непроглядной тьме он больше не один.

Ему ясно слышались чьи-то быстрые шаги. Неясный шёпот. Смех – да-да, смех! Потом лица мальчика коснулись мимолётно холодные пальцы, послышался вопрос – громкий вроде бы, но какой-то неясный. Дениса разглядывали из темноты – не зло, с каким-то интересом, с любопытством...

– Кто здесь?! – не выдержал мальчишка.

Ощущение пропало. Но послышался детский плач. Плакал маленький ребёнок... и ещё... и где-то ещё.

– Кто здесь?! – Денис снова дёрнулся. – Кто вы?! Развяжите меня, помогите мне! Вы кто?!

«Мама», – расслышал он ясно. И опять какие-то вопросы – звонкие, но неясные. И – снова плач.

«Мама, – прозвенел голос рядом. – Мама, ты где, я к тебе хочу. Мама».

И опять – голоса, смех и плач. Быстрый топот ног.

В зеркале на стене – Денис его почему-то **видел** – клубился синеватый светящийся туман. Казалось, он вытекает наружу через обрез выпуклой металлической рамы.

– Кто вы?! – Денис чувствовал, что у него шевелятся волосы на голове. И, когда из невидимой двери внутрь хлынул свет факелов, а звуки вокруг разом пропали, словно их выключили, он почти облегчённо затих.

Но лишь на пару секунд. Потому что шесть человек в балахонах, нёсшие в руках не факелы – какие-то подсвечники с толстыми свечами в них, – медленно и торжественно выстроились вокруг стола, на котором был растянут Денис. Он мог видеть, что в свободных руках у них ножи – широкие и короткие.

Со свечей на пол капал воск. Или парафин. Послышались шесть голосов, повторяющих какие-то слова – в унисон, но неразличимые, как недавние звуки во тьме. Слова текли и капали воском. Парафином. Потом один из голосов пронзительно возвысился, и Денис – он молчал, тяжело дыша, – увидел алый блеск ножа у своей правой руки.

«Я пропал», – подумал он. И рванулся – просто так, уже без рассудка и раздумий, потому что лежать смирно было выше любых человеческих сил. А через миг – за такой же миг до того, как нож полоснул его руку, – совсем близко грохнуло, и металлический голос проревел, казалось, в самое ухо:

– Третьяков, закрой глаза!

Денис без раздумий повиновался этому незнакомому повелительному голосу, зажмурился. За плотно сжатыми веками полыхнуло нестерпимо-белое магниевое пламя. Вой, поднявшийся сразу отовсюду, смешался с шумом и несколькими выстрелами. Денис распахнул веки, ещё ничего не понимая и не осознавая происходящего.

Раздался мальчишеский визг – возбуждённый и полный надежды:

– Он туууут! Ска-реееей жжжжееее!!!

А потом справа нависло лицо – того самого существа, что разговаривало с Денисом.

– Отродье... – прохрипел сектант, двигаясь как-то скованно и шаря по воздуху свободной рукой; в другой у него по-прежнему сверкал нож. И в его глазах – по-прежнему полных фанатизма, хоть и покрасневших почему-то, – Денис увидел то, что ждал.

Там был ещё и страх .

Мальчишка засмеялся.

Лицо сектанта перекосили ненависть и ярость. Он рванулся на смех, схватил мальчишку за лицо, сдавил, дёрнул руку ниже – на горло... замахнулся, – и Денис не закрыл глаз, бесстрашно глядя в глаза врага, но в тот же миг мощный удар метнувшегося сбоку тяжёлого мужского тела опрокинул убийцу на пол. Навалившийся на него человек в форме стал ловко крутить схваченному руки. Слышались крики, мелькали огни фонарей, ударил выстрел.

– Тут! Он тут! – Денис, уже теряя сознание от внезапно нахлынувшей дурноты, увидел, как из искристого звонкого мрака появилось возбуждённое лицо одного из тех мальчишек, из цирка. Алые концы галстука защекотали Денису щеки. – Товарищи, он тут! Живой он! Слышишь, как тебя?! Не умирай, ты чего?!

Денис хотел сказать, что он не умрёт, он что – дурак? – а просто очень устал.

И не смог.

* * *

Когда заместитель министра народного образования Республики Семиречье Валериан Маркович Концеповский был арестован в своём кабинете – он особо не взволновался. Его арестовывали за... гм... сексуальные предпочтения ещё при прежней власти, много лет назад, когда он был обычным служащим министерского аппарата – что не помешало ему при ней же забраться в кресло замминистра образования и удерживаться в нём даже сейчас. При

власти совершенно новой.

Валериан Марксович был очень осторожным человеком. И очень хитрым. Он даже не пытался саботировать распоряжения своего начальника – «бахуревского» министра образования – к чему? Со стороны Концеповский выглядел даже активным сторонником реформ. А прошлые грехи... ну, он их и не скрывал, как не скрывал и своего покаяния – искреннего и печального. И, занимая свой пост, подчёркнуто дистанцировался от детей – иногда даже с извинениями. Переживает человек своё падение, старается держать себя в руках... Такого и словами-то пинать грешно. Тем более что он отличный работник.

Что он скрывал – так это другие связи. Совершенно другие. И своё членство в кружке Лиги Разложенцев.

Так же, как все члены кружка, Валериан Марксович был плотно связан с местными сектантами, с южными бандитами и руководством нескольких корпораций. И был уверен, что его не бросят в случае чего, а если будет надо – то и предоставят убежище, и помогут перебраться на юг. А как же иначе? Деловые люди должны помогать друг другу. В конце концов, он – полезен своим партнёрам. Очень полезен. Да, он ничего не **делал** против нынешней власти.

Но нужную **информацию** добывал умело и передавал щедро...

...Валериан Марксович был уверен, что арест связан с Лигой. И понимал, сидя в кабинете в ожидании следователя, что это – скандал. С постом, конечно – покончено. А значит, как только он отсюда выберется – надо делать ноги.

Пора, так сказать. Пора, пора, пора. Отсидеться на юге, а там – кто ещё знает, как там повернутся дела? Кто знает, кто знает?.. Не может же быть, чтобы хамская власть казачни, солдафонов и работяжного быдла, подталкиваемая вверх этими холодноглазыми нелюдями-имперцами, – надолго... не может быть такого, это против непреложных законов экономики, против вечных законов человеческой природы...

...Когда дверь распахнулась и вошёл следователь, Валериан Марксович не стал подниматься ему навстречу – ни к чему. Только окинул вошедшего внимательным взглядом – словно не он, а Концеповский был хозяином кабинета.

И удивился.

Вошедший был имперцем. Это Валериан Марксович почувствовал, как чувствуют запах дыма за много километров от костра и не видя его. Он уже много повидал этих людей и боялся их до дрожи – боялся, сам не зная почему; каждый раз ему казалось, что их взгляды раздевают его и выворачивают наизнанку. Высокий, плечистый человек-скала в мундире казачьего генерала с нашивками МВД Республики. Само по себе это было не слишком удивительно – в последние два года имперцы активно занимали в Республике самые разные посты, зачастую даже не меняя гражданства. Но генерал в МВД один – **глава министерства**.

Так что же это значит?..

Концеповский ещё раз взгляделся в усевшегося за стол человека. Не больше тридцати. Или больше? По ним не всегда это можно понять, по имперцам этим... Лицо очень благородное, мужественное лицо, усы – скобкой, буквой «П» под подбородок. Серые глаза с прищуром. Высокий лоб. Длинный розовый шрам чуть выше бровей.

Концеповский вздрогнул – вошедший заговорил неожиданно:

– Разрешите представиться – Всеслав Брючиславич Полоцкий, офицер Империи, с позавчерашнего дня – глава МВД Республики Семиречье... До этого, – он смущённо улыбнулся, – один из личных порученцев Его Величества... А вы у нас – Концеповский Валериан Марксович, заместитель министра образования...

Это «вы у нас» успокоило Валериана Марксовича – типичный оборот недалёкого следака. Будь он хоть сто раз порученец их императора... Между тем Полоцкий спросил мирно – даже с лёгкой улыбкой, на миг обеспокоившей Концеповского:

– Вы знаете, что вам грозит?

– Знаю, – нагло-спокойно ответил Концеповский и уселся как можно удобнее и по-

хозяйски. – До шести лет общего режима. Где-нибудь года через два выйду по апелляции. Если вам вообще удастся меня посадить. – И он хмыкнул и зевнул...

...Всеслав Брючиславич осклабился. В первый миг, когда он только шагнул в этот кабинет, то, если честно, с трудом удержался от желания врезать в морду извращенцу. Ну ничего. Сейчас ударчик будет посильней кулачного...

– Ошибаетесь, – промурлыкал имперец. – Три дня назад был принят новый закон, президент подписал его с особенным удовольствием... Отныне **любые физические действия, направленные на нарушение природной половой идентификации человеческого существа, караются смертной казнью через повешение без права на помилование или хотя бы апелляцию о таковом**.

Несколько секунд лицо Валериана Марковича сохраняло наглое скушающее выражение. Потом – на миг – стало изумлённым. Потом как будто с маху обвисло вниз, сделалось размазанным и старым.

Поверил, понял Полоцкий. Поверил и понял, что это – правда. Он усмехнулся.

– Но я же... – Валериан Маркович начал быстро, судорожно глотать. – Я же... я же никого не убил! Я же... я же...

– Если бы убили, у вас был бы шанс на помилование, – сочувственно заметил Всеслав Брючиславич. – Убить – это лишить человека жизни. А тут речь идёт о новом разделе УК РС – «Охрана чести и достоинства человека». Целиком списано из законов Империи. Так что...

– Ааааа!!! – взвыл вдруг Концеповский и рухнул со стула. С бешеной скоростью подполз вокруг стола к ногам следователя и стал быстро, громко и слюняво целовать его форменные сапоги. – Ааааа! Нет! Не надо! Не хочу! Простите! Помилуйте! Я не хочу! Жить! Жить!! Жить!!! Не хочу-у-у-у!!!

– Пшёл, – с ленивой брезгливостью Всеслав Брючиславич толкнул Концеповского ногой. – Ну-ка на место, подонок. А ты что думал? Будешь вечно опускать пацанов и в случае чего отделаешься не то штрафом, не то условной?! Повесим и тебя, и всю вашу компанию с её покровителями! Тут тебе не Берген!²⁸ Чикаться с процессами не будем! Сесть, сука! Пиши! Все эпизоды пиши! Живо! Ну?! Сел, пишешь, курва!!! Адреса пиши!!! Номера счетов пиши, выродок!!! Живо, всё пиши! ВСЁ!!!

– Да-да-да... – затараторил Валериан Маркович размазывая по лицу слёзы, слюни и сопли, икая и громко портя воздух (штаны отвисли и промокли, в кабинете мерзко завоняло), ринулся к стулу, словно к последней надежде, сел (под ним мокро чвакнуло), трясущимися

²⁸ Перед Третьей мировой войной половые извращения получили в Скандинавии широчайшее распространение. В них законодательно вовлекались дети, начиная с детского сада. Количество извращенцев и поддерживавших их «толеров» составляло в Скандинавии до 4/5 населения. Однако в годы последовавших за Третьей мировой войной катаклизмов началась резкая ремиссия нормального сознания, обострённого пониманием, что без очищения от грязи не удастся выжить. После того как на западное побережье Скандинавии одна за другой обрушились три чудовищные волны (это было связано с вулканической катастрофой в Исландии), среди руин Бергена добровольческими отрядами были методично уничтожены – утоплены в море – до 40 тысяч уцелевших извращенцев, свезённых со всей Скандинавии, в числе которых были и сотни детей, ещё в мирное время отданных на развращение в «семьи» – их совершенно безжалостно и в то же время закономерно объявили «порченными». Этому акту был придан сакральный смысл. Было ли это совпадением или на самом деле сработали некие сокровенные силы природы, но на следующий день в Южную Норвегию прибыл Турре Греттирсон. Уроженец острова Исландия. Ещё до Третьей мировой войны стал одним из виднейших деятелей Асатру. В дни гибели острова спас значительную часть населения и переселился с ними в охваченную этнической войной южную Норвегию, где возглавил полное истребление «чужаков» и «толеров». В 3-м году Безвременья стал Ярлом Ставангерфюлька. В период Безвременья и в начале Серых Войн распространял Асатру в балтийском бассейне, совершил большое количество морских походов, в том числе — увы – грабительских. В 10-м году Серых Войн установил контакт с «Фирдом» и ещё через пять лет объявил о присоединении Ставангерфюлька к Англо-Саксонской Империи, а сам полностью отдался Асатру. Именно он в 22-м году Серых Войн, во время работы над Гритвикенской договоренностью, провозгласил лозунг «Солнце встаёт над Россией!» и сумел убедить колеблющихся в рядах «Фирда» в необходимости заключения прочного союза двух Империй Человечества. Умер Турре Греттирсон в городе Ахен в 48-м году Реконкисты.

руками придвинул бумагу. – Я всё напишу... всех напишу... – Он терзал перья, дёргал бумагу, брызгал чернилами, черкал, писал – торопился... – Да-да-да... конечно, не сомневайтесь...

– Отдельно пиши – кому сдавали часть детей – тех, которые пропадали! – напомнил офицер.

– Да-да-да... – закивал Валериан Марксович. – Тут, знаете ли, было два заказчика... два, разных... хасиды, но они мало, мало, и только несколько дней в году, в основном – всё на юг, там... а девочки и вовсе не по моей части, но я и об этом кое-что знаю, я напишу, я всё подробно напишу... я очень много знаю, я могу быть полезен, очень полезен, я... и вы знаете, я никого, я никогда... я только любил... я не бил даже никого, не то чтобы убивать...

Он бормотал, переходил на крик, всхлипывал, ёрзал, заикался, дрожал, заискивающе улыбался, моргал сочащимися слезами и ужасом глазками – и писал.

Писал. Писал. Писал. Искренне надеясь, что ему «зачтётся», и не подозревая, что сидящий перед ним генерал – человек из совершенно другого мира – не собирается играть в эти ветхие игрушки со взаимозачётами.

Будь честен с честным врагом. Но.

Лжеца – обмани. Предателя – предай. Ограбь грабителя.

Пытай палача. В убийцу выстрели первым. Заложника, которым прикрылся бандит, – не жалея; один убитый сегодня, возможно, спасет тысячи в будущем²⁹. Пока твоя душа чиста и вера неколебима, пока ты делаешь всё это не для себя – грязь к тебе не пристанет.

А господин Концеповский будет искренне надеяться на смягчение приговора все последующие дни, пока под ним – воющим от ужаса – не распахнётся люк, а сверху – не натянется тугой струной верёвка... Чудом – а может, и закономерной расплатой? – будет то, что его тяжёлая туша не переломит позвоночника и он почти час будет вертеться и дёргаться над ямой, пока наконец не издохнет.

Единственным утешением ему будет то, что изо всех схваченных во время арестов он умрёт первым.

* * *

Денис три раза задрёмывал на заднем сиденье армейского автомобиля. А может – терял сознание. Ронял голову, она отвечала болью, он вздёргивался, ословело смотрел вокруг. И автомобиль, и мундир казачьего полковника (он назвался Денису, но мальчишка забыл, как его зовут), и всё вокруг казалось каким-то нереальным, словно бы фрагментом сна во сне. В дремоте Денису казалось, что он так и остался там, в подвале, что его не выручили, что как раз спасение было сном... сон и явь пугающе путались, не отделялись друг от друга, и на пути к гостинице мальчишка успел здорово измучиться.

Но в больницу ехать он отказался наотрез. Потому что...

...– Приехали. – Полковник обернулся с улыбкой. У него были цепкие карие глаза с прищуром и седоватые короткие усы под кривым, дважды переломанным носом. – Только вот... ты уверен, что это разумно?

– Ну... – Денис, промахнувшийся (голова поехала) по ручке двери, заставил себя медленно и прочно за неё взяться и повернулся к казаку. – Вы же охрану поставили...

– Это тут ни при чём, – покачал головой полковник. – Просто мне кажется, тебе всё-

²⁹ В 1-м г. Реконкисты прорвавшийся с юго-запада отряд бандитской армии «синих беретов» численностью в 120 боевиков захватил крупнейшую школу Софии, города, недавно присоединённого к Русской Империи. В заложниках оказались более двухсот человек, в том числе сто восемьдесят три ребёнка, среди которых были дети офицеров с базы ВВС на окраине города, в том числе – внучка командующего базы. Через семь минут после сообщения о захвате штурмовиком ВВС РИ на школу был сброшен вакуумный боеприпас, полностью её уничтоживший. Никаких требований бандиты выдвинуть просто не успели. Это была первая и последняя сколько-либо масштабная попытка захвата заложников за всё время Реконкисты.

таки надо было бы в больницу...

– Ну, пожалуйста. Я же могу хоть что-то попросить... и я себя уже совсем нормально чувствую... честное слово... – бормотал Денис.

– Зря я тебе рассказал. Встретились бы в больнице, – ворчал казак, с сомнением поглядывая на мальчишку, у которого были все отчётливые признаки сотрясения мозга и нервного истощения. Но кто же знал, что слова о приехавшей только что матери так на него подействуют. Он буквально стал невменяемым и требовал только одного: чтобы его отвезли в гостиницу – и всё. Больше ничего не надо. Вот и сейчас, чтоб его...

...– Мне очень надо в гостиницу, – упрямо сказал Денис. – Там... там врач.

Он никак не мог заставить себя сказать простое «там мама!». В конце концов, она и правда была врачом. Но, как видно, полковник всё понял и без этих слов. Он кивнул и первым вышел из машины – Денис не успел открыть дверь сам, её распахнул казак. Как высокой особе. Денис опустил на шершавый асфальт правую ногу – босую, конечно, он не успел ни переодеться, ни даже толком привести себя в порядок – и вдруг понял, как это дико выглядит со стороны.

Но подобное не имело значения в данный момент. Значение имел второй этаж, номер 209. Денис поймал себя на том, что не верит в происходящее. Оно снова кажется ему сном. Или сном было то, что кончилось – и всё-таки можно поверить?

Ноги, если честно, подкашивались. В голове всё окончательно спуталось, и он шёл, держась только потому, что – в общем, оно того стоило.

Швейцар у входа дёрнулся было преградить путь, но остался на месте. Отшатнулась в сторону с видом брезгливого ужаса какая-то пара средних лет. Уже внутри дежурный у роскошной стойки ошалело проводил взглядом взлохмаченного оборванного паренька, которого сопровождал офицер в мундире казачьего полковника. Но ничего не сказал, конечно.

В лифте Денис заставил себя стоять прямо, не прислоняться ни к чему. Ему по-прежнему казалось, что сейчас он проснётся на том ужасном столе или в крайнем случае в их подвале в парке. В какой-то страшный миг он почти уверил себя, что вся его жизнь в семье – и тут, в Семиречье, и в Империи, в Петрограде! – была лишь сном. Потом дверь открылась. В серо-зелёной пышной ковровой дорожке ноги утонули по щиколотку. Два казака у поворота коридора подтянулись, козырнули полковнику. И Денису. Да, и ему.

Двести девятый номер был как раз возле казаков.

– Ну, туда я не пойду. – Полковник пожал мальчишке плечо, а потом – тряхнул руку. – Если бы знал, парень, что ты для всех сделал...

Затем он откозырял и, повернувшись кругом, пошёл по коридору. Денис, по правде сказать, даже не глянул ему вслед. Он позвонил в дверь.

Дверь открылась мгновенно – Валерия Вадимовна подошла к ней, как раз когда мальчишка подносил руку к звонку.

И Денис выдохнул, замерев на пороге:

– Мам?

При виде сына Валерия Вадимовна сделала жест, которого раньше Денис за нею не замечал – взялась руками за щёки и с непонятной интонацией проронила:

– Ой-ииии...

– Ну чего?... – пробормотал Динь-Гимнаст, переступая на месте. Все прочие слова куда-то делись. Кроме того, он словно бы увидел себя со стороны. Вытянувшийся ещё, тощий, взгляд исподлобья, пыльные босые ноги, потрёпанная одежда... Денис испытал совершенно дурацкое смущение, как будто его – уличного – решила вдруг пожалеть чужая тётя. И засопел, опустив глаза. Но в следующий момент его обняли, прижали, сдавили – мальчишка хотел ошарашенно пискнуть: «Пустите, вы чего!»... но вдруг обмяк и выдохнул: – Маа?

– Конечно, кто же ещё! – каким-то задыхающимся голосом произнесла Валерия Вадимовна, глядя сына по волосам и целуя (он уже не сопротивлялся). – Ой! Тощий!

Грязный! Одицавший! Дениска! Лисёнок мой!

Денис закрыл глаза...

...Валерия Вадимовна зашла в комнату осторожно, когда убедилась, что сын спит.

Она, конечно, справилась с собой и за ужином достаточно спокойно и даже иронично смотрела и слушала, как тщательно отмытый и засыпающий Денис, сидя за столом в пушистом халате, ест (сперва его отчётливо затощило, но потом он налёг на еду и особенно много пил – Валерия Вадимовна убедилась в том, что поняла при первом взгляде: у сына – сотрясение мозга...) и при этом старается рассказать сразу всё и обо всём. Получалось у него плохо, потому что язык заплетался, а рот был занят, и всё-таки Валерия Вадимовна узнала очень и очень многое... Но, когда мальчишка окончательно вырубился «на ходу» и был отведён – бормочущий и улыбающийся – в постель, Валерия Вадимовна вернулась в холл, оттуда – в ванную, и ревела не меньше получаса, перебирая брошенное на пол барахло мальчишки и прижимая к лицу то одну, то другую заношенную вещь. Ревела навзрыд, с протяжным подвывом и даже с наслаждением. Потом, глядя на опухшее от слёз лицо в зеркало, Валерия Вадимовна вздохнула и подумала, что это просто жизнь. Мужская. И напроочь открутила голову возникшему было писку: «Но он же не мужчина, он мой мальчик, мой малень...» Привела себя в порядок... и не удержалась зайти в спальню Дениса.

Он спал на животе, обхватив руками подушку и приоткрыв рот. Валерия Вадимовна осторожно присела на край кровати. Нет, Денис не проснулся. Он полностью отдался чувству безопасности и мысли, что рядом мама, выключились все – и имперские, и уличные – сторожевые системы. Мама была рядом, все беды и опасности ушли в прошлое и не могли вернуться.

Женщина провела над спящим сыном рукой и прошептала – еле слышным, но освежающим дуновением ветерка в окно:

– Спи-усни, сын мой милый... спи глубоко, спи крепко... добрые сны тебе оградой, злые – с ветром долой...

Денис тихонько вздохнул во сне и крепче обнял подушку. Валерия Вадимовна покачала головой. В своём сбивчивом рассказе за ужином Денис был по-детски жесток, да она и сама многое уже знала. И теперь, сидя около него, женщина, мать, врач – задавалась вопросом: сколько же ещё предстоит сделать, чтобы у каждого ребёнка была постель и ладонь над ним, спящим, – ладонь, которая щитом прикроет от ночных страхов, принимающих нередко такие реальные и дикие обличья...

В годы Безвременья «витязи» запретили включать женщин в состав «троек», судивших за преступления перед детьми. Даже самые мягкие и умные женщины в этой роли становились беспощадными – нет, не судьями, фуриями, богинями мести, не желающими разбираться в нюансах и обстоятельствах, жаждущими лишь одного: покарать обвинённых. И Валерия Вадимовна сейчас ощутила дикое, какое-то **чёрно-зверское** желание своими руками разорвать тех тварей, о которых рассказывал сын. Так, чтобы увидеть, как эти гады, преступившие все божеские и человеческие законы, будут умирать. И чтобы умерли – не сразу. Ни в коем случае не сразу.

Впрочем – недобрая улыбка тронула губы женщины – сейчас некоторых из них уже вешают. А остальных повесят позже, когда вышибут из них всё, что нужно.

Она ещё раз легонько коснулась волос спящего мальчика и, решительно поднявшись, поспешила к телефону – звонить в Седьмой Горный...

* * *

Болховитинов пришёл ближе к обеду. Денис спал всё это время – он как раз и начал просыпаться от сдержанного шума за дверями, осознавая лишь одно: он в полной безопасности. И, услышав голос матери, спросонья капризным голосом крикнул:

– Мааааа, кто там? – и потянулся изо всех сил.

Дверь приоткрылась, и Валерия Вадимовна сердито сказала:

– К тебе с утра пораньше.

Денис бросил взгляд в окно и отметил, что уже совсем не утро. А в комнату тем временем проник, кланяясь и целуя руку женщине, улыбающийся коллежский советник – на этот раз в мундире. Денис даже не сразу его узнал. Но потом...

– Ой, добрый день! – Денис сел и посигналил глазами – мать закрыла дверь с правильной стороны.

– Добрый день, – Болховитинов присел на край кровати. – Ну-ка, дай гляну... Ну ничего особо страшного.

– Да ну... – Денис пожал плечами и улынулся. Он чувствовал какую-то неловкость – непонятную, но сильную. Видимо, Болховитинов это понял, потому что негромко и спокойно сказал:

– Я не буду тебя хвалить и благодарить. Не буду даже упоминать, что тебя наградят – ты представлен к ордену. Я просто скажу: **никто не ушёл**. Взяты все.

– Хорошо, – кивнул Денис. Прислушался к себе. Внимательно и беспристрастно. Удовлетворение переполняло его – не довольство собой, нет – именно удовлетворение исходом дела. Но оставались ещё два вопроса... – Я хотел спросить, можно?

– Можно, – кивнул Болховитинов.

– Кеша... и остальные... – начал Денис нерешительно, и в то же время было ясно, что он эту тему не замнёт. Но Болховитинов понимающе прервал его:

– Слово дворянина – их не бросят и им найдут достойное таких хороших ребят место, – мягко проговорил Болховитинов. – Между прочим, те пионеры, которых ты так удачно притянул к делу в цирке, уже заявили, что их отряд над вашей «стайкой» берёт шефство – и думаю, это только начало большого движения... А об Иннокентии Немиге я позабочусь лично. – Денис громко, довольно вздохнул. Губы коллежского советника тронула добрая улыбка. – Ещё что ты хотел спросить?

Денис нахмурился. Он не знал, стоит ли спрашивать про это... но, с другой стороны...

– Когда я **там** был... – пробормотал он, но справился с собой и заговорил ясно: – В общем, мне показалось, что я там не один. Я...

– Ты знаешь, какое здание они выбрали своим пристанищем? – прервал мальчика Болховитинов. Денис покачал головой. – Это старая больница. Построена она была ещё до ядерной войны. Больница-абортарий.

– А... что это такое? – Денис подумал, удивлённо потёр щёку. Слово было ему совершенно незнакомо. Болховитинов не сводил с мальчишки глаз, только чуть сузил их:

– Абортарий – место, где из женщин, не хотевших рожать, извлекали недоношенные плоды. Потом их, как правило, перерабатывали на дорогие геронтологические препараты. В месте, где собирались эти, убили, наверное, **тысячи** нерождённых детей, Дениска. Очень удачно выбрано было пристанище. Очень.

Денис стремительно побелел. Как мел. Как стенка. Как дорогая бумага.

– Как... – сипло и тонко спросил он. – Как... это... **извлекали**? Какие препараты? За... за... зачехм? – Болховитинов молчал, и мальчишка прошептал, глазами умоляя его дать хоть какой-то ответ: – Значит... эти голоса... и что мне казалось, ко мне прикасаются... – Болховитинов молча наклонил голову. – Но это же... как же это... матерей туда заманивали, да? Заманивали?!

– **Они. Приходили. Сами**, – четко и раздельно ответил коллежский советник. – И платили за операцию немалые деньги.

– Кто они были? – потрясённо спросил Денис. На белом лице у него выделялись огромные почерневшие глаза и синие губы. – Они были не люди? Как **эти**?

– Я не знаю, мальчик, – ответил Болховитинов. – Я знаю одно: у нас с женой сын и дочь. У нас будут и ещё дети. Обязательно будут. Мы счастливы. Но и я, и моя жена согласились бы умереть, лишь бы вернуть нашего Юрку. Я не могу тебе сказать, кто были те... врачи и те женщины, которые делали это. Правда, не могу, Денис. Видимо, и впрямь не люди.

– Я... – Денис сглотнул. Болховитинов хотел утешить испуганного мальчишку... и понял вдруг, что это не испуг, нет. В глазах Дениса были ужас – не за себя – и жалость – не к себе. – Вы не понимаете! **Они кричат ! Они до сих пор** кричат и плачут! Они даже не могут **уйти !** – Денис вскочил с постели. – Там! Внизу! Ну надо же что-то сделать, как-то помочь! Они же просят! – Он рванулся, и Болховитинов прижал его к себе, перехватив, неловко погладил по волосам.

– Тише, тише, воин, – без насмешки проронил он. – Всё уже сделано. Мы знаем такие места. Как только обнаруживаем один из этих... жертвенников – сразу посылаем «витязей», которые могут **отпустить** . Дети уже там, где им положено быть. Некротического поля там больше нет, Дениска. И это тоже твоя заслуга...

Коллежский советник не стал объяснять и рассказывать мальчишке, что благодаря его действиям была уничтожена не только секта – как безжалостно корчующий из земли корень, потянувшись вскрываемая со всеми промежуточными ячейками связь: и политическая, на юг, в Золотой Треугольник, и экономическая – к местным воротилам и горным-лесным бандам, и извращённая – ко многим чиновникам госаппарата, и все те десятки связей помельче – сплетавшие эти ипостаси в одно единое отвратное и хищное чудище.

Из последнего и самого свирепого, оголтелого, фанатичного и мерзкого сопротивления Будущему в Семиречье был жёстко и безжалостно выдран целиком весь скелет – с кровеносной и нервной системой. И чудище обмякло и издохло.

Болховитинов думал об этом холодно и спокойно. А потом спросил Дениса, который, тяжело дыша, взял со стола стакан с соком и, отпив, плюхнулся на подушку:

– Денис... скажи мне вот что... С тобой ведь был младший, которого увёл тот бандит. Почему ты так рисковал? Зачем себя подставлял вместо него? А если бы похититель что-то заподозрил? Ты шёл бы за ними сам, следил потихоньку...

Денис какое-то время молчал. Тяжело молчал. Задумчиво и напряжённо. Болховитинов не торопил, но явно ждал. Денису вдруг показалось, что для него на самом деле важен ответ... Потом – посмотрел на коллежского советника в упор:

– Я... я там когда жил – я столько передумал и перебрал вариантов... – с трудом ответил он. – Я даже говорить не стану, о чем я думал и как прикидывал... А вот когда он Спичку уводил... я даже и не думал как-то. Как бы я младшего – вместо себя? Я лучше сам... Только я про всё это думать потом начал. А тогда никаких мыслей не было. Я просто действовал, вот и всё.

Болховитинов вздохнул:

– Мы выяснили, как погиб мой сын, – сказал он и провёл рукой по лбу – медленно, тяжело. – Он был свидетелем похищения. Наверное, и он действовал так же, как ты. Мальчик, которого забирали, видимо, о чём-то догадался и закричал. Юрка выскочил из укрытия, откуда наблюдал – и бросился на помощь... – Болховитинов снова повторил тот жест. – Их держали вместе. Юрка до последнего подбадривал того... младшего. До последнего. А когда их стали вытаскивать из клетки – сломал мальчику шею. Чтобы быстро. А сам наш Юрка так и умер... на том столе. Вот так...

Он встал. Ещё раз пожал Денису руку и, суховато бросив «поправляйся», вышел. Денис, полусидя в постели и перебирая рукой одеяло, задумчиво слушал, как он уходит, как хлопают двери. Потом вскинулся – в комнату вошла мама.

– Завтракать, – объявила Валерия Вадимовна. Денис улыбнулся – но тут же спохватился:

– А все наши где?!

Валерия Вадимовна свела брови:

– Я никому, между прочим, никому не сказала, что еду к тебе. Даже отец остался – для вида, но ему я хоть позвонила... А если бы мы вдвоём сорвались – следом весь ваш отряд пополз бы...

Денис от удовольствия засмеялся:

– Пополз бы, это точно!

А Валерия Вадимовна добавила:
– Между прочим, тут уже прибежали эти... местные пионеры.
– Мам! – Денис сел окончательно. – С ними мне нужно обязательно...
– Увидишься, встретишься, поговоришь, – отрезала Валерия Вадимовна. – Игорь так и сказал: они обязательно ещё зайдут.
– Игорь... – начал Денис. Валерия Вадимовна вздохнула:
– Это старший из тех троих... он в подвал вместе со штурмовой группой полез, ему полворотника оторвали, но не удержали. Под руками проскочил, паршивец.
Это было смешно. Но Денис не стал смеяться. Он вспомнил крик «Товарищи, он тут!» и огонь галстука у лица... А ведь этот Игорь не просто так над ним наклонялся. Он его – **закрывал собой**. Связанного, беспомощного. Первым делом бросился – и закрыл собой. Чужого парня.
А... чужого ли? Чужим ли этот Игорь – кажется, младше Дениса на два года – его, Дениса, считал? Или и не думал об этом, потому что...
Денис молчал. Молчала и его мать. А потом он хмуро заявил:
– Мам... это, наверное, не в последний раз, когда я голову в петлю...
– Я знаю, – тихо, но ясно сказала Валерия Вадимовна. И крепко – и нежно – прижала к себе голову сына, а Денис обхватил мать руками. – Я родила не труса – мужчину. И вырос он воином – не трусом. Вот что было бы страшно на самом деле.
– Вырос? – пробормотал Денис.
– Вырос, – ответила женщина. И услышала лукавое:
– Тогда можно я завтра женюсь?
– Балда! – Валерия Вадимовна засмеялась и схватила сына за уши. Он обрадованно завопил. – Ну и балда ты, лисёнок...

Глава 11

Труд. Май. Кровь

Ранним утром солнце раскидало в стороны тучи – словно бы ало-золотым бесшумным взрывом разнесло серый полог, яркой голубизной вспыхнуло небо, и навстречу утру почти сразу поднялся весёлый праздничный шум Первомая.³⁰

В «детской» Третьяковых (так старшие называли эту комнату, когда хотели послушать гневные вопли или возмущённое сопение) утро чаще всего начиналось со старинной песни, которую Денис, по привычке встававший первым, непреклонно ставил и включал полную громкость. Вот и сейчас из открытого окна вся улица могла слышать –

– Ну-ка, солнце, ярче брызни!
Золотыми лучами обжигай!

Олег уже стоял перед окном – с удовольствием делал разминку и насвистывал. Денис был занят сложным делом – поднимал Володьку. Всем был хорош пионер и незаменимый оркестрант В. Михалёв, кроме одного – из своей прошлой безалаберной жизни у него остались явно лишняя непоседливость и синдром тяжёлого вставания по утрам. Он шёл на совершенно жуткие ухищрения – заматывался в одеяло, лягался, ныл, вцеплялся сразу четырьмя конечностями в края кровати, пытался скрыться под подушкой целиком и даже заявлял, что он ужасно болен и не может встать, пока не поспит ещё полчаса.

Последняя уловка сейчас и оказалась на самом деле последней. Рассвирепевший Денис, которому уже прилетело пяткой под дых, заявил, что он немедленно зовёт маму, раз

³⁰ День труда – 1 мая. В этот день проходят торжественные мероприятия, посвящённые тому, что делает человека человеком – труду и его людям.

Володька так страшно страдает. А то вдруг он тут помрёт и что тогда?!

Лёгкая простыня (летней жаркой духоты ещё не было, но тепло вернулось уже давно) бурно взвихрилась, судорожно забилась, попыталась взлететь – и Володька предстал перед старшим братом с преданной готовностью в глазах:

– Я уже всё! Я встал!

У него были основания опасаться прихода Валерии Вадимовны. В прошлый раз та в подобной ситуации вылила младшему в трусы кружку холодной воды и заявила, что это лучшее лечение от «синдрома доктора Передрыха». А потом велела перестилать постель.

Впрочем, Володька пришёл в хорошее настроение мгновенно. Раз уж всё равно проснулся – чего огорчаться и дуться? Тем более что Денис тут же начал с ним боксировать. Володька пыхтел, старательно обрабатывал кулаками то одну подставленную руку, то другую, а потом ахнул Дениса по бедру ногой и заявил, что показал удар, который они тренировали с Денисом Михайловичем на последнем занятии. Денис мысленно пожелал своему тёзке и коллеге икать до самого вечера... Олег между тем, поочерёдно касаясь ладонями пола справа-слева от расставленных ног, сообщил Володьке наставительно:

– Если кто-то долго валяется в постели – то за ним приходит такой дух... Храпун, короче. И всё. Особенно если этот кто-то мелкий. Только его и видели.

Глаза Володьки восторженно округлились. Он даже подался вперёд и замирающим голосом уточнил:

– И что потом?

Денис с трудом сдерживал смех. Олег, который, кажется, сам не очень задумывался, что потом, нашёлся:

– А никто не знает. И рассказать некому, – зловеще (как ему казалось) заключил он. Володька отреагировал мгновенно:

– Всё. Завтра у нас школы нет? Сплю до полудня, не меньше. И чтоб не будили, это же важнейший эксперимент!!!

Денис грохнул наконец. Олег открыл рот, чтобы озвучить что-то возмущённое, но тут из коридора раздался ужасный по исполнению и смыслу вопль Третьякова-старшего.

– Володька, удавку! Где удавка?!

Мальчишки только переглянулись и заржали уже на три голоса. «Удавками» отец Дениса называл галстуки, к которым испытывал необъяснимое отвращение. Это значило, что старшие тоже собираются на праздник.

Тот, судя по всему, уже шёл – по крайней мере, издалека доносился марш из репродукторов и неразборчивый, но бодрый голос диктора центральной радиостанции. А также добродушно-приветственное гавканье Презика – он провожал им всех, кто проходил мимо калитки. В обычные дни верный страж ничего такого не делал и вообще никак не реагировал ни на кого, кто не пересекал пограничную калитку. Но сегодня, как видно, решил тоже попраздновать.

Диктор между тем заорал что-то окончательно бодрое, и ему откликнулось дружное и хорошо различимое «ура!». Видимо, народу уже собралось достаточно, чтобы начать праздновать.

– Странно, что нам ещё телефон не оборвали, – заметил Денис немного удивлённо. Олег мрачно-пророчески ответил:

– Да всё просто. Мать шнур выдернула, вот и не оборвали.

Денис на миг застыл. В самом деле, Ольга Ивановна в последнее время, отчаявшись каким-то иным путём выгадать остальным спокойный отдых хотя бы по ночам, когда все домашние утомонятся, выдёргивала из розетки штекер телефона. И утверждала, что у неё это получается случайно, когда она подметает или моет полы.

– Чёрт! – наконец вырвалось у Дениса.

Грохот внизу подтвердил, что, похоже, все опаздывают...

...Мальчишки спустились вниз уже в форме, Денис – даже при пистолете. Взял он его потому, что белая кобура очень эффектно смотрелась на поясе. Береты у всех троих были

аккуратно свёрнуты в ровные трубочки и заткнуты под погоны, начищенные ботинки сияли, на впервые надетых в этом году шортах – ни единой складочки, кроме бритвенно наглаженного острия впереди. Ярко свисали от плеч к правым нагрудным карманам разноцветные аксельбанты. Поблёскивали тканым металлом нашивки. А правый кармашек Денисовой рубашки украшала ещё и полученная в День Сева³¹ от приехавшего в отряд Болховитинова «Рука Помощи»³². Если честно – Третьяков-младший даже не раздумывал особо – надевать или нет... Само наделось.

По правде сказать, Денис не очень понимал (а точнее – не задумывался над этим), что он, в сущности, уже стоит в одном ряду с теми, чьи имена ещё год назад он сам произносил только со священным трепетом белой зависти. А самым смешным было то, что он по-прежнему вовсе не ставил себя с ними в этот самый ряд. И если бы ему кто-то сказал, что как раз в эти дни в Великом Новгороде Мирослав Николаевич Волк решает вопрос о включении его портрета в очередной выпуск пропагандистского комплекта портретов-биографий «Слава Имперской Пионерии» – Денис ни за что не поверил бы. Рассмеялся бы и спросил с искренним удивлением: «Меня?! Это за что ещё?!» – и махнул рукой.

К счастью, и окружающие не испытывали к Денису никакого особого пиетета. Иначе всё это могло бы закончиться для мальчишки очень плохо... История знала такие примеры. И Денис знал и твёрдо помнил – знал и твёрдо помнил это каждый пионер Империи! – печальную судьбу отважного и доброго полковника морской пехоты Брежнева. Из тех, давних времён...

Все, стоя, пили чай со вчерашними пирожками с повидлом. Денис, спустившийся (из-за кобуры) последним, допил его первым и осведомился воинственно:

– Мы сегодня вообще идём или нет?!

– Успеваем, – бросил отец. И покосился на Ольгу Ивановну, которая выглядела недовольной. – Хотя кое-кто опять сделал всё, чтобы мы как следует отдохнули... Володька, фотоаппарат сверху принеси.

– Ой, правда, забыли! – Володька метнулся по лестнице. Загрохотал наверху; Денис с Олегом озабоченно переглянулись. Но Володька появился целый и невредимый. Вот только спускаться обратно по ступенькам он счёл ниже своего достоинства – прыгнул с площадки через весь пролёт, победно потрясая чудом уцелевшим фотоаппаратом. – Во! Идём!

Кстати, Ольга Ивановна попыталась было остаться дома – мол, я праздничный обед приготовлю, и вообще... Но на этот раз у «домоправительницы» этот фокус не прошёл. Её буквально принудили одеться празднично и присоединиться к остальным. Впрочем, Денису показалось, что она всё-таки довольна...

...Дул совершенно уже летний ветер, и имперский флаг перед домом весело трепыхался в его порывах – не очень солидно, может быть, но с энтузиазмом. Первую фотографию дня сделали около него: взрослые выстроились в ряд, мальчишки присели перед ними, а перед мальчишками упал утомлённый Презик, в шерсть которого Володька мгновенно запустил обе руки. Так снимок (аппарат Денис поставил на калитку с пятнадцатисекундной задержкой) и получился...

Сразу за калиткой все обитатели дома Третьяковых пересеклись с соседями. Балуев, нёсший на плечах Никитку, смущённо улыбнулся в ответ на дружное приветствие и кивнул. Его жена тоже улыбнулась – лучше бы не надо, подумал Денис. Балуеву он по-прежнему не любил и совершенно ей не верил. Вот Ирка – та улыбалась хорошо, по-настоящему. А Никитка с отцовских плеч и вовсе засигналил руками так, что едва не свалился... И расцвёл, когда все замахали и ему, а Володька крикнул:

³¹ День Сева – 20 апреля. Символический день пробуждения земли.

³² Один из орденов Русской Империи. Им награждаются за действия, изменившие к лучшему судьбу народа или страны.

– Вечером приходи помогать! Декорации будем обновлять!

– Ага! – Никитка подпрыгнул на отцовских плечах. И опять замахал руками. Просто так уже, от избытка чувств, видимо.

Денис задумчиво проводил Балуевых глазами. Покосился на идущего рядом Олега и спросил – сам не ожидая того:

– Олег, а что ты будешь делать на следующий год?

Олег оканчивал школу. Денис вообще-то не ожидал, что друг ответит так быстро, тем более что раньше они как-то об этом не заговаривали – но, как видно, Олег уже об этом думал. И сказал негромко:

– Тут останусь. Тимофей Ильич уже давно предложил. Говорит – мол, я человек уже пожилой, а ты подучишься, ну и будешь у меня главным инженером. Я – главным инженером? – Олег покрутил головой с усмешкой. Но Денис серьёзно ответил:

– Это просто здорово.

– Да какой из меня инженер?! – Олег вздохнул.

– Ну да, ну да... и какой из тебя пионер? – понимающе закивал Денис. – И кто там ещё – библиотекарь, редактор еженедельной газеты, член совета отряда, командир первого звена... А уж наградной нож получить – и вовсе смешно, куда тебе... – Денис прервал довольно ехидный поток слов и крикнул: – О, Мишка катит! Интересно, Пашка уже на месте?

Мишка «катил» не один – в рессорной бричке с парной запряжкой, которой он лихо управлял, восседало всё семейство Гуляевых: Елена Александровна, Маришка и Иришка, Борька... Мишка – в парадной форме – махнул вожжами:

– Отгоню и бегом прибегу! Я быстро!

– Скорей давай! – крикнул Денис сердито. Но сердитость была ненастоящей. Никуда они не опоздают и вообще... Посёлок был полон радостного шума, песен и расцвечен флагами и нарядными людьми, тоже похожими на флаги. Невозможно было поверить, что год – всего год! – назад тут всё было совсем иначе, и если кто и радовался в этот день – так это те, кому чужой труд приносил прибыль. А сегодня... вон сколько людей, и все они...

Денис не додумал. Потому что они дошли до цели – до прямоугольной большой площади у шахт. На ней в давние времена разгружали разное оборудование, а потом площадь просто осталась. И название осталось. Она так и называлась – Шахтёрская, и название, данное чёрт знает когда, вполне вписывалось в сегодняшние дни. А на площади...

Если честно – Денис не мог, да и не хотел сдерживать гордость. Её мог прочесть на лице мальчишки любой, кто на него посмотрел бы. И – смотрели. Но замечаний не делали, потому что у всех есть свои слабости.

На площади, перед подъёмом к шахтам, между двумя рядами лёгких трибун, уже почти заполненных народом, перед ещё одной – маленькой, лёгкой, для поселкового руководства – так вот, на площади тремя прямоугольниками стояли в чётком строю **три пионерских отряда**.

Со знамёнными группами. С оркестрами. В форме.

Имени Радия Погодина пионерский отряд посёлка Седьмой Горный.

Первый казачий имени Дениса Третьякова пионерский отряд станицы Лихобабы.

Первый имени Андрея Колесникова³³ пионерский отряд Восточного Сельскохозяйственного района.

Больше трёхсот мальчишек и девчонок в галстуках стояли на площади. И Денис знал,

³³ Объяснимо, что ребята с латифундий выбрали для названия своего отряда имя Андрея Колесникова. Он был одним из первых пионеров Алтая и своей деятельностью сильно задел интересы группы «сельхозпроизводителей», фактически державших в кулаке всю округу, где он проживал. В 15-м году Серых Войн 15-летний мальчик был похищен группой бандитов на окраине своего хутора и зверски замучен в лесу. Его гибель одновременно стала и концом местной банды – её перебили стихийно поднявшиеся местные жители, возмущённые убийством. Надо сказать, в это время Алтай ещё не входил в состав Русской Империи.

что это – его заслуга. «Хоть бы кто пинка дал, – подумал он смятенно, – а то я, кажется, сейчас лопну от гордости... ага, вот! Учителя! Уууухххх... вот и пинок. Больно, однако!»

Денис недовольно покосился в ту сторону, где стоял родной педколлектив. Он был всё ещё обижен на коллег. Вскоре после его героического возвращения с задания они устроил своему пришедшему из отпуска сослуживцу внеочередной экзамен, причём совершенно драконовский – Денис даже всерьёз испугался, что его задались целью оставить на второй год! Но в конце концов всё прошло вполне прилично.

Впрочем, строй был ещё не строгий, мальчишки и девчонки перемещались, многие места не были заполнены... Денис помахал казачатам, Гришке... поискал глазами Настю. Не нашёл. Неужели не приехала?! Но об этом Денис не додумал – перехватил вынырнувшего из толпы Пашку, спросил:

– Генка где?! Ишимова не видел?! Да чёрт, где Генка-то?!

Ишимов был нужен как воздух, иначе не скажешь. У него со вчерашнего дня остались новые стенды для выставки в правлении, которые Генка собирался доделать дома.

– Сам ищу, – коротко ответил Бойцов, поправляя зажим галстука и оглядываясь. – Нету его что-то...

Денис ещё раз чертыхнулся – но тут к нему подбежал Борька Гуляев, пионер из первого звена, отсалютовал уже привычно, крикнул весело:

– Денис, тебя к телефону в правление, Генка звонит!

– Бегу! – Денис обернулся, но его родственники-друзья-спутники уже растаяли, так сказать. Ну что – праздник так праздник... Это он подумал уже на бегу.

В здании правления тоже былолюдно и предпразднично. Кто-то разговаривал по телефону – но тот, к которому звали Дениса, был свободен. Точнее его трубку держал Балаганов (в другой руке у него была новенькая кинокамера на длинном ремне). Денису он дружелюбно улыбнулся и сообщил:

– Геннадий – вас.

– Спасибо, – коротко буркнул Денис, принимая чёрную, слегка изогнутую трубку из тёплой шероховатой пластмассы. Вытер её ладонью, но редактор не оценил этого жеста, он уже отошёл и с кем-то разговаривал. – Алё... Генка?! Ты чего, ты где вообще?... А... Один, что ли?! Ну ты вообще, что, никого взять было с собой нельзя?! – Денис бросил взгляд на часы. – А, поздно... Ладно, я сам бегу навстречу!.. Да сам, сам!.. Не спеши, я быстро!.. Давай!

Денис вновь сунул под погон берет (уже небрежно сложенный), щёлкнул пальцами на счастье – и рванул с места...

* * *

Генка ночевал на стройке термального комплекса. Молодой стажёр-имперец, которого звали «просто Женья», как он представился при первом знакомстве мальчишкам, помогал ему монтировать на стенде систему освещения, они завозились, стараясь всё отделать тщательней и покрасивей, и Генка заночевал в кунге рядом с одной из опор. Он долго не спал – лежал на откидной кровати на животе, уперев подбородок в скрещенные руки, рядом с открытой дверью, слушал шум работы и смотрел на перемещение огней в небе – на нескольких ярусах. А когда уснул, ему снилось то, что он видел, засыпая, и он не понимал, спит или нет...

А утром, конечно, проспал, как дурак. Не сказал, когда его надо разбудить, его и не будили. 1 мая на стройке общим собранием решили не делать выходного, а просто везде включили марши из мощных трансляторов и объявили ударный день. Хорошо ещё, нашёлся телефон, удалось сразу дозвониться и, хотя трубку снял Балаганов, но там же очень быстро нашёлся Денис...

...Дозвонившись в посёлок, Генка всё равно не находил себе места. Ему казалось, что он непременно опоздает, и мысль о пустом месте в строю его допекала. В конце концов,

проспал-то он, и он виноват. А Денис теперь носится туда-сюда... Вполне естественным было, что он решил пойти навстречу Денису. Стенд потащит осторожно. А Денис его встретит по пути, дел-то.

Настроение сразу исправилось полностью, и Генка окончательно осознал, что сегодня праздник. Музыка догоняла его – и звала впереди. И, конечно, он не пошёл медленно, а шагал вполне быстро и напевал – напевал: «Я ветер ловлю руками...». Действительно быстро шёл, потому что уже добрался до окраины посёлка – нового квартала, построенного осенью. Тут было пусто, наверное, все ушли праздновать. Только кое-где дремали собаки, да флаги над входами во многие дома легонько полоскались под ветром с прудов. Генка остановился, осторожно поставил стенд на крыльцо запертого магазинчика поделок, выдохнул, помахал в воздухе руками. Стенд был нетяжёлый, но неудобный – вдвоём было бы легче тащить. Всё-таки надо Дениса подождать тут...

«Скоро лето, – подумал Генка. – Лодочная станция, стрельбище, одиннадцать пионерских цехов, летний лагерь в горах... Эх, съездить бы в лагерь в Империю – да и не ради лагеря, а... просто Санька писал, что...»

Что-то треснуло – резко, коротко. Генку сильно толкнуло в спину. От толчка смешно замерло сердце. Он ещё успел повернуться, удивившись, что ноги вдруг подломились – и его словно бы сама собой ударила стенка дома. Прислонившись к ней спиной, он удержался на смешно подгибающихся ногах.

Невысокий человек в широкой куртке – то ли из-за неё казавшийся грузным, то ли и правда грузный – целился в мальчишку из пистолета с расстояния в пять шагов. Генка скривил губы, сжал кулаки. Он ещё не верил, что в него стреляли, в него попали... и потом, это было неважно.

– В спину стреляешь?! – гневно спросил мальчишка. И, выдёргивая правой нож, шагнул вперёд. – Стой, сволочь, брось оружие!

Лицо грузного сделалось изумлённым, потом – испуганным. Он попятился.

И, зажмурившись вдруг так, что лицо перекошилось, выстрелил второй раз – Генке в грудь. Зелёная рубашка рядом с аксельбантом электрика почернела от пламени.

Завертелась, закружилась смешно улица, бегущий по ней Денис – совсем близко. «Падаю», – подумал Генка. И выставил ладони, чтобы не разбить лицо – но руки ушли во что-то мягкое, а лицом он не ударился совсем...

...– Генка! Генка, нет!

Денис задержался над телом Генки всего на секунду – на ту секунду, которой ему хватило, чтобы увидеть нож в кулаке Генки и – медленно плывущую из-под мальчишки вишнёвую лужу. И чёрную дырочку на спине – под левой лопаткой.

– Врача, скорей! – крикнул он замершему в открывшихся дверях человеку, вроде бы – женщине... руки, поднятые к лицу и так и не донесённые до него, в муке... даже не понимая, кто это. И, на бегу выдёргивая пистолет из парадной кобуры, ринулся следом за топчущей грузной фигурой.

Тах! Резко свистнуло над ухом. В меня?! Ну да, в меня. Убить хочешь?! Как Генку?! Врёшь, сука! Его не убил, меня не убьёшь! Тах! Убегающий стрелял с поворота, и Денис разглядел полное лицо с усиками – испуганное и злое. Он бежал медленней, и Денис нагонял. Тах, тах! Рвануло за шорты – пропала наглаженная парадка... незадача, чччёрт... Усатый снова развернулся, остановился, упал на колено, вскинул руки с оружием... Тах!

Мальчишка бежал – не сгибаясь, не петляя, не замедля своего страшного бега – бежал на пистолет, и усатый – с перекошенным от ужаса лицом – бросил свой – с последним патроном – и, заорав, побежал снова.

Тогда Денис выстрелил на бегу.

Усатый рухнул, кувыркнулся через плечо, тяжёлым бурдюком растянулся на дороге.

Денис попал ему в затылок...

...Когда Борис Игоревич подбежал к магазину поделок, тут уже было довольно много народу – Кенесбаев был, ещё кто-то. Третьяков-старший не очень на них смотрел. Он

бросился к сыну.

Денис – голый по пояс – сидел на ступеньках. Какая-то женщина, приложив белые от муки руки к щекам, стояла на крыльце – статуей. Руки Дениса были в сохнувшей крови, распоротые справа ниже кармана шорты – тоже. Но руки отца он оттолкнул – почти отбросил:

– Не моё.

– Да как не твоё, у тебя нога...

– Царапина. Это всё Генкина кровь.

Он уткнул лицо в дрожащий сгиб руки.

Ишимов лежал тут же, на ступеньках головой – под неё Денис подпихнул свою рубашку. Видно было, что Третьяков пытался спасти младшего – бинтовал даже. Но мёртвого спасти не дано никому. Может быть, наступит такое время, когда люди это смогут, но пока – никому. Никому.

Легко убить. А воскресить – не дано.

А может быть, в то, наступившее время никому просто не придёт в голову стрелять в детей. Или это уже слишком несбыточная мечта?

Подошёл Кенесбаев. Проводил глазами носилки – они тяжело провисли, белая простыня мела улицу. Валерия Вадимовна шла рядом; на мужа и сына посмотрела чужими глазами. Кенесары Ержанович отвернулся, кашлянул. Спросил Дениса – тихо, с досадой:

– Вы что – сговорились: свидетелей убирать?!

Денис поднял искажённое лицо. Кенесбаев ожидал увидеть слёзы или их следы, но глаза Дениса были сухи, а голос мальчишки звучал жёстко:

– Кенесары Ержанович, мне не до шуток.

– А я и не шучу... Денис, мне очень жаль мальчика. Я всё понимаю. Поверь. Но что мне теперь делать с трупом? Не умею я трупы допрашивать, тем более – без половины мозгов. А ведь, может быть, это «Либерия» в наши края вернулась. Её ведь так и не добились, даже не знаем, куда она ушла... Что хоть было-то?

– Генка стоял... – Денис потёр бедро, поморщился. – Со стендом с этим... меня ждал, наверное, неудобно же нести... Тот гад подошёл и просто выстрелил. Я даже не понял, откуда он взялся.

– Из переулка он взялся... – задумчиво ответил Кенесбаев. – Там материалы возили, переулок так и остался. Прямо к лесу... Так вот подошёл и выстрелил?

– Да! – Денис ошетинился. Зло смерил казаха взглядом. – Форму и галстук увидел и выстрелил, чего ещё-то ему надо?!

– Пожалуй, больше ничего, – согласился Кенесбаев. Отошёл, о чём-то заговорил с полицейским, делавшим фотографии.

Подошли двое с носилками. Один из санитаров сказал хмуро, глядя в сторону:

– Надо унести мальчика...

Денис ощерился ещё сильнее, страшным, быстрым движением цапнул пистолет. И тут же оружие из его руки переключилось в руку Валерии Вадимовны, а Денис с грязным ругательством схватился за безжалостно вывернутое запястье:

– Прекрати истерику, сын! – отчеканила она. – Не позорься. И не смей ругаться, иначе получишь по губам.

Денис не поднял глаз. Потянулся за окровавленной рубашкой, не глядя на то, как тело Генки грузят на носилки. Сжал рубашку в комок, отдернул руку... опять взялся за одежду, повозился. И с усмешкой показал по-прежнему стоящему рядом отцу ладонь.

На ладони Дениса лежала «Рука Помощи». Испачканная в крови.

Мальчишка вновь стиснул кулак, раня себя острым винтом крепления и выдохнул:

– А тут я не успел... Нет, мне она не по заслугам.

– Не дури, – неожиданно резко сказал отец. – Если бы ты мог успеть везде – ты не был бы человеком. Раньше такое называли – стань богом, выпей море. Ни у кого не получилось до сих пор.

– Я должен. Понимаешь – **должен** ! – Денис смотрел на отца побелевшими, спятившими глазами. Борис Игоревич видел такие – у тех, на глазах у кого в бою погиб друг. Видел. И так надеялся, что... А Денис продолжал, обрывая мысли отца: – Погиб парень, который был младше меня на два года и лучше меня в сто раз! И я – должен!

– Тогда носи – и помни, что – должен, – тихо сказал отец и резко тряхнул сына за плечи. – А ну?!

Валерия Вадимовна передала Денису пистолет. Он убрал оружие в кобуру, а когда распрямился – сверху по улице – плотно, во всю её ширину – бежали ребята. Из всех трёх отрядов. И останавливались один за другим – видели носилки, которые грузили в карету. И стэнд на крыльце. И Дениса. И всё понимали.

Понимали. Останавливались. Замирали. Как во сне, Денис увидел, что из остановившейся окончательно толпы вышла Настя. Она шла уверенно, словно всё видела. И встала точно рядом с Денисом.

– Кто? – тихо спросила девчонка.

– Генка Ишим... – У Дениса перехватило горло, он не плакал только потому, что знал: плакать ему нельзя. – Ишимов, – наконец справился он с тяжёлым спазмом. Настя протянула руку – снова безошибочно – и стиснула его голое плечо. Крепко. Надёжно.

– Это такой... светлый? – услышал Денис её голос и вяло удивился: почему светлый, Генка был просто русый... и откуда она это вообще могла уви... а потом вдруг понял, что именно она имела в виду.

– Да, светлый, – сказал он и добавил: – Мне надо идти, Насть... – и повысил голос, обращаясь к остальным: – Стэнд возьмите!

Стэнд так и стоял возле стены. Словно ничего не случилось, и хозяин сейчас должен его забрать.

Сейчас Генка подойдёт и заберёт стэнд. Пусть берёт слева, а он, Денис, справа – так легче нести. Вдвоём легче нести.

Он мотнул головой.

По-прежнему звучала над посёлком музыка.

* * *

Что у Ишимова всё знают – Денис понял, ещё когда только подходил к их «Сибиряку». Двери были настежь, у калитки на улицу валялись брошенные совок и метёлка – наверное, мама Генки наводила особенный порядок в честь праздника, прежде чем идти на площадь. Денис малодушно подумал, что, конечно, никого нет дома... но, едва он ступил за калитку и уже собирался постоять и уйти, как в дверях появился Ишимов-старший. Он совершенно спокойно посмотрел на Дениса (не знает, зашло сердце) и пояснил:

– Мои все в больнице... а я не смог. Уж подожду, пока привезут... – Он посторонился. – Ты проходи...

Денис подошёл к крыльцу. Музыка продолжала звучать. Марш был без слов, но Денис их хорошо знал – старинные слова... «Нам ли стоять на месте? В своих дерзаниях всегда мы правы...» Он заставил себя собраться и произнёс, на первых словах не узнавая своего голоса – совсем:

– Я пришёл. Я – командир. Если в отряде кто-то... то командир...

Тут он наконец заплакал по-настоящему. Навзрыд заплакал, переломился в поясе и коленках, сел на ступеньки и уткнул лицо в ладони. И только дёрнул лопатками; мужская тяжёлая от работы и от горя ладонь опустилась ему на спину. А потом – неверяще вскинул голову, когда услышал голос Ишимова-старшего:

– Ну что ты, сынок... ты уж не плачь...

Утешает?! Он?! Его?! Утешает?! Он – его?!

Денис всхлипнул. Сказал отчаянно:

– Получается, что я вам принёс смерть. Если бы не я – Генка бы жил сейчас.

– Жил бы, да... – непонятым голосом повторил Ишимов. Убрал ладонь, свесил руки между колен, и спросил, не глядя на Дениса: – Ты помнишь, что Гена болел?

Вопрос был неожиданным. Денис даже вздрогнул. Он совсем забыл про это. Генка ведь не был больным... вернее, был, но вылечился... А Ишимов-старший продолжал – размеренно, тихо:

– Я, Дениска, видел, как дети от этого умирали. От того, что у него было. Много раз видел. Много лет. И знал, что и Гена умрёт. Привык даже к этому. Ну, живёт сын. Ну, работает. Есть-то надо? Ну, умрёт сын. Что он – первый? Вот он и умер... – Ишимов-старший повернулся к Денису. – Есть, Дениска, такие командиры, которые, как что, кричат: «Вперёд!» Но ты-то не такой, это весь посёлок знает. Ты-то всегда «За мной!» кричишь. И в чём твоя вина? Что впереди бежал, а пуля в Генку ударила? Так он за тобой сам бежал... и обогнать хотел. И гордился, что за тобой бежит. Ты бы слышал, как он про тебя рассказывал... и про Империю ваш... **нашу**. Так что он умер. Правда. Но смерть-то смерти – рознь. Это ведь враньё, когда говорят – мол, всё одно, смерть и есть смерть... Враньё.

Денис молчал. Молчал от горя, от потрясения. Молчал от слов отца Генки. Молчал от того, что Генки не будет больше никогда – ни в музее, ни в отряде, ни в школе – нигде не будет, и с этим ничего не сделать. Молчал, потому что понимал: разве Генка первый? Или последний? Нет, нет... нет. Что он мог сказать? Сидящий рядом шахтёр, казавшийся намного старше своих лет, всё сказал за него – имперского мальчишку:

– Младших-то – примете в пионеры?

Денис вздрогнул. Отстранился. Глотнул.

– Конечно...

– Хорошо. Лидка уж больно к вам рвётся...

У Ишимова-старшего из глаз покатались слёзы. Он поморгал, улыбнулся, встал. Потрепал Дениса по волосам. Кивнул ему. И ушёл в дом.

Денис ещё какое-то время остался сидеть на крыльце. Он слушал марш и пытался осознать всё произошедшее сейчас. Именно **сейчас**.

* * *

Дома никого не было. Денис забежал сюда, чтобы бросить камеру – на сегодня он отфотографировался – и переодеться хоть как-то. И разозлился почему-то, увидев в почтовом ящике корреспонденцию, хотя ничего необычного или странного в этом не было. Он даже не хотел ничего вынимать, сделал это только по привычке. И так же по привычке посмотрел, что пришло – пока шёл к дому.

Первое, что ему попало под руки, – был свежий номер «Барабана». Его в посёлке выписывал не он один (а кто не выписывал – до дыр зачитывали в библиотеке, Олег стоном стонал). Но сейчас журнал показался Денису насмешкой. Какой-то мальчишка на обложке... а Генки нет. Его нет. Зачем тогда эта бумага? Но он всё-таки пролистал странички «Барабана». По привычке. Как делал всегда – и вдруг...

Геннадий Ишимов, 13 лет.

Имени Радия Погодина пионерский отряд посёлка Седьмой Горный.

Денис даже потряс головой. Тряхнул журналом, развернул страницы шире.

Геннадий Ишимов, 13 лет.

Имени Радия Погодина пионерский отряд посёлка Седьмой Горный.

Генка смотрел на него с фотки над этой надписью. Серьёзный, даже чуть испуганный. Когда он так снимался, где? Денис не помнил. А ниже фотографии...

Денис добрался до крыльца и сел – почти ошупью, уже читая...

Действующие лица:

Дед Трофимыч – обычный дед, которых на Руси пруд пруди.

Летчик – молодой парень, который умеет летать на самолете и хочет заработать денег.

Человек – выполняет роль ведущего.

Человек:

Расскажу я вам историю, коей сам свидетель был...

Однажды дед Трофимыч ходил с ружьем по тем местам, где молодость прошла. Ружье взял просто так – дед добрая душа.

И вот услышал он гул самолета, который чем-то поле опылял. И дед решил узнать – чем. Лётчик, посадив самолет, вышел, чтобы пообедать и дозаправиться. И вот он сел и стал обедать.

Трофимыч выскочил с ружьем.

Дед Трофимыч:

Красная Армия – победа!

Буржуев в одиночку бьем!

А ну ответь мне, Мистер Шмит,

А то безбожно будешь бит –

Зачем летаешь в облаках,

Людям в сердце вселяя страх?!

Лётчик:

Деда, деда, да ты что?!

Я людям делаю добро...

Ядом поле опыляю...

Дед Трофимыч:

Посмешил ты старика...

Щас как дам тебе пинка!

Говори, почто ты портил

Самолетом облака?!

Лётчик:

Дед, ну я откуда знаю?

Мне сказали – я летаю...

Дед Трофимыч:

Не гунди, как старый дед,

Быстро подавай ответ!

А не то – как дам двухстволкой,

И помрешь в расцвете лет!

Лётчик:

Ладно! Ладно!

Поливаю химикатом...

Человек:

Дед Трофимыч, ругаясь матом:

Дед Трофимыч:

Оболью тебя щас им,

А потом мы поглядим...

Коль расти ты будешь быстро,

То с собой возьму канистру,

Коль помрешь – так Божья воля,

Закопаю тебя в поле...

Лётчик:

Деда! Деда! Что ты! Что ты!

Такова моя работа,

Человек я подневольный,

Кто ж работой щас довольный?!

То особая отрава,

Чтоб подсолнухов орава

Жухла быстро...

То одобрено министром!

Если хошь, бери канистру!

Дед Трофимыч:

Обходились мы без яда,
Яда в поле нам не надо!
Вот держи – сие пурген...
ОЧЕНЬ сильный реаген!
Он безвреден и полезен...
В самолет сейчас залезешь –
Разведи его с водой,
И лети скорей тудой,
Где начальник этой фирмы
Оставался на постой.
Всё, что можешь, распыли,
Не касаясь земли...
А не то тя, хулюгана,
Успокою из «нагана»...

Человек:

Летчик быстро в самолет,
С места в высь – и как попрёт!..
...А на следующий день,
Поздно утром – рано лень...
Тот начальник скушал грушу,
(Все любил немытым кушать)...
Цельный день он с унитаза,
Будто с трона царь –
Не слазил!³⁴

Денис вдруг понял – почти с ужасом, что смеётся. Он смеялся, и это не было истерикой. Третьяков чувствовал, как своим смехом... воскрешает, что ли?.. да, воскрешает какую-то частичку Генки. Важную частичку. И это было сейчас самым главным. Самым важным.

Бережно отложив так и не закрытый журнал, он взял письмо, лежавшее дальше – с местными яркими марками и штемпелем Балхаша. Вскрыл конверт, почему-то уверенный, что и тут его ждёт добрый сюрприз... Какой ещё добрый, одёрнул он было себя.

Но он – не ошибся.

Здравствуй, Динь.

Это я – дядя Кеша. Иннокентий Валерьевич Немига, директор и воспитатель (а также много кто ещё) Первого Балхашского семейного детского дома. Мы тут все, как говорится. Только Ёри сбегал сразу. Я, если честно, не ожидал. Обидно. И не пропадёт, не малолетка уже, а вот попасть в неприятности может. Ищем, конечно, но я думаю: он уже далеко.

Вообще-то ты гад, Динь. Если так, по уму. Если к тебе посреди ночи «фурики» вламываются, то как-то не думаешь, знаешь, что они пирожки принесли и добра хотят. Но знаешь: катаракта – штука такая. Лучшие оперировать. Иначе так и проходишь всю жизнь, подозрительно глядяваясь, в сером тумане.

Наши тебе все привет передают. Особенно Спичка за тобой скулит. И Книга тоже скучает очень. Да и остальные часто вспоминают. Но, если приедешь – для порядка сначала точно побьют. А я оттаскивать не стану.

Хотя... тебя, наверное, не очень-то побьёшь. А?

Ведь у меня пару раз мелькало подозрение. Уверенность почти. А потом гляжу – ничего пацан не делает, не агитирует, на баррикады не зовёт. И успокоился. Уже не в первый раз, в общем-то, успокоился. Надо мной особо не каплет, и ладно.

Динь. Ты приезжай к нам, правда. Игорь-пионер тоже про тебя всё время

³⁴ Стихи П. Зубкова.

спрашивает – мол, мало поговорили в гостинице. Сам приезжай, или со своими пионерами. Мы тут теперь про тебя всё знаем. Книга себя по лбу лупит, аж гул идёт – он, оказывается, твой портрет видел где-то в газете, но, конечно, и подумать не мог, что там – ты. Да и память на лица у него – сам знаешь. Это не книжки запоминать.

Короче, приезжай. У нас тут и вообще почище стало, хотя, конечно, много чего ещё надо трясти. Ну, или успокоиться и просто жить. Не каплет же. Только, кажется, всё больше людей на это не настроены. И про это тоже поговорим.

Приезжай!

Спасибо, Динь-Имперец.

– Денис.

Мальчишка опустил письмо и поднял голову. Его окликал Балаганов. Александр Остапович стоял возле калитки – со своей новенькой камерой на ремне, только не в руке, а через плечо. Увидев, что Денис смотрит на него, редактор спросил – странно негромко и непонятно как-то:

– Я войду?

– Я... – Денис хотел сказать, что спешит, но потом кивнул: – Конечно.

Тщательно сложил и убрал в конверт письмо дяди Кеши.

Балаганов вошёл. Откуда-то тут же появился Презик, но, к удивлению Дениса, не стал конвоировать гостя, а сел около флаштока и задумчиво опустил морду. Александр Остапович, поддёрнув лёгкие брюки, сел на крыльцо рядом с мальчишкой, взял журнал. Посмотрел на разворот, осторожно, бережно положил обратно. Не закрывая. Денис почему-то ощутил толчок благодарности. Ему не хотелось прятать лицо Генки. Хотя это было по-детски глупо так думать.

– Я знаю, ты меня не очень перевариваешь, – сказал редактор и грустно улыбнулся. Денис упорно молчал, глядя перед собой, показывая всем видом своим, что сидит и слушает только из вежливости. – За дело. Я не знаю, поймёшь ли ты...

– Пойму – что? – резко спросил Денис, наклоняясь вперёд и по-прежнему не глядя на неожиданного гостя.

– **Что я такое**, – ровно проговорил Балаганов. – Твой отец при первом знакомстве сказал про «жареную пену», помнишь? – Денис отрывисто кивнул. – Правильно он сказал. Вся моя жизнь – сенсация. Найти, схватить, подать. Если нечего – то раздуть. И при этом никому серьёзному на ногу не наступить. Искусство, если хочешь знать.

Денис усмехнулся углом рта. Промолчал. Ему хотелось, чтобы Балаганов ушёл. Но тот не уходил...

– Журналист-то я на самом деле хороший. Это ведь только кажется, что посёлок маленький, пост невелик... А «Энергия» посёлку и моей газете большое значение придавала. Ты старые подшивки читал?

– Нет, – отрезал Денис.

– А зря. Олег читал, спроси у него, что он думает.

– Александр Остапович...

– Денис, ты дослушай, пожалуйста... Я и при вас точно так же жить собирался. Ну поменялась власть. Ну и что? Да вот и ты... Скажи честно: разве объективно сейчас моя газета не на Империю работает? И хорошо работает? Вот уже больше полугода? – Денис промолчал, и Балаганов подытожил: – Ну вот видишь. Ты согласен.

– Ничего я... – Денис вдруг взбеленился, резко повернулся к соседу по ступеньке. – Ну да. И что с того? Вы-то сами...

– Да, я сам, – Балаганов покачал камеру за ремень. – Я сейчас из больницы. Там твоя мать вскрытие делала... Этот мальчик умер после первой пули. Ты ведь сказал, что видел – он после первого выстрела двинулся и говорил что-то?

– Я сказал то, что было, Александр Остапович. – Денис тяжело дышал от злости.

– То, что было... – Балаганов странно улыбнулся. – Когда мне было столько лет, сколько тебе, я написал в газету – в эту самую, нашу, она и тогда была – заметку. Про

рабочих. Знакомые мальчишки из шахтёров рассказали кое-что... тогда у нас как раз двоих похоронили. Я написал. Не мог не написать. Её не напечатали, хотя она была написана хорошим языком. Даже по нынешним моим критериям. Хорошим языком и – с сердцем. Первый и последний раз – с сердцем... А меня избили в школьном туалете. Не очень сильно. Но хватило, чтобы я испугался. На всю жизнь. А сейчас я понял, что она в сущности кончилась, эта жизнь. Отрочество, молодость... самые важные годы я потратил на то, чтобы стать, кем стал. Да, я стал. И сейчас мой маленький сын... любимый сын... меня часто не понимает. Вы тут год, и он не понимает меня. И я... я сам себя перестал...

Балаганов неожиданно тяжело поднялся.

– Мне уже не отмыться, даже если начну из кожи вон лезть, – сказал он, глядя на тоже поднявшегося Дениса. – Потому что теперь в любом случае скажут: он за их – за вашей – спиной смелый, их не было – он за другими хозяевами ходил. Так и скажут. И будут так думать. Все. Но я хочу, чтобы ты знал. Вот ты, чтобы знал и своим сказал... Я попробую опять писать сердцем. И газетой руководить – сердцем. Я сегодня понял, что оно у меня ещё живо. И это, оказывается, больно. Но без этого, наверное, никак.

Он нелепо пожал плечами, улыбнулся, опять качнул камеру, повисшую на бедре. Повернулся и пошёл к калитке. Денис ошарашенно глядел ему вслед.

Проходя мимо Презика, Балаганов мельком погладил того по крутому лбу.

Пёс не отдёргнул головы. И, помахивая хвостом, проводил редактора «Нашего светоча» до калитки. А потом стоял у калитки, глядел вслед и одобрительно махал хвостом.

Денис поднялся, чтобы войти в дом.

* * *

Генку хоронили третьего мая.

День был пасмурный, душный, сырой, хоть и не шёл дождь – уже хорошо. Дениса преследовала идиотская мысль, что жаль – не дотянули со всем этим до восьмого майского Дня Памяти Предков, было бы лучше. Он готов был себя излупить за кретинизм этой мысли, но она сидела в голове, как кривой горячий осколок в ране.

Ишимова провожал не то что весь посёлок – люди собрались со всех окрестностей. В огромной текущей по улицам Седьмого Горного людской лаве многие плакали. Но – не пионеры. Они, шедшие сразу за гробом, за семьёй Генки, плакать себе запретили.

Кто-то вспомнил, что Генка на этот Новый год, когда дурачились в отряде, твёрдо заявил, что не хочет, чтобы после смерти его закапывали в землю – мол, ему и шахт хватило, под землю он больше никогда не полезет. В Империи сожжение умерших уже давно было практически правилом – если только кто-то не оставлял ясно выраженной воли, что хочет быть похороненным как-то иначе – но в Семиречье такой обычай ещё не был распространён, хотя кремационную площадку с «пушкой» тут построили ещё в конце прошлого лета. Поэтому Денис удивился, когда заставил себя подойти к родителям Генки и завёл об этом разговор. Ему казалось, что на него сейчас закричат, начнут ругаться – лезет с какими-то глупостями. И даже опешил, когда Ишимов-старший просто кивнул, а мать Генки, всхлипывая, сказала:

– Пусть... может, оно так и лучше – когда огонь... чем в сырость класть да в темноту... – и спряталась лицом на плече мужа.

И ещё – не было траурного марша, под который хоронили тут. В Империи его не играли уже давно, он был слишком выматывающим на слух имперцев. «Витязи» и военные вообще уходили под государственный гимн «О, Россия!», ясный, как солнечный рассвет, и почти весёлый, хотя и торжественный. А так – как для кого решат близкие или как кто напишет в завещании. Денис про это совсем забыл. И ожидал траурного марша с тяжёлой тоской.

И весь дёрнулся, когда на первом повороте оркестр – сводный, всех трёх отрядов – вдруг отчеканил во влажном густом воздухе сухую длинную дробь. И потом бил только её,

упрямо и вызываяюще, перемежая шаги. Словно при атаке. Не при безнадежном прощании. «Мишка позаботился, – подумал Денис, отойдя от удивления. – Молодец, Мишка...» – и нашёл его взглядом – идущего во главе знамённой группы...

И о другом он не распоряжался. Когда тело исчезло в металлическом жерле и бесшумно вспыхнуло пламя, а потом загудело, взвиваясь алыми концами галстука – над покачнувшейся толпой, заполнившей всё вокруг кладбища, опережая собравшегося было говорить Аркадия Тимофеевича Полянцева, взлетел голос Володьки... Того самого Володьки, который полночи просидел – ну, тогда в ночь с первого на второе – на своей верхотуре, только зло мотая головой, когда к нему подходили. И Денис подходил, и Олег, и мама. Володька только маме сказал извиняющимся голосом: «Я думаю, ничего со мной нету».

Наверное, он и правда думал тогда...

...Денис не очень запомнил, что пел его братишка. Только четыре строчки – те, что прозвучали, когда отрядное знамя медленно склонялось возле огня, – Денису помнились чётко. Очень чётко...

...– От битвы с бедой нам нельзя убегать!
Ты умер. Но сделал – что мог.
Спасибо тебе за твои два шага
На трудной Дороге Дорог...

...На чёрном шёлке с золотой окантовкой растительного орнамента и золотыми снопами по углам в центре золотилась прямая ладонь. И на ней ярко полыхали три лепестка пламени.

БУДЬ ГОТОВ – ВСЕГДА ГОТОВ! – горело яркое, нетускнеющее золото над гербом. А ниже герба шла тем же золотом надпись –

ПИОНЕРСКИЙ ОТРЯД ИМЕНИ РАДИЯ ПОГОДИНА.

– Давай, Лида, – тихонько сказал Денис. Лида Ишимова, подойдя к знамени (её лицо было спокойным, а точнее – застывшим), медленно и аккуратно приколола к левому верхнему углу тяжёлого полотнища чёрную ленту, на которой было золотом вышито:

ГЕНА ИШИМОВ, 13 ЛЕТ.

УБИТ НАЁМНИКОМ КОРПОРАЦИИ «ЭНЕРГИЯ»

1 МАЯ 25-го ГОДА РЕКОНКИСТЫ

Потом – отступила и подняла руку в пионерском салюте.

Первом в своей жизни.

* * *

Начальник строительства струнника, полковник Гражданского Инженерного Корпуса Валериан Нежданович Никандров был молодым – точнее, молодо выглядящим – подтянутым рослым «витязем». Тем более странно и немного смешно было видеть, что он откровенно робеет. Похоже было, что он охотней провёл бы 8 Мая у себя на строительстве, празднуя с остальными. Но отказать прочесть лекцию пионерам ему – одному из лучших и известнейших инженеров Империи, имевшему награды за работу в космосе, – было бы просто неприлично. Да, пожалуй, и невозможно...

Раньше – так получилось – ему никогда не приходилось выступать перед детьми. Несколько лекций для подростков, снятых на плёнку и использовавшихся в качестве учебных пособий в школах, и пять лет назад с маху, за три месяца, написанная популярная детская книга «Бегущие по струне» (выдержавшая, впрочем, четыре издания – пятое готовилось) в счёт не шли... И, по правде сказать, выходя на сцену перед полным (не только мальчишками и девчонками), сдержанно дышащим залом – он не знал, о чём ему говорить.

Так было до момента, когда, встав посередине сцены, он не бросил взгляд в зал и не

увидел сына Третьяковых, который его, собственно, сюда и позвал – тот стоял сбоку, в проходе. И смотрел на Никандрова. Решение было найдено мгновенно. Оно пришло само. Как и следовало быть этому у «витязя».

– Я слышал, что неделю назад был убит ваш товарищ, – сказал полковник, и ему стало ясно, **что и как** говорить. В зале прошло неясное движение, шёпот. – Я... я сочувствую вам, хотя это и бессмысленно – сочувствие после того, как случилось беда. Тем более – такая беда... Третьяков, Денис, – мальчишка кивнул, – у вас нет в фильмотеке ленты «Ростки»?

– Есть, товарищ полковник. – Денис кому-то сделал короткий жест, послышался в полутьме зала быстрый топот. – Сейчас поставят.

– Спасибо. – Никандров кивнул и снова обратился к залу: – Я знаю, что многие из вас хотят узнать о нашей работе. Знаю, что многие из тех, кто побывал у нас – а таких ведь немало? – мечтают стать инженерами и сомневаются: смогут ли? Так вот... я сейчас расскажу вам не о том, **как** мы строим. Нет. Я расскажу о том – **зачем** мы делаем это. А потом вы все сможете задать мне свои вопросы. Любые. Обещаю, что не уйду отсюда, пока не отвечу на последний!

Полковник улыбнулся. И тут же, словно улыбка была сигналом, в пригасшем над сценой свете еле слышно, ровно застрекотал киноаппарат...

...Зал слушал полковника.

Слушал уже полчаса – в полнейшей зачарованной тишине.

– В человеческой истории, – Никандров, казалось, меряет жестами глубину веков, и эти жесты не были отрепетированными, он просто был увлечён темой до такой степени, что сжился с нею, – были попытки создать совершенного человека. Наверное, их было больше, чем известно нам сейчас. Была Древняя Греция с её поклонением физической красоте. Но, поклоняясь красоте, эллины разных городов-полисов бросались в крайности. Это кончалось самоуглублённым аутолюбованием, нарциссизмом, как в Афинах. Либо выращиванием физически совершенных, но опустошённых творчески воинов, как в Спарте... – Слайды на экране меняли друг друга. – Древний мир так и не сумел найти золотой середины... Потом были другие времена, когда к идеалу приблизилась каста воинов-рыцарей, дворян – но увы, к идеалу вновь лишь физическому, причём огрублённому в сравнении с античностью, направленному лишь на подавление врага безоглядной смелостью, воинским умением – и нередко беспомощному в хозяйственной жизни, грубому в быту... А уж на полях и в мастерских трудились люди совсем иного типа. Даже внешне очень сильно отличались рыцарь и простолюдин одного народа... Много сделали для приближения к идеалу англичане, предки современных англосаксов, давшие нам идеальный тип **джентльмена** – физически развитого и красивого, умного, бесстрашного, честного и выдержанного человека, образца, которому следовали на протяжении нескольких веков и в других странах, включая Россию. Но круг джентльменства вновь охватывал лишь избранных, мало что меняя в жизни народных масс... Велики были заслуги славных государств прошлого – Третьего Рейха и Союза Советских Социалистических Республик – может быть, впервые в истории они попытались создать не **совершенные касты**, а **совершенные нации**. Попытки эти были утоплены в крови и грязи Серой Расой, унтерменшами по установившейся терминологии... Но идеи тех времён не умерли, и сейчас мы идём по их следам, ребята, – идём в будущее, идём уверенно...

Никандров замолк. Но среди слушателей по-прежнему царила тишина – на экране появилась звёздная бездна. Чёрная, всепоглощающая, пронизанная разноцветными точками света, она, казалось, валится на сидящих в зале. Но на её фоне рисовались пятеро. Люди в немного непривычной местным ребятам, но хорошо знакомой Денису национальной одежде Русской Империи.

Мужчина – рослый, плечистый, худощавый, с высоким лбом, с твёрдыми, заточенными жизнью и испытаниями чертами лица воина и мыслителя – чуть прикрывал плечом высокую женщину, статную, сильную красавицу. У груди она держала на руках годовалого малыша – с мягкой улыбкой наблюдая, как её сын, пока ещё ничего не желающий знать, кроме

маминой близости и её родного тепла, играет толстой тугой косой цвета спелой пшеницы.

Девочка-девушка лет пятнадцати – очень похожая на мать, но тоньше, стремительная в своей застывшей неподвижности, в повороте головы и тела, любовалась родителями, и в её глазах были гордость и нежность. А вот мальчишка – длинноногий, немного растрёпанный, на пару лет младше девушки, казалось, не замечает родителей, сестру, братика... Он даже стоял не то чтобы в стороне – но как-то немного **отдельно**, **протянувшись** всем телом вверх, к звёздам, и глаза его были жадны, лучисты и светлы. Рука отца лежала на плече мальчика – но не сдерживающим жестом, а так, как придерживают молодого пса, прежде чем толкнуть его вперёд и сказать: «Куш!»

– Мы пока ещё не стали такими. – Никандров широко прошёлся по сцене туда-сюда, повернулся к жадно следящим за ним пионерам, вздрогнувшим было от его неожиданного голоса, но сейчас вновь замершим, – и развёл руками в почти комичном, но искреннем сожалении. – Нет, не стали, – повторил он. – **Не все** – стали. Слишком долгими были века противоестественного существования рода человеческого в убийственной для него – воина, путешественника, охотника – среде мегаполиса. Слишком долго человек ел то, что нельзя есть, дышал тем, чем нельзя дышать, даже двигался так, как нельзя двигаться. И слишком страшной оказалась ломка генотипа в годы Безвременья, ребята. Колоссальный запас прочности, заложенный в нас природой, и так почти истощился к их началу. Но успехи есть, и успехи немалые. И мы с уверенностью можем сказать, что вот это – это наше будущее. Близкое будущее, ребята... – Полковник перевёл дыхание. – И вот что. Ваш погибший друг... я думаю, что он просто стал его частичкой. Частичкой будущего. Вы помните это всегда. И всё будет в порядке.

Он снова улыбнулся:

– А теперь – можете задавать вопросы!

Глава 12

Лики прошлого

«Спать, спать, по палаткам!» – пропел горн над побережьем Балхаша. Солнце садилось за плоские длинные здания исследовательского центра, в двух километрах от чёткого квадрата палаток. Там перемигивались разноцветные огни, а небольшая группа их плыла по воде в сплошном огненном кольце – очевидно, собирались погружаться.

Денис видел это через откинутый полог штабной палатки. Ему вспомнилось, как вчера они видели подготовленный к спуску подводный дом «Садко» – во время экскурсии. Может, его выводят? Нет, вроде бы сказали, что в августе...

«Вот бы пожить там, в этом «Садко», – подумал он. И тут же одёрнул себя: – Это не аттракцион. Уже хорошо, что на завтра разрешили вылазку под воду. Правда – только для тех, кто старше двенадцати и, конечно, под надзором инструкторов из центра. Но хоть так... Даром, что ли, они тренируются по два часа в день с самого начала смены?»

А я, пока беспризорничал в Балхаше, не знал, что тут есть такой центр. Не до этого было, что ли?» Он зевнул, потянулся и решил обойти лагерь. Так – на всякий случай. Пристрожить.

– Ты куда? – с подушки справа поднялась голова Олега. Голос у него был не заспанный, но это ничего не значило, и Денис махнул рукой:

– Спи, я так... пройтись.

Олег уронил голову обратно на подушку – словно ничего и не говорил...

...Галька под ногами была холодной, влажной и довольно острой. Ну правильно, её не обкатывала вода сотни и тысячи лет, эта галька появилась тут вместе с морем. Среди её обломышей чего только нет – яшма, родонит, халцедон... А Тонька Харатенко вчера нашла друзу фиолетового аметиста – в полкулака размером. Кое-что из найденного откладывали сразу для школьного музея имени Гены Ишимова, а кое-какие находки решили просто-напросто продать (или поменять – там посмотрим) на местную поделочную фабричку, тут

была такая.

Музей взяли на себя братья Раймонд. И, никого не спросясь, ни с кем не советуясь, сами так его назвали. А большой фотопортрет Генки в самодельной рамке из золото-чёрного лакированного дерева они повесили прямо над входом.

Хороший там был Генка. Такой, какой приехал из Империи. И очень живой...

...А лагерь спал. Уснул мгновенно – весь, кроме поста на входе. Условном входе – просто лёгкие ворота. Ограды у лагеря не было никакой – кроме задних стенок палаток. С моря ровно задувал лёгкий тёплый ветер, влажный и пахнувший фруктами.

Ну а чего не спать? Денис несколько раз читал в старых книжках про какую-то вечную проблему старых пионерлагерей – в смысле, довоенных: после отбоя никак никого не уложишь, даже настоящие конфликты возникают. С чего вдруг? Если день забит наглухо, то к вечеру особенных сил не остаётся, младшие уже за ужином клюют носами в тарелки...

Постовой ходил у ворот. Качался над плечом ствол «Сайги». Дальше виднелись огни Балхаша – за дорогой. Именно по этой дороге утром прикатил автобус – с тамошними пионерами... и не только. Приехал и ещё кое-кто.

Денис усмехнулся воспоминаниям. И решительно направился к палатке, в которой...

...Ну конечно. Естественно, Володька и Спичка не спали. Глупо было ожидать чего-то другого, и Денис сердито подумал, что надо было разогнать этого товарища в Балхаш вместе с остальными ребятами из Первого Балхашского семейного детского дома, приезжавшими с Кешей... то есть с Иннокентием Немигой – днём. Но Спичка, когда увидел Дениса, так засветился, так запрыгал, так смутился, а потом так попросился остаться ночевать – всего один раз попросился – что Денис не выдержал и сдался.

А вот Володька сперва на Спичку смотрел не волчонком – бешеным кашалотом. Ревновал. И Денис даже заопасался, что ночью будет драчка. Теперь же чувствовал облегчение – мальчишки разговаривали, разговор был вполне мирным... и – о нём. О Денисе.

Надо было войти и цыкнуть. Но... что ж, моменты слабости случаются у всех. Денис затаился у полога палатки и стал слушать.

– Так ты ему не настоящий брат?

– Настоящий, – по-прежнему ревниво ответил Володька.

– Да не ершишься ты, слушай... Я не про это. Ты же понимаешь.

– Ну... нет, конечно. Мам... Валер... мама не может больше рожать. Денис когда родился, она чуть не умерла.

– Ух...

– Да. Ну и вот так получилось.

– Повезло тебе. – Спичка явно завозился и признался: – Может, даже и лучше, что ты родителей не помнишь совсем. Во-первых, ты и раньше мог раз – и придумать себе разное. А сейчас, во-вторых, ты и правда, как с родителями... А я своих помню... немного. Лучше бы не помнил.

– Ну... я не знаю. Я, в общем, тоже почти беспризорником был, только не в большом городе. И один всё время... Он знаешь, какой хороший, Денис? Он...

– Я знаю, – чуть торжественно ответил Спичка. – У нас все это знают. Я даже... – Он помолчал и не стал договаривать. Володька спросил:

– Хотел с ним уйти, если что?

– Угу, – буркнул Спичка.

– Слушай... – Володька вздохнул. – Я же ничего... Его на всех хватит. Только он всё равно **мой** брат будет. А так...

– Ага, – снова буркнул Спичка, но уже веселей.

– Только он дурной бывает, когда со своей девчонкой. И вообще насчёт неё.

– Да старшие все от этого дуреют, – презрительно обронил Спичка. – Девчонки... фу! Визг-писк, врут всё время, не поймёшь, чего вообще хотят-то?! Ну их. Я от них всегда подальше держусь.

– Ага, – теперь подтвердил уже Володька. – Я тоже.

«Ох и врешь ты, Володенька, – с весёлой сердитостью подумал Денис. – Когда они тебя петь по радио или ещё где упрашивают, ты прям строевым гвардейским ходить начинаешь... и подрастаешь на полметра...»

– Я тебя сперва отлупить хотел, – вдруг сказал Володька. Спичка громко посопел и признался:

– А я тебя... Хочешь – пойдём, выйдем?

– Не... ты не думай, я не боюсь, просто...

– Да я и не думаю. С трусом Динь... то есть Денис... дружить не станет. А ты ему не просто друг, а целый... брат.

Денис отшагнул на несколько бесшумных шагов и пошёл к палатке, посвистывая и шурша галькой. Так. Услышали. Отчаянно заскрипели кровати – и наступила такая тишина, что было ясней ясного: не спят.

– Спать, быстро, – сказал Денис, становясь у входа. – Ваш скрип за морем слышно.

Ответом была гробовая тишина. Денис ещё постоял, уже не прислушиваясь, а – просто так. И продолжил свой обход.

Взрослых на постоянной основе в лагере не было, хотя кто-то появлялся каждый день – в основном по делам. Ну и полицейский пост обосновался на съезде с главной дороги, причём полицейские заявили, что лагерь тут совершенно ни при чём, у них – усиление в связи с общей обстановкой. Может, и не ввали, кто их знает?

На кухне (специальная палатка и здоровенный навес) ещё возились девчонки. Танька Васюнина тоже была здесь, и Денис не преминул спросить:

– Что на завтрак, Васюнь?

– Меню будет висеть в семь утра, – отрезала она.

– Рыжая! – оскорбился Денис. – Дай сухарь. Я от работы отощал уже.

Танька хмыкнула и передала Денису сухарь – ванильный, белый. Денис захрустел на весь берег, наблюдая, как две девчонки что-то перевешивают, перекладывают и рассматривают с серьёзными лицами.

– Послезавтра сразу три дня рождения, – вспомнила Татьяна. – Три торта я делать не буду. Сделаю один, но большой, разделю кремом на три части и на каждой напишу – кому.

– А что, очень ничего задумка, – одобрил Денис. – Ещё сухарь дай.

– Перитопчись-си... Лучше подпиши.

– Это что? – Денис облизнул пальцы. – Колбаса, сыр, масло, белый хлеб... Бутерброд какой-то.

– Это и есть бутерброды. Восемь, по два каждому ночному часовому. И чай с лимонником.

– Ох... траты и разорение... – Денис ехидно посмотрел на Васюнину, которой уже не раз доставалось за прижимистость. Та сохранила непроницаемое выражение лица. – Так... и так. Дай сухарь.

– Третьяков, ты зануда и проглот, – сообщила Васюнина, но сухарь дала, и Денис, посмеиваясь и снова хрустя, отправился дальше.

Зайдя в воду по колено, он выбрался за территорию лагеря. Вообще-то это запрещалось по ночам, но он решил немного понарушать режим – в крайнем случае, можно самому себе объявить выговор...

И вдруг Денису стало грустно. Он сел на гальку и, обхватив руками колени, поставил на них подбородок. Вдали в море двигались огни – в два ряда и ещё немного наверху, над ними. Корабль... Генка хотел тут побывать. Ему так понравилось на Чёрном море, что он буквально жил мыслью, как летом поедет хотя бы сюда, на Балхаш...

...и не поехал.

Денис вспомнил серо-жёлтый порошок, который ссыпали в алюминиевую с соляной чеканкой урну-цилиндр. Это, конечно, в миллион раз лучше, чем представлять себе, как тело Генки – пусть и неживое – лежит под землёй, и черви... Денис передёрнулся. Но всё равно –

обидно. Как же обидно! Был – и нет...

Или всё-таки всё немного не так? Всю жизнь, с самого раннего детства, Денис знал совершенно точно: достойные и храбрые не умирают. Их помнят – они живут. Забыть – хуже, чем убить. Но... но, если честно, он относил это как-то... ну... к разным великим людям, к тем, кто сражался в войнах прошлого, к предкам-легендам. А Генка – какой же он великий и какая он легенда? Тринадцатилетний мальчишка. Не из каких легендарных времён...

И Денис вспомнил звонкий голос Генки – полный гнева и бесстрашия: «В спину стреляешь?! Стой, сволочь, брось оружие!» И то, как отшатнулся от него тот... толстый гад. И выстрелил, зажмурившись. Как трус. Он и был трусом.

А Генка...

...Денис вдруг невероятно ясно ощутил, что Ишимов подошёл и сел рядом. Справа. И даже повернулся, чтобы спросить: «Ты чего это после отбоя тут?!» И даже увидел на миг Генкин задумчивый профиль – тёмный на фоне чуть более светлого неба.

Конечно, никого там, справа, не было.

Денис медленно отвернулся – и стал смотреть в море. Вслед уходящим огням корабля.

* * *

Экспедиция в затонувший город предполагалась в полдень, и в ней всего должны были участвовать двадцать восемь парней и двенадцать девчонок. Инструктор с базы привёз десять аквалангов – значит, четыре очереди.

С самого раннего утра было приятно-солнечно и тепло. Практически весь лагерь – хотя было объявлено, что тем, кто младше двенадцати лет, ничего не светит – дисциплинированно и дружно собрался у пирса, на котором шёл инструктаж.

Денис умел плавать с аквалангом – ещё с Петрограда. Но модель, предоставленная в их распоряжение учёными, была не очень похожа на «Неву», с которой раньше ныряли пионеры. Точнее, если говорить строго, это был даже не акваланг, а криоланг, заправленный смесью жидкого азота и кислорода. Яркий – всё красного, оранжевого и белого цвета, от ласт до маски – не с ремешками, а с наголовником. На красных баллонах – точнее, на одном восьмилитровом, широком и удобно выгнутом под спину и поясницу – белым зигзагом шла надпись: «Дафна». Сама прозрачная маска была глухой – на всё лицо, от лба до подбородка, без отдельного загубника – и стекло, видимо, не запотевало. На широком поясе несколько удобных креплений для снаряжения и прямоугольные карманы для варьированного груза – свинцовых параллелепипедов.

Акваланги лежали в ряд у ног инструктора, заканчивавшего беседу. Первая группа, в которой был и Денис, сидела на пирсе, свесив ноги, уже обутые в удобные белые ласты.

– Вот на этой штуке выставлена глубина в десять метров. – Инструктор высоко поднял руку с круглым индикатором. – Если загорится красным – немедленно прекратить погружение, вы на пределе. Если полностью погаснет – у вас осталось дыхательной смеси на десять минут, и надо подниматься.

– Десять минут – это же куча... – начала возмущённо Надька Минаева. Петька толкнул сестру локтем, Танька Васюнина кашлянула, и Надька заткнулась.

– Эти правила не обсуждаемы, – наставительно произнес инструктор. – Я приказываю это запомнить и делать так и только так. Я отлично знаю, что вы тренировались, но значков по работе под водой ни у кого не вижу, поэтому снова напоминаю жизненно важную необходимость их соблюдения... Впрочем – баллоны заполнены под завязку, их хватит на все четыре запланированных погружения с избытком... Напоминаю также, что опасных рыб или животных **в этом районе** нет. И последнее – держите в поле зрения как минимум одного вашего товарища. Всегда. В любой момент. Никаких мыслей типа «Я на секунду заверну вон за тот камень...» Я понятно выразился? Ни у кого нет никаких вопросов, возражений?

Он обвёл всех внимательным взглядом. Ни малейших возражений не было. И вопросов – тоже. Казалось, пионеры – и на пирсе, и на берегу – даже дышать перестали. Только небольшие волны легонько шуршали в гальке. Инструктор кивнул, вытянул руку вбок и скомандовал:

– К аквалангам... – Возле аппаратов мгновенно выстроилась шеренга из восьми мальчишек и двух девчонок. – На плечи... – Быстрое, чуть суетливое движение. – Маски... – Напряжённые и радостно-взволнованные лица скрылись под выгнутыми стёклами. – Аппараты включить... – Взмах левых рук назад. – Вдох, выдох... неполадки?

Ни одна рука не поднялась. По команде инструктора вся группа выстроилась на правом краю пирса – спинами к воде, в двух шагах друг от друга. Инструктор быстро и ловко, не делая ни одного лишнего движения, надел акваланг, подал сигнал «Делай, как я!» и солдатиком соскочил в воду.

Через миг ещё десять фонтанов взметнулись вдоль всего пирса. На берегу дружно и разноголосно-обрадованно заорали: «Урррааа!!!» – и шарахнулись к воде, надеясь что-нибудь, да увидеть в ней...

...Денис не смотрел вверх, хотя сперва хотел глянуть на солнце.

Он знал, что затонувший город начинается почти от самого берега. Но такого не ожидал. Не то что вверх не посмотрел – он даже не огляделся, хотя надо было бы. Просто так и ушёл солдатиком на пятиметровую глубину, помогая себе руками и ластами.

Лучи солнца проникали на эту глубину легко, и погружённый под воду город казался странным. Не заброшенным или нежилым... а каким-то... странным. Станным – и всё тут. И не очень приятным. Нет, Денис не боялся разных там чудовищ – он даже их себе не представлял, не фантазировал. Уж слишком угнетали остатки ушедшего под воду города сами по себе. Зеленоватые, застывшие – и многочисленные стайки самых разных рыб, мелькавшие тут и там, казались даже неуместными в этом царстве мёртвого покоя.

Денис знал, что город не был убит ни ядерной войной, ни рождением Голодного Хребта. Позже, когда начались катаклизмы и Балхаш «пополз» на город, у тех, кто там жил, хватило времени уйти – кто куда. Может, конечно, кто-то и остался – и наверняка многие были убиты во время беспорядков ещё до этого. Но смерть города не была неожиданной. Не той, которая вбирает в себя боль и ужас.

И всё-таки находиться тут было неприятно.

Взгляд Дениса упал на дорожный знак. Заросший бородой водорослей, он всё-таки был различим – бегущие детские фигурки. Кажется, так тогда обозначалась для автомобилистов возможная близость к дороге разных детских учреждений.

Олег проплыл мимо этого знака. Он двигался неуверенно, и Денис подумал с надеждой, что, должно быть, он сам не выглядит так неуклюже. Оказалось, что погрузилась на эту глубину худо-бедно вся группа. У Аркашки Раймонда в руках была зажата кинокамера в водонепроницаемом боксе – судя по всему, он не забыл о своих обязанностях и уже снимал.

Денис проплыл мимо него, подплыл к Олегу. Тот, неловко разводя руками-ногами, висел у чёрного проёма входа, над которым было написано – зелёными буквами на белой панели в обрамлении таких же зелёных крестов –

АПТЕКА.

В те времена аптеки почему-то обозначались вот так, зелёным цветом. Панель была почти чистой и, видимо, когда-то подсвечивалась изнутри.

Денис постучал друга по плечу, резко помотал головой, когда тот повернулся. Показал на вход, снова помотал головой. Олег кивнул, включил фонарь, снятый с пояса, направил луч внутрь. Разгром, опрокинутые шкафы. Большой сейф с вывернутой взрывом дверью, похожей на металлический цветок. Метнулась в сторону сверкнувшая живым серебром стайка рыб. Посреди аптеки плавала бумажная обёртка. Странно и даже жутко плавала – висела на одном месте и чуть поворачивалась по своей оси.

Поплыли наверх, показал рукой Денис, имея в виду крышу. Олег кивнул, снова грустно посмотрел внутрь аптеки. Оттолкнулся от поросшего водорослями асфальта и косо пошёл на крышу. Денис шевельнул ластами и двинулся следом.

Вся группа рассыпалась по окрестностям – но, видимо, наставления инструктора помнили хорошо и никто никуда далеко не отплывал. На плоской крыше лежали остатки велосипеда, но, когда Денис попытался к ним снизиться, прямо из-под ног у него метнулся и, взмахивая... э... краями, что ли, пошёл прочь какой-то хвостатый блин, по цвету неотличимый от этой самой крыши. Денис шарахнулся, закувыркался. Олег сотряслся от беззвучного хохота, мотаясь над крышей. Денис погрозил кулаком вслед быстро удаляющемуся большому скату. Тот вильнул и исчез в каком-то окне, словно у себя дома. Разве что не захлопнул ставни за собой.

От этого стало немного веселей. Мальчишки переглянулись и бок о бок поплыли прямо-вниз, где Лёшка Гордеев с Серёжкой Павлухиным маячили возле большого окна – вроде бы тоже хотели туда всплыть, но помнили о запрете.

И только когда Денис и Олег подплыли ближе – стало ясно, что Гордеев и Павлухин не собирались туда всплывать.

Там была комната – видимо, какой-то офис. Напротив окна стоял осклизший от водорослей стол, на который завалился шкаф с настезь распахнутыми дверями. А в углу за шкафом...

Там лежали черепа.

Много. Горка черепов всё в том же зелёном налёте. Чёрные глазницы заросли колышущейся зеленоватой бахромой. А у стены справа были разбросаны другие кости. Самые разные. Много. Наверное, раньше они лежали горкой, а потом...

...да нет. Там лежали не кости, а разделанные тела. Тут не просто убивали, тут...

Когда подплыл Аркашка, Денис отстранился и яростно ткнул внутрь рукой.

Подплывали и остальные. Замирали у окна, не решаясь к нему приблизиться. Подплыл инструктор. Застыл тоже.

Аркашка снимал. Денис видел за маской его бледное лицо и сжатые губы. Казалось, он не снимает, а стреляет из пулемёта по каким-то врагам. Денис отвернулся и только теперь увидел – точнее, только теперь обратил внимание, – что черепа там и большие... и маленькие.

Вот так. Быстро они бежали отсюда, раз бросили... мясо.

Снимай, Аркашка. Снимай, пожалуйста. Стреляй, Аркашка, стреляй.

Снимай. Стреляй...

...Никому больше не хотелось оставаться под водой. Чем-то вроде тесной стайки они поплыли наверх – навстречу солнцу, которое упрямо светило там, наверху. Навстречу теплу ясного летнего дня. Они очень спешили, хотя и не признавались себе в этом – спешили убедиться, что там, наверху, – их ждут лето и солнце.

Аркашка бережно придерживал одной рукой у груди чехол кинокамеры.

Денис пробил головой сверкающую водную плёнку. И, увидев тихо стоящих по колено в воде мальчишек и девчонок (Спичка с Володькой зашли по бёдра и намочили шорты), бешено замахал им рукой. Ощущая, как солнце льётся сверху нескончаемым живым потоком.

* * *

Когда вечером Денис, проводив Спичку на автобус, вошёл в палатку, Володька был там. Что, собственно, вполне объяснимо. Михалёву поручили монтировать акваплан³⁵, чем он сейчас и занимался. Остальные обитатели палатки лупили в волейбол, а Володька

³⁵ Одинарная широкая водная лыжа, имеющая руль и «крылья».

выполнял пионерское поручение и злобно сопел, то и дело заглядывая в развёрнутый рядом с ним журнал.

Денис видел, что Володьке это здорово надоело. Усидчивостью он и вообще не отличался. Впрочем, и Володька ощущал, что вошедший Денис на него смотрит, поэтому открыто бунтовать не стал, а зашёл с чёрного хода.

– Я не пойму, – буркнул он, – вот чего. Почему всю эту ерундовину не делают на фабриках там или заводах? Глупость какая-то получается... Материалы есть? Есть. Чертежи? Да где только не печатают! Вон, у Олега каждый месяц новые сборники приходят в библиотеку! Даже этот... процесс производства не такой уж сложный. И вот нате – «Сделай сам», ёлки-палки. На фабрике и быстрее получилось бы, и вообще...

– Володька, – Денис проверил футляр фонарика на свет, дунул в него задумчиво, – я тебе отвечу, а думай ты сам... Есть вещи – и вещи. Некоторые своими руками не сделаешь, как ты ни крутись. Например, электровоз. Хотя таких вещей и немного, если честно. Другие просто **надо** делать быстро и помногу – например, заказ для армии или для промышленности. Третьи обязательно должны быть совершенно, полностью одинаковыми – запчасти какие-нибудь. Теперь скажи мне – к какой из этих категорий относится то, что ты сейчас делаешь?

Володька с сомнением посмотрел на свои руки. Потом молча уставился на Дениса, явно ожидая дальнейших пояснений.

И они не замедлили...

– Вот ты говоришь – материалы есть, чертежи есть, а вещей нет. А по-моему, это правильно. Материалы есть, чертежи есть – делай сам. Можешь ведь? Можешь! Вот и труди руки и голову, будь добр. Не можешь? Научись. Или проси того, кто может, – по дружбе, или поменяйся с ним тем, что можешь сам. **Ничего** не можешь? Тогда на кой ты на свете? Так-то, – заключил Денис наставительно. Но потом продолжал: – Иначе ведь знаешь, как получиться может? Не я сделал – нечего беречь. Или ещё так – а зачем мне руки трудить, я лучше **куплю**. А если можно купить такую ерундовину – то почему бы, если денег побольше не заплатить, не купить хорошего мастера? Или сразу целый завод? А на заводе выпускать – **то, что пользуется спросом**. Или ещё лучше – **этот спрос организовывать и направлять путём рекламы**. Пусть покупают побольше самых разных вещей... и чем их больше и чем чаще их надо будет менять – **тем лучше для развития бизнеса**. И далее, так сказать... Шаг за шагом – и вот уже замечательный певец Володя Михалёв побирается на дорогах, и учиться ему светит, как Солнышко в Безвременье, потому что это **нецелевые траты средств**, которые он лично **не умеет заработать сам**... У вас ведь экономика в этом году уже была?

Володька побледнел. Отчётливо. Вдобавок к неусидчивости у него было хорошее воображение. У него даже капельки пота на лбу выступили. Денис ударил его очень больно и понимал это – но молчал и наблюдал беспощадно.

– Ну чего ты так смотришь? – наконец пробормотал Володька, терзая злосчастный акваплан обеими руками, как будто хотел разломать прочную фанеру. – Как на какую букашку в коллекции... Ну Денис! Ты чего такой стал?! – В голосе его прозвучал настоящий испуг.

– Да так. – Денис отвернулся, сел, достал из полевой сумки и разложил снятые под водой всеми группами кроки. – Я тут поработаю до отбоя.

– Понял я всё... – буркнул Володька. – Честное... честное пионерское – понял...

– Ну вот и хорошо, – улыбнулся ему Денис. И подмигнул.

Володька расцвёл... И снова сунулся в журнал.

Уже очень деловито, с важным видом занятого нужной работой человека.

Глава 13

Мамина клятва

Первое, что сделал Денис, вернувшись домой, – полез под душ, не слушая аханья (и, увы, не слушая и вопросов про Олега) Ольги Ивановны. То, что с него текло, водой назвать можно было только с большой натяжкой. И ведь каждый день в душе бываешь по несколько раз. И из воды не вылезает... «Почему, если оказываешься не дома, – размышлял Денис, свирепо намыливая голову, – всегда вот так вывозишься и не замечаешь?»

– Тётъ Оль! – крикнул он, не прекращая плескаться. – Вы не убирайте за мной ничего, пожалуйста, я заберу с собой, девчонки постирают! А мне, если можно, чаю сделайте и чего-нибудь пожевать – я в школу забегу, к Францу Ильичу, я за этим и приехал – и сразу обратно поеду!

Если Ольга Ивановна и собиралась что ответить – то не успела, потому что Денис совершенно отчётливо услышал голос мамы:

– Денис, ты в душе, что ли?

«Ой, – обеспокоенно подумал Денис, замирая. – Сейчас подколется обязательно, что, мол, визит к родителям у меня в планах не значился... а кстати, чего она, собственно, в полдень домой забежала?»

– Ага, я тут! – отозвался он. И тут же добавил поспешно: – Но я уже сейчас уезжаю!

– Сомневаюсь, – Валерия Вадимовна приоткрыла дверь. – Удачно, что ты дома... Домывайся быстро, есть дело. Это тут, кстати, носки лежат?

– А? Ну... да.

– А... я думала – грибы через пол проросли... Сын, ты долго будешь там плюхать?!

В голосе у неё была настоящая сердитость. Денис обмотался полотенцем и, другим вытирая голову на ходу, выбрался наружу.

Валерия Вадимовна стояла у телефона. Роняла слова: «Да... нет... нет, мальчишки... нет, я отвечаю... нет, надо быстро... я сама... всё... да, рация...» Потом повесила трубку – точным, экономным движением, уже не глядя на телефон, поворачиваясь к Денису, – и посмотрела на него чужим взглядом.

– Ты мне нужен, – бросила Валерия Вадимовна старшему сыну. Денис замер с полотенцем на голове, удивлённо глядя на мать:

– А?

– И ещё пара-тройка людей, причём быстро... Тут ещё ты со своим лагерем. – Валерия Вадимовна словно бы проснулась и обвиняюще посмотрела на Дениса. – Когда вы не нужны – в доме не протолкнуться. А как в кои-то веки понадобились, их не то что в доме – их и в посёлке никого нет!

– Так мам... – Денис даже опешил слегка. – Во-первых, ты про этот лагерь мне сама все уши... ой, то есть настаивала, даже фельдшера туда с нами... а я-то хотел, между прочим, лагерь на хребте в лесу сделать! Почти рядом! А во-вторых... что значит – никого нет?! Например Санька Брядин, Петька Минаев, оба Раймонда – они вернулись, на лодочной станции работают. Пашка Бойцов и наш Олег – они тоже сейчас ни в каком не в лагере. Они, между прочим, на хуторе у Гуляевых. И Мишка, конечно, с ними. Они в опытном саду возятся... И это не считая старших девчонок, они тоже уже тут, в школе чистят-блестят!

– Позвони Гуляевым, пусть Олег с Пашкой едут сюда. – Валерия Вадимовна задумалась. – Мишка пусть останется, а девчонки ему помогут, как такой вариант?

– Ну... можно... хотя там работа не сказать, чтобы лёгкая... – И наконец Денис выпалил встревоженно: – Мам, да что случилось?!

– Чай готов! – крикнула из кухни Ольга Ивановна. – И кулебяку я разогрела, идите уже!

Валерия Вадимовна посмотрела в ту сторону – как будто её окликнули из параллельного пространства. Потом снова глянула на Дениса.

– В уйгурском становище за Пилёным Ущельем – эпидемия чумы. Я еду туда. И мне нужны помощники.

* * *

Пашка, оказывается, был не на хуторе, а у себя на перевале – ездил за оставленными там у отца присланными из Верного удобрениями, их завёз проезжавший водитель-рейсовик. Но и Бойцов подъехал через полтора часа – как всегда, очень спокойный, даже весёлый. Жизнь подкидывала что-то интересненькое – чего не веселиться, товарищи?! Чай он тоже не упустил – Ольге Ивановне удалось хоть кого-то усадить за стол. Денис с матерью быстро делали сразу десяток дел, поминутно сражаясь за телефон, – им было не до чая.

А через десяток минут прискакал верхом Олег. Сердитый, конечно. Но с первых же слов Дениса, встречавшего его у калитки, задумался и первым делом заметил:

– Мишка вой поднимет, точно говорю. Не, что одного бросили тут, а что с собой не взяли туда.

– Переживём. И он тоже, – отрезал Денис. – Давай-ка вот что – поезжай в школу, вези сюда... – Он достал из кармана листок. – Вот список. Мама составила.

– Через полчаса буду. – Олег махом запрыгнул в седло. – Ххак! – и галопом полетел вдоль улицы.

Денис, мимоходом почесав за ушами Презика, поспешил в дом. Валерия Вадимовна опять говорила по телефону – с мужем. И снова, очень деловито, только в конце сказала тихонько: «Бориска, я тебя очень, очень люблю», – и снова стала немного чужой и предельно собранной.

– Надо бы кого-нибудь из местных сельских в проводники – такого, чтобы окрестности хорошо знал... – заявила она Денису. – Только, чтобы и обузой не был. У тебя в отряде есть такие?

– А не надо в отряде. – Денис не думал ни секунды. – Я сейчас Гришке позвоню, он нас по дороге встретит. Или даже сюда успеет – если копаться будем. Его без проблем отпустят.

– Гришке какому? Мелехову, из казачат?

– Угу, – кивнул Денис, уже берясь за телефон.

– Звони, только быстро. – Валерия Вадимовна поднялась к себе.

Гришка был на месте – в школе. Они тоже собирались ехать на Балхаш, но через пару недель, и слова Дениса – он в десяток фраз всё объяснил – у него вызвали почти радость, которая выразилась в отчётливом довольном сопении. Денис себе представил, как Гришка ухмыляется в трубку и откидывает рывком головы чуб – и улыбнулся тоже.

– Может, ещё с собой кого взять? – деловито спросил Гришка. – Я летом. Или даже взрослых позвать?

– От взрослых уйгуры разбегутся, – отрезал Денис. – А то ты не знаешь. Если бы ещё кого надо – мама сказала бы... Так ты будешь?

– Спрашиваешь. Мухой прилечу. Давай, до встречи.

– Насте... – начал было Денис и сплюнул досадливо – в трубке слышались ровные гудки. – Тенденция, чтоб её, – сообщил он трубке.

И сердито повесил её на рычаг...

...Участники выезда были обмундированы по полной. Только Гришка, успевший до отъезда отряда прискакать в Горный на своём неразлучном Луче, остался верен казачьему обмундированию, выпустил чуб из-под фурика и даже СКС не в чехол у седла сунул, а повесил за спину, как положено казаку (Денис уже знал, что таким образом казаки добавочно защищались от сабельного удара в рукопашной). На груди у казачонка гордо алел немного не идущий к его форме новенький галстук. Валерия Вадимовна была в сапогах, шароварах, армейской куртке и широкополой панаме. Олег, Пашка и сам Денис оделись в походную пионерскую форму – «конский вариант», как её в шутку называли в Петрограде. В смысле – береты, плотные куртки-энцефалитки защитного цвета, защитные шаровары, краги и лёгкие ботинки, и шутка была не совсем шуткой, именно в таком виде пионеры чаще всего ездили верхом. Каждый взял пионерский нож, топорик и оружие – «Сайги» у Дениса с Олегом и его «Медведь» у Пашки – с солидным запасом патронов, упрятым в «бурский пояс». У Валерии Вадимовны, Дениса и Олега были ещё их «Байкалы», а у Гришки – нагайка и его собственный бебут. На шестого и седьмого коней были навьючены две большие палатки,

эпидемическая аптека, припасы и радиостанция с запасом батарей. Денис не удержался – прихватил гитару, и мама не возразила. Судя по всему, она была уже мыслями там, где свирепствовала болезнь. А Денис подумал и добавил в свой багаж ещё книжку Шепелёва. Ту, которая «Грани». Про Серёжку и остальных. Он даже положил её не в седельную вещёвку, а в свою испытанную полевую сумку, хотя книжка там заняла бо льшую часть свободного места.

«А странно всё-таки, – весело подумал Денис. – Час назад – ничего не было. Вообще ничего. Я в душ только-только влез. И вдруг – на тебе. Семь коней, пятеро вооружённых людей, аптека, рация... собрался настоящий боевой отряд. Отряд, идущий на важное задание.

Странно. И здорово. Вот бы так под каждое дело...»

В приподнятом настроении находились, впрочем, все – кроме разве что Ольги Ивановны. Когда ей объяснили суть дела – она не в шутку рассердилась и об этом заявила прямо и недвусмысленно на кухне.

– Да ну вас, Валерия Вадимовна! – Мать Олега хлестнула в сердцах по столу снятым передником. – То ли вы святая, то ли головой больная, уж простите меня! И не думайте, что я за Олежку боюсь... боюсь, конечно, но в этом дело, что ли?!

– А в чём? – усмехнулась Третьякова.

– Кого спасать хотите?! – Ольга Ивановна подбоченилась сердито. – Убийцы это! Дикари! Сдохнут – туда им и дорога, не заплачет никто!

– Мама! – Олег, наполнявший фляжки, покраснел. Денис набылчился. Гришка крикнул – видно было по лицу, что он думает примерно так же. Пашка остался спокоен, на его лице было написано обычное: «Будет, как будет, а мне просто интересно!»

– Понимаете, Ольга Ивановна, – спокойно и дружелюбно сказала Третьякова и положила руку на плечо Дениса. – Вот мой старший сын. Если бы кто-то его убил и сам был ранен, – Валерия Вадимовна говорила совершенно спокойно, – я бы оказала ему помощь. Никакого выбора – кто мне нравится, кто нет – тут быть не может. И всё.

Ольга Ивановна какое-то время переводила взгляд, полный ужаса, с лица начавшегося улыбаться Дениса на доброжелательное и внимательное лицо Третьяковой. Потом всплеснула руками и сердито шлёпнула на стол пакет из пергаментной бумаги:

– Пирог, горячий ещё – с творогом и с мясом. Спешила – уж какие получились... Хоть поедите домашнее, а то там, я думаю, времени у вас не будет... Олег, ты там поосторожней будь...

– Обязательно, ма. – Олег помедлил, крепко обнял мать, поцеловал. – Да ты не волнуйся. Ничего плохого не случится.

– Хоть сядьте перед дорогой, – жалобно предложила Ольга Ивановна. Напрасно поторопилась – никто и не думал отказываться от этого обычая. Хотя посидели всего пару секунд – потом кухня разом наполнилась шумом, голосами, и весь отряд выкатился в коридор.

На улице уже было немало любопытных. Семь коней, из них два навьюченных, у дома имперцев – это событие знаменательное. Высказывались самые разные предположения – вплоть до эпидемии в пионерском лагере. В ответ на эту версию Валерия Вадимовна нашла высказавшую её шуструю бабёнку взглядом – и та поспешно выкатилась из общих рядов и канула в неизвестность.

– Ты дорогу хорошо знаешь? – обратилась Третьякова к Гришке, который уже сидел в седле. Казачонок пожал плечами:

– А чего её знать? Сорок километров – сперва по прямой, потом между скалами... там и слепой не заблудится... доеееедем.

– Ну смотри... – Валерия Вадимовна занялась упряжью, тщательно её проверяя.

– А это... – Гришка, последив за нею пару секунд, наклонился к Денису, который как раз сел на Серого. – Ну... твоя м... Валерия Вадимовна верхом ездить умеет? Тут далеко ехать...

– Сынок, – не оборачиваясь, отозвалась Третьякова. – Ты ещё икринкой был, так сказать, когда я впервые села в седло. – Она задумалась и, взлетев с одного толчка без упора в стремя на конскую спину, сообщила оттуда: – Нет, вру. Тебя ещё вообще не было в проектах умножения населения вашей славной станицы.

Гришка побурел. И начал оправдываться:

– Не, ну далеко ехать, а женщинам лучше в женском сед... – и заткнулся наконец, только когда оседлавший серого мерина из полицейской конюшни по кличке Пепел Олег пнул его в колено. Казачонок хотел вызвериться, но Олег, глядя в спину поскакавшего к матери Дениса, наклонился к Гришке и пояснил еле слышным шёпотом:

– Ты думаешь, почему Денис в семье у них один... кровный? Валерия Вадимовна ранена была. Давно. Очень. И родить не может. Понял теперь?!

– Ух... – Гришка легонько, мелодично присвистнул и сдвинул на чуб фуражку. – Оттт я ду-рааак...

– Просто больше про это не надо, – быстро попросил Олег. Он, похоже, хотел сам ещё что-то такое добавить, но внезапно сильно покраснел. Гришка не сразу понял, почему – но потом, проследив направление обречённо остановившегося взгляда Олега, обнаружил приближающуюся деловито-неуверенным шагом рослую, статную девчонку с двумя рыжими косами. Она была в пионерской форме и всем своим видом показывала, что просто-напросто пришла проводить товарищей по отряду в далёкий тяжёлый путь; так и казалось, что следом за нею сейчас выйдет и выстроится весь отряд. – Васюня, а ты чего тут?! – вырвалось у Олега.

Собственно, для начала она деловито пожала руку нагнувшемуся с седла Олегу и сказала что-то насчёт долга и важности дела. Но потом, побурев так, что на глаза навернулись слёзы, сунула парню свёрток и пояснила:

– Это пирог. В дорогу... – После чего, отчаянно потянувшись вверх, обхватила Олега за шею, едва не стащив его с седла, поцеловала и чуть ли не рысью скрылась обратно за дома. Денис даже не успел ей крикнуть, чтобы она съездила на Балхаш и проследила за делами.

– Пирог с чем? – деловито спросил Гришка. Олег бросил отчаянный взгляд на покатывающиеся в сёдлах со смеху Дениса и Пашку и хотел сунуть пирог Гришке, который тоже начал расплываться в улыбке. Но потом выпрямился в седле и заявил:

– Ну да. Она моя девчонка, я её парень. И хорэсь это скрывать, я ей давно говорил. А пирог с рыбой, и если будете ржать, то я его съем один.

– Серьёзная угроза, – оборвал смех Денис и пнул Пашку в щиколотку.

– Мы едем или нет? – Валерия Вадимовна подала голос – по её лицу нельзя было прочесть ничего, кроме нетерпения.

– Пц, – Гришка легонько тронул каблуками Луча – и тот его вынес на дорогу одним сильным махом.

Отряд цепочкой пристроился за ним следом – уже на рысях...

Презик рысил следом до окраины посёлка. Где сел и долго-долго смотрел вслед – брать его с собой не захотели.

Псу было грустно.

* * *

Пилёное Ущелье своё название заслужило вполне. Хотя, пожалуй, молодому поколению оно было бы уже и неясно.

Изломанной змеей вонзавшееся в Хребет Голодный в двадцати километрах на запад от посёлка, ущелье поднималось незаметно выше и выше – на два километра почти – а затем резко обрывалось крутым, еле проходимым спуском в Долину Танцующих Ручьёв, где текли минеральные источники, в том числе – горячие. Кроме того, в тех местах всё ещё наличествовал повышенный фон радиации – не очень сильно, но явственно. В неясных пока толком, отдалённых планах развития долину рассматривали как место постройки

бальнеологического курорта, даже проекты какие-то лежали в ожидании конкурса... Но пока что мало-мальски приличной дороги не было не то что в саму долину – даже по лесу до поворота в ущелье.

Первым русским, пришедшим в эти места – говорят, ещё во время начала Серых Войн, – синевато-белые странные скалы, из которых состояли стены ущелья, напомнили пилёный сахар. Чудные аккуратные бруски, параллелепипеды и кубы, словно бы и впрямь были умело напилены и уложены в горки для продажи. На самом деле это, конечно, был вытолкнутый из недр земных качественный мрамор, но сходство всех поразило.

Пилёный сахар уже отошёл в прошлое. А название осталось...

...Если честно, Денис всё-таки себе и представить не мог, что мама так здорово умеет держаться в седле. Видимо, и на Гришку с Олегом и Пашкой это произвело впечатление – даже казачонок посматривал на женщину с уважением.

Они четверо почти всё время молчали. О чём думала мама – Денис не знал. Ну а мальчишки молчали от осознания важности миссии. Для Гришки что-то такое, может, и было привычным, а вот вчерашний поселковый мальчишка Олег и сын частного предпринимателя Пашка никак – это было видно – не могли освоиться с мыслью, что они делают дело государственной важности. Но Денис с удовольствием отметил, что форма немало этому способствует.

А вот Гришка то посвистывал, то мурлыкал под нос и вообще вёл себя беспечно, на взгляд Дениса... пока – они ехали по лесу уже третий час, – не переставая что-то мелодично урчать, казачонок не нагнулся с седла на ходу и, подцепив клочок зеленовато-рыжего мха, не показал его всем:

– А вот шерсть вампуара. С ночи лежит.

Это и впрямь оказался никакой не мох, а шерсть – маслянистая, с пряным запахом. Денис покраснел. Хорош он следопыт – не заметил такое! Но тут ему вспомнился вампуар из книжки про охоту – жутковатая тварь в метр ростом со всеми атрибутами выходца из кошмарного сна. Он еле удержал на языке вопрос, не опасно ли здесь? Вроде бы вампуар охотится по ночам и не нападает на особо крупные объекты... Гришка же сдул шерсть с ладони и весело запел, шлепком сбив на лоб фуражку:

– Тёплый ветер в поле летал,
гулял,
глядел,
А потом
Этот ветер в окна влетел –
И мне рассказал он шёпотом:
«Очень много смуглых ребят уже сегодняшним вечером
К нам придут рубить всех подряд, крича на тюркском
наречии!»

А я в свои пятнадцать годков понюхал смерти и пороху.
Голову снимаю легко, будто шляпку с подсолнуха...
Не рискуй с такой детворой на саблях в поле тягаться ты!
Было дело – выходил и один в соотношении к двенадцати!..

– Гришка неожиданно прервал вокальные упражнения и вытянул руку, с которой живой змеей свисала нагайка: – Вооон там проход в ущелье. Полпути сломали, ещё засветло будем на месте!

И – продолжил:

– Вот уж видно их вдалеке...
Чёрный главарь

По-звериному щерится...
Ой, да что ты позабыл на реке,
Что называется
вольной Медведицей?
Должен ты накрыться в бою
По моему разумению детскому...
Я тебе по-русски пою –
Ну, а если хочешь – могу по-турецкому!

Подходи, ребятки, давай!
Я нараспашку весь – будто в исподнице...
Пика – это мой каравай;
Кто рот раззявит – тот враз успокоится!

«Хура, хура, хура-хой!» – слышу турецкие
возгласы резкие!
А вон тому красивому – щас! –
В голову дам заточённой железкою...³⁶

* * *

В отличие от Пилёного Ущелья, где если что и росло – так камнеломка, чахлые деревца, угнездившиеся жадными корнями в расщелинах, да серая трава, – Долина Танцующих Ручьёв изумляла красотой и обилием зелени и воды. С верха крутого спуска, на который вывело спасательный отряд ущелье, открылся вид на овальную (примерно километров семь в длину и три в ширину) тарелку, в центре которой посреди большой, занимавшей около трети долины рощи виднелось круглое озеро. На дальнем от спуска склоне тянулись дымы – точнее, пар, там выбегали из скал и в скалах же скрывались, не добираясь до озера, горячие источники. По склонам взбирался лес.

А правее спуска – и в паре километров от него – виднелись разбросанные вдоль опушки рощи десятки юрт.

Над ними шёл в небо настоящий дым – дым от нескольких больших костров...

...Становище уйгуров поражало своим убожеством. И дело было даже не в юртах – в конце концов, палатки выглядят почти так же, – а в ощущении, что его жители полностью махнули на самих себя рукой. Везде валялся мусор, немногочисленные обитатели передвигались вяло, не глядя по сторонам – только себе под ноги. Чёрным дымом чадили несколько костров, и Гришка, привстав в стремях, поморщился:

– Мясо горит... Сусликов жгут, Валерь Вадимна. Край...

Третьякова кивнула. Это и так было ясно.

– Ну что, ребята, – сказала она, обернувшись на своё воинство и даже взглядом не выделив сына, – отсюда ещё можно назад, потом – буду требовать с вас как со взрослых.

Ответом было оскорблённое молчание. И небольшая кавалькада, задержавшись ещё на полминуты, шагом двинулась вниз...

...Тайон встречал русских на окраине становища. В руке – высоко поднятой – невысокий старик держал палку с навязанными на неё чёрными тряпками, мерно покачивая ею и отрешённо глядя на подъезжающих людей. В глазах старика было только отстранённое равнодушие, он даже не посторонился, когда конь Валерии Вадимовны напёр на него грудью. Только проронил треснутым и дребезжащим голосом, чисто и ровно выговаривая

каждое слово:

– У нас Чёрная Смерть, русские люди.

– Я знаю и приехала именно поэтому. – Валерия Вадимовна ловко соскочила наземь – Гришка подхватил пальцем брошенный, не глядя, повод и вызывающе-красиво избоченился в седле. – Я врач. Укажи нам, где можно разместиться.

Тайон посмотрел немного живее. Но покачал головой:

– Уезжай, белая женщина. Мы умерли, ты не поможешь. Оставь нас.

– Я не могу уехать, – спокойно ответила Валерия Вадимовна. – Я давала священную клятву именем великого врача древности – помогать больным. Меня прислал Великий Ата Бахурев, едва узнал о мучениях твоего недостойного племени.

Старик покачал головой вновь:

– Ата Бахурев велик, и я уважаю твою клятву неведомому мне врачу. Но клятва не спасёт тебе жизнь, белая женщина. Чёрная Смерть ревнива, она не любит соперниц.

– Клятва спасёт мою честь. Это намного важнее... – Валерия Вадимовна стянула узкие скрипучие перчатки. – Ты ведь не убегаешь от людей, хотя ты здоров.

– Это мой народ, – ответил тайон с неожиданной гордой твёрдостью. – Он и так умирает.

– А это – **моя работа**, – отрезала Валерия Вадимовна. – Покажи нам место, где можно остановиться. И скажи людям, что эти мальчишки, – она кивнула на сидящих верхом ребят, – убьют любого, кто вздумает не принять лечение – убьют на месте и сразу. Так велел Великий Ата Бахурев. Смерть тому, кто не выполнит его волю, – бойтесь её, а не Чёрной Смерти.

– Когда мы были сильны – мы убили множество русских, – тихо сказал уйгур. – Если бы мы смогли – мы бы убили всех русских. Всех. Так **зачем** ?

– Ты не поймёшь, – отрезала Валерия Вадимовна высокомерно.

Тайон молча склонил голову и опустил шест:

– Я покажу место и велю тем, кто еще жив, повиноваться вам.

...– Григорий, займись конями. – Валерия Вадимовна распоряжалась на ходу. – Денис, разверни рацию, отработай сеанс. Павел, ставь палатки. Олег, бери вон тот чемодан, с номером «15», пойдёшь со мной. Всё, работаем.

Голос матери был жёстким и сухим, как замороженный металлический лист, движения почти пугали точностью и быстротой. Мальчишки, что называется, «шуршали», даже не думая о лишних – и вообще каких бы то ни было – вопросах, только шелестя в ответ без наигрыша: «Есть, товарищ штабс-капитан... сейчас, товарищ штабс-капитан... готов, товарищ штабс-капитан...» Валерия Вадимовна без эмоций вкатилла всем по десять кубиков универсальной сыворотки, дала Олегу маску и резиновые перчатки, сама натянула такие же. В сущности, это были просто дополнительные меры предосторожности – иммунитет русских, выживших и давших потомство после Безвременья, был твердокаменным. Но поддержать его стоило... Особенно при первом контакте.

Очень быстро лагерь у широкого, но мелкого ручья, убежавшего в рощу, обрёл жилой вид. Гришка, не переставая насвистывать, ловко сколачивал топором из тут же вырубленных слег коновязь (которую не забыл первым делом гордо пометить войсковым знаком и памятной надписью: «*Был: проводник мед. экспедиции Гр. Мелехов, Семиреченское Казачье Войско, июнь 25-го г. Рек. »*), освобождённые от поклажи и сбруи, но стреноженные кони бродили вокруг, отдыхая после изматывающего марша. Пашка ставил уже вторую палатку. Денис, используя вместо стола упаковочный ящик, шаманил над микрофоном развёрнутой станции:

– Крест, Крест, я Крест-Выход, я Крест-Выход, вааазьмите аварийный пеленг, авварийный пеленг вааазьмите!... Как слышите меня? Слышу вас хорошо... Крест, Крест, я Крест-Выход, пеленг беритеее... ааатличнооо...

Со стороны становища за ними наблюдали. Но неявно – никто не осмеливался не только подойти, но и просто высунуться в этом направлении. Поэтому, когда Валерия Вадимовна и Олег – почти через два часа, уже начало быстро темнеть – появились за ручьём,

то спутать их ни с кем было просто невозможно.

Мальчишки побросали дела и, перестав скрывать тревогу и нетерпение, поспешили навстречу.

– Эпизоотия у сурков, – не дожидаясь вопросов, спокойно буркнула Валерия Вадимовна. – Это видно даже без анализов и обследований. Сурки чумные, эти придурки их ловят и жрут. А блохи с сурков жрут придурков. Надо полагать, веков цивилизации не было никогда... Ну а потом все они начали друг друга обчихивать и обкашливать, ну и поехало – бубонная в лёгочную, дураки на костры... Пустулы у всех, кого я смотрела. Бубонной, кстати, уже нет – кто от неё не издох, издыхает от лёгочной. Цианоз, кровью харкают куда попало... озноб, боли по всему телу, морды опухшие, температура около сорока... – Она почти равнодушно говорила, а Олег – было видно – судорожно тёр руки.

– Оплевали? – не смог скрыть испуга Денис.

– Сссскоты, – процедил вместо ответа Олег и передёрнулся. – Специально харкают.

Валерия Вадимовна, с лёгким прищуром осматривая разом притихших мальчишек, вдруг сказала:

– Вот что, мальчики. Послушайте сказку... Давно это было. Шёл в город Рим могучий Бог. Вдруг видит – Чума ему навстречу, гнилой платок на плечи, клюкой подпирается, к городу подбирается... «Стой, подлая! – рявкнул Бог. – Куда идёшь?!» – «В Рим-город иду, уморю там десять тысяч человек, – Чума ему в ответ. – И ты на дороге не стой, дело пустое – от природы положено мне не давать пощады человеческому роду!» Призадумался Бог, да и – не будь плох! – Чуме говорит, ласково да вежливо: «А вот о чём я тебя, подлая, попрошу. Пожалей ты людей, злодейка. Умори там всего тыщу человек. А уж я тебя помнить буду целый век!» Чума подумала, клюкой плешь поскребла – да и согласилась. И дальше пошла... Время прошло немного – и дошло стороной до Бога: не тыща людей и не десять тысяч в Риме перемёрли, а больше намного! Возгневался Бог – побежал Чуму искать. Нашёл её в один скок, тряхнул за химок: «Ты что ж делаешь, подлая?! Уговор наш порушила?!» А Чума ему в ответ смеётся, да и говорит: «Нет, Бог. Никого сверх тыщи я не прибрала, уговор блюла. А кто сверх того подох – того не я – того Страх прибрал! Страх не Чума – полютей меня...» – и поинтересовалась: – А почему костёр ещё не горит?! Я лично есть хочу. И все хотят, правда?..

...Лагерь обрёл завершённый вид. Две палатки (спальня-склад и лаборатория «за всё», от фото– до камералки – заодно там же намеревалась спать Валерия Вадимовна), коновязь (даже с яслями), радиоточка под навесом в чехле, очаг, флагшток с чёрным эпидемическим треугольником, Красным Крестом и государственным флагом Семиречья сверху вниз.

Продукты, взятые с собой, были просто-напросто армейскими сухпайками, причём не из последних – собранными и упакованными чуть ли не во времена Серых Войн, как пошутил Гришка... или не пошутил? Вполне однообразные, хотя и питательные. В каждой коробке из пропитанной парафином крафт-бумаги были шесть стограммовых чёрных сухарей в полиэтиленовой запайке, двухсотграммовый брикет концентрата пшённой каши, семидесятипятиграммовый – горохового супа-пюре, стограммовая упаковка твёрдой брынзы, небольшая банка свиной тушёнки, пакетики с сахаром, чаем и солью и две таблетки – суточная доза поливитамина и мощный обеззараживатель воды. Подобными пайками снабжали «в своё время» «иждивенческое взрослое население» – вполне сытными, но очень однообразными, предназначенными для того, чтобы человек не потерял силы и не заболел цингой или авитаминозом. Не больше.

– Чёрт, – пробормотал Денис, сидя над коробками. – Знал бы – взяли бы с нашего склада. Или в полицию съездили бы... А теперь жри это... Олег, ты ничего лучше взять не мог?!

– Заелись мы быстро, – усмехнулся Олег и толкнул друга в плечо. – Да ладно тебе. Мозги есть, руки есть – из такого набора можно десятка полтора блюд приготовить. Я сделаю.

Валерию Вадимовну, судя по всему, скудность меню совершенно не волновала – она

ела, просто чтобы подкрепиться, а мыслями явно была далеко от ужина. Денис косился на неё даже слегка испуганно – он видел перед собой чужую, очень жёсткую и решительную женщину, причём в этих жёсткости и решительности не было ни капли юмора, обычно значительно смягчавшего характер его любимой мамы.

– Завтра наладите душ, – сказала она между тем, раскрывая на коленях полевую сумку и достав рабочий блокнот. – В обязательном порядке. И начнём работать как следует.

* * *

Борьба с чумой оказалась достаточно нудным занятием. В основном она состояла из того, что вечером приходилось заполнять длиннющие списки – это делала Валерия Вадимовна. В остальное время кто-то оставался в лагере дежурить-кухарить (хотя готовил чаще всего Олег), следить за порядком, таскать воду в душевую выгородку, сбитую из жердей и обтянутую брезентом, а остальные шли работать. Двое – с Валерией Вадимовной по становищу: обрабатывать стрептомициновой мазью слизистые, вливать снова и снова плазму, которой, к счастью, было взято предостаточно, – и кормить население стрептомицином и тетрациклином. А ещё один брал ранцевый огнемёт и шёл выжигать сурчины, которых у скал по всему периметру долины оказалось до бешеной силы. Денис ещё три раза в день – в семь, в полдень, в девятнадцать – отрабатывал сеансы связи. Гришка возился с конями. Пашка временами наведывался в рощу – стрелять часто залетавших туда тетеревов и ловить в озере рыбу, в основном крупных линей. А по вечерам всё-таки находилось время немного отдохнуть.

И делалось всё это в окружении плохо скрываемых страха, злобы и дикости. Казалось, что пришельцев считают какими-то злодеями, посланными довершить истребление всех, живущих в юртах. Впрочем, серьёзный эксцесс был всего один, в первый же день: существо с уродливым наростом на лбу справа, почти закрывшим перекошенный глаз – вроде бы женщина, – бросилось на Валерию Вадимовну, только что отобравшую у матери ребёнка. Мать получила пинка сапогом в солнечное, ребёнка Третьякова ловко зажала в какой-то странный хват, от которого он разинул рот, – и скармливала ему таблетки, следя, чтобы он не подавился и не выплюнул лекарство. Тут-то и произошёл этот... бросок.

Пистолет Валерии Вадимовны лежал не в кобуре, а в кармане куртки.

Через карман она и выстрелила – Денис-то едва успел достать своё оружие. А потом вернулась к прерванному занятию и сунула ребёнка в руки матери, бросив: «Не вздумай заставить его блевать, увижу – тебя тоже пристрелю»...

...Раньше Денис уйгуров практически не видел – не считать же знакомством ту памятную встречу с одержимой «жаждой солнца» толпой? Теоретически он знал, что уйгуры – родня казахам. Но хотя казахи, на взгляд Дениса, красотой не отличались – насчёт них, по крайней мере, не возникало сомнений, что это – люди.

Об уйгурах он такого сказать не мог.

При виде их Денису в голову приходило только одно – врезавшаяся в память строчка из прочитанного когда-то в детстве (ха) маминого сборника лекций, посвящённого летальным мутациям: «Не то ели, не там жили, не с теми спали». Восемилетний Дениска не очень понял тогда, что к чему, а теперь...

Теперь видел – точнее не скажешь. Чума никого не красит, что тут говорить, но жители кочевья и до чумы скорее напоминали что-то полуживотное. Точнее – полумонструозное. Медицинских познаний Дениса вполне хватало, чтобы просто-напросто увидеть – разные степени умственной отсталости, чисто физические уродства, вплоть до лишних рук и глаз, и наверняка массовое бесплодие. Последнее легко определялось тем, что детей почти не имелось.

Смотреть на всё это было отвратительно. Помогать обитателям кочевья – казалось просто-напросто оскорблением здорового рассудка. Судя по всему, остальные ребята думали так же; Гришке было легче всех, потому что его «форменных признаков» боялись до

столбняка даже откровенные дебилы.

Собственно, Гришка и завёл разговор – в один из вечеров у костра, кажется, на четвёртый день, – когда мальчишки отдыхали, а Валерия Вадимовна при оранжево-красном пляшущем свете заполняла бумаги. Настин брат сидел себе сидел, грыз веточку, обсасывал с неё кусочки янтарного сахара, а потом предложил:

– Валерия Вадимовна, – она кивнула, не переставая что-то записывать, – я вот смотрю и думаю... чего вы с ними возитесь? Давайте кончим их – и делу венец. Препараты сэкономим, время, – он загибал крепкие пальцы, – да и вообще – на кой они на белом свете? Если уж мы своих убивали почём зря – нам по истории говорили, да и старшие ещё кое-что застали, – то с этим-то уродством чего вошкаться? Всего дела на полчаса. А потом запалим вокруг – и все.

Тон его был совершенно спокойным и деловитым, без намёка на шутку или ещё что-то – просто предложение. И правда – всё. Ни убавить, ни прибавить.

Примерно на середине его ращепредложения Третьякова подняла голову и задумчиво уставилась на казачонка. И даже кивала. Когда Гришка выжидательно замолчал, Валерия Вадимовна сухо вато пояснила:

– У меня есть приказ – и я его выполняю. Приказ был – не просто бороться с эпидемией, а – **лечить**. Не обсуждается. Иначе я привезла бы сюда не аптеку, а гранаты с циклозарином. И обошлась бы без четырех недорослей-энтузиастов.

– Это да, – согласился Гришка. – Но... ну я спрошу, можно? – Третьякова кивнула. – На кой чёрт-то всё-таки? Это всё ж равно, как... – Гришка задумался.

– Как бешеная собака в соседях, – подсказал Пашка. – Уже не вылечится, но пока сдохнет – на-па-кос-тиииит...

– Во, – кивнул Гришка. – Точно.

– Тебя охотиться учили? – спросила Валерия Вадимовна. Гришка кивнул немного удивлённо. – А насчёт подранков что говорили?

– Чтобы не оставлял нипочём, – сказал Гришка.

– А вот капканы или там удавки ставить?

– Да ну, – казачонок покривился. – Это не охота, мучительство.

– И что? – настаивала Третьякова. – Это же звери.

– Всё равно нельзя, – покачал головой Гришка. – Если убиваешь кого-то, то без нужды мучить – это позор для бойца. И ещё – некрополе растёт от этого... – и осекся. Валерия Вадимовна смотрела на него внимательно и грустно. – Понял я, – буркнул казачонок и бросил в огонь ветку. – Понял...

– Ну вот и молодец, – легко ответила женщина и вернулась к бумагам.

Мальчишки ещё сколько-то неловко молчали. Гришка сердито сопел. А может – и не сердито, а со стыдом...

– Не считаешь? – наконец предложил Денису Пашка. Денис по вечерам иногда вслух читал «Грани». Олег-то их и сам читал, а Пашка с Гришкой нет. Да и Валерия Вадимовна слушала с удовольствием.

– Неохота сегодня, – извиняющимся тоном ответил Денис. – Давайте лучше споём.

Он потянулся за гитарой, но удивлённо поймал рукой воздух – инструмент оказался в руках матери. Валерия Вадимовна играла чуть хуже сына, но всё-таки хорошо. Она чуть наклонила голову к грифу, перебрала струны...

...– И как бы мне ни было страшно,
Я искренне верил всегда,
Что снова появятся **наши** ,
И снова отхлынет беда.

Я верил – они где-то близко,
Я ждал, что труба зазвучит,
Я думал – да где ж тот мальчишка?

Когда же он вновь закричит?!

Голос женщины звучал в вечерней тьме, пронизанной огненными сполохами костра. Мальчишки молчали, сидя плечом к плечу у огня...

– Но тщетно впивался я в лица
Случайных и близких людей –
В них не было дивной Жар-птицы
Мальчишеской жизни моей.

И вдруг в моем сердце уставшем,
Как огненный свет янтаря,
Сверкнула догадка, что **наши**
Сегодня не кто-то, а я!

И быть мне последним Иудой,
Коль стану надеждою жить,
Что кто-то устроит мне чудо,
А я буду в ладушки бить.

Но, если, не ведая страха,
Я встану и выйду вперед,
Мальчишка, как майская птаха,
От радости вдруг запоем.

Скликаю живущих и павших
Под сень легендарных знамен,
Восторженным голосом: «**Наши!**»
Поднимет товарищей он.

И встанут их – тысячи тысяч,
И – прочь побегут палачи...
Ты слышишь, мальчонка?!
Я – наши ! Я вышел!!
Скорей, сорванец, закричи!³⁷ —

и, прихлопнув струны, отдала гитару Денису. – Вот так. Это мы в своё время пели, когда учились... На, сын.

Денис собирался что-нибудь подобрать, но неожиданно Пашка попросил:

– Подыграй. Ну, просто три аккорда, – и немного смущённо, совсем необычно для себя, пояснил всем сразу: – Я спою...

...У Пашки голос был так себе – обычный юношеский, без малейших изысков. Но пел он с душой. Денис раньше не слышал этих стихов...

... – Куда уходят собаки,
Когда они отслужили,
Всю жизнь собачью до капли
Хозяину подарили?

³⁷ Из стихотворения Бориса Гунько.

И мы замечаем под утро –
Собака пропала куда-то,
Ушла она ночью, как будто
В чём-то была виновата.

Пускай мы не слышим за дверью
Знакомый весёлый лай,
Но почему-то верим:
Все псы попадают в рай...³⁸

– Хорошая песня, – чуть удивлённо сказал Гришка. Задумался и добавил: – У нас был пёс такой... Я его, сколько себя, помнил. А три года назад он ушёл – и всё. Он уже старый был, почти всё время лежал, где тепло. Я утром вышел – а его нет. Я искал, бегал... Так и не нашёл.

Он вздохнул.

– Тебе же сказали – он ушёл в рай, – серьёзно ответила Валерия Вадимовна. Гришка покосился на неё и возразил:

– Рай, ад – их же не бывает. Это только у христиан в старых книжках.

– Если их себе представлять так примитивно – то не бывает, – согласилась Валерия Вадимовна. Гришка задумался, а Денис наконец получил возможность спеть самому. Он вообще-то собирался спеть что-нибудь весёлое, но теперь передумал...

Снова помолчали. Денис щипал струны. Валерия Вадимовна, отложив блокнот, смотрела в огонь. Потом встряхнулась, требовательным жестом забрала гитару снова, кивнула Денису:

– А ну, сын?!

– А? – неохотно отозвался тот. Ему хотелось помолчать. Даже не неохотно, а недовольно получилось. Но при первых же аккордах знакомой песни у него зажглись глаза...

– Из-под стрехи в окна крысится
Недозрелая луна,
Всё да чудится мне слышится:
«Выпей, милый, пей до дна!»

Денис, пружиной вскочив на ноги, пошёл вокруг костра – то разводя руки, то приседая – ломано, резко, застывая на миг в самых невероятных положениях. Казалось, вокруг не просто подпевают гитаре – а ухает одобрительно загадочная темнота...

Выпей, может, выйдет толк,
Обретешь свое добро,
Был волчонок, станет волк,
Ветер, кровь и серебро.

Так уж вышло, не крестить,
Когти золотом ковать,
Был котенок, станет рысь,
Мягко стелет, жестко спать.³⁹

³⁸ Из стихотворения Владимира Шамова.

³⁹ Из песни группы «Мельница».

– Здорово! – выразил общее восхищение Гришка. – На наши песни похоже, только у нас пляшут не так.

– Видел я, как у вас пляшут, – ухмыльнулся Денис, садясь к огню. – Олег, а ты чего у нас молчишь? – Он толкнул плечом друга. Тот сердито покосился на Дениса, а Пашка промурлыкал:

– А он у нас думает, что он должен делать, как честный человек, когда вернётся-а...

– Иди ты, – огрызнулся Олег. Пашка не отставал:

– Интересно, что может получиться из союза двух членов совета отряда, командиров первого и третьего звена?

– Председатель совета отряда, командир четвёртого звена, – серьёзно подытожил Гришка. – Путём простого сложения выходит так.

Они продолжали смеяться, Олег отругивался, а Денис вдруг подумал: если бы можно было и правда сложить... свою половину зрения отдать Настёнке...

Прогоняя эту мысль, он передёрнулся, тронул струны – и тут же установил тишину...

– Русь... Россия...
Слова короткие,
Но с аккордом созвучных слов
Наплывает, льётся потоками
Светлой музыки вечный зов.
С этим зовом вдыхаю зори я,
Пью берёзы пьянящий сок...⁴⁰

...Денис сидел у костра, хотя все давно улеглись. Огонь почти прогорел, оживлять его не хотелось. Ночные звуки, загадочные, но не казавшиеся страшными, роились вокруг неясным сонмом. Он вздрогнул, когда бесшумно подошедшая мама опустилась рядом на сиденье из брёвнышка.

– Ты почему не спишь?

– Я?.. Да... Так... Ма, мы тут ещё долго будем?

– Дня три. Может, четыре, но вряд ли. Думаю – три. – Она заглянула в глаза сына и обняла его за плечи. Денис вздохнул, придвинулся ближе, закрыл глаза. И только посильней прижмурился, услышав тихий напев...

* * *

Когда Денис выбрался утром из палатки, то поразился.

Молочное море, плотное, тёплое и густое, лежало вокруг.

Туман был неподвижен, непрогляден и тих. Он казался глухим и беззвучным – и в то же время порождал какие-то странные звуки, которые не удавалось опознать: что это? где это? Когда рука Гришки коснулась его плеча – Денис даже подскочил.

Лицо казачонка было озабоченным, даже испуганным. Таким, что Денис спросил – раньше, чем Гришка заговорил сам:

– Ты чего? Что случилось?

– Поганный туман, – ответил тихо Мелехов. – В такой туман неясности приходят.

У Дениса по коже побежали крупные мурашки, он подался к палатке. Хотя бы за оружием... Спросил:

– Пашка на часах?

Гришка не успел ответить. Мальчишки дёрнулись уже вместе, когда молочная муть вдруг родила жутковатую фигуру – и до них не сразу дошло, что это всего лишь тайон

⁴⁰ Из стихотворения Геннадия Голобокова.

уйгуров.

– Напугал, – рыкнул Гришка негромко. В руке у него была невесть откуда взявшаяся – как будто выросла – нагайка. Тайон стоял, сложив руки на узловатом резном посохе, глядя в землю. «Словно додревнее изваяние, пришедшее в лагерь своим ходом», – с лёгкой дрожью подумал Денис. Казалось, нити тумана прорастают, извиваясь, из его лохмотьев. То, что следом появился Пашка, впрочем, развеяло наваждение. Бойцов был хмур и напряжён. Но заговорил всё-таки тайон:

– Вставайте и уезжайте, – сказал он негромко. – Сюда идут с гор. Там, – он показал на северо-запад, – люди. Бандиты, вы их называете.

Гришка метнулся к палатке Валерии Вадимовны. Денис быстро спросил:

– Сколько?

– Десять, может – немного больше. – Тайон перебрал пальцами на рукояти посоха. – Они нас предупреждали, чтобы мы не звали вас на помощь. Не принимали помощи. Никогда. Но это было давно. Я решил, как решил. Их тоже давно не было. С зимы. Я думал: они ушли совсем или их убили. Теперь нас убьют. А вам надо уехать. Вы хотели нам добра, и я не хочу, чтобы вас тоже убили. Не уйти от судьбы – мы перестали умирать от чумы, мы умрём от свинца. Нам нет места на земле и под солнцем, русские люди.

«Вот и неясны, – подумал Денис. – Пришли с туманом». И посмотрел через голову тайона на Пашку.

Пашка кривил губы. То ли в усмешке, то ли в презрении при мысли о бегстве.

Его пальцы – расслабленные, чуткие – лежали на спуске длинного «Медведя». И Денис подумал, что этой банде всё равно не удалось бы «накрыть» их в лагере.

Но лучше, если атакуешь ты – не тебя.

* * *

Здесь тумана не было. Если оглянуться через плечо, долина казалась чашей, заполненной молоком. Весь туман скатился туда, а тут – тут уже всходило солнце.

Все пятеро заняли свои места очень вовремя, оставив коней у начала неприметной горной тропки. На одном уровне с этой тропой и чуть позади спуска сидел между двух валунов Гришка – он устроился со всеми удобствами, упершись спиной в ещё один камень, покрытый мхом, а ствол карабина приустроив на подходящем выступе скалы, – и Пашка, который залёг у корней куста, положив «Медведь» в хорошую развилку. Выше тропы и правей, среди валунов, переплетённых и расколотых корнями кустов и деревьев, залегли в ряд Денис, Олег и Валерия Вадимовна. Они как раз закончили готовиться, когда на тропе появились враги.

Бандитов было около десятка. Они спускались к ручью тропкой – наискось. У большинства поперёк груди или на боку висели автоматы или карабины, но у тех, кто шёл первым и последним, были ручные пулемёты. Бородатые, камуфлированные, настороженные, они почему-то вызывали не столько страх, даже не ненависть, как тот усатый толстяк, который убил Генку, – сколько брезгливость. И удивление: как будто смотришь на невесть откуда взявшихся в доме пакостных непонятных насекомых.

Но это были враги. Настоящие враги. И нужно было сделать так, чтобы их стало как можно меньше. Если есть малейшая такая возможность – надо ею пользоваться.

О том, что убивать себе подобных тяжело, когда-то были исписаны тонны бумаги. Разные писатели с разным мастерством и преследуя разные цели расписывали душевные метания и терзания вольных и невольных убийц, посещавшие их чёрные мысли и тяжкие сомнения и так далее – это называлось «глубоким психологизмом» или «взглядом на проблему».

Но Денис не читал тех книжек. И вовсе не считал цепочку молчаливых фигур на тропе какими-то там «себе подобными» – ещё не хватало. И не видел никакой проблемы. Поэтому когда раздался разбойничий свист и гик Гришки, он нажал спуск совершенно спокойно...

...Бандитов стало вдвое меньше за треть секунды. Все пятеро стрелков били в голову, и не промазал никто, даже стрелявшая из пистолета Валерия Вадимовна. Над склоном раздался истошный вопль:

– Ка-за-ки-и! – кто-то заорал это во всю глотку. И, как почти всегда бывает в таких случаях, испуганный вопль обрёл реальность – по крайней мере, в мозгу атакованных. Оба пулемётчика были убиты, старший в группе, скорее всего, тоже. Двое, стреляя напропалую, бросились назад и вверх, надеясь добраться до гребня и спастись за ним – они почти сразу были убиты Гришкой и Пашкой, на которых, собственно, и бежали. Ещё двое, бросив оружие, прыгнули с тропы вниз.

Этого никто не предполагал. В них не могли стрелять ни из какой части засады, и какую-то секунду – очень длинную – слышался только хруст и треск кустов и звонкий цокот камней, обрывавшихся из-под ног удирающих. В следующую секунду Валерия Вадимовна – чуть позади – а впереди Денис и Олег – выбежали на тропинку. Олег упал на колени, Денис остался стоять, наклонившись вперёд; ещё секунда – и послышался резкий крик Дениса, повелительный и звонкий:

– Стоять, стреляем! Стоять, я сказал!

Шум, цокот и треск не прекратились. Валерия Вадимовна подбежала к мальчишкам как раз в тот момент, когда они почти синхронно выстрелили. И увидела, как – на два десятка метров ниже по склону – упало и застряло в кустах, осталось раскачиваться, словно бы поживому дёргаться, одно тело, а второе тяжело покатилося по плоскому валуну и застыло на краю. Мальчишки переглянулись; Денис махнул рукой в ответ на вопросительный свист Гришки:

– Готовы! – и вдруг смущённо посмотрел на мать.

Валерия Вадимовна молча передала ему карабин и, достав пистолет, бросила:

– Надо проверить, – после чего точно прыгнула вниз – на удобный валун. Денис издал протестующий звук, но потом пожал плечами. Они с Олегом посмотрели друг на друга, потом снова устались вниз.

Денис ещё никогда не видел свою мать такой. Валерия Вадимовна двигалась, как большая хищница, – и при любом движении пистолет в её правой руке оставался твёрдо направлен на ближайшее тело. Потом оружие опустилось.

– Готов. – Валерия Вадимовна оглянулась, окинула мальчишек взглядом. Выдохнула. Моргнула. И вдруг спросила: – У кого это первые?

– У меня, – ответил тут же Олег.

– И у меня, – подал голос Пашка.

– У меня тоже, – буркнул Гришка смущённо.

«А у меня второй и третий», – посчитал машинально Денис.

И почувствовал удовлетворение при мысли, что мир стал ещё чуточку чище.

Глава 14

Жизнь и смерть: две волны

Тринадцатое июня настало, отметила Валерия Вадимовна машинально, подняв глаза на часы над столиком. Полночь.

И отчёт закончен.

Отчёт в самом деле был закончен. Причём в нём она не забыла отметить работу в экспедиции всех четверых мальчишек.

«А работали они и правда не за страх, за совесть, – подумала она. – И многому научились. Много увидели. Много узнали. А уж это дело с бандой...»

– Да ну её к чёрту, – вслух сказала женщина, поднимаясь на ноги и потягиваясь. Тем более что с Кенесбаевым она поскандалила, как только он появился в лагере с отрядом полицейских и казаков. Казах был на самом деле разозлён – ему опять оставалось допрашивать трупы. Шум получился солидный.

«И, как ни крути, он прав», – печально подумала Третьякова. Прислушалась. В доме было тихо. Спал муж. Спала Ольга Ивановна. Олег спал. И сыновья спали.

Валерии Вадимовне захотелось посмотреть на мальчишек. Очень...

...Она вошла в комнату. В распахнутое окно светила луна – небо было чистым. Олег и Володька спали – Олег на животе, Володька, вчера вернувшийся из лагеря (ему надо было несколько дней что-то там очень важное делать на прудах) – поперёк кровати, свесив вниз голову и обе руки и громко сопя. Женщина улыбнулась – ну наконец-то все дома... и, вдруг насторожившись, подошла к сыну.

Денис не спал. Он лежал на спине, глядя в потолок блестящими глазами. И на мать только повёл ими.

Валерия Вадимовна присела рядом. И очень тихо спросила:

– Ты что, лисёнок? Дениска?

Денис вздрогнул и сел. Как будто всё-таки спал и теперь проснулся. Помедлил. Потом сполз на пол и обнял мать за колени. Прижался к ним щекой. И горячо зашептал:

– Мама, пожалуйста, мама... поедem... ты посмотришь...

– К той девочке? Слепой? – Женщина положила ладони на голову сына. Тот всхлипнул и поднял лицо:

– Откуда ты... знаешь?

– Ох, глупый мой лисёнок... – прошептала женщина и посадила мальчика рядом с собой. – Ты забыл, что я твоя мама, брошенный мой мальчик... И я уже почти год вижу, как ты мучаешься... Мы поедem утром. Сразу.

– П... – Дениса потрянула длинная судорога, – ...правда? Правда, мама?

– Да, – кивнула Валерия Вадимовна. Денис горячо, сбивчиво заговорил:

– Мама, родненькая... она самая лучшая, она самая! Самая... И мне плевать, что она слепая... это такая глупость, она видит больше зрячих... Мне всё равно! Но мне больно... так больно, когда я представляю – сколько она не видела!!! Мама, ты всё можешь! Помоги ей, мамочка!

Женщина увидела в глазах сына детскую, неистовую веру в то, что мама – МАМА – сильнее любой беды. И твёрдо пообещала:

– Мы поедem утром. И я сделаю всё...

– Что сможешь?! – жадно выдохнул Денис.

– Нет, всё, что может Империя, – тихо сказала женщина. – А теперь ложись спать, лисёнок. Уже скоро вставать.

– А твои дела? – спохватился Денис, послушно, словно маленький, укладываясь. Валерия Вадимовна улыбнулась:

– А разве ЭТО – не дело, сын?

Денис улыбнулся. Натянул до подбородка лёгкую простыню. Сморщил нос счастливо.

– Спи! – прикрикнула Валерия Вадимовна, и Денис тут же изо всех сил зажмурился. Затих, всем своим видом показывая, что он очень послушный и уже совсем спящий.

Выходя из комнаты, она осторожно, лёгкими движениями уложила Володьку, как положено. Притворила за собой дверь и какое-то время постояла у лестницы, хмурясь и по-девчоночьи покусывая губу. Хмыкнула. И заспешила вниз – к телефону.

Номер она, конечно, не помнила. У Бориски есть точно... да и у неё где-то в бумагах есть наверняка. Но почему-то не хотелось идти искать. Она позвонила на центральный коммутатор посёлка и довольно долго ждала, слушая щелчки и гудки в трубке – как будто сигнал летел в дальние дали, искал, стучался... Наконец вежливый, ясный, но профессионально резкий голос ответил:

– Министерство Здравоохранения Русской Империи, дежурный капитан Харламов. Слушаю вас.

– Штабс-капитан вашего корпуса Третьякова, – представилась Валерия Вадимовна. – Вы не могли бы связать меня с действительным статским советником медицины Копцевым Ингваром Анатольевичем?

Секундное молчание. Потом – тот же голос, без малейших эмоций:

– Я могу перевести звонок на домашний телефон товарища Копцева, но должен предупредить, что он сейчас спит, хотя и не оставлял никаких указаний или запретов на такой случай.

– Я прошу соединить тем не менее, – с холодной настойчивостью попросила Валерия Вадимовна. И из трубки ответили:

– Ждите, пожалуйста.

* * *

Действительный статский советник медицины Ингвар Анатольевич Копцев оказался огромным – за два метра – атлетом одних лет с отцом Дениса – с лицом, украшенным, если так можно сказать, тремя шрамами, образовывавшими на лбу и скулах гротескную букву П. Это выглядело бы жутковато, не объясни Валерия Вадимовна заранее, что это память о событиях более чем двадцатилетней давности, когда бандиты в среднем течении Нила пытались заставить схваченного кадета Ингвара Копцева спасти своего главаря, раненного осколками в живот. Ингвар засмеялся в лица зверям... И сказал, что давал клятву лечить только людей. Не чудовищ.

Отряд самообороны английских переселенцев отбил истекающего кровью, истерзанного юношу, но шрамы так и остались на память...

– Валерка! – прогудел Ингвар Анатольевич, хватая Валерию Вадимовну и легко подбрасывая её к потолку (женщина ойкнула, Денис вскрикнул и подался вперёд, Олег ахнул, Володька восторженно-завистливо взвизгнул, Ольга Ивановна охнула), а потом так же легко ловя. – Сто лет тебя не видел!

– Олух... – Женщина поправила одежду. – Ну какой же ты олух, Гарь!

Ингвар Анатольевич захохотал и с удовольствием подтвердил:

– Ого, ещё какой... Наследник? – Он посмотрел на мальчишек. – Нет, наследникИ... Эй, вроде бы у тебя был один, и... – Он кашлянул, посмотрел на женщину смущённо.

– Эти двое наши, – усмехнулась женщина, кладя ладони на макушки сыновей (руки ей пришлось приподнять – причём обе, только для Володьки – не так высоко). – А это Олег, тоже неотъемлемая часть семьи, хотя увы – и не сын.

Ингвар Анатольевич хмыкнул и лёгким неуловимым движением определил Володьку себе на плечо (Денис и Олег завистливо переглянулись):

– Кормишь плохо, мои младшие тяжелее... – определил он. – Ну, Валерка, веди мыться и есть. Я голодный. А там поговорим, чего уж ты по мне так соскучилась? И Борьке звони, пусть бросает всё и сюда идёт, что ж такое – отбил у меня самую красивую в мире женщину, а теперь и носа не кажет?!

С Настей приехал Гришка. Денис мучился – недавний их с матерью визит к Мелеховым оказался не то чтобы неудачным, но... в общем, родители Насти обстоятельно высказали свою позицию, и была она простой и понятной... Спасибо большое за заботу и прочее – но ведь ясно же, что ничем девочке не помочь. И уж не надо беречь раны-то? Денис от стыда и злости готов был там на месте провалиться сквозь землю, а мать никак своего отношения к такой позиции не высказала, и уехали они, если так можно сказать, друзьями семьи, напутствуемые добрыми пожеланиями и приглашениями заглядывать, чуть что, по поводу, без повода...

На обратном пути Денис на мать не мог глядеть. А она выглядела совершенно спокойной, обидно спокойной – и вот. Через день приехал Ингвар Анатольевич. Не просто приехал – он прилетел. Что само по себе было недешёвым, а главное – рискованным делом.

Но ведь и правда... чем тут можно помочь, если...

...если надежда никак не желает умирать, никак не желает сдавать своих позиций?

Дениса в мамин кабинет не пустили. Вообще никого не пустили, а Олега и Володьки и вовсе не было дома, и отца, и даже Ольга Ивановна ушла за покупками... Снаружи сидел и

гладил Презика Гришка, Денис видел в окно, но идти туда не хотел. Боялся просто-напросто. Он подозревал, что Гришка привёз сюда сестру, никому ничего не сказав.

Он тоже не верит, что надежда может умереть. Вопреки всему не верит. Но он – он всего лишь брат. Он всего лишь брат, а это не то...

...Хлопнула дверь. Денис вскочил со ступенек, молча стоял, прижавшись к перилам, пока мама – неизбежно, как-то очень естественно, вывела Настю наружу. Было слышно, что она попросила немножко подождать, но Денис не смотрел ей вслед. Смотрел на Копцева, который, раскатывая рукава лёгкой рубашки, спускается по лестнице.

Что-то спросить он не мог. Потому что боялся ответа. Он стоял, смотрел и ждал. Даже когда на плечо легла рука мамы – не пошевелился.

Смотрел. Ждал. А время, будь оно проклято, тянулось бесконечно.

– Ну что я могу сказать... – Ингвар Анатольевич помолчал, тяжело сел на ступеньку. Валерия Вадимовна тихо добавила:

– Говори при Дениске... Да нет – для Дениски, что уж там.

– Значит, хорошо. – Врач хлопнул по коленям руками и развернулся к Денису. – У твоей девочки генная мутация, Денис.

Время остановилось. Навсегда.

Мальчишка выдержал – не двинулся, ни слова не сказал, только побелел так, что Валерия Вадимовна, тоже изменившись в лице, подалась к сыну. Но глаза Дениса спрашивали – требовательно и непрестанно. И Ингвар Анатольевич продолжал:

– У неё врождённая дисфункция глазных нервов. И приобретённая атрофия мышц. Генный брак.

Тогда Денис заплакал. С таким же неподвижным белым лицом, не издавая ни звука. Ингвар Анатольевич покачал головой:

– Не надо её красть и убегать с нею в лес. – Мальчишка моргнул изумлённо, пошевелил губами, смерил врача недоверчивым взглядом. – Скажи-ка мне вот что. У девочки есть братья или сёстры? Желательно старшие?

– Тот мальчишка, который с ней приехал. – Видя, что сын не может говорить, Валерия Вадимовна вмешалась. – Это её брат.

– Позови-ка его, Денис, – попросил Ингвар Анатольевич.

Денис вскочил. Охваченный какой-то идиотской надеждой, выскочил наружу – задыхаясь, но всё-таки постарался, чтобы Настя ничего не почуяла. Только махнул рукой Гришке. Казаченок, уже сидевший на ступеньках (а Настя играла с Презиком), поднял брови, кивнул. Денис замахал безмолвно и отчаянно, и Гришка, поднявшись, поспешил на призывные жесты.

– Чего? – шепнул он. Но Денис не мог говорить и потащил казачонка за собой.

В помещении Гришка степенно поклонился, стащив фуражку, на все положенные стороны. Сказал: «Мир этому дому». И выжидательно огляделся.

– Вот что, Григорий, – Ингвар Анатольевич не стал долго размазывать. И Денис, не понимавший, что собирается предложить врач (да и что тут можно предложить, что?!), вдруг зашатался от какой-то надежды. И покорно сел, повинаясь нажиму рук матери и не сводя глаз с врача. – Хочешь, чтобы твоя сестра видела?

– Конечно, – немного удивлённо ответил Гришка.

– А вылечить её обычными путями нельзя, в Верном вам правду говорили, – продолжал Ингвар Анатольевич. Гришка вздохнул, посмотрел на носки сапог, потом поднял голову:

– Ну что ж... вам всем спасибо огромное, что хлопотали, а вам, – он снова поклонился – отдельно Ингвару Анатольевичу, – особая благодарность. Денис мне сразу сказал: вы человек занятой, государственный, а вот приехали же...

– Ты погоди. – Ингвар Анатольевич встал. – В школе волногенную теорию проходили?

– На будущий год, – непонимающе ответил Гришка. – Я сам читал немного, правда... Имперскую книжку, серия «Хочу всё знать»... автора вот не помню, а книжка называлась...

– «Великая волна жизни», – улыбнулся Ингвар Анатольевич, – автор И.А. Копцев.

Терпеть не могу свои инициалы.

– Это вы написали?! – Гришка, похоже, забыл даже о сестре и смотрел на Ингвара Анатольевича как на оживший памятник.

– Я написал, – не стал скромничать врач. – И вот что, Григорий... Вы с сестрой, в принципе, частички одного целого. И...

Он не договорил, потому что Гришка тоже начал бледнеть. Крепкий кирпичный загар отхлынул с его щёк. Казачонок глотнул – крупно, болезненно. Прикрыл на миг глаза (на лбу заблестел пот). И, открыв их, сказал:

– Я согласен.

– Григорий... – Ингвар Анатольевич внимательно рассматривал мальчишку. – Возможен ведь и обратный эффект...

– Я старше её, и я сильный, – тихо сказал Гришка. – Только давайте поскорей. И без родителей, они не согласятся.

– Без родителей нельзя, – Ингвар Анатольевич покачал головой.

– Можно, – упрямо и зло посмотрел Гришка. – Уже можно, мне пятнадцать есть. Я бумагу подпишу.

– Гришка! – закричал Денис – слова наконец прорвались. – Гррииииш, если бы я мог! Ну если бы я только мог! Гришка!!!

– Да ладно, имперец, – усмехнулся казачонок, – чего ты орёшь, как тигр в гон... – И прямо посмотрел на Ингвара Анатольевича. – Ну... когда?

– Тогда сейчас, – ответил врач. Гришка приоткрыл рот:

– Сей... – и ощутимо скрутил себя. – Ладно. Я за Настькой схожу.

– Да не здесь же, – спокойно возразил Ингвар Анатольевич. – Сейчас поедem в больницу к Валерии Вадимовне... Валерка, поможешь волновик развернуть? Я с собой привёз, предполагал что-то похожее.

– Настьке не говорите, – попросил Гришка. – Скажите, что опять ещё какое-нибудь обследование. Она же баба, шум поднимет... А если не получится, то ей-то ведь всё равно. А я что-нибудь придумаю потом.

– Конечно, – серьёзно и уважительно кивнул Ингвар Анатольевич. – Только знаешь, Григорий... получится. Уверен – получится. Нужны три сеанса, по одному в день – но, думаю, уже после первого будет... динамика.

И Копцев улыбнулся – неожиданно очень-очень светло.

Эта улыбка словно бы ударила Дениса.

Стыдом. Благодарностью. Страхом. Надеждой. Но самым главным тут был всё-таки стыд – стыд за свою беспомощность, за никчёмность в том деле, которое он считал самым важным в жизни. Именно в нём.

Денис крутнулся, сбрасывая мамину руку, поднырнул под неё. Махнул с крыльца. Увидел встающую навстречу Настю.

– Денис? – Её... глаза... нашли мальчишку, как обычно, безошибочно, и незрячий взгляд отшвырнул его. – Денис, ты что?! Денис?!.

...Денис не помнил, что было. Кажется, он пнул Презика на бегу... и как-то оказался верхом. Забегал в конюшню? Конечно. И там, наверное, никого не было, потому что его не отпустили бы – такого. Он летел через посёлок, распластавшись по конской шее и буквально избивая храпящего Серого каблуками и ладонью. Кажется, его кто-то окликал... или это так стучали копыта и его сердце?

Он не знал, почему бежит. Куда? Зачем? Больше всего сейчас ему хотелось, чтобы произошло что-то... что-то, что заставит его выплеснуть чувства в драке. В бою. Чтобы избавиться от сознания собственной никчёмности.

Он не помнил о себе ничего, кроме того, что, когда единственной на свете девчонке понадобилась его помощь – он оказался бесполезен...

...Несколько раз Серый пытался перейти на рысь или шаг, давно уже мелькали по сторонам могучие деревья вдоль пути к Пилёному Ущелью, когда Денис наконец подумал,

что надо пожалеть коня. И собрался его осадить...

...не понял, что произошло, – ему показалось, что где-то сломалась толстая ветка, он взлетел, а потом стал падать. Извернувшись кошкой, мальчишка попытался упасть на ноги или хотя бы на четвереньки, но его сбило катящееся, брызжущее из головы кровью тело уже мёртвого – вспыхнула неожиданная, резкая жалость – застреленного Серого, отбросило в кусты на обочине. От удара у Дениса перехватило дух. А едва он успел как-то продышаться – навалились сразу двое мужчин, прыгнувшие прямо с высоких валунов на тропу, и принялись крутить руки, не давая добраться до ножа.

Они не сразу смогли справиться с мальчишкой – Денис отбивался отчаянно, не тратя сил и ярости на вскрики. Ему удалось сбить с ног одного и отшвырнуть другого нападающего – они были изумлены и ошарашены таким умелым и целеустремлённым сопротивлением. Но всё-таки оба были взрослыми мужчинами – тяжёлыми, умевшими драться, – а Денис совершил ошибку; освободив одну руку, он схватился за нож вместо того, чтобы хорошим ударом по виску или глазам окончательно отделаться от сваленного с ног – пыхтя, он висел на другой руке Дениса тяжелой гирей и пытался подняться. Тогда отброшенный сунулся обратно, перехватил руку мальчишки и, с маху вывернув её – продолжая движение самого Дениса, – повалил его наземь ничком. Сверху рухнули, злорадно сопя, сразу два восьмидесятикилограммовых тела, и двигаться уже просто не получалось.

Грызая траву и землю, Денис заплакал – от ярости. Над ним звучали одышливые, злые голоса:

– Здоровый, скотёнок.

– Кормленный-тренированный... Ну да теперь отбегался, падло.

– Ты смотри, как нам повезло, как повезло-то нам! Это же...

Денис ещё раз рванулся – с таким запредельным, нечеловеческим бешенством, что почти вырвался из потных цепких лап, почти поднял на себе десять пудов веса, почти скинул врагов в стороны.

Тогда его коротко и точно ударили в затылок – видимо, прикладом или рукоятью пистолета.

И стало темно, тихо и пусто.

Глава 15

Во тьме

В комнате было чисто, неожиданно чисто. Светло – свет шёл в три стрельчатых окна, узких, как бойницы, но высоких. Что снаружи – Денис не знал, видно было только лесные вершины, его приволокли сюда всё ещё без сознания, и он не мог определить даже, сколько и куда, в какую сторону, его несли или везли. Голова не болела, удар был нанесён профессионально. Руки скручены за спиной, сзади стояли двое с оружием – вроде бы не те, которые его захватили... так идиотски, так глупо и нелепо! Ему захотелось взвыть от злости на себя. В углу – из медного крана в потемневший или просто сделанный из какого-то тёмного металла бачок – размеренно и звонко капала прозрачная вода. Денис подумал, что вода, наверное, холодная, а бачок, должно быть, почти пустой. И только потом посмотрел на сидящего за столом бандитского главаря...

...– Арнольд... Оттович?!

...Серые глаза внимательно смотрели на мальчишку – вроде бы в лицо, но на самом деле обежали Дениса с ног до головы. Остановились на галстук – Денис физически ощутил, как невидимые пальцы ощупали матерiu.

– Здравствуй, – спокойно сказал Шульце, кладя ногу на ногу. Под правой рукой у него лежал автомат – «калашников» со сложенным прикладом. Стволom в сторону Дениса; чёрная точка дула смотрела прямо в живот. – Здравствуй, Денис Третьяков, сын офицера ОБХСС.

Денис промолчал. Значит – «Либерия», будь она неладна. Ему было страшно. Стало

страшно, как только он узнал Шульце – ухоженного и корректного, как всегда. Страх был тупой и сонный, похожий на дурноту кошмарного сна. А ещё – унижительный, от него никак не получалось отделаться, привести мысли в порядок и стать самим собой.

– Развяжите меня, – наконец попросил мальчишка чужим голосом. Шульце склонил голову набок:

– Зачем? Ты так и не назвался, а ведь ты вроде как в гостях у нас... – Охранники за спиной Дениса рассмеялись, у одного смех был с противным привизгом, а у другого – густой, добродушный... Шульце повёл туда глазами – смех отрезало.

Странно, но прозвучавший смех врагов помог Денису собраться. Мальчишка перевёл дух, поднял голову. За его спиной произошло неуловимое движение... но Шульце опять всё успокоил одним взглядом. Подвигал на столе вещи Дениса – в том числе наградной нож. Усмехнулся чему-то. И доброжелательно сообщил Денису:

– Опомнися? Ну вот и хорошо. Тебя зажарят заживо на медленном огне. Готов?

Денис покачнулся.

Внутренне. Только внутренне.

Он по-прежнему не мог поверить в то, что может погибнуть. В конце концов, он уже не раз выскальзывал из смертельно опасных ситуаций за последний год. Настоящих, невыдуманных, некнижных и некиношных опасностей. Он видел врагов, видел всю мерзость Зла в разных обличьях. И это обличье было всего лишь чуть более страшным, чем хасиды, например...

– Не готов, – сказал Денис. Шульце повёл глазами – на умывальни, потом обратно. Со скукой спросил:

– А какая нам от тебя польза? Ведь не хочешь же ты сказать, что твои родители в обмен на тебя...

Денис не выдержал – засмеялся, коротко и удивлённо, даже хохотнул скорей. Шульце тоже с улыбкой покивал:

– Вот-вот.

– Я вам не советую продолжать свои фокусы... – сказал Денис (брови Шульце поднялись в нешуточном изумлении). – Вы ведь не сумасшедший. Не фанатик. Если хотите – можете со своими людьми спуститься из леса прямо сейчас. Я сам вас отведу, и вы сложите оружие.

– Ого, – буркнул кто-то из конвоиров. Шульце откинулся назад на спинке стула:

– А дальше? – спросил он с интересом, и Денис ободрился. Интерес был... или казался?... настоящим. А что, если правда удастся привести и сдать всю банду?!

– Дальше вас будут судить, – признался он. – Но я не думаю, что приговорят к смертной казни. Я сам буду за вас заступаться и отца уговорю.

– И я могу рассчитывать на помилование? – Шульце снова качнулся к столу, сплёл пальцы под подбородком. Денис помолчал и честно ответил:

– Нет. Но вы же командир, и вы отвечаете за своих людей. Разве ваша жизнь больше, чем их жизни?

– А ты бы сдался? – Шульце внимательно смотрел на Дениса. Мальчишка пошевелил плечами... и неожиданно ощутил, как с запястий упала верёвка – повинувшись движению бровей Шульце, охранник перерезал её.

– Нет, – признался Денис. – Но знаете... я бы не оказался в такой ситуации. В смысле... – Он замялся. – Я бы не стал бандитом. Я бы воевал за такое дело, за которое не страшно умирать. А вы же просто... – Денис замялся опять. Смешно и дико – он не хотел обижать грубыми словами взрослого человека. Он не привык к этому.

Шульце встал. Обошёл вокруг стола. Он двигался как большая кошка – бесшумно и плавно, и Денис понял вдруг, что Шульце играет с ним, как кошка с мышью. И напрягся.

– Значит, тебе не страшно умирать за то, во что ты веришь? – задумчиво спросил Шульце. – Ну... тогда всё в порядке. Всё, как в книге. Два врага. Юный положительный герой и демонический злодей. А ведь я – ты ошибаешься – **идейный** бандит, Денис

Третьяков. – Шульце остановился напротив Дениса и усмехнулся. А глаза смотрели точно в глаза мальчишки. – Мне нет места в мире, который вы пытаетесь построить. Совершенно нет. Потому что я признаю лишь одну идею – моё право делать то, что я хочу.

– Потому что вы сильный? – Денис сглотнул, постаравшись сделать это незаметно. – Но в этом случае вы обречены на гибель. Мы ведь сильнее.

– Нет, – покачал головой Шульце. – **Мы** сильнее. Нас много, и мы живём в каждом из вас. Знаешь, есть такая старая песня... я не умею петь, просто прочту пару строчек... – Он взял Дениса за щёки пальцами и резко, больно сжал. Мальчишка дёрнулся – и в его локти вцепились руки охранников:

– **Твой мир подохнет с тобой.**

Тебя не хватит на всех ... – Усмешка Шульце стала хищной. – Вас не хватит на всех. А когда у вас опустятся руки – вот мы и...

– Пустите! – Денис дёрнул головой. Шульце отпустил, как ни странно. Взялся за ремень – широкий, с тяжёлой пряжкой.

– Ты можешь вернуться домой, – сказал он неожиданно. – Прямо сейчас вернуться домой.

– С вами? – спросил Денис, проведя изнутри по щекам языком. Шульце засмеялся:

– Упрямый... Нет, один, конечно. Но домой – и невредимый.

– Не понимаю, – признался Денис. Палец Шульце подбросил вверх левый язык галстука.

– Сними это. Просто сними, брось на пол и уходи.

«Вот так вот. Почти как в книжке, – подумал Денис. – Даже глупо как-то. Не верится. А впрочем – почему не верится и что тут удивительного? Ведь в книгах пишут о том, что было в жизни.

А о ком-то не пишут, потому что не знают, как погибли они и что сделали.

Мальчишка посмотрел на автомат на столе. На свой нож. «...подойди и возьми это оружие, которое вручают тебе все твои братья-пионеры...» Потом – отвёл глаза.

Впервые в жизни Денис подумал о своём галстуке, как о треугольном куске красной ткани. Всего лишь. Всего лишь куске красной ткани.

– Сними и брось, – тихо сказал Шульце. Денис увидел, какие у него страшные глаза. В них была ненависть. Только ненависть. Глубокая. Осознанная. Всеобъемлющая и обжигающая ненависть к Денису... нет, к тому миру, который олицетворял Денис и которого не было здесь, чтобы защитить мальчишку. От этой ненависти Денис оледенел. – Сними и брось.

Но на самом краешке ненависти Денис увидел...

...страх.

Как тогда. В подземелье клиники. В других глазах.

Шульце боялся. Боялся ответа Дениса. И того мира, которого не было здесь, – боялся. И если сейчас сделать, как он сказал, то...

– Не сниму, – спокойным и ясным голосом ответил Денис. И даже чуть улыбнулся, потому что увидел, как Шульце отчётливо изумился. «Не ожидал, – весело подумал мальчишка. – Не ожидал ты этого, гад ползучий. Крыса. Но тут же понял, что радоваться нечему».

– Снимешь, – сказал Шульце. И размял пальцы.

Денис не успел убрать голову – ладонь Шульце ударила по щеке мальчишки с такой быстротой и силой, что Денис услышал настоящий взрыв, а потом наполовину оглох, и вся левая сторона лица онемела. На ногах он устоял только потому, что его удержали охранники: поймали и оттолкнули.

– Снимай, – скучно сказал Шульце.

От страха Денис не чувствовал боли. От страха... но отводить взгляд было нельзя, и мальчишка, помотав головой, посмотрел прямо в глаза Шульце. Сморгнул – из левого глаза текли слёзы.

– Не сниму, – сказал он тише, но по-прежнему ясно.

Шульце отшагнул. И кивнул конвоирам:

– Бейте его.

«Серёжка, помоги мне, Серёжка, – успел подумать Денис, прежде чем страшный удар ногой в рёбра швырнул его на пол. – Серёжка...»

* * *

Если бы Шульце потребовал чего-то другого – да хоть вылизывать ему ботинки! – то, наверное, на вторые или третьи сутки Денис согласился, лишь бы прекратились мучения. Ну... он терпел. Долго. Сколько мог. И сперва даже терпел молча, не кричал. И даже когда начал кричать, то просто орал, не унижаясь до просьб.

Всё было просто.

Они сто раз могли сорвать галстук с мальчишки силой.

Но им нужно было, чтобы мальчишка снял галстук **сам**. Мальчишка не снимал – и его били. Били третий день. Били зверски – и в то же время очень умело, чтобы случайно не убить. А под вечер пускали в ход небольшую батарею с похожим на змеиное жало оголённым на концах раздвоенным проводком – или просто зажигалку. Без особого энтузиазма, дозированно, чтобы Денис вспоминал об этом до утра.

Всё было просто. Правда – очень просто.

Шульце предложил то, видимо, единственное, чего Денис не мог сделать **ни при каких условиях** ...

... На четвёртое утро Денис уже практически ничего не соображал от побоев и пыток – и только тихо съёживался, дрожа, на полу своей узкой и длинной камеры, какого-то штрэка или чего-то вроде этого, когда кто-то входил. (Судя по всему, банда обосновалась в старых, ещё времён Серых Войн, разработках лазурита и малахита, которые вёл тогда здесь Уйгурский Каганат для своих «тысячутысячелетних» построек в Верном.) Слабеньким волоском разбитой электролампочки в такие секунды в глубине помутившегося сознания на миг вспыхивала надежда: его пришли убить, его сейчас убьют, сейчас всё кончится...

Но нет. НИЧЕГО не кончалось. У этого не было конца.

Сейчас он согласился бы ответить на любые вопросы, сделать всё, что угодно, – лишь бы прекратились мучения. Но его никто ни о чём не спрашивал и никто ничего не предлагал. Кроме одного. Но как раз это он не мог сделать.

Никак не мог.

Лёжа на полу, Денис смотрел на стену. Он разговаривал с тем единственным реальным человеком, который ещё помнился ему, – человеком в окружении чудовищ.

«Серёжка, я больше не могу, Серёжка. Я не знал, что это так страшно и больно. Я столько терпел, я терпел дольше, чем ты. Но я совсем уже не могу и ничего не помогает. Я думаю только о том, как мне больно, я ненавижу свой галстук, из-за которого мне больно!»

«А жить потом ты сможешь», – беспощадно спросил Серёжка.

«Но я и сейчас не могу, – возразил Денис. – Я не могу **так** жить. Мне больно».

Серёжка молчал, и Денис испугался, что он ушёл. Позвал вслух:

– Серёжка! Не уходи, не бросай меня!

Неожиданно он ощутил прилив сил. И подумал, что это, наверное, перед смертью. Сейчас за ним опять придут... а он мёртв. Хоть что-то радостное.

Тяжело двигаясь, он поднялся на четвереньки. Встать в рост не смог, только поелозил пальцами по стене. Ему хотелось как-то ускорить процесс... а ещё – чтобы движения не были бессмысленными. Он всмотрелся в темноту штрэка – и неожиданно увидел впереди свет. Косой тонкий луч падал откуда-то сверху наискось. То ли раньше Денис не замечал его от боли, то ли снаружи не было солнца... впрочем – всё равно. Так, на четвереньках, он пополз к этому лучу, ясно понимая, что доползёт и умрёт. Но это уже было счастьем – умереть, ощущая солнечный свет на лице.

Ему казалось, что луч вот-вот исчезнет. И, когда он добрался до света, то это было чудом. Само по себе уже было чудом.

Солнце пробивалось в трещину в стене – не шире ладони Володьки, которого Денис сейчас отчётливо вспомнил. Дальше хода не было, только комковатая спрессованная стена породы. Видимо, когда-то тут произошёл взрыв – наверное, ещё даже до уйгуров, когда только-только образовывались эти горы...

...нет. Стоп. Что это? Какие-то... ящики, доски, что ли?

С присвистом дыша, Денис повалился на эти обломки. Поелозил среди них. Ящики, да. Старые. Кто-то вскрывал их. Света сверху хватало, чтобы всё это разглядеть, но Денис обязательно пропустил бы покрытый серой пылью листок в одном из разбитых ящиков. Но листок попал ему под пальцы, и Денис почти машинально поднял эту бумагу, стряхнул с неё густую пыль и поднёс к золотистой струйке живого света сверху.

Торопливо бежали по листу строчки – неожиданно ровные и чёткие, которым время, казалось, придало дополнительную стойкость и сделало вечными...

Сейчас они ворвутся. Ломают внешнюю дверь. Командир и все убиты. Радиация очень сильная. Земля всё ещё трясётся. Мы сделали так, что женщины и младшие смогли уйти в горы. В обход. Они не должны заболеть. Мы всё приняли на себя. Снег тут ещё неглубокий, и они смогут уйти, но скоро завалит перевалы, их не смогут преследовать, и они спасутся. Не может быть, чтобы это навечно и что всё зря. Нас разбили около околицы. Сюда добрались пятеро; теперь я остался один. Я ранен, но это не страшно, потому что я всё придумал. Тут ящики, я смотрел – в них взрывчатка, много взрывчатки, осталась с тех пор, когда спускали лавины и били туннели. Я оттащил её подальше. Сейчас пойду туда... Когда они ворвутся и пройдут вглубь за мной, я брошу в ящики гранату, у меня есть одна. Ни о чём не жалею, кроме... нет, я ни о чём не жалею, только хочу увидеть солнце. Прощайте все. Солнышко, прощай. И возвращайся к нам. Боец ополченческого отряда «Верные» Рудин. Я Генка Рудин из 26-й школы, мне четырнадцать лет. Всегда будет четырнадцать лет. Мне не страшно.

Денис осторожно перевернул лист. Там была картинка, рисунок – выгнувшись назад и закрыв лицо руками, на красный песок падал светловолосый мальчик. То ли падал, то ли пытался взлететь в белое небо... Неподалёку бежал, увязая в песке, человек с револьвером в руках – вроде бы лётчик. А перед ним струилась прочь почти неразличимая маленькая змейка...

Рисунок был чёткий, и строчки на обороте – тоже. И чёткой была надпись в левом нижнем углу:

**Гена Рудин,
26-я школа, 7 класс.
«Маленький принц».**

Денис опустил листок на колени.

И вспомнил голос Володьки – как будто тот встал рядом...

*...В слепой крови, прокушена губа.
Ему б давно сказать – мол, «не играю!»,
Но... солнышко не светит самураю
За гранью полосатого столба.
Обрывками приставшая к спине
Душа его по краешку прошита
Нервущимися нитями бушидо –
И этого достаточно. Вполне...*

Серёжка его привёл, что ли? Наверное... они вместе, что ли... Хотя нет – Володька живой и не здесь. А Серёжка – вообще из книжки. Как всё перепуталось... книжки, жизни,

друзья, враги...

«А ведь я всё равно не один, – подумал Денис спокойно. – **Это они – одни**. Крысы в норе. Забились сюда и дрожат, даже меня боятся. А я – не один. Ну так чего мне-то трястись?

Я – бессмертен. Странно, что я понял это только здесь. Смешно, что не понимал раньше. И не надо их бояться. И даже злиться на них не надо. Разве на крыс люди злятся? Просто уничтожают, и всё».

И – как по волшебству! – подумав это, он увидел возле самой своей ноги – даже странно, что раньше не замечал! – пистолет.

Это был старый – очень старый – «парабеллум». Пыльный, и едва Денис поднял оружие и отряхнул с него пыль, то увидел, что кое-где воронение сменили пятнышки ржавчины, но, когда он взялся за выпуклые «глазки» затвора и потянул, тот передёрнулся с отчётливым маслянистым клацаньем и выбросил золотисто-оранжевый патрон.

Сухой прохладный воздух пещеры сохранил оружие. Правда – неизвестно было, годятся ли для стрельбы пролежавшие без упаковки не меньше восьмидесяти лет патроны. В обойме их было всего три, считая тот, вылетевший. Но Денис почему-то был уверен: **патроны годятся**.

Как был уверен и в том, **чей** это пистолет. И не удивлялся тому, что пистолет – уцелел. Чудо? Пусть чудо. На свете много чудес. Ему-то это известно точно. Остаться бы в живых, чтобы рассказать об этом – всем-всем-всем. Чтобы не смели не верить в чудо и не бороться за него.

Он посмотрел на лист. Аккуратно сложил его вчетверо, спрятал во внутренний карман. Сел ближе к стенке и стал ждать, расслабленно держа руку с пистолетом на коленях и глядя на вход – на обведённую тонкой светлой нитью невидимую дверь в коридор.

Когда засов клацнул, Денис улыбнулся.

За ним пришли.

Но нет. Убитым быть – это слишком. Слишком.

Первым вошёл... да нет – вбежал, торопится чего-то... помощник Шульце (а точнее – палач), здоровенный казах по имени – Денис его запомнил – Ержан. Запомнил, потому что много раз слышал: «Ержан, не перестарайся... ещё раз давай-ка, Ержан... вот так, Ержан...» Словно бы споткнулся, но удержался на ногах, нашарив взглядом Дениса – дальше, чем его оставили вчера, – и этим же взглядом зацепившись за оружие в руке мальчишки. За какую-то секунду лицо его сделалось плоским, стёрлось, глаза подёрнулись стылым маслом. Он вытянул руку, даже не пытаясь достать до автомата и сказал:

– Не-не-не-не...

Пуля попала ему между глаз, и он тяжело рухнул вбок и назад, расплёскивая кровь из затылка.

Шедший следом Шульце – он не видел из-за спины Ержана, что происходит, и вошёл следом – напрягся и стал похож на большую страшную кошку. Доля секунды – и он метнулся назад и вбок, за косяк, перехватывая автомат, но Денис уже выстрелил второй раз, и немец, тихо охнув, развернулся по оси, ударился лицом в дверь, присел и выпал головой в коридор. Приподнялся на локтях, изумлённо посмотрел на Дениса... и осел – теперь уже совсем – с коротким, почти радостным выдохом. Стукнул о каменный пол затылок.

Денис всхлипывающее втянул воздух. Но позволил себе лишь секундную передышку – рывком добрался до трупов, снял с Шульце автомат, забрал у обоих и положил рядом семь магазинов и три гранаты. Выстрелы, конечно, слышали, они по коридорам далеко понеслись – и сейчас...

Денис покосился на Шульце. Тот глядел стеклянно и недоумённо, будто так и ушёл, сиюсь разгадать какую-то очень-очень важную для него загадку.

– ТВОЙ мир подохнет с тобой, – сказал Денис, вспомнив слова, которыми пытался посмеяться над ним Шульце. – Потому что ты обо ВСЕХ не думал.

И тут зачастили выстрелы.

Снаружи. А потом разом оборвались – и Денис услышал...

– Всем бросить оружие! – Голос Кенесбаева был искажён мегафоном, но всё равно легко узнаваем. – Те, кто не бросит оружие по счёту «тридцать», будут убиты! Я начинаю отсчёт! Всем бросить оружие – раз!.. Два!..

...Больше всего Денис боялся, что умрёт сейчас. Что умрёт, пока тащится по этим коридорам. Он падал и полз на четвереньках и животе. Потом поднимался по стене, делал два-три жутких вихлястых шага – и падал снова, и полз. Сил не было даже на то, чтобы заплакать. Он полз вечность, и с каждым его движением сердце замирало, думая – остановиться или нет?

И дарило истерзанному победившему мальчишке ещё шаг. Ещё рывок.

Он почти не поверил, что кончилась эта вечность (около минуты), и он выпал на широкое низкое крыльцо (на нём лежали возле тяжёлого пулемёта два трупа с простреленными точно между глаз лицами) – выпал и удержался на ногах, потому что вцепился обеими руками в длинную дверную ручку (оказывается, тут было почти настоящее здание, врезанное в горный склон, а внизу – сухое русло реки).

И там, внизу, на склоне, нелепо задирая руки, неподвижными покорными сусликами-столбиками торчали за камнями бандиты. С десяток – всё, что осталось от «Либерии». Безоружные (а точнее – побросавшие оружие) и жалкие, похожие на попавших в ловушку крыс... нет, в них не осталось даже крысиной злости и храбрости. Так. Комки дрожащей протоплазмы.

А ещё ниже легко и быстро взбегала-взлетала на склон косая цепь спешенных казаков и полицейских, на правом фланге которой бежал...

...– Па-па-АААА!!!

От истошного крика Дениса посыпались со скал струйки камней...

* * *

Пять дней Денис ел и спал. Точнее – спал и ел в полусне. И снова спал. Он видел и понимал, что за него беспокоятся люди вокруг и всех узнавал (вернее, не всех, потому что в доме перебивала куча незнакомого народа). Он даже понимал, что говорят эти люди, понимал, что его лечат... он даже помнил ладони – твёрдые, незнакомые – похожие на какие-то странные излучатели, и понимал, что это не мама, мама так не умеет – это паратерапевт, откуда-то здесь взявшийся... Но сил как-то реагировать не было. Каждый раз, когда он просыпался, то отмечал только одно: «Дома. Не сон» – и этого хватало для полного счастья.

Окончательно Денис пришёл в себя утром. Ранним, когда за окнами ещё только начинало светать. Он потянулся, зевнул... и понял, что жив, что прежний.

Мальчишка привстал на локте.

Олег и Володька спали на полу у кровати, на расстеленном одеяле. А на спинке стула возле стола алел галстук.

Денис зажмурился. Ему показалось, что концы галстука заплясали языками злого огня... но это была лишь секунда. Потом Денис протянул руку и взял галстук, как берут руку старого друга.

Он красный. И кровь Дениса не будет на нём заметна. Но сам Денис будет знать: **она – здесь**.

– Здравствуй, – прошептал Денис. – Вот видишь, я не предал тебя.

В следующий миг его отшвырнуло на постель – мимо кровати промчалось к выходу что-то, очень похожее на торпеду. Правда, торпеды не вопят:

– МааААА!!! ПааААА!!! Денис **совсем** живой!!!

Володька не тратил времени на разговоры не по существу. Встать Денис не успел – на него навалился вскочивший с пола Олег.

– Живой, очнулся... живой, очнулся... – и явно старался исправить эту ошибку, тиская Дениса, как борцовский манекен.

Денис слышал в коридоре перебивающие друг друга шаги, громкие голоса родителей,

визг Володьки, оханье Ольги Ивановны, ещё чей-то бас... вот только дожидаться, пока они войдут – не смог.

Он так и уснул снова, до смерти перепугав Олега, решившего, что друг умер-таки в его объятиях, не сказав последнего «прости» близким и родственникам.

Уснул уже совершенно обычным, нормальным сном и не видел, как понявшая это Валерия Вадимовна обняла мужа и навзрыд заплакала от счастья.

* * *

Когда Денис проснулся снова, то удивился. В комнате никого не было. А на краю его кровати сидела девчонка. Очень знакомая – в длинном, ниже колен, платье с вышивкой по вороту, рукавам и подолу, волосы были собраны в перекинутую на грудь тугую тяжёлую косу, перехваченную широким серебряным обручем с алыми, синими и зелёными камешками. На Дениса смотрели серые с зеленоватыми искрами глаза – смотрели странно, непонятно смотрели. И сама девчонка...

– Настя, – вырвалось у Дениса. Негромко, удивлённо... До него медленно, какими-то судорожными волнами, доходило, что это и правда – Настя Мелехова. А не узнал он её потому, что никогда не видел её **глаз**. Ни разу в жизни – только во сне. – Это сон, Настя? – предположил он вполне логично.

– Род-нень-киииий... – всхлипнула Настя и упала Денису на грудь, обхватила руками. – Миленькийий... любыый моооой...

– Настя, это не сон? – глупо выдохнул Денис. – Ты... **Настя!!!** – заорал он истошно. Настя продолжала реветь, а Денис держал её обеими руками и судорожно вздрагивал, и глаза его были полны счастьем, как хмельным молодым вином...

...– Я тебя буду сейчас кормить, – деловито сказала Настя, беря со стола (не глядя) тарелку-термос. – Тут куриный бульон. Валерия Вадимовна сказала, чтобы...

– Куриный бульооооон? – Денис жалобно покосился на тарелку. Лицо Насти стало Ответственным И Непреклонным. – Ладно... ох... – Денис открыл рот.

– Сядь, дурень. – Настя сильно пихнула его в живот. Денис пискнул и заявил:

– Ты что делаешь, я же смертельно израненный, а ты!..

У Насти дрогнули руки. Первое, что она увидела в этом мире, – сорвав повязку под гневный громогласный мат Копцева – был ужасающий свет-боль, расколовший голову начетверо. Но она знала, что где-то рядом – Денис, и, рыдая, продолжала моргать, продолжала смотреть, готовая отказаться от этого зренья, если ей придётся увидеть...

Второе, что она увидела в этом мире, – были доказательства того, что в нём живут те, кто может пытать мальчишку огнём и током. Кто может избивать его – методично и страшно.

Она отшвырнула Копцева (тот столкнулся с Кенесбаевым и сшиб его с ног, ни тот, ни другой мужчина на ногах не удержались) и упала на колени рядом с Денисом, успела поймать его руку, свисающую с носилок... Её еле сумели оттащить, и Копцев заорал, что, если «ты, дура е...я, снова ослепнешь, я тебя сам пристрелю!» И унёс в бокс на руках – с трудом из всех своих могучих сил удерживая превратившееся в полную гнева стальную пружину тело девчонки.

Но Денису она никогда не расскажет о том, что увидела. Никогда.

А о том, что поселковые не дали увезти бандитов на суд в Верный, что огромная толпа взяла участок штурмом и вздёрнула всех захваченных на Шахтёрской, – Денис узнает и сам.

Она поднесла руку к глазам, и Денис тут же встрепенулся:

– Болят?!

– Чешутся жутко, – призналась Настя. Это было правдой. – Особенно по ночам. Ингвар Анатольевич сказал – ещё долго так будет. Родители его отпускать не хотят, отец обещал ему дом выстроить и ещё что-то нёс... ой, прости. – Она шлёпнула себя по губам.

– Настя, я... – Денис вздохнул тяжело. – Это ведь всё Гришка, мама, Ингвар

Анатолевич... а я... меня только на глупость ихватило...

– Дурак, – усмехнулась Настя. – Рот открывай. Ложка первая. За... за папу или за маму?

– За тебя, Насть, – бесстыже и искренно отозвался Денис.

И снова открыл рот, глядя на казачку влюблёнными глазами.

* * *

Копцев пришёл вечером. В комнате никого не было – Денис подумал, что, наверное, все уговорились, чтобы так было; Олег ушёл буквально за минуту до прихода Ингвара Анатолевича, и Володьку увёл.

– В общем, через час уезжаю в Верный, – деловито заявил Копцев, без приглашения садясь на кровать в ногах подвинувшегося Дениса, который смотрел на врача молча и смущённо. – В самолёт я больше ни ногой. Поеду неспешно, солидно, заодно эти края посмотрю...

– Вы ведь... всё это время... за свой счёт? – выдавил Денис. Копцев пожал широченными плечами:

– Юноша, какие счёты? Брось это слово и притопчи каблуком...

– Спасибо вам. Вы...

– И таких слов не говори, вернее – не подыскивай, если сами сразу не появляются, – необходимо прервал его Копцев. Денис кивнул послушно. Поправился:

– Я всё равно хотел поблагодарить. За Настю.

– На одну заметку, – Копцев махнул рукой. – А на меня как на волшебника смотрят... Даааа, дел тут ещё – непочатый край. Уважаю Валерку! Ты её береги, слышишь?

Денис улыбнулся. Кивнул. И спросил:

– Меня – тоже вы лечили?

– Немного, – Ингвар Анатолевич вдруг чуть свёл брови. – Ого. Ты помнишь это?!

– Я всё помню, – вздохнул Денис. Копцев уверенно сказал:

– Не может быть. Ты не помнишь, что... точнее – как с тобой делали.

Денис обнял колени, подтянутые к груди, руками под одеялом. Обмер. Подумал. Честно ответил:

– Не помню.

И расслабился – с невольной расползшейся по лицу улыбкой.

– И не вспомнишь, – кивнул Копцев. – И не захочешь вспоминать.

– Не захочу, – честно сказал Денис. И подумал, что правда не захочет. Но всё-таки спросил: – А... я... ну... что, я плохой совсем был?

Копцев провёл по шраму на своём лице, засмеялся.

– Я был старше тебя. И мне досталось намного меньше, поверь.

Он посидел ещё несколько секунд – казалось, думая о чём-то своём. А потом протянул Денису лопату руки и сказал спокойно:

– Держи, Третьяков. Я своим разбойникам расскажу, что знаком с одним парнем... и что горжусь этим знакомством.

Денис пожал твёрдую, мощную руку. И увидел, что в глазах Ингвара Анатолевича – спокойное восхищённое уважение.

Глава 16 Время мужчин

За неделю, остававшуюся до 21-го⁴¹ Денису пришлось больше трёхсот писем.

⁴¹ Праздник мужчин – 21 июня. Первый из «семейных» праздников. Посвящён мужчине – воину, властелину, защитнику и труженику. В этот день и в последующие два проводятся самые массовые спортивные

В основном (но не только) от пионеров – и скаутов со всех концов земного шара. И это явно ещё не все добрались.

Денис был горд. Открыто и, может быть, неподобающе. Пионер ведь обязан быть скромным. Это записано в правилах, и вообще. Но как тут быть скромным?! Как быть скромным, если из гренландского Кристиансхоба пишут, что он Знамя (у скаутов?! Интересно... быть скаутским знаменем он не пробовал...), а из Экваториальной Островной Республики сообщают, что его пример их там вдохновляет на дело борьбы за мир. Давно пора, кстати – делят они там что-то непонятное... но с чего они так его примером вдохновились? От девчонки из Южно-Аргентинских Конфедеративных Штатов (они ещё к англосаксам не присоединились?!)... Уууууууу... не поленилась сидеть над словарём... *«Пламенная страница истинной революции»* ещё можно пережить, но вопрос *«есть ли у тебя друг-девчока и как ты думаешь, можно ли просто дружить с девочкой?»* уже настораживает...

А ведь на всё это надо будет отвечать. Володьку припахать, что ли? Или извернуться и объявить всё это «отрядной корреспонденцией» – пусть библиотека, редакция и музей разбираются? Интересно, это будет превышением его полномочий или не будет?

Денис прислушался к доносящемуся с улицы маршу, вздохнул и открыл ещё одно письмо – с Аляски. Толстое, даже скорее бандероль. Марки – чёткие, но дорогие, всего в три цвета – с изображением северных животных, аж пять штук...

Внутри оказался листок бумаги и номер – майский – журнала «Страна танцующего хариуса». Журнал был малотиражный, двести номеров, скаутский из города Танана. Хорошо сделанный, кстати, завистливо подметил Денис. Нам бы такой... может, кинуть идейку? Так, а это что?

Письмо было написано по-русски, и довольно правильно, но ясно было, что пишет англосакс. Денис положил листок на журнал, распрямил, устроил поудобней.

Доброго времени суток, русский брат!

Этой зимой мы читали в журнале «Барабан», который выписывает наш отряд, о том, что пионеры организованного тобой отряда ищут человека по имени Алекс Шепелёв, который был писатель и пропал без вести в годы Безвременья. Мы вообще следим за новыми скаутскими и пионерскими отрядами. В нашем штабе есть огромная карта, и мы флажками отмечаем новые, а если их несколько в каком-то городе, то пишем на флажке цифру (уууу... ну ведь на поверхности лежит идея, простонал мысленно Денис). Нас больше с каждым днём, и даже там, где ещё гремят взрывы и бьются с бандами наши отцы и старшие братья, множится число наших отрядов (написано было очень выпендренно, но смеяться Денису не захотелось). Мы знаем и о том, как ты помог людям вашей славной Империи раздавить гнездо изуверов-сектантов и расправиться с детоторговцами, и мы думаем, что ваш Император просто обязан отметить тебя лично (ой... ой не надо... хорошо ещё – о последних событиях не знают, кажется – далеко Аляска...).

Но сейчас не об этом. Дело в том, что Алекс Шепелёв или Алекс Шэппел, как его называют у нас, никуда не пропал. Он был на Аляске (сейчас мы пробуем узнать, как он попал сюда перед войной и обязательно сообщим, когда будет результат) и сделал очень много для жителей наших мест. Именно им была основана Юконская Коммуна, председателем которой он был со 2-го года Безвременья по 10-й год Серых Войн, когда наш русский спаситель и основатель пал смертью храбрых в бою с бандами во время Восточного Потопа, когда бандиты хотели захватить земли нашей Коммуны. В то время мы ещё не имели связи с Фирдом, но отбились сами. К сожалению, это стоило нашим предкам больших потерь, в числе которых оказался и председатель, сражавшийся в первых рядах защитников Тананы.

В журнале ты найдёшь статью с фотографиями из музея и памятника Алексу Шепелёву. По первому запросу мы вышлем копии страниц его неизданных рукописей,

написанных на нашей Аляске. Напечатанные до войны книги мы уже выписали из Русской Империи и надеемся их получить и прочесть.

Ваша память + наша память = смерть забвению! Наша кровь течёт вместе по разным жилам, друг!

*С братским скаутским приветом от всего отряда и по его поручению –
иглскаут патруля «Погонщики туманов» Джерри «Дот» Раффлоуз.*

За Веру, Императора и Отечество!

Денис засмеялся. Если бы он не засмеялся, он бы, наверное, начал хлюпать – с тех пор, как его спасли из бандитского плена, у него с этим было что-то неладное. Мама сказала, что это пройдёт со временем, но пока нервы болтались, как варёные макароны. А так – засмеялся – и порядок.

Нет, уж на это письмо он ответ напишет сам! Но тут Денис увидел, сколько времени...

– Уййяаааа! – прошипел он. Успел подумать – про него что, забыли?! – пока ссыпался вниз по лестнице. Несколько писем остались лежать на столе. Денис даже оглянулся на них, но потом взбунтовался – да сколько можно?! Вечером! И только вечером! А сейчас – бегом!...

...Ну конечно. Перед уходом Ольга Ивановна заботливо отключила телефон...

...Чутьё не подвело, и, конечно, он никуда не опаздывал, хотя улица уже полностью пустовала. Даже на мачте струнника – последней из уже поднятых, сразу за восточной околицей – работ явно не велось. Но такая пустота всегда действует на нервы, так и кажется, что опоздал. Денис уже было побежал – но из-за угла появился Франц Ильич Шёнк.

Директор школы шагал, как всегда, неспешно и солидно – в белом костюме, лёгкой шляпе, размеренно отсчитывая шаги тростью – и весь его внешний вид ясней ясного говорил: никто никуда не опаздывает, раз я тут и не спешу. Дениса он приветствовал прикосновением к шляпе и своим обычным:

– Коллега...

– Добрый день, Франц Ильич, – Денис пристроился рядом. – Хороший сегодня день!

– Отличный. Вообще, должен заметить, за последний год количество таких дней резко увеличилось, – степенно ответил Шёнк. Денис подумал с удовольствием, что потом обязательно расскажет директору про письмо с Аляски. А сейчас – сейчас ему вдруг пришла в голову мысль, требовавшая немедленной озвучки...

– Франц Ильич, – Денис искоса посмотрел на мерно вышагивающего рядом старого учителя, – скажите мне вот что. Мне приходят письма. Я их читаю. И я... ну... я очень сильно горжусь. С собой. Я себе твержу, что это неправильно, но всё равно ничего не получается.

– А ты считаешь, что у тебя нет поводов для гордости? – Франц Ильич не изменил ни походки, ни взмахов трости. Денис задумался на миг, пожал плечами:

– Я... не знаю я. Правда. Если подумать спокойно... так нечем гордиться. Я постоянно делаю какие-то глупости, а совершенно посторонние люди меня выручают. И почему-то я после этого оказываюсь героем. Ура, ура, ура! А какой... ну какой я герой?! Мне бы подумать головой хоть раз – и всё можно было бы сделать намного лучше... что ни возьми...

– Я живу в этом посёлке долгие годы, – задумчиво произнес директор. Денис готовно кивнул и вспомнил обрадованно:

– А какую статью к вашему юбилею напечатали! Отличная статья! Балаганов... в общем, Александр Остапович...

– Денис, – Шёнк покачал головой укоризненно, – не перебивай... Так вот – я живу здесь очень долго. Я видел всё, что тут творилось. Я возмущался. **И я всегда думал головой**, – резко выделил он эти слова. – В результате понадобился ваш приезд, чтобы я перестал возмущаться и думать головой и снова занялся любимым делом. Есть такая штука, Денис, – она называется катализатор. Комочек этого вещества может быть крохотным. Но он запускает важнейшие реакции. Без него, например, сталь – просто руда. По крайней мере – именно так я помню школьный курс химии. А в жизни такими катализаторами бывают люди. Самые разные. Например, упрямый, агрессивный, самолюбивый, нетерпимый и безоглядно

честный и отважный мальчик по фамилии Третьяков. Который не возмущается и не думает. А просто сражается. Инстинктивно, если так можно сказать.

Денис опустил глаза. Сипловато произнес:

– Ну и вы тоже... я прямо какой-то у вас... и даже... вообще...

– Сколько бессвязных междометий, – осуждающе покачал головой Шёнк. – Мне кажется, с нового учебного года тебе надо подналечь на русский язык. А пока вот что, Денис. Ты никогда не думал занять моё место?

– В...ваше?! – Денис вытаращил глаза.

Франц Ильич улыбнулся:

– Не сейчас. Даже не завтра. Видимо, даже не в ближайшие годы. Но целенаправленно к этому готовиться можно начинать...

– Франц Ильич, – мягко, тихо и извиняющимся голосом перебил директора Денис. – Я... я всё понимаю. Я вам очень благодарен. Честное слово – очень благодарен. Но я давно решил, что буду, как мой папа. Вы простите меня.

Франц Ильич не стал скрывать огорчения. Но это было огорчение без обиды. Какое-то время он молчал, постукивая палкой, потом вздохнул и сказал:

– Жаль. Знаешь ли – очень жаль. Но я понимаю. И завидую твоему отцу. Да, знаешь ли, завидую ему.

– Денис! – окликнули мальчишку с другой стороны улицы. Он повернулся туда – быстро, весело. Махнул рукой. Извиняющимся взглядом посмотрел на Шёнка, тот улыбнулся и коснулся поля шляпы длинными узловатыми пальцами.

И Денис улыбнулся. Уже убегая через улицу...

...Здоровенный (километр в длину, триста метров в ширину) овал новейшего спорткомплекса вырос в степи к северу от посёлка этой весной, а закончили его строить, как раз пока Денис валялся дома. С трибун Денису замахали – сразу из многих мест. Но только в одном месте сигналил сидящий на плечах вставшего в рост отца Володька. И, отвечая взмахами и улыбкой всем сразу, Денис начал пробираться, конечно, именно на то место – рядом с теми, которые **самые** свои среди всех своих. Родные которые. Близкие. Кстати, рядом с Олегом сидела Танька Васюнина и держала парня под руку.

– Ольга Ивановна, – возмущённо начал Денис, бухнувшись на место, которое свирепо оберегал Володька, – я бы вас попро...

Его возмущение утонуло в торжественном пении горнов. Серебряной солнечной волной покатилося оно над трибунами, рождая отзвук за отзвуком... И ничего сердитого говорить уже – не хотелось...

...Кроме торжественной части и показательных выступлений казаков и полицейских (и ещё – недавно созданного отряда ополчения под командой Русанова) предполагался, конечно, пионерский военный бег – соревнования команд из пяти человек каждая с зачётом по последнему и подсчётом очков – с давних уже пор включал в себя следующее:

1. Бег (1 км).
2. Плавание (100 м).
3. Бег (500 м).
4. Стрельбы (пистолет – 15 м).
5. Переползание по-пластунски (100 м), в том числе – под тремя рядами колючей проволоки.
6. Метание трёх гранат – на дальность и точность.
7. Отработка сеанса связи с предварительной починкой радиостанции.
8. Взнуздывание и седловка коня и 3 км скачки с препятствиями.
9. Штурм 3 м стены разрушенного дома (подъём-спуск любым способом).
10. Метание ножей – 3 шт. на 5 м.
11. Переправа по 20-метровому разрушенному мосту.
12. Подъём-спуск по 40-метровому рукоходу.

— ...не надо! — испуганно поспешил Денис. Такого несчастья, как похожие на него

внуки, он Кенесбаеву искренне не желал.

Казах расхохотался и, выпустив плечи Дениса, начал взбираться по ступенькам – туда, где сидело поселковое руководство. «Старый он уже, – вдруг подумал Денис, глядя ему вслед. – Хороший... и старый.

А мы – мы молодые!..»

...Ромка ждал у коновязи на транспортном выходе из комплекса. Он держал в поводу серебристо-серого рослого коня. Похожего на убитого Серого, смерть которого Денис не мог себе простить. Кивнув Третьякову-младшему, казачонок перебросил ему повод.

– Не подведёт? – поинтересовался Денис, погладив конский храп (конь запрядал ушами, скосил лиловатые глаза на нового человека).

Ромка усмехнулся, сам не хуже коня снисходительно повёл на Дениса своими жутковатыми глазами. Денис кивнул, как будто услышал ответ. Да и услышал, в сущности. И спросил ещё:

– Роман, а почему ты мне помогаешь?

– А так, – осклабился казачонок и похлопал коня по шее. – Чего-й-то хочца, аж в жопе жжоцца... как дед мой говорит. Подсадить, ась? – и подмигнул.

– Пхы... – Денис взлетел в седло, укротил мгновенный рывок коня и выпрямился в седле. Ромка резко свистнул...

...Рассчитано всё было точно и чётко. Настя и ахнуть не успела – её, сидевшую в первом ряду, недалеко от выхода, Денис перехватил обеими руками и метнул перед собой на седло. Серый вздыбился под аханье и недоумённые восклицания людей рядом. Денис увидел – мгновенно нашёл взглядом – лица мамы и отца. Но тут же стало не до этого.

– Казаки! Чужой девку увозит! – заорал кто-то. По трибунам прошли волны, шум, ругань, хохот.

– Дениска, дурной... – шептала Настя, прижавшись спиной к его груди. Они уже пролетели выходом на улицу – шарахались изумлённые люди. – Дениска, ну ты...

– Молчи, – процедил Денис. Оглянувшись, шпоря коня каблуками. За ним уже – ого, ну и скорость! – выстраивался грохочущий, визжащий, гикающий хвост. От него более ничего не зависело – только от коня. Да и конь бы не помог, вздумай он тягаться с казаками на длинной дистанции.

Но до дому – недалеко...

...Они успели. Денис слетел с коня, сдёргивая на руки Настю, гикнул коню (тот помчался обратно через калитку, раскинул хвост, прыгнул – и вдруг встал у обочины и потянулся к траве по краю тротуара) и буквально зашвырнул девчонку (у неё колотилось сердце – бешено, весело, – она громко дышала, и дыхание её пахло парным молоком...) в коридор. А сам метнулся обратно – к двери.

Ага. Уже тут. Уже доскакали. Десять секунд форы – вот как это называется.

На улице стояли рёв и гик, ржание и конский фырк.

А на тропинке – посередине между калиткой и домом – стоял Презик.

Огромный. На расставленных для устойчивости мощных лапах. Опустив голову и вытянув шею с поднятой дыбом густой шерстью. Презик издавал Звук. Именно так – Звук. От которого становилось не по себе, если честно...

«Спасибо, пёс, – подумал Денис. – Ты настоящий друг, хотя... и не лучший, уж прости. Но это уже мои дела. Доделываем», – приказал он себе весело.

– Здраврррова, казаки-и! – И ладони Дениса бухнули в дверные косяки – в распор, он перегородил собой вход и улыбался. Широко, почти как Презик. – За каким таким делом?

– Девку верни! – Голос был остервенелый не в шутку. Возле калитки крутились не меньше двадцати казачат и взрослых казаков, впереди гарцевал Гришка – в полевой форме, даже в разгрузке, только без шлема, злющий, с горящими глазами, с вьющейся в руке нагайкой.

– О как? – поднял Денис бровь. – У вас взял, к себе привёз. Дом за мной – мой, что в моём дому, то моё. Ну, кто у меня моё забрать хочет?

– Знает, зараза! – Этот голос был весёлым. Кто-то захохотал. Потом ещё кто-то. Гришка свирепо плюнул на дорогу и, махнув рукой, крикнул:

– Настёна! Ну выйди, Настён!

Настя неспешно появилась из коридора, бесцеремонно отодвинула правую руку Дениса, спустилась ступенькой ниже, положила руку парня себе на плечо и прижала её обеими ладонями и щекой. И только после этого снизошла до ответа брату:

– Молчал бы уж... – после чего обвела насмешливым взглядом остальных. – Прохлопали девку, тетёхи! А ну пошли отсюда, нечего дороге топтать!

– А! – Гришка жикнул по воздуху нагайкой, потом погрозил ею Денису и засмеялся. – Я первый раз тебя увидел – первый! – сразу понял: жжжжжж ты, имперец! Жох! Хоть шестнадцать лет дождитесь!

– Нашим скажи – вечером буду дома! – крикнула ему Настя.

– Я её сам привезу! – поддержал Денис...

...Самое странное, что они поцеловались всего один раз – сразу за закрытой дверью. А потом как-то отшатнулись и просто поднялись в комнату мальчишек. Денис вдруг понял, что смущён. Кажется, и Настя...

– Ты... я ведь по правде, – наконец выдавил он, открывая окно и лопатками чувствуя её взгляд.

– Я знаю. Я подожду, – отозвалась Настя. – Я всю жизнь тебя буду ждать. Отовсюду. Ты ведь мужчина. Настоящий мужчина, Денис. И я тобой горжусь.

Денис не смел повернуться. Слова его оглушили. Как будто всё это было сказано не о нём, потому что он такого не заслужил. Конечно... Так и стоял лицом к окну. Потом зачем-то поворошил на столе письма. И вдруг увидел, откуда верхнее.

Это было письмо из Петрограда. От Войко.

Оно лежало на самом верху, и, если бы Денис чуточку задержался днём – он бы его уже прочёл.

Стыдно.

«А ведь я про них почти не вспоминаю, – печально и честно подумал Денис. – Я их почти забыл. Всех. Даже Войко».

Он распечатал конверт и достал из него второе сложенный лист сероватой почтовой бумаги...

Денис, здравствуй.

Тебя когда ждать?..

...Там дальше было написано ещё много. Но Денис не читал дальше. Он стоял у стола, держал в руках листок – обеими руками, словно тот был очень тяжёл, – и думал...

Когда его ждать? Когда его ждать в Петрограде? Там начинаются белые ночи, и разводной мост, на котором он познакомился с Войко, поднимается в прозрачное высокое небо. Там серая тяжёлая вода у набережных и магазинчик у развалин... а, наверное, уже не у развалин, наверное, они уже далеко отступили... Почему-то подумалось про снег – снег, которого он и не видел этой зимой и по которому... соскучился, что ли? Снег ассоциировался с Петроградом, хотя там сейчас тоже было – лето...

Его ждут в Петрограде ...

А у нас тут столько дел... мы ещё задумали большую военную игру – на пять дней и на три отряда... Да и вторая очередь лагеря на Балхаше подошла... и ребятам из отряда имени Андрея Колесникова тоже обещали наладить лагерь... а в Верный надо послать делегацию на августовский слёт пионеров Республики... и на латифундиях ещё не всё ладно... и потом, планеры же! Планерная станция, чертежи которой сделали Тимка Ланц и Олежка Марков! И ещё обещали приехать люди из «Семи Рек» – вроде бы даже начать снимать здесь художественный фильм про пионеров... Да и ещё он забыл, что...

... – Это от твоего друга из Петрограда?

Денис оглянулся на Настю. Она стояла рядом и смотрела понимающе. Денис кивнул.

– Тебе ехать надо?

Денис долго смотрел на неё, потом отвернулся и стал глядеть в окно. По улице к дому спешила целая толпа – шумная, весёлая, озабоченная. Пионеры из отряда... родители... и Франц Ильич, шустро выкидывающий вперёд свою трость... и Володька с Олегом, и градоначальник Полянцев с женой – Любовью Ильиничной, и Кенесбаев, и Макарычев, и все Балыевы, и Балаганов (с камерой), и... и... и...

– Насть, ты встреть их, пожалуйста, – попросил он. – Чтобы они не решили, что нас станичные растерзали. А я... а мне надо написать письмо. Сейчас. Чтобы отправить сегодня. Хорошо?

Она кивнула и вышла из комнаты, улынувшись через плечо на пороге.

Денис сел и придвинул к себе прибор и бумагу.

Войко его друг.

И он поймёт.

ФИНАЛЬНЫЙ ГОРН

Олег Медведев

Песня князя

(Песня мужа Княгини Рыжих)

**Был бы я князь как князь, если бы был богат,
Стал бы богатым, если бы был умен...
Только – «увы и ах» – вновь предо мной лежат
Скудные земли гордых и злых племён.**

**Снова в календаре месяцы отмечать,
Снова считать патроны и сухари...
Снова терять в пути княжескую печать,
«Браунинг» и ключи от твоей двери.**

**Бродит во тьме тоска, словно полночный тать,
Воет пурга, приборы сошли с ума...
Сяду-ка я к столу, стану тебе писать
Письма из тундры, долгие, как зима.**

**Грузит почтовый письма в мешки, лента течёт, тает
сургуч,
Метит почтамп черным клеймом марки далёких стран...
Я, засыпая, вижу тебя, войско в строю и лучик из туч,
И в этом луче – наш княжеский флаг, синий, как океан...**

**Мой одинокий горн всё не поёт зари,
Сутками к ряду, немощен и устал,
Он вспоминает марш –
Тот, что живёт внутри
Раковин белых с берега рыжих скал**

**Парусник на волне,
Пьяный распев бродяг,
Медное соло – «Каждый живой – на ют!»
Быть бы средь них и мне,
Мне бы услышать, как
Раковины затейливые поют...**

Скромный почтовый мул письма издалека
Тащит по небу, в блистерах рассвело...
Выше восточных гор в розовых облаках
Вязнет его перкалевое крыло...

В зыбком свечении фонарей
В зябкую предрассветную тишь,
Где у дороги старая ель и мшистые валуны,
Что-то заметишь ты – и скорей

Предугадаешь, чем разглядишь
Мой рыжий берет, мой мятый мундир,
Цвета морской волны...

Приложения

1. ОБЩАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПОСТЪЯДЕРНОЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВПЛОТЬ ДО СОБЫТИЙ РОМАНА

Третья мировая война – март 20... – январь 20... гг. Попытка выродившейся и полностью потерявшей представления о реальности ООН расчленить РФ на подмандатные территории и тем самым продлить за счёт её ресурсов агонию Земли ещё на 20—50 лет завершается глобальным ядерным конфликтом.

Безвременье – 7 лет (последние три года являются также начальными годами Серых Войн). Начало Безвременья характеризуется вызванной ядерной войной экологической катастрофой (т. н. «ядерная зима»), изменением климата, геологическими катаклизмами (катастрофические цунами, землетрясения, извержения вулканов, общее изменение очертаний поверхности планеты), а также пандемиями и полным распадом всех сторон привычного уклада жизни уцелевших 3–7% Человечества.

Серые Войны – 28 лет (начало накладывается на последние три года Безвременья) Войны, фактически за ресурсы, между бандами, сообществами и квазигосударственными образованиями самой разной направленности. Основными центрами притяжения здоровых сил выступают военные ордена «РА» и «Фирд», ставшие зародышами возникновения Русской и Англо-Саксонской Империй (в тот период больше похожих на довольно рыхлые конфедерации, объединённые пониманием того, что выжить и выстоять удастся лишь вместе). Подписывается Гритвикенская договорённость о совместных действиях Империй во всех областях для восстановления цивилизации. К концу С.В. удаётся полностью стабилизировать положение на большей части Европы, Северной Америки, Австралозеландии и бывшей России. Постепенно начинают «выпрямляться» климат и экология. В самом конце С.В. Человечество делает шаг в космос – как сакральную «заявку на будущее». В Оттаве подписан Протокол о Пределах Применения. Запрещение к применению научных разработок, способных нарушить традиционность человеческой морали и привести к принципиально неконтролируемым последствиям: полная виртуальность, клонирование человека, психотехнологии порабощения личности, донорство органов от носителя-человека, создание полноценной электронной жизни, а также многое другое, приведшее к гибели прежнюю цивилизацию.

Реконкиста – 54 года (*события данного романа происходят в 24—25 гг. Реконкисты*). Человечество одновременно начинает массированное освоение Солнечной Системы и решительное наступление на Африку, Азию и Южную Америку, где скопились остатки самых различных банд, преступники, каннибалы, вырождающиеся и полностью опустившиеся местные племена – и оформились несколько наркобандитских «государств». Уже осознанно, а не эмпирически, «запускаются» многочисленные экологические,

педагогические и евгенические программы. Успехи медицины накладываются на выработанный выжившими в ходе катаклизмов прошлого передающийся по наследству прочнейший комплексный иммунитет. Начинается масштабное реосвоение континентов. Идёт процесс прочной консолидации (в основном – добровольной) мелких государств вокруг двух центров – Русской и Англо-Саксонской Империй. Возникают многочисленные постоянные поселения людей на других планетах. Запускаются космические программы терраформирования. Делаются успешные экспериментальные шаги по созданию андроидов. *(О боевых действиях времён Реконкисты можно также прочесть в романе «Там, где мы служили».)*

2. ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОБЩИЕ ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ РУССКОЙ ИМПЕРИИ

В тексте романа упомянуты различные праздничные дни. В связи с тем, что их система резко отличается от принятой ныне и даже известной людям, выросшим в СССР, я считаю нужным поместить этот небольшой документ-пояснение.

1. Новый год – 31 декабря – 1 января

Ну, с Новым годом, думаю, всё ясно.

2. Праздник дома – 14 февраля

Этот день посвящён Русскому Дому – обители и колыбели народа. Везде с особыми обрядами зажигают живой огонь.

3. День единства нации – 17 марта

В этот день на десятом году Безвременья был установлен контакт между Советом РА в Великом Новгороде и Казачьим Кругом в Предкавказье. Тем самым – заложено начало нового объединения.

4. День космонавтики – 12 апреля

В этот день 1961 года, впервые в истории человечества, советский космонавт Юрий Алексеевич Гагарин совершил полет в космос на космическом корабле «Восток».

5. День Сева – 20 апреля

Символический день пробуждения земли.

6. День труда – 1 мая

В этот день проходят торжественные мероприятия, посвящённые тому, что делает человека человеком – труду и его людям.

7. Праздник памяти предков – 8 мая

Один из двух праздников, посвящённых памяти предков. В этот день вспоминают тех, кто мирным трудом закладывал основы могущества нации и страны.

8. День Поминовения – 27 мая

В этот день 20... года группа офицеров Российской Армии в ответ на согласие гражданского правительства на ввод в страну «войск ООН» захватила пусковые установки ядерных ракет и нанесла удар по территориям противника, что послужило началом Третьей мировой войны и инспирировало все дальнейшие глобальные события.

9. День Защитников русского моря – 4 июня

В этот день 20... года российский Черноморский Флот отказался подчиниться приказу «командования коалиционных сил» о сдаче и, выйдя в море, принял последний бой на траверзе Севастополя, сорвав высадку десантов противника в Крыму и на Кубани.

10. Праздник мужчин – 21 июня

Первый из «семейных» праздников. Посвящён мужчине – воину, властелину, защитнику и труженику. В этот день и в последующие два проводятся самые массовые спортивные состязания.

11. Праздник девочек – 22 июня

Второй из «семейных» праздников. Посвящён девочке – символу сохранения будущего. В этот день принимают в пионеры девочек.

12. Иван Купала – ночь с 22 на 23 июня

Древний сакральный праздник лета.

13. Праздник женщин – 23 июня

Третий из «семейных» праздников. Посвящён женщине – хранительнице, хозяйке, продолжательнице рода, символу прекрасного.

14. Праздник воинов – 20 июля

День общей славы русского оружия. К этому дню приурочены выпуски в военных учебных заведениях и Большой Парад.

15. День Защитников русского неба – 17 августа

В этот день 20... года несколько десятков русских истребителей отчаянной атакой предотвратили коварную бомбардировку Санкт-Петербурга многосотенной воздушной армией Североатлантического Альянса. Почти все пилоты погибли.

16. День Жатвы – 25 августа

Символический день начала уборки урожая.

17. День Знаний – 1 сентября

В этот день во всех учебных заведениях начинаются занятия. Но это не только «школьный» праздник – даже не столько. Это праздник Знания – оружия, которое подняло человека над остальным миром.

18. Праздник мальчиков – 14 сентября

Четвёртый из «семейных» праздников. Посвящён мальчику – символу развития будущего. В этот день принимают в пионеры мальчиков и проводят массовые спортивные состязания. Помимо прочего устраиваются дворянами Большие Осенние Турниры.

19. День Солнца – 22 сентября

В этот день на исходе пятого года Безвременья впервые ненадолго проглянуло Солнце.

20. Праздник памяти предков – 8 ноября

Один из двух праздников, посвящённых памяти предков. В этот день под лозунгом «Так мы будем чтить наших павших!» вспоминают тех, кто отдал жизнь за Родину.

21. Корочун – ночь с 22 на 23 декабря

Древний сакральный праздник зимы.

22. День рождения Его Императорского Величества

«Плавающий» по датам праздник.

Большинство праздников связано с ношением национальной одежды, пением народных песен, массовыми гуляньями, состязаниями, представлениями, обрядами (в том числе в некоторых случаях и тайными) вообще большими торжествами. Их атмосферу (с поправкой на время и возможности) – то сумрачно-грозную и воинственную, то искренне-радостную, светлую – лучше всего передадут старые хроники. Помимо этих праздников существует, конечно, немало более «узких», не являющихся общегосударственными и выходными днями.

Примерно такая же система праздников существует и в Англо-Саксонской Империи.